

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

**Материалы III Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции**

(г. Пермь, 21 апреля 2015 г.)



Пермь 2015

УДК 80

ББК 80

Ф 54

Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи:
Ф 54 материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф.,
(г. Пермь, 21 апреля 2015 г.) / отв. ред. И.И. Русинова;
Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2015. – 325 с.

ISBN 978-5-7944-2559-8

В сборнике представлены материалы III Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», прошедшей на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

УДК 80

ББК 80

*Печатается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензент: кафедра общего языкознания
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Редакционная коллегия: В.В. Абашев, Е.А. Баженова, Е.В. Ерофеева,
Б.В. Кондаков, И.И. Русинова

Ответственный редактор: И.И. Русинова

ISBN 978-5-7944-2559-8

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2015

© Писорогло Л.Г., оформление, 2015

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы III Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции

(г. Пермь, 21 апреля 2015 г.)

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *И.И. Русиновой*
Иллюстрация на обложке *Л.Г. Писорогло*

Подписано в печать 23.07.2015. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 18,89. Тираж 200 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. А.И. Букирева, 15

СОДЕРЖАНИЕ

Социо- и психолингвистические аспекты функционирования языка

<i>Абрамян С.А.</i>	Культурные коды и символы в контексте межкультурной коммуникации.....	8
<i>Данилевская Н.В., Нин Вань</i>	Коммуникативно-прагматическая характеристика слоганов автомобильной рекламы.....	14
<i>Котюрова М.П.</i>	Неудачный заголовок – причина не востребоваемости научной публикации	22
<i>Крысенко А.А.</i>	СМС-сообщения как источник пополнения арготической лексики (на материале французского и английского языков).....	28
<i>Ланских А.А.</i>	Молодежный жаргон в пространстве русской речи.....	34
<i>Логунова Н.В., Мазитова Л.Л.</i>	Прагматика и аксиология эпистолярного общения священнослужителей.....	40
<i>Михайлов С.С.</i>	«... самый носатый, самый коричневый ассириец» у Ильфа и Петрова: кто был прототипом.....	46
<i>Чжу Шаохуа, Кондаков Б.В.</i>	Китайские элементы в русских арго и жаргонах...	52
<i>Ширинкина М.А.</i>	Модели писем-ответов на обращения граждан в органы власти.....	58

Словарь, грамматика, текст. Методика преподавания языков

<i>Ильина О.В., Белинская Н.Э.</i>	Межсемиотический перевод в балетной критике.....	64
<i>Кыркунова Л.Г.</i>	Документная лингвистика: методические аспекты работы со взрослой аудиторией.....	69

Медведева Н.В., Фоминых Л.С.	Обобщение на уроках русского языка как способ реализации системно-деятельностного подхода в обучении.....	75
Овсянникова С.Е., Ширинкина М.А.	Проблемы ономастики в вузовском курсе «Русский язык и риторика».....	81
Павлова Д.С.	Влияние социальных параметров говорящих на семантическую структуру устного текста.....	87
Рябухина Е.Н.	Интерпретация понятия «языковая личность» в методике обучения русскому языку как родному.....	93
Соловьева Н.В.	Полевая структура научных жанров.....	99
Цюй Хойцзюнь	Концепт <i>судьба</i> по данным русских словарей.....	105
Чиркова Т.А.	Метапредметный подход в обучении русскому языку.....	109

Современное коммуникативное пространство

Каблуков Е.В.	Формирование культа личности Владимира Путина в современном российском медиадискурсе.....	115
Козлова О.А.	Особенности региональной сетевой медиасферы.....	121
Кошкарова Н.Н.	Ретропрогноз как жанр политической коммуникации.....	126
Крижановская Е.М.	Интервью с политическим лидером: специфика жанра и мастерство журналиста (по материалам телепрограммы «Вести в субботу с Сергеем Брилевым»).....	129
Куличкина Г.В.	Свобода слова в региональной печати в условиях политических выборов (на примере пермской печати 1990-х годов).....	135

<i>Медведева Е.А.</i>	Дискурсивный анализ современных электронных газет.....	141
<i>Мехонина Е.Н.</i>	Комментарии политического сектора Рунета как воплощение массовых настроений.....	147
<i>Назарова Т.В.</i>	Комментарий как жанр социальной журналистики.....	152
<i>Пономарев Н.Ф.</i>	Политический сторителлинг и социальная рекреатизация.....	158
<i>Пустовалов А.В.</i>	Гипертекст филологов Пермского университета: к проблеме репрезентации.....	164
<i>Смирнова Е.А.</i>	Репрезентация информации о политическом объединении в региональных СМИ (на примере «Единой России»).....	172
<i>Тарарухина Е.С.</i>	Речевые признаки религиозного экстремизма.....	178
<i>Яруллин Д.В.</i>	Рекламный фрейм: некоторые закономерности его формирования и актуализации.....	184

Духовное наследие Пермского края в языке и фольклоре

<i>Бакланова И.И.</i>	Сравнение как один из способов описания трудовой деятельности (на примере диалектной и художественной речи).....	190
<i>Боброва М.В., Нечаева Л.С.</i>	Репрезентация семантической группы «Животные» в диалектной лексике тематической группы «Болезнь» и современных прозвищах Пермского края.....	196
<i>Гранова М.А.</i>	Лексическая база данных «Человек со сверхъестественными свойствами» (по материалам мифологических рассказов Пермского края и Архангельской области).....	207
<i>Зверева Ю.В.</i>	Кулинарные вкусовые образы в характеристике человека (на материале пермских говоров).....	212

<i>Лобанова А.С.</i>	«Одежный» код в коми-пермяцких фразеологизмах	218
<i>Пантелеева Л.М.</i>	Предметная лексика мещанского быта в соликамских рукописях.....	224
<i>Подюков И.А.</i>	Культурная семантика русской диалектной и коми-пермяцкой фразеологии с акватическими образами.....	230
<i>Свалова Е.Н.</i>	Фразеологические оценки семейно-брачных отношений в русской народной речи Прикамья и коми-пермяцком языке.....	236
<i>Томилина М.А.</i>	Культурная семантика фразеологизмов коми-пермяцкого языка с компонентами-названиями природных стихий	242
<i>Четина Е.М., Колегова О.А.</i>	Усть-Пышья: место памяти.....	248
Литература и культура		
<i>Антипина З.С.</i>	Путешествующий герой Василия Каменского.....	254
<i>Беломестнова А.С., Осипова И.В.</i>	Наивная литература в культуре современной сельской семьи (творчество П.М. Иванова).....	259
<i>Возняк А.С.</i>	Опыт исследования восприятия и интерпретации поэтического текста.....	265
<i>Гурова Е.П.</i>	Мотив «власти земли» в очерках Г.И.Успенского 60 – 70-х годов XIX века.....	270
<i>Клюйкова Е.А.</i>	Мотивы устных семейных рассказов в «наивной» автобиографии	276
<i>Князева Е.А.</i>	Биографический дискурс в «наивной» поэзии Екатерины Зверевой.....	282
<i>Курочкина М.В., Лифшиц Е.А.</i>	Жанр «наивного» некролога: семья в сфере публичности.....	288

<i>Масальцева Т.Н.</i>	Литературные публикации пермских газет в 1920-е годы	294
<i>Моисеева А.А.</i>	Формирование текста «Одесской Хатыни» в русскоязычной поэзии 2014–2015 годов.....	300
<i>Расторгуева М.Ю.</i>	Образ России в поэзии А. Ладинского	308
<i>Чернышова Т.Л.</i>	Особенности художественного времени и пространства в прозе А.В. Геласимова.....	314
<i>Чичкина М.В.</i>	Визуальный источник новеллистического замысла и его трансформация в новелле Г.Флобера «Легенда о святом Юлиане Странноприимце».....	319

СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'23+81'27

Абрамян Самвел Абрамович
декан факультета романо-германской филологии,
доцент кафедры английской филологии
Ереванский государственный университет
samvel_abrahamyan@yahoo.com

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И СИМВОЛЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена культурным кодам и символам в контексте межкультурной коммуникации. Незнание или неуважение символики данной культуры может привести к серьезным коммуникационным трудностям и неудачам.

Ключевые слова: культурный код; культурный символ; коннотация; культурная грамотность; межкультурная коммуникация.

Культура в силу своего многогранного характера может быть представлена самыми разными способами – и как текст, и как коммуникация, и как система ценностей, и т.д. Она может быть представлена и как совокупность различных культурных кодов. Культурные коды – это системы знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов [Гудков, Ковшова 2007: 28].

Исследователи выделяют несколько базовых видов культурных кодов, в том числе вербальный, реальный и акциональный коды культуры, а также соматический, зооморфный, природно-ландшафтный, пространственный, временной, предметный, духовный, а так же речеповеденческий / коммуникативный коды [Гудков, Ковшова 2007; Красных 2002; Иванова 2004]. Язык, являясь одним из универсальных кодов культуры, участвует в семиотическом обмене и интерпретации других культурных кодов. Как отмечает В.Н. Телия, соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом и составляет суть лингвокультурологического анализа [Телия 1996: 219].

Национально-культурная специфика коммуникативно-речевых процессов непосредственно связана с проблемой культурного кода, носителем которого является языковая личность. Как отмечает Д.Б. Гудков, «те или иные объекты окружающего нас мира (как природ-

ные, так и артефакты), помимо выполнения своих прямых функций, обретают еще и функцию знаковую, оказываются способными нести некие добавочные значения. Имена, называющие подобные объекты, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые мы называем кодами (соматическим, зооморфным, природно-ландшафтным и др.) национальной культуры» [Гудков, 2004: 39; Красных 2002: 232].

В случаях, когда единицы культурного кода выступают именно как символы, отмечает Д.Б. Гудков, «мы имеем дело с особым типом коннотативного значения», именуемом символическим, при котором «наименование конкретного предмета выступает в качестве означающего для абстрактного значения».

Некоторые авторы считают, что раскрытие значения символов происходит в форме их денотации и коннотации. При этом под денотацией понимается «значение символа, признаваемое большинством людей в данной культуре», а под коннотацией – «вторичные ассоциации, разделяемые лишь несколькими членами данного сообщества. В силу этого они всегда субъективны и эмоциональны по своей природе» [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2003: 111].

Между тем, как отмечает Д.Б. Гудков, символическое, неязыковое значение составляющих культурного кода является коннотативным, в отличие от языкового значения, которое является денотативным.

Коннотации выражают эмоциональные или оценочные оттенки слова или высказывания и отображают культурные традиции общества. Иными словами, коннотации являются разновидностью прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определенное отношение к ним. В разных языках коннотации одного слова могут быть одинаковыми, например, в английском, русском и армянском языках лиса имеет коннотации «хитрый», «коварный» (рус.: коварный лис; англ.: as sly as a fox; cunning fox (cunning = clever in the sense of trickery); perfidious fox – о человеке; ср. perfidious Albion). Но коннотации могут быть и разными, например, коннотацией слова «слон» в армянском и английском языке является «сила» (As strong as an elephant). В русском языке с силой ассоциируется скорее бык или медведь («сильный как бык», «здоровый как бык», «сильный как медведь», ср англ.: strong as a horse, as strong as an ox). В русском языке коннотацией слова «слон» является – «неуклюжесть», например, в выражении «слон в посудной лавке». Английское выражение «white elephant» имеет коннотативное значение обременительного имущества, обузы, которое отсутствует в русском и армянском языках, что не может не отразиться на смысловом

восприятию данного выражения в его русском или армянском переводе (например в рассказе Э. Хемингуэя «Белые слоны»).

Необходимо разграничивать коннотации и символы. Символическое значение представляет собой особый тип коннотативного значения. Особенность коннотативного значения символа заключается в том, что в отличие от обычной коннотации, где коннотативное значение является лишь дополнением к главному, денотативному значению слова, «коннотативное значение символа является основным, в отличие от его денотативного значения» [Nöth 1995: 118]. Это относит символическое значение к форме не прямой коммуникации, так как символическое значение является в первую очередь, коннотативным и лишь затем денотативным (там же: 118–119). Это, как отмечает Винфред Нот, в определенной мере сближает символ с метафорой и другими тропами, разница между ними заключается в том, что при осмыслении метафоры ее буквальный смысл должен быть откинут и заменен фигуральным, символ же сохраняет свое первоначальное значение, но приобретает также и коннотативное значение, которое становится основным (там же).

Символ от своего первоначального значения как формы опознания развился в форму выражения идентичности. Символ в культуре – универсальная категория, с помощью которой люди могут выразить и передать свое внутреннее состояние. Символ может на архетипическом уровне вызывать из сферы бессознательного разные, порой даже забытые чувства и переживания.

Символ может иметь не одно, а несколько значений. Например, гора Арарат является символом спасения, новой жизни, а также символом Армении и армянской нации. Одно и то же событие может со временем выражаться новыми дополнительными символами. Например, 50 лет главным символом, связанным с геноцидом армян 1915 года, был Цицернакаберд – мемориальный комплекс в Ереване, расположенный на одноименном холме. Однако в числе мероприятий, посвящённых 100-летию геноцида армян, был разработан новый символ в виде незабудки, который, в том числе благодаря своей лексической коннотации, сразу же был принят армянами во всем мире в качестве символа памяти жертв геноцида армян 1915 года. Причем символ «Незабудка» был выбран не в последнюю очередь именно для того, чтобы этот образ был понятен для всех людей во всем мире.

Наиболее глубокий и культурно значимый символический смысл заключён в сфере сакрального, представленной в текстах религиозной направленности. Мать во многих мировых культурах является символом жизни, святости, вечности, тепла и любви. Образ матери имеет целый ряд символических значений, в том числе Матери-Земли, Матери-

Природы. В англо-саксонской мифологии богиня Eostre, от имени которой происходит английское слово Easter (пасха), ассоциировалась с весной (ее праздник, согласно Беде Досточтимому, отмечался в день весеннего равноденствия). Богоматерь (также Мадонна, Богородица, Дева Мария) в христианской религии – мать Иисуса Христа, одна из наиболее почитаемых фигур, в особенности в католицизме, православии, Армянской Апостольской Церкви, являет собой ещё одно символическое значение образа матери.

У многих народов нация метафорично определяется в терминах семьи, например, «Мать-Россия», «Мать-Армения», „the Fatherland” (в английском больше ассоциируется с Германией, нем. „Vaterland”; в рус. Отечество, Отчизна; в арм. „Айреник” – Отечество, Отчизна). В английском языке слово Homeland («Родина») имеет в своей основе слово “home” (дом), которое также семантически связано с семьей. У американцев имеются такие понятия, как „Founding Fathers” («Отцы-основатели»), „Daughters of the American Revolution” («Дочери американской революции»), Uncle Sam (Дядюшка Сэм /Дядя Сэм). Как отмечает Дж. Лакофф, метафора “the nation as family” («нация как семья») структурирует все мировоззрение, организует всю систему фреймовых структур в сознании. [Lakoff 2006]

Конь/лошадь являются важными символами в англо-саксонской мифологии, что находит отражение в английском языке, имеющем большое количество фразеологизмов с составляющим компонентом ‚horse’ и другими семантически связанными с ним единицами. Возможно, это связано с реалиями хозяйственной жизни на Британских островах, где лошадь выполняла, помимо военных, важные экономические функции. Симптоматично, что имена легендарных вождей англо-саксонского вторжения в Британию Хенгеста и Хорсы /Hengest and Horsa/ означают соответственно „жеребец” /ср. нем. Hengst/ и конь/лошадь /англ. "horse"/. Сами же вожди англо-саксов Хенгест и Хорса имеют в англо-саксонской мифологии божественный статус и считаются потомками верховного бога англо-саксов Одина /Woden/, от имени которого и происходит название дня недели Wednesday.

В языке, в том числе в тропах, фразеологических единицах, идиомах, поговорках и т.д., могут содержаться не только упоминания о конкретных исторических событиях и лицах, но и их общая оценка, отношение к ним данного лингвокультурного сообщества. Например, в метафоре “False as Fortager” (лживый / вероломный как Фортагер) дается соответствующая оценка кельтскому вождю Фортагеру (середина V века), нарушившему обязательство по защите страны от чужеземцев после ухода римлян из Британии, пригласившему англо-саксонских вождей

Хенгеста и Хорсу для ведения совместной борьбы против своих же соотечественников – соседних кельтских вождей и положившему. таким образом, начало англо-саксонского вторжения в Британию [Wilkinson 2008: 200].

Вслед за Д.Б. Гудковым мы согласны с В.Н. Телия, которая говорит о необходимости «разграничивать функцию реалии и символическую функцию имени языкового знака» [Телия 1996: 243]. Ведь «в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую; словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно замещает некоторую идею» [Телия 1996: 243]. Именно это символическое значение слова или словосочетания представляет наибольшую трудность в контексте межкультурного общения. Например, в американской метафоре “Your liberty ends where my nose begins” такая единица соматического кода, как нос (nose) – часть тела, не является сам по себе знаком пространственной близости. Этим значением обладает имя нос, т.е. слово, а отнюдь не его референт.

Как отмечает Д.Б. Гудков, имена, принадлежащие к разным кодам культуры, «обладают, помимо общезыкового, еще и особым символическим значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка. «Классические» толковые словари, как правило, не описывают эти значения, игнорируя их, что делает необходимым и актуальным введение подобных описаний в лексикографическую практику» [Гудков, 2004: 49].

Символические значения слова в основном несут национально-специфическую нагрузку. Например, с точки зрения оценочной коннотации этнокультурный концепт медведя в английском, русском и армянском языках имеет скорее отрицательные, чем положительные характеристики (англ.: „play the bear” – грубо держать себя, „cross / sulky as a bear” – не на шутку рассерженный, зол как черт; ср. рус. и арм.: «медвежья услуга»), однако символическое значение этого образа для русской этнокультуры придает ему дополнительные положительные черты, созвучные характеру русского человека.

Как отмечает создатель теории культурной грамотности американский культуролог Э. Хирш, все культуры используют символы, в том числе для обеспечения культурной преемственности поколений, и их знание необходимо для эффективности межкультурного общения [Hirsch et.al. 2002: 446]. Поскольку процесс общения в широком смысле

можно рассматривать как обмен символами, с помощью которых происходит передача нужной информации, незнание или неуважение символики данной культуры может привести к серьезным коммуникационным трудностям и неудачам.

Библиографический список

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. . Вып. 26. С. 39–50.

Иванова С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Учебное пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 152 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 283 с.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Hirsch E.D., Jr., Kett J.F., Trefil J. The Dictionary of Cultural Literacy. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2002.

Lakoff G. Thinking Points: Communicating Our American Values and Vision. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2006.

Nöth, Winfried. Handbook of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1995.

Wilkinson P. R. The Concise Thesaurus of Traditional English Metaphors. London, New York: Routledge, 2008.

S.A. Abrahamyan

Dean of the Faculty of Romance and Germanic Philology

Associate Professor of English Philology Department

Yerevan State University

CULTURAL CODES AND SYMBOLS IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The article is devoted to cultural codes and symbols in the context of cross-cultural communication. The lack of knowledge and respect for the symbols of a given culture can result in communicative difficulties and failures.

Key words: cultural code; cultural symbol; connotation; cultural literacy; cross-cultural communication.

Данилевская Наталия Васильевна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
danil6@mail.ru

Вань Нин
ассистент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
wanning2004@mail.ru

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОГАНОВ АВТОМОБИЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические особенности слоганов, функционирующих в рекламных текстах автомобильной тематики. Утверждается, что в основе создания слогана лежит когнитивный механизм «речевая стратегия – речевая тактика – речевое действие». Основные речевые стратегии автомобильной рекламы (интенсификации, искажения истины и редуционизма) предопределяют наличие здесь таких речевых тактик, как репрезентатив (или декларатив), директив (или прескрипция), интеррогатив, комиссив, экспрессив. Приводятся примеры автомобильных слоганов и описываются особенности их языкового выражения (типичных речевых действий).

Ключевые слова: когнитивный механизм, слоган, речевая стратегия, речевая тактика, речевое действие.

В основе языковой деятельности, по мнению О.С.Иссерс, лежит когнитивный механизм, представляющий собой единство трёх взаимосвязанных компонентов творческой деятельности: «речевая стратегия – речевая тактика – речевое действие».

В рамках рекламной деятельности и, в частности, применительно к процессу создания рекламного слогана *речевая стратегия* – это самый общий принцип речевого поведения рекламиста; это поведение реализуется через авторский выбор «как об этом сказать»: обмануть, сказать полуправду, сказать всё как есть (правду), запутать (увести в сторону), усложнить, преувеличить, приуменьшить, обойтись общими фразами или обратиться к личности собеседника и т.п. Та или иная речевая стратегия формирует глубинный уровень содержания слогана.

Актуальными для автомобильных слоганов являются такие коммуникативные стратегии, как *стратегия интенсификации*, *стратегия искажения истины*, *стратегия редуционизма*. При этом наиболее частотной в автомобильном дискурсе оказывается стратегия редуционизма, наименее частотной – стратегия искажения истины, стратегия же интенсификации по частотности употребления в качестве строевой коммуникативно-прагматической модели занимает промежуточное место.

Речевая стратегия слогана выражается посредством определённого набора актуальных для автомобильного дискурса речевых тактик.

Речевая тактика – это выбранный говорящим определённый коммуникативно-прагматический ход, тип речевого поведения, реализующийся в типе высказывания – вопросе, вопросо-ответном комплексе, просьбе, побуждении, категоричном утверждении, предложении, восклицании, умалчивании, акцентуации и т.п.

При анализе коммуникативно-прагматического плана автомобильных слоганов мы опираемся на описанные Дж.Серлем классы речевых актов, выделенные учёным из всего разнообразия речевой практики: репрезентативы, директивы (прескрипции), комиссивы, экспрессивы, декларативы (ЛЭС 1990: 412–413). Наиболее типичными для автомобильных слоганов являются такие речевые тактики, как *репрезентативная*, *комиссивная* и *директивная*. В соответствии с этими тактиками в автомобильных текстах функционируют такие слоганы, как *слоган-репрезентатив* (и его разновидности – *аксиома*, *квалитатив*), *слоган-комиссив*, *слоган-директив* (и его разновидность – *интеррогатив*); *экспрессивная же тактика* является универсальной, потому что выступает в качестве дополнительной: может сопутствовать любой из тактик, накладываясь на основную тактику слогана, усиливая её значение.

Вопреки имеющемуся в слоганистике мнению о принципиальной однофокусности слогана (Киселёв 2002, Белоусова 2006), автомобильный слоган – чаще всего полифокусное высказывание, объединяющее в себе две-три (реже – четыре) речевые тактики.

Всякая речевая тактика реализуется как некоторая сумма тех конкретных речевых действий, с помощью которых вербализуется стратегия воздействия в рекламе.

Речевое действие – это конкретный языковой или речевой приём (инструмент), конкретные языковые или речевые единицы, выбранные автором слогана для наилучшего (с точки зрения автора) выражения запланированной речевой тактики. При этом набор речевых действий, с помощью которых выражаются автомобильные слоганы, весьма разнообразен и включает в себя специфические для этого типа высказываний языковые и речевые средства и формы, среди которых лексические, фра-

зеологические, синтаксические единицы, а также средства речевой выразительности и языковая игра. Благодаря богатству языкового и речевого выражения слоган предстаёт одновременно и как ёмкая содержательная мысль, и как яркая, выразительная языковая структура.

Рассмотрим, каким образом реализуется когнитивный механизм «речевая стратегия – речевая тактика – речевое действие» в слоганах автомобильной рекламы.

1. **Слоганы-комиссивы.** Автор речи что-либо обещает адресату или принимает на себя определённые обязательства. Основные признаки:

- а) номинация преимуществ предмета (его выгодных свойств);
- б) использование глаголов будущего времени, настоящего времени в значении будущего, глаголов совершенного вида, комплексов «модальный глагол + инфинитив» также с общим значением совершенного вида. Эти средства способствуют созданию в слогане общего смысла ‘именно это случится, если вы купите данный автомобиль’;
- в) обязательная апелляция к объекту, на который направлено действие, т.е. обозначение адресата рекламного текста.

Примеры: *Роскошь, которую вы можете себе позволить; Теперь вы можете обогнать любые модные тенденции; Все взгляды будут ваши; С Авео не соскучишься; Вас ждут перемены; Вы ещё не вышли из автомобиля – а все взгляды уже обращены на вас; Пока вы смотрите на погоду, все смотрят на вас* и др.

Среди 650 (100 %) проанализированных слоганов было выявлено 218 слоганов-комиссивов (30,0 %).

2. **Слоганы-директивы.** Автор речи побуждает реципиента к какому-либо действию. Основные признаки:

- а) побуждение к действию выражается с помощью глаголов повелительного наклонения, а также глаголов в неопределённой форме, которые фиксируют стремление говорящего заставить реципиента совершить нужное для заказчика рекламы действие;
- б) при отсутствии глагола повелительность выражается с помощью директивной интонации;
- в) наличие модальности уверенности, категоричности.

Примеры: *Узнайте, что значит внимание целого города; Почувствуй драйв!; Стоит только захотеть!; Не ждите понедельника, чтобы начать новую жизнь; Привыкайте смотреть на мир свысока; Пусть вами любуются едущие сзади; Почувствуй остроту многогранности!; Испытайте всё, что может предложить Genesis* и под.

Всего нами было выявлено 145 слоганов данной разновидности, что составляет 20,0 % от общего числа проанализированных единиц. В

это количество слоганов-директивов, как разновидность директивной речевой тактики, входят и слоганы-интеррогативы.

3. Слоганы-интеррогативы. Слоганы, оформленные в виде побудительных вопросов, т.е. вопросов, обращённых непосредственно к чувствам покупателя и одновременно к его воле. Например: *Какую машину ты видишь во сне?; Может, это любовь?; Разве что-то способно тебя остановить?* и др.

Иногда слоганы-интеррогативы оформляются в виде вопросо-ответных комплексов: *Кто сказал, что обыденность – это норма? Начните с чистого листа; Русская гончая или гоночный велосипед? Возьмите с собой и то и другое* и т.д. Здесь вопрос всегда – риторический, а вопросительное по форме высказывание всегда выступает в качестве завуалированного побуждения, ср.: *Когда, как не сейчас?; Стоит ли платить водителю за удовольствие от вождения?* и др.

Интеррогативные слоганы не очень частотны по сравнению с другими разновидностями: мы выявили всего 38 таких слоганов, что составляет от общего числа проанализированных единиц – 5,2 %.

4. Слоганы-репрезентативы. Такие слоганы фиксируют ответственность говорящего за некоторое положение дел. Основные признаки:

а) номинация рекламируемого товара и/или его превосходных отличительных качеств;

б) использование глаголов настоящего времени как представление превосходных отличительных качеств;

в) утверждение превосходных отличительных качеств товара как объективного положения дел.

Примеры: *Отражение совершенства; Автомобиль с твоим характером; Подчёркивает ваши возможности; Вмещает самые большие ожидания; Развивает чувство прекрасного; Подчиняется вам и под.*

По нашим наблюдениям, среди автомобильных слоганов репрезентативная группа самая распространённая: из 727 (100 %) проанализированных автомобильных слоганов 290 единиц (40,0 %) – это слоганы-репрезентативы. Очевидно, их наибольшая востребованность в автомобильной рекламе связана со способностью схватывать в единое целое преимущества товара и безапелляционность самого высказывания – именно то, что и требуется в таких текстах.

В этой группе слоганов выделяются две подгруппы – **аксиомы** и **квалитативы**.

В слоганах-аксиомах те или иные качества автомобиля отражаются как неоспоримые, не подлежащие сомнению, как нечто всем известное. Аксиома констатирует то, что представляется раз и навсегда данным, безальтернативным: *Роскошь никогда не бывает лишней!; Город поко-*

рился ему однажды. Но он ожидает новых побед; Ничто сверхчеловеческое ему не чуждо; В конце концов, жизнь для того, чтобы ею наслаждаться!; Создан людьми, для людей и подобен им и др. Вполне закономерно, что в таких слоганах частотны глаголы настоящего времени, ср.: **Определяет** облик города; **Развивает** чувство прекрасного; **Вмещает** самые большие ожидания и др.

Слоганы-квалитативы отличаются от слоганов-аксиом тем, что, кроме безапелляционности выражения, в них – часто в подтексте – обозначаются те или иные качественные характеристики автомобиля. Эти качественные характеристики как бы проступают сквозь фиксируемые в слогане категоричные высказывания, содержание слогана как бы намекает на эти качества. Например: *Воплощение стиля и мощи* (утверждаются такие качества автомобиля, как хорошее внешнее оформление и мощность двигателя); *Полный прívод ощущений* (качество автомобиля – полный прívод); *Свобода от барьеров* (качества – мощный двигатель, высокая скорость); *Игра по своим правилам* (качества – мощный двигатель, высокая скорость); *Безупречная отточенность* (качества – хорошее внешнее оформление, продуманность механики) и т.д.

Ещё одно отличие квалитативов в том, что они не содержат глаголов и выражены обычно номинативными конструкциями (см. примеры).

Отметим, что слоганов аксиоматического типа в нашем материале встретилось гораздо меньше, чем слоганов-квалитативов – 51 единица (7,0 %) и 239 единицы (33,0 %) соответственно.

Следует подчеркнуть, что перечисленные разновидности автомобильных слоганов в конкретном тексте могут функционировать не в чистом, а, как было отмечено ранее, в содержательно осложнённом виде, если речевые тактики совмещаются. Так, например, в слогане *Автомобиль, который изменит ваш взгляд на мир* [Hyundai: Grand Santa Fe] реализуются сразу три тактики: 1) комиссив как обещание автора изменить мир адресата, 2) репрезентатив как взятая автором ответственность перед адресатом, 3) аксиома, о которой свидетельствует категоричный тон высказывания. Можно, кстати, утверждать, что в этом слогане есть в подтексте и четвёртая – квалитативная – тактика, так как способность товара изменить взгляд человека на мир связана с безусловно сильными, выдающимися качествами автомобиля.

5. Слоганы-экспрессивы. С их помощью какое-либо качество или преимущество автомобиля фиксируется как эмоция, идущая либо от рекламы (т.е. от автора текста), либо как бы от самого адресата, ср.: *Почувствуй драйв!*; *У Форда есть лучшая идея!*; *Всегда желать большего!*; *Бизнес-класс – и точка!*; *Качество заводит!*; *Признайтесь – поражает!*; *Едем кататься!*; *Машина твоего времени!*; *Курс на фитнес!*; *Сле-*

дуй своей звездой!; Как ты смел!; Большой автомобиль – больше плюсов!; Как я жил без тебя?!; Поехали!; Дорогу королю!; Мы производим внедорожники!; Полон достоинств!; Быть сильным!; Качество заводит!; Следуй своей звездой!; Как ты смел! и др.

Основные признаки:

а) эмоциональность выражения, формирующаяся с помощью восклицательных конструкций;

б) метафоричность – иносказательность выражения, использование слов в переносном значении (см. последние три примера);

в) структурная вариативность, т.е. структурная разнообразность: такие слоганы могут быть выражены и глагольными и неглагольными конструкциями, и полными и неполными, и двусоставными и односоставными и т.д., главное – они должны быть восклицательными (эмоциональными) и метафоричными (см. примеры).

Как видно, суть таких слоганов – зафиксировать эмоциональное восприятие тех или иных качеств автомобиля, поэтому здесь эмоция, выраженная через восклицательность, важное свойство высказывания. Экспрессивная тактика сопутствует другим тактикам, реализующимся в слоганах, как бы накладывается на другие тактики, обогащая их; т.е. экспрессивная тактика – как универсальная – свойственна всем коммуникативно-прагматическим разновидностям слоганов.

Слоганов, где экспрессия выражена явно, в нашем материале зафиксировано 73 единицы, что составляет 10,0 % от общего количества проанализированных слоганов.

Описывая коммуникативно-прагматические разновидности слоганов торговой рекламы различных видов, Н.П.Белоусова выделяет слоганы-декларативы как отдельный тип (Белоусова 2006). По её мнению, слоганы этого типа построены на основе речевого акта декларации, т.е. установления, объявления какого-либо факта как реально существующего, в том числе нового, ранее не известного или не существовавшего. Из нашего материала, это, например, будут такие слоганы: *Audi: A 8. Он создаёт будущее таким, каким хочет его видеть* [Audi: A 8]; *Audi: R 8. Ему нужно всё сразу. На меньшее он не согласен* [Audi: R 8]; *Audi: A 8. Покорив настоящее, он приближает будущее* [Audi: A 8]; *Лучшая для жизни в линейке Deawoo* [Deawoo: Gentra]; *Он родился* [Fiat: Freemond]; *Искусство быть уникальным* [Hyundai: Solaris]; *Он не будет пытаться убедить вас. Он просто вас очарует* [Hyundai: Grandeur] и др.

В качестве основных признаков слоганов-декларативов Н.П.Белоусова выделяет следующие:

а) сообщение идёт в направлении «рекламодатель → автомобиль», в результате слоган сообщает только об автомобиле, как бы именно об

автомобиле, адресат же, ради которого создаётся слоган, уходит в подтекст, почти исчезает. В слоганах-декларативах нарочито акцентируется предмет рекламы (автомобиль и его выгодные качества), тогда как её объект (адресат) и главная цель остаются в тени;

б) обязательна идентификация с предметом посредством имени собственного (названия марки), личного местоимения 3-го лица единственного числа (*он*). Имя или местоимение могут отсутствовать, тогда задачу идентификации выполняет контекст. Ср., например: *Искусство быть уникальным; Совершенство отражения; Только главные роли; Динамика опережения; Невозможно для других* и под. – в любом из этих слоганов на смысловом уровне автоматически достраивается сам предмет: *У него искусство быть уникальным; Для него только главные роли; Невозможно для других, а для него возможно* и т.п. В этом своём качестве данные слоганы сближаются со слоганами-квалитативами, однако не сливаются с ними полностью потому, что, в отличие от квалитативов, в них не сообщается о реальных качествах, характеристиках автомобиля, но сообщается об автомобиле в целом как предмете восхищения. Отсюда следующая особенность;

в) большое количество абстрактных существительных, прилагательных и причастий, относящихся к высокому (книжному) стилю, так называемых суперлятивов (слов с высокой положительной оценкой) – *искусство, совершенство, роль, динамика, опережение, отражение, уникальный, превосходный, опережающий, устремлённый* и т.п.

Как можно видеть, в контексте автомобильного слогана декларативная речевая тактика почти полностью совпадает с репрезентативной тактикой. В самом деле, если репрезентативы фиксируют ответственность говорящего за некоторое положение дел, а декларативы устанавливают, объявляют какой-либо факт как реально существующий, то в смысловом отношении разница между ними почти неразличима – и в тех, и в других типах высказывания утверждается наличие чего-либо в реальной / желаемой / виртуальной действительности. А это значит, как нам кажется, что понятия *слоган-репрезентатив* и *слоган-декларатив* идентичны друг другу, могут использоваться как синонимы. Поэтому – применительно к автомобильным слоганам – мы не выделяем декларативную тактику как самостоятельную.

Библиографический список

Белоусова Н.П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 16 с.

Киселёв К.В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 242 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

N.V. Danilevskaya

Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

Van Nin

Assistant of Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE CAR COMMERCIALS SLOGANS

The article deals with the communicative-pragmatic features of slogans, functioning in advertising texts of automotive subjects. Approved that the basis for the creation of the slogan lies a cognitive mechanism “speech strategy – verbal tactics – verbal action”. Basic verbal strategies motorcar advertising (intensification, distortion of truth and reductionism) determines here tactics of speech as representative (or declarative), directives (or prescriptive), interrogative, komissive, expressive. Examples of automotive slogans and describes the features of their linguistic expression (typical of speech acts).

Key words: cognitive mechanism; slogan; speech strategy; speech tactics; speech act.

Котюрова Мария Павловна
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kotyurova@yandex.ru

НЕУДАЧНЫЙ ЗАГОЛОВОК – ПРИЧИНА НЕВОСТРЕБОВАННОСТИ НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ¹

Статья посвящена одному из основных требований к гармоничному заголовку научной публикации – его соответствию изложенному в тексте научному знанию. Гармоничный заголовок соотносится с *эпистемической ситуацией* как единством трех основных аспектов знания – *онтологическим, методологическим и аксиологическим*.

Ключевые слова: научный текст; заголовок; эпистемическая ситуация; онтологический; методологический и аксиологический аспекты научного знания.

Текст – любой – мечтает о *своем* читателе. Читатель мечтает о *своем*, написанном для него, тексте. Совпадут ли интересы автора и адресата?

К основным причинам не востребованности в области научной литературы относится прежде всего *социально-научная*, связанная с огромным ростом количества научных работников. З.И. Комарова приводит данные из литературы: «Если с конца XVIII до начала XX в. развитие мировой науки обеспечивали 15 тысяч ученых, до середины XX столетия – 400 тысяч, то в настоящее время более 3 млн. научных работников, а на сегодняшний день – 12 млн. ... За последние 30 лет создано 70 % знаний человечества, полученных за всю историю его существования, поэтому численность ученых удваивается каждые 12 – 15 лет» [Комарова 2012: 83]. Эти данные свидетельствуют о неизбежном информационном буме, объясняющем девальвацию современного научного знания. Ясно, что читатель не имеет времени читать, например, сборники статей в полном объеме. На помощь приходят гармоничные (удачные) заголовки статей, выполняющие рекламно-информационную функцию. А если неудачные?

Другой причиной не востребованности научного знания можно считать *гносеологическую*, связанную с неумением **превращать информацию в научное знание**. Так, неумение способствовать превращению зафиксированной в тексте информации в научное знание, т.е. формировать эпистемическую ситуацию [Котюрова 1988], препятствует

вхождению того или иного открытия в общий фонд научного знания. Значит, открытие определенно окажется невостребованным. Отсюда совершенно ясно, что умение способствовать превращению информации в научное знание представляется как раз весьма необходимым для эффективного развития научного знания. Тем более что объем объекта исследования постоянно расширяется (количество предметов рассмотрения увеличивается), а также движение к сущности явлений сопровождается познавательным углублением. Все это неизбежно приводит к сужению научно-познавательной компетенции.

Рассмотрим лишь один типичный для научного текста случай невостребованности: внимания читателя не привлекут заголовки, поскольку содержание целого текста не представлено в виде научного знания.

Превращение информации в научное знание можно соотнести со стереотипной смысловой единицей научного текста, названной нами *эпистемической ситуацией*. Помня о беспредельности научного знания, ограничим его данной смысловой единицей текста. По нашему мнению, под стереотипной эпистемической ситуацией можно понимать обобщенный квант мысли в единстве трех аспектов – онтологического (о чем знание?), методологического (как получено знание?) и аксиологического (какую имеет ценность в плане актуальности, достоверности, значимости и т.д.) [Там же]. Естественно, что знание, представленное в виде текста, можно рассматривать и в коммуникативном аспекте [Баженова 2001].

Здесь особенно важно подчеркнуть, что стереотипная эпистемическая ситуация именно в единстве всех аспектов представлена в заголовке отнюдь не всегда. И это, несомненно, затрудняет восприятие и дальнейшее использование научного знания читателями, которые могли бы стать последователями данного автора. Что необходимо для облегчения восприятия не просто содержания текста, а содержания текста как научного знания? На наш взгляд, необходимо представить предмет мысли (его онтологический аспект) «в одежке» (известно же: встречают по одежке), т.е. в методологической обертке (таких оберток немало: понятие, дефиниция, классификация, типология, концепция...; анализ, синтез, моделирование...; идея, гипотеза, аргументы, вывод, закон).

Мы будем исходить из того, что эпистемическая ситуация представит перед читателем в большинстве случаев не в полном объеме, нередко (если не сказать обычно) методологическая и аксиологическая характеристики опускаются, в то время как номинация предмета мысли (онтологическая сторона познавательной ситуации) неизбежно актуализируется.

Приведем примеры полного (информативного в научно-познавательном отношении) описания *эпистемической ситуации* (ЭС) в заголовках статей, диссертаций и монографий – жанров, наиболее востребованных исследователями (компоненты ЭС зафиксируем следующим образом: онтологический – светлым шрифтом, *методологический* – *полужирным курсивом*, *аксиологический* – *светлым курсивом*).

Поиски (номинация ориентирует на новый, предварительный характер знания) *обобщающих законов* (номинация информирует о пути получения знания) в природе; Русский лад *как принцип* миропорядка; *Принцип симметрии* в музыкальной стилистике XX века; Симметрия / асимметрия *как глубинный универсальный бинарный лингвистический и общенаучный закон* (методологический принцип симметрии / асимметрии в качестве онтологического предмета рассмотрения свидетельствует о методологическом характере статьи); Актуализация ключевых концептов текста перевода: *эколингвистический подход*; *Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики*; и мн. др.

Важно отметить, что онтологический компонент эпистемической ситуации по существу непредсказуем, поскольку познавательное пространство безгранично. Другое дело, компонент знания, обусловленный методологией его получения: посредством формирования понятия, классификации, типологии, концепции, теории, закона; применения подхода, принципа, использования метода, приемов и т. д.

Например: *Понятия* «инвариант» и «прототип» в системе анализа грамматической семантики; *Умозаключения* и знания; *Понятие* и *концепт* в художественной литературе и научном языке; Семантическая *категория* состояния; *Константы*: словарь русской культуры; *Постулаты* когнитивной семантики; Когнитивная лингвистика *как разновидность интерпретирующего подхода*; *Парадигмы* научного знания в лингвистике и ее современный статус; Семантические *типы* предикатов состояния *в системном и функциональном аспектах*; Части речи *с когнитивной точки зрения*; *Когнитивный взгляд* на природу частей речи; *Теория* и *методология* современного языкознания; и мн. др.

Аксиологический аспект эпистемической ситуации привносит в ее характеристику ценностную ориентацию в плане актуальности, достоверности (проблема, гипотеза, доказательство), новизны (старое знание, новое знание, поиск нового знания и т.д.) изложенного в публикации научного знания. Например: *Некоторые вопросы* семантики языка в гносеологическом аспекте; *К проблеме* инварианта грамматического значения; *В поисках* гармонии; *О возможности* сближения лингвистики классической и лингвистики структурной; Густав Шпет и его философское наследие: *У истоков* семиотики и структурализма; Язык как объект ло-

гико-методологического анализа: *новые* тенденции и *перспективы*; *Новый взгляд* на мир: Фрактальная геометрия; и мн. др.

Обратимся к оформлению названия (заголовка) исследования. Несомненно, что гармоничный в научно-познавательном отношении заголовок должен быть плотным, организующим знание с онтологической, методологической и аксиологической сторон. Как представляется, в этом смысле можно говорить об идиоматичности научного текста в целом, но особенно – таких периферийных (по сравнению с основным) текстов целого произведения, как заголовок, аннотация, вывод, заключение и др. Мы разделяем мнение Н.К. Рябцевой о том, что «идиоматичность – явление чрезвычайно многообразное, оно охватывает самые разные типы и виды сочетаемости элементов языка и способов их использования в речи, связано со всеми языковыми и речевыми компонентами, проявляется в особых характеристиках использования языка» [Рябцева 2013: 89], поскольку «стилистические ограничения на сочетаемость слов фиксируют стилистическое соответствие компонентов словосочетания друг к другу и стилю текста в целом, т.е. их идиоматичность» [Там же].

Естественно, что многословие, а именно наличие композитивных словосочетаний с различными конкретизаторами, также затрудняет восприятие эпистемической ситуации. Препятствие в таком случае связано со слишком детализированным выражением ЭС.

Для примера приведем цикл интереснейших монографий одного и того же автора, озаглавленных весьма сложными словосочетаниями с разветвленной полипредикативной (хотя и скрытой) структурой.

Первая монография имеет название «*Проблема* идентификации вербально выраженных мыслей-скрепов *как медиаторов* смысловой интегративности текстов». В этой номинации целый ряд имплицитных предикативных единиц: (1) Текст существует; (2) Текст представляет собой форму мысли; (3) Мысль членится; (4) Мысль обладает интегративностью; (5) Тексты характеризуются интегративностью; (6) Некоторые мысли функционируют в качестве скрепов; (7) Смысловой интегративности присущи медиаторы; (8) В качестве медиаторов функционируют мысли-скрепы; (9) Мысли-скрепы являются медиаторами; (10) Мысли-скрепы имеют вербальное выражение; (11) Идентификация мыслей-скрепов / вербальных выражений / медиаторов является проблемой; и др.

Вторая монография озаглавлена так: «Вербальные средства выражения мыслей-скрепов *как медиаторов* смысловой интегративности текста». Полипредикативность этого названия аналогична рассмотренной выше: (1) Текст существует; (2) Текст представляет собой форму

мысли; (3) Мысль членится; (4) Мысль обладает интегративностью; (5) Тексты характеризуются интегративностью; (6) Некоторые мысли функционируют в качестве скрепов; (7) Мысли-скрепы имеют выражение; (8) Выражение осуществляется посредством слов (вербальных средств); (9) Вербальные средства функционируют как медиаторы.

В номинации третьей монографии «*Принцип* интеграции смыслов *в аспекте* психологии мышления» эпистемическая ситуация эксплицирована комплексно и вместе с тем лаконично, поэтому можно считать, что название данной монографии из этого цикла вполне соответствует требованиям, предъявляемым к выражению ЭС, развертываемой в целом тексте произведения.

В то же время в первых двух названиях эпистемическая ситуация относительно проблемы смысловой интегративности текста, на наш взгляд, завуалирована многословием, «утонула» в нем, что тормозит восприятие содержания как научного знания.

Эти заголовки можно сформулировать вполне адекватно и в то же время рекламно (привлекая внимание адресата), опустив конкретизаторы: ***Проблема смысловой интегративности текстов; Мысли-скрепы как медиаторы смысловой интегративности текста.*** Ясно, что конкретизаторы смысла многократно представлены в основном тексте монографии.

Рассмотрим заголовок диссертационного исследования (АКД) – «Структура текстового сообщения в ограниченном коммуникативном пространстве». Материалом данного исследования послужили «тексты электронной коммуникации – *сообщения об ошибке* компьютерных программ и операционных систем». Можно предполагать, что работа может оказаться весьма полезной для программистов, но вызовет ли именно их интерес на основе библиографического описания? В этом нет уверенности, поскольку содержание терминированного понятия *коммуникативное пространство* имеет слишком широкий характер, в то время как определение *ограниченное* по существу неинформативно: ограничено локально или темпорально? Как можно видеть, сфера применения полученного автором нового знания – об ошибках программистов – не раскрывается в названии исследования, интересного и значимого не только в теоретическом, но и в практическом отношении. К сожалению, вполне возможно, что работа, выполненная и защищенная в области теории языка, актуальная и полезная в прикладном отношении, из-за неудачного заголовка, по существу оторванного от основного текста, может быть недооценена научным социумом и потому не востребована.

В заключение подчеркнем, что для создания гармоничного заголовка научной публикации совершенно необходимо не только термино-

логически точно назвать предмет мысли (онтологический аспект знания), но и актуализировать методологический и аксиологический аспекты. Интересно, что для их репрезентации в языке для выражения научного содержания сформировался широкий ассортимент специальных средств. Узнать о них подробнее можно в публикациях автора, описанных ниже.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 14-34-01026а1.

Библиографический список

Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2012. 818 с.

Котюрова М.П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. Под редакцией проф. М.Н. Кожиной: В 3-х тт. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 1 / Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. С. 341–370.

Котюрова М.П., Кушнина Л.В. О девальвации и (не)востребованности научного знания // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сборник науч. трудов / Под ред. М.П. Котюровой; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2015. Вып. 19 (В печати).

Рябцева Н.К. Прикладные проблемы переводоведения: Лингвистический аспект: учеб пособие / Н.К.Рябцева. М.: Флинта: Наука, 2013. 224 с.

M.P. Kotyurova

Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

FAILED TITLE IS ONE OF THE CAUSES OF SCIENTIFIC PUBLICATION'S UNSELESSNESS

The article is devoted to one of the main requirements to the harmonious title scientific publication – its commitment contained in the text of scientific knowledge. Harmonious title correlates with epistemic situation as the unity of the three main aspects of knowledge – the ontological, methodological and axiological.

Key words: scientific text; title; epistemic situation; ontological; axiological and methodological aspects of scientific knowledge.

Крысенко Александра Анатольевна
аспирант
Донецкий национальный университет
Украина
sashenkasashenka@mail.ru

СМС-СООБЩЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ АРГОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (на материале французского и английского языков)

Объектом анализа в статье выступает отобранная в Интернет-общении современной французской и британской молодежи лексика, которая составляет особый стиль СМС-сообщений. Такая лексика имеет свои структурные и семантические особенности и является источником пополнения словаря молодежного арго в современных французском и английском языках. Систематизация словотворческих моделей и их сравнение дают нам право говорить о том, что арготическая лексика имеет в своей структуре эмоциональный и оценочный компоненты, которые делают такие языковые единицы довольно ярким способом выражения субъективного отношения молодежи к современной действительности.

Ключевые слова: вариативность языка; СМС-сообщения; арготическая лексика; структурные и семантические особенности; усечение лексических единиц; аббревиация.

Исследование возникновения языковых вариантов и условий их функционирования в значительной степени способствует выяснению многих, до сих пор неопознанных качеств и особенностей языковой структуры, а также дает ключ к пониманию многих глубинных языковых процессов. Сказанное в полной мере касается такого специфического языкового варианта, как арго, который является одновременно и ярким продуктивным словообразовательным явлением и инновационным процессом, часто нарушающим нормы языка. Одним из источников пополнения современного арго является такая популярная сегодня коммуникация, как СМС-сообщение, в котором признанные понятия вариативности отходят на второй план, тем самым оказывая стимулирующее влияние на развитие современного словаря.

Интерес к изучению языка СМС-сообщений сегодня растет. Есть ряд исследований, в которых подробно анализируются отдельные аспекты данного явления: рассматриваются источники и средства формирования СМС-лексики (А.Ю. Дремина, Э.М. Береговская, Т.И. Ретинская); СМС-коммуникация изучается с точки зрения структурного анализа

(Л.В. Аминова); рассматривается это явление с точки зрения функционального (А.В. Макурова) и социального аспектов (E. Girard, В. Kernel, P. Merle, J.-P. Goudaillier, P. Certu). Однако до настоящего момента комплексного исследования лексики СМС-сообщений в сравнении их в СМС-коммуникациях французской и британской молодежи не происходило. Этим, по нашему мнению, и можно объяснить актуальность нашего интереса к этому малоизученному варианту в области сокращенных единиц.

Данная статья посвящена анализу образования и использования арготических выражений в СМС-сообщениях французской и британской молодежи, которые мы рассматриваем как источник пополнения арготической лексики современных французского и английского языков. Особое внимание в нашем исследовании мы уделяем усеченным лексическим формам, то есть, сокращениям, с помощью которых, по нашему мнению, легче всего увидеть экспрессию молодежного аргота. В данной статье делается попытка проведения сравнительного анализа типов арготической лексики и формирования принципов ее использования. Объектом исследования являются СМС-сообщения в современных французском и английском языках, а предметом – французские арготические единицы: структурные и семантические особенности усеченных единиц в СМС-сообщениях французской и британской молодежи. Основная цель нашей статьи состоит в описании видов арготической лексики, источник появления которой лежит в природе СМС-сообщения, а также в исследовании семантических особенностей функционирования арготических СМС-сообщений в современных французском и английском языках. Материалом для анализа послужили лексические единицы современного языка СМС-коммуникации, отобранные из французских и британских молодежных журналов, переписки и чатов.

Язык СМС – это сложная подсистема языка, которая отличается избирательностью семантических полей, сниженным стилем и ограниченностью круга его носителей [Какорина 2005; Ретинская 2004; Таран 2013; Chiad 2008]. Эта подсистема служит своеобразным унифицированным связующим звеном между ненормированными языковыми явлениями и литературной нормой, она способствует обогащению общенациональных французского и английского языков, поскольку в ненормированных пластах лексики заложены большие экспрессивные и словообразовательные возможности.

Мы рассматриваем французские и английские СМС-сообщения как особый вид речи, основанный на общей для всех стилей системе фонетических, грамматических и лексических средств. При этом этот вид речи взаимодействует с другими (например, с просторечием, уголовным

арго, профессиональными и социальными жаргонами), а также все быстрее проникает в литературный язык [Бойко 2002: 352]. Стил СМС становится молодежным сленгом, таким арго, который является набором слов и выражений, имеющими специфический оттенок. Французский и английский молодежные арго характеризуются тем, что, несмотря на свое основное призвание – лаконичность и экономию языковых средств при образовании, эти лексические единицы все же являются ярким средством воспроизведения экспрессивного и эмоционального отношения современной молодежи к реалиям мира. В данной статье рассматривается только один вид лексических словообразовательных средств, способствующий основной цели использования арго, – это усечение лексических единиц.

Аббревиация как способ словообразования представляет сложное, многогранное явление, а распространение аббревиатур в молодежном арго связывают с появлением в реальной действительности сложных денотатов, требующих для своего обозначения словосочетаний или сложных слов [Anis 2001; Chiad 2008; Merle 2000; Sourdou 2002]. Функция аббревиатуры в процессе СМС-коммуникации заключается в более экономном выражении мысли и устранении избыточности информации. В аббревиатурах информация передается меньшим числом знаков, поэтому «емкость» каждого знака больше, чем в соответствующих исходных единицах, что дает основание рассматривать аббревиацию как один из видов оптимизации речевого сообщения. Приведенные ниже примеры демонстрируют следующие виды аббревиации арготической лексики, которой обменивается французская и британская молодежь в своих СМС-сообщениях:

- аббревиатуры инициального типа, которые образованы из начальных букв каждого слова:

английские арготические единицы: *BOT* = *back on topic*; *IMHO* = *in my humble opinion*; *BTW* = *by the way*; *LOL* = *laugh out loudly*; *BOB* = *bring own beverages*; *RIP* = *rest in peace*;

французские арготические единицы: *SDF* = *sans domicile fixe*; *CAD* = *c'est a dire*; *PT* = *pour toi*; *MP* = *message personnel ou privé*; *SDMS* = *suite dans message suivant*; *RMI* = *revenues minimum d'insertion*.

- сложные аббревиатуры, образованные от соединения начальных слогов слов:

английские арготические единицы: *SYSOP* = *system operator*; *SYSAD* = *systemic administrator* ;

французские арготические единицы: *ANDSYS* = *android système*; *OULIPO* = *L'ouvroir de litterature potentielle*.

• телескопические сокращения (соединение начала и конца слов), образующие слова:

английские арготические единицы: *warcor* = *war* + *correspondent*; *adork* = *adorable* + *dork*; *brunch* = *breakfast* + *lunch*; *alcopop* = *alcohol* + *pop*; *biopic* = *biography* + *picture*; *camcorder* = *camera* + *recorder*; *chexting* = *cheating* + *texting*; *faction* = *fact* + *fiction*; *fanzine* = *fan* + *magazine*; *flirtationship* = *flirting* + *relationship*;

французские арготические единицы: *clavardage* = *clavier* + *bavardage*; *armatal* = *armature* + *metal*; *midinette* = *midi* + *dinette*; *livrel* = *livre* + *électronique*; *Centricois* = *person from the region Centre-du-Québec*.

Примеры, отобранные нами для анализа, мы распределили еще по двум видам усечения: апокопой и афerezой. На основании проанализированных аббревиатур мы установили, что по степени продуктивности апокопа (сокращение конечного слога или слогов без добавления суффиксов) занимает лидирующее место в образовании арготической лексики в английских и французских СМС:

английские арготические единицы: *condominium* > *condo*; *dormitory* > *dorm*; *exposition* > *expo*; *demonstration* > *demo*; *advertisement* > *ad*; *lesson* > *les*; *husband* > *hus*; *university* > *uni*;

французские арготические единицы: *velocipede* > *vélo*; *cinéma* > *ciné*; *télévision* > *télé*; *imperméable* > *imper*; *écologiste* > *écolo*; *dictionnaire* > *dico*; *traduction* > *trado*; *bacalauréat* > *bac*.

Афереза (усечение первой коренной морфемы сложного слова) – более редкое словообразовательное явление в обоих языках:

английские арготические единицы: *autobus* > *bus*; *autocar* > *car*; *motorbike* > *bike*; *veterinarian* > *vet*; *dentist* > *dent*;

французские арготические единицы: *anarchiste* > *chist*; *pitaine* > *capitaine*; *contrôleur* > *leur*; *Américain* > *ricain*.

В результате исследования было также установлено, что простые слова подвергаются сокращению на слоговом шве, а в большинстве случаев сокращение проводится с учетом слоговой структуры исходной единицы. Процесс сокращения не является произвольным и подчиняется определенным закономерностям таких уровней языка, как лексический и фонетический. Сокращение, как правило, проходит по морфемному или слоговому швам, а также с учетом силлабической структуры новой единицы.

Как уже упоминалось выше, в связи с растущей популярностью такой формы общения как СМС коммуникация, короткие текстовые сообщения начинают формировать отдельные и очень оригинальные пласты лексики в исследуемых языках. Для нового способа образования морфо-

логических неологизмов характерна не только экономия графических средств, но и использование цифровых замен звуков или слогов исходного слова [Anis 2001; Chiad 2008]. Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает ребусное письмо (письмо, при котором графический знак, как правило, обозначает отдельный звук речи [Ахманова 2004]). Такие примеры в большом количестве найдены нами в обоих языках:

Пример английского СМС-сообщения:

1. **IM d UKs fastst, funkst, speedst, gr8st @ txtin!** *Ha I no ur v.jlus ov me! = I am the UK's fastest, funkiest, speediest, greatest at texting! ha, I know you are very jealous of me!*

Пример французского СМС-сообщения:

1. *SLT ! ya koi **29** ? l te pass le bjr ZOZ,l ta di s ke tu px passé **2m1** je veu te voir...Ok big biz ! a+ = Salut! Il y a quoi **de neuf**? Elle te passe le bonjour ZOZO, elle te dit: «est-ce que tu peux passer **demain** je veux te voir...d'accord. Grosse bise ! A **plus**.*

В приведенных примерах в обоих языках наблюдаем замену звуков и слогов цифрами и отдельными буквами. Такая техника передачи информации одинаково популярна как в английском, так и во французском языках.

На основании данного исследования можно сделать выводы о том, что молодежная коммуникация является наиболее непринужденной, она имеет высокую степень эмоциональности, стремление к самовыражению, что находит отражение в языке и приводит к появлению новых выразительных средств, нестандартных лексических единиц. В основе словообразования молодежной лексики лежит творческий подход к использованию общеязыковых ресурсов, а решающую роль в развитии молодежной лексики играет стремление к языковой экономии, которое отражается прежде всего в увеличении количества усеченных единиц.

Изучение лексического состава современного французского и британского молодежного социолекта видится нам перспективным для прогнозирования процесса обогащения французского и английского языков, так как в этом процессе происходит постоянный взаимопереход элементов различных социальных вариантов языка из одной словарной слои в другой.

Библиографический список

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С.Ахманова. 2-е изд., стер. М : УРСС: Эдиториал УРСС, 2004. 571 с.

Бойко Б. Л. Молодежный жаргон как отражение взаимодействующих субкультур // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте): Научный совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 2002. С. 352–361.

Какорина Е. В. СМИ и интернет-коммуникация (область пересечения и проблемы взаимодействия) // Язык современной публицистики: сб. статей. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 67–98.

Ретинская Т. И. Источники и механизмы формирования французского студенческого арготизма: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 225 с.

Таран О. С. Функціональні особливості сленгізмів у текстових повідомленнях (смс) // Лінгвістичні дослідження: Зб. наук. праць ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. 2013. Вип. 35. С. 179–185.

Anis J. Parlez-vous texto? / J. Anis. Paris : Martin Livre, 2001. 215 p.

Chiad M. O. Structural and Linguistic Analysis of SMS Text Messages / M. O. Chiad // Journal of Kerbala University. Vol.6. No.4 : Humainies. 2008. URL: <http://www.iasj.net/iasj?func=fulltext&aId=50770> (дата обращения: 22.03.2015).

Merle P. Argot, verlan et tchatches. Toulouse: Milan, 2000. 63 p.

Sourdou M. L'argotologie: entre forme et fonction // Linguistique . P., 2002. 38, fasc. 1. P. 25-39.

Turpin B. Le jargon, figure du multiple // Linguistique. P., 2002. vol. 38, fasc. 1. P. 53–68.

O.A. Krysenko

Post-graduate student

Donetsk National University, Ukraine

SMS-MESSAGES AS THE SOURCE OF ARGOT VOCABULARY UPDATING (THE FRENCH AND ENGLISH LANGUAGES STUDIES)

This article is devoted to the research of argot use and forming in the French and English SMS-messages. The object of the study is the lexical features of SMS-messages in the compared languages, which are discussed in terms of their structural and semantic peculiarities. Special attention is given to the clipped forms of the youth argot. All the clipped forms that are used in the virtual communication (in sms-messages, chats, blogs etc.) can be divided into two main groups: lexical and graphical ones. The core role in the development of the young people's language belongs to the tendency to be laconic and true-to-fact but at the same time expressive and unique. The number of the clipped forms in the virtual youth communication is continuously growing and is penetrating into everyday French and English.

Key words: language varieties; SMS-messages; argot; structural and semantic peculiarities; clipping; abbreviation.

Ланских Анна Владимировна
доцент кафедры русского языка
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
anna_lanskih@mail.ru

МОЛОДЕЖНЫЙ ЖАРГОН В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается место молодежного жаргона в структуре национального русского языка; на материале реалити-шоу, молодежных развлекательных программ и сериалов анализируется коммуникативно-прагматический потенциал использования жаргонных единиц в речи.

Ключевые слова: молодежный жаргон; коммуникативно-прагматический подход; реалити-шоу; молодежные развлекательные программы; молодежные сериалы.

Общеизвестно, что в основе национального русского языка находится литературный язык. Он понятен всем носителям языка, нормирован, может обслуживать различные сферы общения. Наряду с литературным языком в структуре «общего» языка выделяются различные нелитературные разновидности, которые характеризуются ограниченным употреблением. Именно к таким разновидностям языка принято относить жаргон, функционирующий внутри определенных социальных групп. Так, студенты Уральского федерального университета используют жаргонизм «паркет» в значении «фойе перед актовым залом в главном здании университета». Вряд ли студентам других вузов будет знакомо употребление данной лексемы именно в таком значении.

Как правило, жаргоны относительно замкнуты внутри себя. По одной из версий, предложенных лингвистами, исторически происхождение жаргонов связано именно с желанием участников определенного коллектива «зашифровать» речь, скрыть ее смысл от окружающих. Таким, например, был жаргон дореволюционных бродячих торговцев – коробейников, или офеней. Тайный язык помогал торговцам обмениваться между собой информацией во время выяснения отношений с представителями власти или покупателями. В жаргоне офеней использовались заимствования, диалектизмы, искаженные слова, к которым добавлялись русские приставки и суффиксы.

Из офенского языка посредством криминального жаргона в современную молодежную речь проникло слово «лох». У офеней это слово

означало «обычный мужик, не являющийся офеней»; сема «глупый, недалекий» была добавлена уже в уголовном жаргоне.

Однако когда мы говорим о молодежном жаргоне, оказывается, что этот «подъязык» не является столь закрытым явлением, каким предстает «классический» жаргон в описаниях лингвистов. Границы молодежного жаргона достаточно размыты и проницаемы. К основным причинам этого относятся:

1) Размытые возрастные рамки. Исследователи предлагают различные диапазоны возраста носителей молодежного жаргона: это и 6–35 лет, и 13–25 лет, и 14–30 лет... Ясно одно: носители молодежного жаргона составляют довольно большую часть населения: это и школьники, и студенты, и молодые специалисты, что обуславливает и разнородность рассматриваемого языкового явления.

2) Нечеткость маркирования слов как лексем, принадлежащих молодежному жаргону. Так, не всегда можно провести однозначную границу между жаргонизмом и просторечным словом. Одно и то же слово в ряде словарей может фиксироваться как молодежный жаргонизм, а в других лексикографических источниках иметь помету «просторечное» (к примеру, это слова *впарить* «обманным путем заставить кого-л. купить, взять что-л.», *прикол* «забавная, остроумная выходка, розыгрыш, шутка, курьез», *тачка* «легковой автомобиль» и др.).

3) Многослойность молодежного жаргона, который (в самом общем виде) включает в себя как общемолодежные жаргонизмы, понятные большей части молодежи, так и слова, принадлежащие отдельным молодежным субкультурам.

4) Разнообразие источников молодежного жаргона: это и различные словообразовательные трансформации (преподаватель – *препод*, университет – *универ*, стипендия – *стипа*), чаще всего нацеленные на «урезание» языковой единицы с целью экономии речевых усилий; это и заимствования из других языков – например, *изи* (от англ. *easy* – просто), *окей* / *ок* – хорошо, *гоу* – пошли; это и привлечение лексем из других жаргонных систем (*гонник*, *лох*, *в натуре*, *шестерка*, *мент* – из уголовного жаргона).

Ядро молодежного жаргона составляет лексика; словообразование и синтаксис используются те же, что и в литературном языке (хотя можно говорить о предпочтениях определенных грамматических моделей). Иллюстрацией сказанному этому может служить жаргонизм «кандзики» (от японского «кандзаки» – иероглифы), которым поделилась студентка 1 курса УрФУ, увлекающаяся японской культурой. Уменьшительно-ласкательный суффикс «-ик» помогает «адаптировать» слово к разговорной речи, встроить его в грамматическую структуру языка.

В каком речевом пространстве сегодня бытует молодежный жаргон? С одной стороны – конечно, в ситуации непосредственного устного коммуникативного взаимодействия молодых людей. С другой стороны, благодатной почвой для функционирования так называемого «сленга» (мы будем использовать этот термин как синоним понятия «молодежный жаргон») оказываются различные медийные продукты, адресованные молодежной аудитории Интернета и телевидения. Это и молодежные сериалы (например, такие сериалы с показательными названиями, как «Реальные пацаны» и «Физрук»), и реалити-шоу, участниками которых, как правило, являются молодые люди, и различные интернет-шоу, некоторые из которых транслируются и на ТВ (к примеру, шоу «+100500», название которого тоже отражает молодежный интернет-жаргон). Молодежные шоу и сериалы не только оказываются зеркалом реального языкового существования молодых людей, но и нередко отражают это языковое существование в заостренном виде, демонстрируя функциональное разнообразие молодежного жаргона, его коммуникативно-прагматический потенциал.

Именно на коммуникативно-прагматическом потенциале молодежного жаргона мне хотелось бы остановиться в следующей части своей статьи. С какой целью может использоваться молодежный жаргон? О чем сигнализирует выбор именно этой подсистемы общенационального языка?

Мы провели небольшой опрос среди студентов Уральского федерального университета, в котором приняли участие 45 респондентов. Им был задан вопрос: в какой ситуации Вы используете молодежный жаргон? Вот основные варианты, указанные ребятами: «Я использую жаргон для непринужденного общения с друзьями и в семье», «Я использую жаргон, когда меня переполняют эмоции», «Я использую жаргон, когда хочу пошутить». На наш взгляд, перечисленные ответы отражают основные функции молодежного жаргона.

Прежде всего, жаргон, действительно, принадлежит сфере непринужденного общения, как правило, людей, входящих в одну социально-возрастную группу, находящихся в неформальных отношениях. Использование жаргонизмов может являться маркером эмоциональной близости говорящих.

Приведем пример из реалити-шоу «За стеклом» – первого реалити-шоу на российском телевидении (2001 год). Материал этой передачи примечателен тем, что диалоги участников не были прописаны заранее, режиссерами шоу практиковались прямые включения, любой желающий мог понаблюдать за игроками через стеклянную стену съемочного павильона. Участники не находились в рамках предписанной драматургии,

которая используется, например, в сегодняшних выпусках реалити-шоу «Дом-2», они были вынуждены выстраивать взаимоотношения внутри коллектива, делая выбор между денежным выигрышем и собственными личными предпочтениями.

Итак, один из участников шоу, Дэн, начинает неожиданно флиртовать с другой участницей – Жанной. Жанну неприятно удивляет такой поворот событий, так как она осознает, что поведение Дэна вызвано желанием поднять свой рейтинг для выигрыша в передаче. После неприятного для нее разговора с «поклонником» Жанна делится эмоциями с другой участницей шоу, своей подругой по проекту – Марго.

Жанна: Нет/ ну ты прикинь/ если ты мне не дашь/ я в субботу уйду!

Марго смеется.

Жанна: Но у меня реально нет настроения смеяться// потому что реально/ это все очень/ очень грустно// Не/ ну до чего я дожила! Вот ведь оно счастье! Счастье-то вот оно! Нет/ ну что же делать мне/ Марго/ я просто в шоке//

СМЕЮТСЯ.

Жаргонная лексика (в диалоге выделена подчеркиванием) указывает на доверительные отношения коммуникантов. Показательно, что в предыдущем фрагменте – диалоге с Дэном – речь Жанны была подчеркнута правильно, включала в себя только литературные лексические единицы.

Следующая коммуникативно-прагматическая функция жаргонизмов – их использование в конфликтном общении. Этому способствует их сильная эмоциональная заряженность. В качестве примера рассмотрим еще один фрагмент диалога участников шоу «За стеклом»:

Дэн: (...) ты разговаривал с человеком/ который разводил сейчас [щас] тебя? Нет/ ты слушал сидел!

Макс: Ну/ все тупо слушали сидели//

Дэн: Когда все эти людишки начали кричать все это/ это полный развод/ с продюсерами/ с директорами советоваться началось/ они понимали/ что я не хочу продавать голос/ (...)

Макс: Но тебя могли просто вырубить из эфира/ то что ты сказал свое слово и все// (...)

Дэн: Ты что [чо] гонишь!

Макс: Ты что [чо] гонишь/ я тебе говорю/ как было!

На конфликтное содержание диалога указывают жаргонизмы с отрицательной коннотацией (подчеркнуты в тексте): *полный развод, вырубить из эфира, гонишь*.

Следующая функция молодежного жаргона – это языковая игра. Сленг позволяет передать тонкие оттенки значений; применение многих жаргонизмов – своеобразный акт творчества, ведь многие из таких лексем содержат в себе креативное переосмысление окружающей действительности.

Эта творческая функция молодежного жаргона широко используется в юмористических передачах – например, в интернет-шоу «+100500», ведущий которой находит в Сети смешные видеоролики и комментирует их.

Перед каждым выпуском программы на экране появляется объявление – «дисклеймер», которое гласит: *«некоторые ролики могут быть дикими баянами-бабаянами, но мне как-то (нец.)»* Обратим внимание на жаргонизм «дикий», указывающий на крайнюю степень выраженности чего-либо, а также жаргонизм «баян», который обыгрывается рифмой «бабаян». Ведущий шоу Максим Голополосов буквально пересыпает свою речь жаргонизмами: *блин, реально, хреновина, фэйловый, шутка-нуть, чел, накидаться...* Такой прием делает его речь эмоциональной, выразительной – конечно, с учетом целевой аудитории проекта – молодежи.

В медиапродуктах жаргон выступает средством речевого портретирования. Например, в сериале «Физрук» в речи героев мы наблюдаем два жаргонных слоя – это уголовный жаргон в речи главного героя Фомы, по легенде – человека из 90-х с темным криминальным прошлым, и его приятелей «из прошлой жизни» и молодежный жаргон в речи других героев сериала – старшеклассников. Приведем в качестве примера небольшие фрагменты: *«Она тетка прошаренная, к ней вообще не прикопаться, (...) надо с живыми людьми пообщаться, которые трутся возле нее»* (из диалога Фомы с приятелем); *«Может, пересечемся вечером?»*, *«Ты вроде красивая телка, а ходишь, как обсос»* (из диалога старшеклассников).

В сериале «Реальные пацаны» также активно используется молодежный жаргон, благодаря которому создается образ простых провинциальных парней. Вот только некоторые реплики героев сериала: *«Ты че, дебил что ли, Антоха? Да нафига тебе это надо-то?»*, *«Ну все, пацаны, я погнал».*

Отметим, что в молодежных шоу и сериалах, которые воссоздают «живую» реальность, сленг применяется гораздо активнее, чем в жизни. Ведь жаргон, тем более молодежный, обладает широкими выразительными возможностями, позволяет, пусть и через преувеличения, «лепить» заданные типажи.

Молодежный жаргон – это уникальное языковое явление: многослойное, гибкое, чутко реагирующее на внеязыковой контекст. Это явление, которое является интереснейшим объектом для лингвистических исследований в аспекте не только лексикологии и коммуникативной прагматики, но и лингвокультурологии, социолингвистики, экологии языка.

A.V. Lanskih

Associate Professor of Russian Language Department
Ural Federal University named
after first President of Russia B.N. Yeltsin

YOUTH SLANG IN RUSSIAN SPEECH SPHERE

The article discusses the place of youth slang in national Russian language; reality show, youth entertainment programs and series demonstrate communicative and pragmatic potential use of slang units in speech.

Key words: youth slang; communicative and pragmatic approach; reality shows; youth entertainment programs; youth series.

Логунова Наталия Васильевна
доцент кафедры русской и зарубежной филологии
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
logunovaN@yandex.ru

Мазитова Лариса Львовна
доцент кафедры русской и зарубежной филологии
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
mazitova-larisa@rambler.ru

ПРАГМАТИКА И АКСИЛОГИЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО ОБЩЕНИЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ¹

На основе эпистолярных документов XIX века предпринимается попытка реконструкции исторической и языковой личности архиепископа Аркадия через анализ его аксиологических приоритетов в выборе тем общения и в системе оценок.

Ключевые слова: лингвокультурология; лингвистическое источниковедение; рукописные документы; духовное сословие; нравственные ориентиры духовенства.

Статья посвящена описанию аксиологических приоритетов исторической и языковой личности архиепископа Аркадия, выявленных на основе его писем, которые были обнаружены в эпистолярном архиве иеромонаха Николая, казначея сначала Николаевского Верхотурского, а затем – Соликамского Святотроицкого монастыря. Часть писем адресована о. Николаю лично, часть – ему в числе других должностных лиц.

Обращение к справочной литературе позволяет установить, что архиепископ Аркадий (в миру Григорий Федоров) был знаменитым иерархом русской православной церкви и возглавлял в разное время Оренбургскую и Уфимскую (1829–1831), Пермскую и Екатеринбургскую (1831–1851), Олонецкую и Петрозаводскую (1851–1869) епархии. По выражению профессора Троицкого, он был «прирожденный миссионер, какие рождаются только веками», а архиепископ Нил (Исакович) так отзывался о нем: «Преосвященный Аркадий, архиепископ Пермский, – достойнейший и примерный по ревности своей архипастырь. Заботливо-

стью его десятки тысяч закоренелых раскольников обратились к Церкви и вновь обращаются. Подай Бог таких пастырей!» [Аркадий: эл. ресурс]. Биография Аркадия приводится в Русском биографическом словаре А.А. Половцова [Русский биографический словарь 1900: 288–289], а Большая биографическая энциклопедия дополняет ее сведениями из разных источников. В ней говорится о том, что архиепископ Аркадий уделял большое внимание образованию духовенства: в частности, он открыл несколько духовных училищ в епархиях, которыми управлял. «Кипучая энергия и жажда деятельности были отличительными чертами архипастыря. Он много построил церквей, часовен. Вел большую литературную деятельность, которая выразилась главным образом в бесчисленных письмах, наставлениях и увещаниях против раскола». Ревностная и плодотворная деятельность его против раскола и язычества «подняла целое миссионерское движение в Пермской и Олонецкой епархиях и сопровождалась» блестящими результатами [Аркадий Федоров: эл. ресурс]. Архиепископ Аркадий в 1869 г. был уволен на покой в Александрo-Свирский монастырь, где скончался 8 мая 1870 г. и погребен под алтарем Троицкого собора этого монастыря.

Если обращение к историческим сведениям позволяет составить в большей степени представление об Аркадии как о церковном иерархе, то изучение принадлежащих ему эпистолярных текстов способно выявить его личностные качества и ценностные ориентиры.

Мы располагаем 8 письмами Аркадия, 4 из которых являются автографами. Переписка относится к периоду с марта 1845 по июнь 1854 г., при этом первые 6 писем он подписывает как архиепископ Пермский, а 2 последних (с 7 июня 1851 г.) – как архиепископ Олонецкий. В большинстве писем присутствует хозяйственная тематика: вопросы, связанные с ремонтом училищных помещений в Далматове, ревизия Духовного приходского училища в Верхотурье, проведение строительных работ в Николаевском Верхотурском монастыре. В этих письмах он предстает как глава епархии, скрупулезно вникающий в детали и обстоятельства осуществляемых подчиненными действий: *Училище поправлять бы такъ, чтобы учениковъ выводить изъ онаго по одной только комнатѣ, или по одному классу, дабы и ученье не разстроитъ, и братскія кельи не отяготитъ перемѣщаемыми: общая польза – и училища и монастыря чрезъ это соблюлась бы* [Архив 1845: 49]; *Г. Губернскій Архитекторъ предположилъ выхвать изъ Перми въ 12^е число сего мѣсяца <...> Изложите ему всѣ обстоятельства постройкамъ подробнѣе и точнѣе: Особенно это сдѣлать могутъ о.о. Николай и Самуиль, какъ ближайшіе участники въ дѣлѣ и бдительнѣйшіе* [Архив 1850: 99].

Отметим, однако, что содержание писем позволяет убедиться в том, что наставническая миссия является для Аркадия доминирующей интенцией его эпистолярного общения (она реализуется даже в письмах сугубо делового назначения). Архиепископ ревностно печется о нравственности своей паствы: *Скажите Антону Андреевичу: постарались бы они удержатъ несчастную вдову отъ позорнаго супружества, не обѣщающаго ей ни малѣйшаго добра. Объ опеки нѣтъ ничего у насъ доселѣ. Вотъ люди, невоспитанные въ Страхѣ Божіемъ, не имѣющіе понятія о чистотѣ вдовства Христіанскаго: и достоинство, и право пренебрегаютъ изъ угожденія слѣпымъ, самымъ ничтожнымъ и кратковременнымъ прихотямъ. Пожалѣла бы она свою душу, своихъ дѣтей сиротъ, если гласъ чести ей уже невнятенъ. На всѣхъ своихъ родныхъ кладетъ она позоръ. Помолимся о душѣ ея, и о Господѣ спасется. Исаакію скажите, что я еще ожидаю исправленія его, неотчаяваюсь увидѣть его на прежней стезѣ трезвости, дабы обратить его таланты на пользу Святаго духа [Архив 1845: 45].*

В одном из писем Аркадий обращается к о. Николаю с развернутым поучением, используя устойчивую христианскую аллегорію:

Радуютъ тебя пчелки твои: вотъ тебѣ и словечко о нихъ. Словечко это, можетъ быть, не только имъ, но и тебѣ будетъ полезно; или, не только тебѣ, но и имъ. Я имѣлъ ихъ; но тогда только, когда О. Архимандритъ Павелъ наблюдалъ за ними. Я видѣлъ въ нихъ уроки для людей, для обителѣй; какое у нихъ согласіе, трудолюбіе; какъ они другъ друга любятъ, другъ о другѣ заботятся, другъ другу помогаютъ: матка ихъ – истинно матка по своимъ правиламъ, по раднн³ю о прочихъ; а рабоч³я – точно рабоч³я, безотвѣтныя, неутомимыя, прочитай ка напр. хотя 12^ю страничку: Св. Григор³ю повѣрнуть можно! Близенько къ сѣверу живете: но Праведный Сумеонъ хранитъ ихъ, тогда какъ и южннѣ твоихъ, да отъ безпечности умираютъ и пчелы. Ахъ пчелы, пчелы, вы учите насъ не столько дѣлан³ю честному |притч. VI. 8.|; сколько миролюб³ю, соглас³ю, устроен³ю общежит³я; не столько умн³ю какъ готовить для другихъ полезное, сколько усерд³ю – служить для другихъ воздрав³е: аще силою и не мощны вы, но премудрост³ю почтены не жалить; ибо которая изъ васъ кого ужалитъ, та въ тужъ минуту сама и умираетъ: о пчелы, пчелы!!!

Люби Бога, служи Богу: совсякаго предмета собирай, какъ пчела, сладость меда и клади его въ улей сердца твоего, где маткою да будетъ – Христова Благодать! [ПДП 2006: 167]. В этом отрывке автор демонстрирует незаурядное мастерство в построении поучительного нарратива: использует реальный факт в качестве основы для построения развернутой аллегоріи.

Два письма архиепископа Аркадия – 1851 и 1854 гг. – объединены сквозной темой: состояние дел в обителях Олонецкой епархии (отметим, что 1851 г. – это начало деятельности Аркадия в качестве главы этой епархии, а 1854 г. – 3-й год управления ею). С одной стороны, он гордится духовным наследием и природными богатствами олонецкой земли: *И Арх. Домъ, и обители имѣютъ земли – пахотную и сѣнокосную, имѣютъ свои лѣса, свои озера: одна обитель на большомъ озерѣ Онегѣ <...> Другая обитель среди лѣсовъ; <...> какое уединенное Святое мѣсто!* [Архив 1854: 81]. Но с другой, – предметом озабоченности и тревоги архиепископа является отсутствие достойных настоятелей и рачительных хозяйственников в монастырях его епархии: *Скажу тебѣ о послѣдней: она уже въ Олонецкой Епархіи; тутъ Св. Неплѣнныя Мощи Александра Свирскаго: обитель именованная: да есть въ Олонецкой Епархіи и другія Обители, нуждающіяся невѣспособіяхъ жизненныхъ, а въ Настоятеляхъ способныхъ* [Архив 1851: 110]; *Наша страна имѣетъ много обителей, много Св. Угодниковъ <...> но не можетъ представить своимъ обителямъ добрыхъ начальниковъ.<...> нашъ Арх. Домъ имѣетъ двѣ приписныя обители, но не имѣетъ эконома, привсемъ моемъ исканіи человека трезваго и способнаго. <...> Въ той и другой обители почиваютъ Святыя угодники Божіи, строители обителей; но нѣтъ въ этихъ обителяхъ управителей нужныхъ* [Архив 1851: 81]. Одной из интенций последнего письма является попытка Аркадия заручиться согласием о. Николая на переезд в Олонецкую епархию: *Пріѣзжай к намъ, возлюбленный! Пермьки и кореляни – отъ одного плѣмени <...> И Приснопамятные Рычковы ждутъ и гостепріимная старица боголюбезная родительница твоя, съ того свѣта, думаю, благословляетъ тебя ко мнѣ, чтобы ты при моихъ преклонныхъ лѣтахъ послужилъ служенію моему* [Архив 1854: 81–82]. Сквозь прагматические установки, выражаемые адресантом, в приведенных отрывках просматривается система его ценностей – она реализуется через стилистику нарратива и способы аргументации.

Аксиологические установки о. Аркадия выявляются не только через его пастырские наставления и пассионарность стиля, но и через систему оценок, которые обнаруживаются (в большей или меньшей степени) во всех его письмах. Эти оценки касаются конкретных лиц, святых обителей и церковных святынь и могут реализовываться посредством

– оценочной лексики: *училище благоустрояемое, памятникъ благотворенія, добродѣтели почтеннѣйшаго Николая Алексевича, поминайте <...> молитвами любви, Св. обитель и благочестивые чтители оной, гостепріимная старица боголюбезная родительница твоя, утѣшительнѣйшее отвращеніе, благословенно, приснопамят-*

ные Рычковы, незабвенный для меня мужъ, почтеннѣйшій Благотворитель Церквей, возлюбленный о Господѣ Оо. Самуилъ и Григорій, многоцѣлебные останки, величайшая милость, человекъ трезвый и способный);

– развернутых суждений: *Судя по прежнимъ твоимъ трудамъ въ обителяхъ пермскихъ, судя по письму твоему объ устройстве обители Соликамской, думаю что нынче обители: Далматовская, Верхотурская и Соликамская, довольныя попеченіемъ твоимъ объ нихъ, благословятъ тебя и въ смѣну олонецкую, что бы и здѣсь Св. обители получили утѣшеніе отъ трудовъ твоихъ [Архив 1854: 81]; Страна Олонецкая наполнена обителями и Святыми: воздухъ дышетъ благоуханіемъ молитвъ Угодниковъ Божіихъ: не вижу другой такой Епархіи, которую бы я, по настоящему моему состоянію, для себя лично могъ предпочесть [Архив 1854: 81]; Они Угодники Божіи, и мои покровители, какъ Ангелы Божіи, ограждали меня и съ той и съ другой стороны; какъ на крыльяхъ несли меня; ...Но никакія Обители не ослабятъ во мнѣ памяти о обители Верхотурской и оградѣ Верхотурьѣ [Архив 1851: 110].*

Письма о. Аркадия, написанные в традициях книжно-церковного красноречия, отличаются достаточно высоким уровнем грамотности, логичностью и связностью изложения, сформированной культурой оформления эпистолярного текста. Обращает на себя внимание практическое отсутствие помарок, исправлений и других способов саморедактирования, при том что почерк адресанта характеризуется крайней неразборчивостью и небрежностью, что, по-видимому, объясняется высоким темпом текстопорождения. Дополнительные характеристики языковой личности о. Аркадия можно выявить с помощью элементов графологического анализа [Кравченко 2006: 48; Особенности почерка: эл. ресурс]. По данным графологии, такие признаки почерка, как у Аркадия, характерны для человека прямодушного и откровенного, общительного и впечатлительного; подобный почерк обычно имеют люди, которые направлены на познание внешнего мира, но одновременно придающие большую значимость внутренним, личностным ценностям.

Таким образом, разноаспектный анализ эпистолярных текстов архиепископа Аркадия позволяет дополнить исторические сведения об этом церковном иерархе и составить более объемное представление о нем как об исторической языковой личности.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-14-59003а.

Библиографический список

Аркадий (Федоров) // Древо: открытая православная энциклопедия. URL: <http://drevo-info.ru/articles/15652.html> (дата обращения: 10.04.2015).

Аркадий Федоров // Большая биографическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/5390/%D0%90%D1%80%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 10.04.2015).

Архив – Архив Соликамского Святотроицкого мужского монастыря XVIII – XX вв. Рукопись. Соликамский краеведческий музей. Отдел «Фонды». Ф. 17, д. 113.

Кравченко В.И. Графология: характер по почерку. СПб., 2006.

Особенности почерка // Почерковедение.ru. URL: <http://pocherkovedenie.ru/osobennosti/> (дата обращения: 24.04.2015).

ПДП – А про то барону Строганову ведомо было... Памятники деловой переписки XVIII-XIX вв. Усолье, Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2006. 200 с.

Русский биографический словарь. В 25 т. / Изд. под наблюдением А. А. Половцова. Санкт-Петербург, 1900. Т. 2. 796 с.

N.V. Logunova

Associate Professor of Russian and Foreign Philology Department
Solikamsk State Pedagogical Institute,
the branch of Perm State University

L.L. Mazitova

Associate Professor of Russian and Foreign Philology Department
Solikamsk State Pedagogical Institute,
the branch of Perm State University

PRAGMATICS AND AXIOLOGY EPISTOLARY COMMUNICATION CLERGY

On the basis of the XIX century epistolary documents attempt reconstruction of the historical and linguistic personality Archbishop Arkady through analysis of its axiological priorities in the selection of the communication and evaluation system.

Key words: linguistic cultural studies; linguistic source study; handwritten documents; the clergy; the moral guidance of the clergy.

Михайлов Сергей Сергеевич
научный сотрудник
Центр истории и культуры старообрядчества
Москва
mesherdkray@mail.ru

«...САМЫЙ НОСАТЫЙ, САМЫЙ КОРИЧНЕВЫЙ АССИРИЕЦ...» У ИЛЬФА И ПЕТРОВА: КТО БЫЛ ПРОТОТИПОМ

В статье представлены результаты полевого исследования, целью которого было выяснение имени ассирийца-чистильщика обуви, который упомянут в романе И.Ильфа и Е. Петрова «12 стульев».

Ключевые слова: ассириец; стоянка; точка; чистка обуви; чистильщик; племя; куная; барварная; Москва; Тверская; улица; переулок; диаспора; колония.

На страницах многих художественных литературных произведений мы можем встретить персонажей, которых авторы подсмотрели в реальной жизни. Это может касаться и главных героев того или иного произведения, а может относиться и к персонажам, которые упомянуты лишь мельком. Об одном таком персонаже мне и хотелось бы рассказать.

В известнейшем романе И.Ильфа и Е. Петрова, в эпизоде, где речь заходит об остряке Авессаломе Изнуренкове, талант последнего сравнивается с рядом великих и известных по тому времени людей. Изнуренков острил примерно также, как Шаляпин пел, Горький писал, Капабланка играл в шахматы, Мельников катался на коньках. И в эту галерею известных мастеров своего дела, вдруг добавлен и «...самый носатый, самый коричневый ассириец, занимающий лучшее место на углу Тверской и Камергерского...», который «...доводил штиблеты граждан до солнечного блеска...» [Ильф, Петров 1974: 166–167]. Об этом человеке, анонимном ассирийце – чистильщике обуви, нам и хотелось бы поговорить подробнее.

В Москве, равно как и в большинстве других городов Европейской части России, в 1920-х гг. занятие чисткой обуви было монополизировано представителями ассирийской нации. Часто этот народ именуют этнонимов «айсоры», который происходит от армянского названия этого народа – «ассори». В годы Первой Мировой войны жившие в юго-восточной части Турции и северо-западном Иране христиане-ассирийцы, также как армяне, подверглись чудовищному геноциду, следствием которого стала гибель огромного числа представителей этой

древней нации и потеря этнической территории в горах Хяккяри в турецком Курдистане. Большое число беженцев-ассирийцев бежало и на территорию Российского Закавказья. По российским городам ассирийские беженцы стали расселяться после того, как надежда на возвращение в родные земли была потеряна. Согласно одной легенде, чистить обувь ассирийцы стали после распоряжения М.И. Калинина, и по этому вопросу чуть ли не было созвано целое заседание Совнаркома. Беженцам, которые были совершенно не адаптированы к жизни в российских условиях, надо было как-то выживать экономически.

С 1992 г. я занимаюсь изучением истории ассирийской диаспоры в Москве и ряде других городов. По причине небольшого объема архивного материала, в основном, приходится пользоваться полевыми источниками. Старожилы 1990–2000-х гг. являются детьми тех людей, кто собственно участвовал в формировании московской ассирийской диаспоры и родились в 1920–1930-х. Многие из них, особенно те, кто жил в районе Тверской, могли знать этого человека, того, кто попал на глаза Ильфу и Петрову.

Проживая в Турции, в горах Курдистана, ассирийцы занимали небольшие области, в которых сложились субэтноты, которые часто называют «племенами». Попав в Россию ассирийцы сохранили это племенное разделение. В центре Москвы, в том числе и в районе Тверской (в 1932–1990 гг. – улицы Горького) проживали преимущественно ассирийцы племени (по ассирийски – миллет) куная, которое до событий 1914 гг. населяло селение Кон. Почти все куная, кто пережил геноцид и исход, обосновались в 1920-х гг. в Москве. Ассирийцы-куная работали в прошлом и на обувных «точках», которые в большом числе были на Тверской улице (Горького). Значит, пытаться выяснить имя человека, попавшего в известный роман, надо у старожилов.

Моими главными информаторами по истории ассирийцев центра Москвы в 1990-х гг. были Нина Барутовна Завзу, 1931 г.р., и Михаил Шебович Авдышо, 1930 г.р., происходившие из ассирийцев-куная. Они фактически являлись главными хранителями исторической памяти своей ассирийской группы. По словам М. Авдышо и Н. Завзу, на углу Тверской и Камергерского всегда была только одна «точка» по чистке обуви. В 1930-х гг. она была временно перенесена в связи со строительством дома №6 по Тверской, но затем возвращена обратно. На этой «точке» с 1920-х по начало 1950-х гг. работал только один человек. Его звали – Тавер Зумаев. Он не был представителем куная, а являлся выходцем из ассирийского района Барвар, находившегося в горах Турецкого Курдистана, следовательно, относился к племени барварная. Оба указанных информатора о Зумаеве знали хорошо: М.Авдышо жил неподалеку, на

улице Немировича-Данченко (сейчас ей возвращено историческое название – Глинищевский переулок), а родной дядя Нины Завзу – Андрей Завзу – во второй половине 1940-х гг. работал на «точке» на углу улиц Горького (Тверской) и Огарева (Газетный переулок), т.е. фактически напротив, через проезжую часть улицы Горького, рабочего места Зумаева.

По рассказам упомянутых мною старожилов, Т.Зумаев умер в 1953 г. в возрасте 54 лет. Следовательно, родился он приблизительно в 1899 г. Получается, И.Ильф и Е.Петров видели еще молодого человека, которому на момент написания романа «12 стульев» еще не было тридцати. Мы не знаем, первым ли он стал трудиться на этом месте. Все «точки» чистильщиков обуви в центре Москвы, на которых работали ассирийцы, возникли еще в начале 1920-х гг. Например, место на углу Большой Дмитровки и Кузнецкого моста, где палатка чистильщика стояла еще в начале 2010-х гг., существовало с 1921 г. Рабочее место Зумаева находилось довольно близко, да еще имело очень выгодное положение. Ранее на нем мог работать другой чистильщик-ассириец. Мы не располагаем информацией, когда семья Зумаева поселилась в Москве. Судя по проживанию в центре города (об этом чуть ниже) это могло произойти на раннем этапе формирования диаспоры в 1920-х гг. Но, Зумаев мог получить место в 1925 г., когда новообразованный Союз ассирийцев стал организованно распределять «стоянки», дабы прекратить конфликты из-за них. Тогда за короткое время было распределено 745 мест.

Почему он в 1920-х гг. получил место там, где традиционно находились «стоянки» чистильщиков-куная, сказать сложно. Рабочие места обычно распределялись вблизи проживания той или иной группы ассирийцев. В тех же 1920-х гг., до упорядоченного распределения «точек», из-за выгодных, людных улиц шли целые войны между ассирийскими племенами, обосновавшимися в Москве. В. Скоробогатов упоминает о массовом побоище между представителями племен куная и гяварная, вооруженными кинжалами и металлическими прутьями, которое произошло на той же Тверской в 1923 г. Тогда «разбушевавшихся айсоров» еле-еле смогли разнять милиция и пожарные [Скоробогатов 1931: 68]. Старожилы 1990-х гг. смогли рассказать и о других подобных столкновениях, происходивших до 1925 г. О конфликте из-за места на Тверской между ассирийцем-куная и ассирийцем из племени тьяра, писали в московской прессе того времени [Андреевский 1998: 85–86]. Так как же представитель не очень многочисленной для Москвы группы смог получить «точку» в таком выгодном месте?

Уроженцы области Барвар (барварная) в Москве осели в районе Домниковки и в переулках Сретенки (Даев, Луков, Уланский). Это были

исключительно выходцы из села Севин (севиня). Там же поселился и малик-раис (что-то среднее между князьком и наследственным старостой) этого села, которого в ассирийской среде звали Шавель, а в официальном советском варианте – Камбар Георгиевич Мирзаев [Садо 2006: 93]. Этот человек контролировал жизнь своих односельчан, даже тех, кто поселился во Владимире и Иваново, вплоть до своего ареста в 1938 г. Но, потомки выходцев из Севин, с которыми мне довелось общаться и которые хорошо знали о жизни своей группы в Москве, про Тавера Зумаева не знали ничего. Зато некоторые из старожилов этой группы рассказали еще об одном месте в Москве, где жило несколько семей уроженцев Барвара, но не из их селения – Большой Палашевский переулок, где барварная жили по соседству с одной из московских колоний куная. Переулок находится в районе Тверской и идет параллельно ей. Этот момент легко объясняет, почему Зумаеву удалось получить место в таком районе. Небольшая колония выходцев из Барвара, которая поселилась рядом с одной из колоний куная, во время конфликтов могла выступать союзницей последних.

Но из какого селения, если не из Севин, могли происходить барварная Палашевского переулка? В книге игумена Стефана (Садо), ассирийца по происхождению, мы встречаем и одного человека, который в 1920-х гг. упомянут в Москве и был уроженцем селения Хаджидж в Барваре [там же: 152]. Он мог быть членом колонии барварная в Палашевском переулке, земляком и соседом Зумаева. Селение Хаджидж (у русского вице-консула в г. Ван Р. Термена – Хаджадж) к началу XX в. было очень небольшим и насчитывало всего 4 двора [Термен 1910: 227]. Московские барварная из этого села могли представлять все, что осталось от его жителей после геноцида и исхода из Турции. Более никаких упоминаний об уроженцах этого селения и их потомках я не слышал нигде.

Мои информаторы были еще детьми и молодыми людьми в то время, когда Т. Зумаев был жив и работал на своей «точке» в центре Москвы. Он был в возрасте их родителей и мало мог интересоваться в плане общения. С ним, как правило, только здоровались. Единственное, что представители поколения начала 1930-х гг. смогли рассказать об интересующем нас человеке, это то, что он пользовался уважением у знавших его соплеменников и слыл прекрасным рассказчиком. Он хорошо знал богатый ассирийский фольклор, который, к величайшему сожалению, ушел с его поколением, так и не будучи записанным. Ассирийцы, родившиеся в Москве в 1920–1930-х гг., воспитывались уже в другой среде, учились в советских школах. Даже находясь на высоком уровне

национального самосознания, они почему-то не смогли воспринять многое из того, носителем чего были их родители.

Общаться с Зумаевым лично, т.е. беседовать, Ильф и Петров не могли. Судя по высокой оценке его труда, писатели чистили у него обувь, или, как минимум, наблюдали за его трудом. Во второй половине 1920-х гг., когда оба автора подсмотрели Зумаева, ассирийские беженцы очень слабо владели русским языком, в противном случае, мы бы имели не бессловесного чистильщика обуви, наводящего блеск на штиблеты, а совершенно иной образ, куда более колоритный.

Про Зумаева более подробно могли бы рассказать представители тех семей куная, кто непосредственно жил с ним в Палашевском переулке. Однако мне таковых встретить во время исследований в 1990-х гг. не удалось. Сейчас такие люди, если они и были, уже ушли из жизни.

Где был похоронен Тавер Зумаев мне также никто не смог сказать. Московские барварная, которые происходили из села Севин, хоронили своих усопших на Пятницком кладбище, равно как и представители других групп, живших в северной части старой Москвы. Но про то, что там погребались и барварная из Палашевского переулка, никто не знал. Эта маленькая группа могла выбрать то же кладбище, что и их московские соседи – ассирийцы-куная. Последние с 1930-х гг. выбрали для захоронения своих покойников Ваганьковское кладбище. Там же существует некрополь московских ассирийцев-джильвая, которые с 1920-х гг. проживали в московской исторической местности Грузины. На данный момент визуальный осмотр местного ассирийского некрополя места захоронения Т.Зумаева не выявил.

Мои информаторы рассказали, что у Тавера Зумаева было четверо детей: три сына и дочь. Все сыновья «вышли в люди»: один стал директором «Холодильника» (хладокомбината), второй – юристом, третий – заведующим ювелирным отделом. Про дочь не рассказывали ничего, скорее всего она вышла замуж и занималась домашним хозяйством. Познакомиться с потомками Зумаева в 1990-х гг. мне не удалось – никто из ассирийцев, с кем мне доводилось общаться, о них ничего не знал. Скорее всего, они как представители небольшого московского ассирийского сообщества, которое имело небольшой круг внутриэтнических контактов, к настоящему моменту сильно ассимилировались в окружающей русской среде.

Поскольку никто из представителей младшего поколения Зумаевых потом не пошел по обувной линии, «точка» на углу улицы Горького и проезда Художественного Театра была передана представителям одной из семей куная. Палатка чистильщика стояла здесь очень долго, ее убрали одной из самых последних в Москве уже в 2013 г. В последние

годы в ней работали уже не владельцы ассирийцы, а наемные работники из Средней Азии. Обувь там не чистили с 1990-х гг., а продавали обувную фурнитуру и т.п.

На данный момент это все, что можно рассказать о Тавере Зумаеве, ассирийце-чистильщике обуви, который попал на глаза знаменитым авторам – И.Ильфу и Е. Петрову – и представлен на страницах известного литературного произведения.

Библиографический список

Андреевский Г. Москва 20-30-ые годы. М., 1998.

Ильф И., Петров Е. 12 стульев. М., 1974.

Садо С. Материалы к биографическому словарю ассирийцев в России. Изд. 2-е. СПб., 2006.

Скоробогатов В. Айсоры в СССР. // Просвещение национальностей. М., 1931. №1.

Термен Р. Отчет о поездке в санджак Хеккиари, Ванского вилайета в 1906 г. Тифлис, 1910.

S.S. Mikhailov

Researcher

Center for History and Culture of Old Believers, Moscow

"... THE MOST BIG-NOSED, MOST BROWN ASSYRIAN ..." IN THE NOVEL BY ILF AND PETROV: WHO WAS THE PROTOTYPE

The article presents the results of field research, the purpose of which was to determine the name of the Assyrian-shoeshine boy, who is mentioned in the novel by I. Ilf and E. Petrov "12 chairs".

Key words: Assyrian; park; point; shoe shine; shoeshine; tribe; kunai; barvarnaya; Moscow; Tverskaya street; lane; diaspora colony.

Чжу Шаохуа

профессор факультета русского языка
Анхойский педагогический университет (КНР)
zsh5671@126.com

Кондаков Борис Вадимович

профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kondakovbv@gmail.com

КИТАЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКИХ АРГО И ЖАРГОНАХ

В статье рассматривается процесс вхождения в русский язык лексики, заимствованной из китайского языка, приводятся примеры использования этих слов в русской речи.

Ключевые слова: заимствования; аргю; жаргон; взаимодействие языков обмен; китайская лексика; русская лексика.

На протяжении последней четверти века (после распада Советского Союза) в русском языке аргю и жаргон стали приобретать всё большее значение. Арготизмы и жаргонизмы не только прочно вошли в разговорный язык, но и стали активно проникать в средства массовой информации; они становятся «местом рождения новых смыслов, вызванных к жизни самой жизнью, появлением в общественном и быденном бытии новых явлений», «обслуживают механизм самообновления языка, участвуя в создании единого динамического пространства современного русского языка» [Шляхов 2001: 43–49].

Известно, что в русских жаргонах (аргю) встречаются русские (национальные) и иноязычные (заимствованные) элементы. Иноязычные элементы являются одним из эффективных средств межкультурной коммуникации и вносят в язык реалии иной культуры. На эту тему было опубликовано несколько работ. Прежде всего следует отметить работы В.Д. Бондалетова, публиковавшиеся в 1960–1990-е годы [Бондалетов 1965; Бондалетов 1967; Бондалетов 1987; Бондалетов 1990]; в 1982 г. Е.Г. Лукашанец защитил кандидатскую диссертацию на тему «Лексические заимствования и их нормативная оценка [Лукашанец 1982].

Для нас особый интерес представляют заимствования, связанные с восточными языками и культурами. Вопрос о роли таких заимствований в русских жаргонах и аргю в начале 1930-х годов поставил Н.К. Дмитриев [Дмитриев 1931. К исследованию иноязычных «азиат-

ских» заимствований в русских аргосе обращался известный лингвист В.С. Елистратов [Елистратов 1994; Елистратов 2000: 574–692].

Следует отметить, что в русских аргосе и жаргонах присутствуют *китайские элементы*. Слова, источником которых являются заимствования из китайского языка, можно найти в «Словаре русского аргосе» В.С. Елистратова [Елистратов 2000], в «Большом словаре русского жаргона» В.М. Мокиенко [Мокиенко 2001], а также в «Толковом словаре уголовных жаргонов» [Дубягин 1991]. К сожалению, исследователи до сих пор практически не уделяли внимания этому явлению. Тему использования отдельных «китайских» элементов в русских аргосе затронул В.С. Елистратов в работе «Аргосе и культура» [Елистратов 2000: 646], однако систематического изучения этого явления не осуществлялось.

Наша работа направлена на изучение некоторых китайских элементов в русских аргосе и жаргонах. Мы предполагаем рассмотреть русскую жаргонную лексику, источником которой являются заимствования из китайского языка, а также некоторые оригинальные русские слова, которые образуются из китайских заимствований.

Как показывает проделанное нами исследование, в современном русском языке имеются около 70 слов, заимствованных (прямо или опосредованно) из китайского языка [Чжу Шаохуа 1999]. Эти слова представлены разными тематическими группами: растения, животные, ткани, продукты питания, занятия людей, природные и общественно-политические явления и др. Данные заимствования играют активную роль в русской письменной и устной речи, а некоторые из них уже вошли в число часто употребляемых слов русской лексики (Китай, чай, шёлк и т. д.) и нередко становятся частью русских фразеологических единиц, а также включаются (нередко в ином значении) в русские жаргоны и аргосе (в частности, употребляются в ненормативной и условно-профессиональной речи).

Рассмотрим некоторые варианты употребления слов.

ЖЕНЬШЕНЬ. Слово *женьшень* заимствовано из китайского языка (“*renshen*”) и обозначает многолетнее травянистое растение, произрастающее на Дальнем Востоке. Жаргонное значение этого слова – *женщина* («Это мой знакомый женьшень Лена» [Елистратов 2000]). Другое значение слова – «дорогая парикмахерская, фирменный салон». Данное жаргонное употребление слова *женьшень* делается возможным потому, что слова «женьшень» и «женщина» в русском языке близки по произношению, в результате чего происходит фонетическая контаминация. Помимо этого происходит и *семантическая* контаминация: женьшень используется как эффективное тонизирующее средство, а для мужчины женщина также обладает «тонизирующим эффектом». Второе жаргон-

ное значение слова «женьшень» («дорогая парикмахерская или фирменный салон») может быть объяснено высокой стоимостью как самого корня женьшеня, так и парфюмерии, изготовленной на его основе [Елистратов 2000: 15].

ДАЦЗЫБАО (ДАТЦЗЫБАО). Это слово вошло в русский язык в 1960-е годы – период Великой пролетарской культурной революции, которая широко освещалась в советской печати. Оно образовалось от китайского словосочетания “da zi bao” (da – «большой»; zi – иероглиф; bao – газета, т. е. «газета больших иероглифов»), которое обозначало настенный рукописный плакат или листовку, широко использовавшийся в Китайской Народной республике в целях агитации или критики в 1950–1970-е годы. Жаргонное значение этого слова в русском языке – «студенческая стенная газета» (часто выражающая неофициальную точку зрения). Это слово употребляется обычно в студенческой речи и имеет шутливую окраску. Как мы видим, основное значение слова не изменилось – изменения произошли только в сфере его применения.

ХУНВЭЙБИН. Слово *хунвэйбин* происходит от китайского словосочетания “hong weibing” (hong – красный; weibing – караул, гвардия, охрана), которое использовалось в качестве названия молодёжных отрядов, сформированных в Китае в 1966 г. для проведения Великой пролетарской культурной революции, события которой критически отражались в советской прессе. В речи современных российских уголовников и полицейских слово *хунвэйбин* обозначает «осуждённых за хулиганство» [Балдаев 1992]. Появление хунвэйбинов в Китае во время «Культурной революции» имело в качестве основной цели расправу с политическими и общественными деятелями, не поддерживавшими волюнтаристские начинания власти. В современном китайском языке это слово символизирует пренебрежение к культурным традициям, правам человеческой личности, жестокость.

ЧАЙ. Слово *чай* обозначает известный во всём мире напиток (зелёный чай, грузинский чай, заварить чай; пить чай, крепкий чай, стакан чаю, пригласить на чашку чая, липовый чай; вечерний чай, за чаем, позвать к чаю...). Слово *чай* широко употребляется в русской речи, и образует большое количество словосочетаний и выражений, немало из которых используются как фразеологические единицы. Однако в речи наркоманов слово «чай» имеет значение «марихуана» (наркотик, получаемый из индийской конопли) [Балдаев 1997]. Интересно, что в английском языке слово “TEA”, заимствованное из китайского языка, в американском жаргоне также имеет значение «наркотик». Такое сходство значений может быть связано с тем, что в чае действительно содержится теин, который оказывает на человека возбуждающее действие.

ТАЙФУН. Слово *тайфун* происходит от китайского слова *taifeng*, обозначающего ураган большой разрушительной силы. Его жаргонное значение «энергичный, активный человек» нетрудно объяснить, поскольку энергичный и активный человек иногда действительно может быть похожим на ураган.

ЮАНЬ. Юань – это китайская денежная единица, равная 10 цзяо (мао) или 100 фыням. В русской жаргонной разговорной речи в единственном числе оно имеет обобщённое значение «рубль, монета, купюра», а в множественном числе обозначает «деньги» вообще [Елистратов 2000]. Слово «юань» в 1970-е годы вошло в известный шуточный фразеологизм «Фынь юань бережёт», в котором оно заместило соответствующие русские слова («Копейка рубль бережёт»).

Рассмотренные выше жаргонные слова заимствованы непосредственно из китайского языка, и этот факт не вызывает особых споров. Однако в русском языке есть и другие заимствования, происхождение которых также связано с воздействием китайского языка, однако этот факт может быть не зафиксирован в этимологических словарях.

ДЖОНКА. Слово *джонка* происходит от китайского слова “*chuan*” (лодка, судно) и обозначает особый тип китайского парусного грузового судна. В речи уголовников это слово обозначает «мужской головной убор, фуражку» [Миляненокв 1992]. Возникновение такого значения объясняется так, что джонка как тип судна имеет приподнятый широкий нос и корму, что делает её немного похожей на мужской головной убор.

ХАНКА. Нам представляется, что слово *ханка*, возможно, происходит от китайского слова «ханжа», которое обозначает китайскую хлебную водку и вообще всякий суррогат алкогольного напитка.

В русском литературном языке слово «ханка» отсутствует, однако в жаргоне и аргоне оно встречается часто и имеет несколько значений:

- водка: «ханку жрать», то есть «пить водку» [Дубягин 1991];
- спиртное, выпивка [Балдаев 1997; Миляненокв 1992];
- наркотик: «захороводить ханку», то есть «употребить наркотик» [Дубягин 1991];
- еда, пища, закуска [Елистратов 2000].

Иноязычные слова в русском языке нередко выполняют *словообразовательную* функцию. От этих слов в русском языке при помощи различных словообразовательных средств могут быть созданы новые слова. Например, от заимствованного из Китая слова «чай» в русском языке было образовано более 30 слов: «чайная», «чайник», «чаепитие», «чаевод», «чайный» и другие. Некоторые из них употребляются в качестве жаргонизмов.

Чаеводство – разведение чая как отрасль сельского хозяйства; в жаргонном значении это слово обозначает чаепитие, например: «Ну что, займёмся чаеводством, раз водки нет?» [Елистратов 2000]:

Чаехлёб – тот, кто любит пить чай, например: «чаехлёбы московские».

Чаегон – то же, что чаехлёб (происходит от выражения «чай гонять»).

Чаехлёбничать, чаехлёбствовать – пить чай, гонять чай.

Чайнуха, чайнушка, чайная: разновидность общественной столовой в советский период, посетители которой могли напиться чаю (а иногда употребить и алкогольный напиток), а также закусить.

ТАЙФУНИТЬ. Образовано от китайского заимствования «тайфун». Имеет значение «буйнить, бузить, скандалить» [Елистратов 2000].

ГАОЛЯНКА. Происходит от китайского слова «гаолян» (*gao liang* – *высокая трава*). В жаргоне уголовников есть устойчивое выражение «гаолянка косорылая», которое имеет значение «жительница Китая», «китаянка» [Миляненок 1992; Балдаев 1997]. Возможно, появление этого слова в русском языке связано с кинофильмом «Красный гаолян» режиссёра Чжана Имоу, снятому по повести писателя Мо Яня, который шёл в советском прокате в 1989 г. Данное слово имеет пренебрежительную окраску.

ШЁЛКОПРЯД. Слово шёлк происходит от китайского слова “*si*”, обозначающего гусеницу, которая вьёт коконы, идущие на изготовление шёлка. В аргю это слово обозначает того, кто «упорно и целенаправленно делает что-либо» [Елистратов 2000]. Мы полагаем, что слово подчёркивает упорность и целенаправленность какого-либо действия. Интересно отметить, что в Китае шёлкопряд символизирует упорство и трудолюбие (существует китайский фразеологизм: «Шёлкопряд упорно работает до тех пор, пока не выплюнет последний шёлк»).

Активное использование китайских по происхождению слов в жаргонах и аргю свидетельствует об их продуктивности и большом потенциале использования в современном русском языке.

Библиографический список

- Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона: в 2 т. М.: Камана, 1997.
- Балдаев Д.С. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Одинцово: Края Москвы, 1992. 529 с.
- Бондалетов В.Д. Заимствования из германских языков в лексике русских условно-профессиональных аргю // Язык и общество: сборник статей. Саратов, 1967.

Бондалетов В.Д. Финно-угорские заимствования в русских условно-профессиональных аргот // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1965.

Бондалетов В.Д. Иноязычная лексика в русских аргот. Рязань, 1990. 112 с.

Бондалетов В.Д. Типология и генезис русских аргот. Куйбышев, 1987. 82 с.

Дмитриев Н.К. Турецкие элементы в русских аргот // Язык и литература. Т. VII. Л., 1931.

Дубягин Ю.П. Толковой словарь уголовных жаргонов / под общ. ред. Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. М.: Интер-омнис; Ромос, 1991.

Елистратов В.С. Словарь московского аргот. М.: Русские словари, 1994. 702 с.

Елистратов В.С. Словарь русского аргот. М.: Русские словари, 2000. 694 с.

Лукашанец Е.Г. Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материале молодёжного жаргона 60–70 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 22 с.

Милютенков Л. По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. СПб.: Дамы и господа, 1992.

Шляхов В. Языковая революция и жаргон // Вестник МАПРЯЛ. 2001. № 32. М., 2001.

Чжу Шаохуа, Оглезнева Е.А. Китайские заимствования в русском языке // Филология: сборник работ преподавателей и аспирантов АмГУ и Пекин. ун-та. Благовещенск, 1997. С. 37–39.

Zhu Shaohua

Professor of Russian Language Department
Anhui Normal University

Boris V. Kondakov

Professor of Russian Literature Department
Perm State University

**THE ELEMENTS OF THE CHINESE LANGUAGE
IN RUSSIAN ARGOT AND JARGON**

The article considers ways in which the Russian vocabulary borrows words from Chinese language. The process of the Chinese vocabulary insight into the Russian language illustrates with a number of examples.

Key words: loanwords; argot; jargon; languages interaction; Chinese vocabulary; Russian vocabulary.

Ширинкина Мария Андреевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
m555a@yandex.ru

МОДЕЛИ ПИСЕМ-ОТВЕТОВ НА ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН В ОРГАНЫ ВЛАСТИ

В статье описываются структурно-логические модели писем-ответов на различные формы обращений граждан в органы власти (заявление, предложение, жалоба). Представлен репертуар стереотипных синтаксических конструкций, которые используются для выражения структурных элементов делового письма.

Ключевые слова: официально-деловой стиль; деловое письмо; стандартизованность; модель текста; стереотипные единицы.

Как известно, стандартизованность является одним из отличительных свойств официально-деловых текстов. Практический смысл этой характеристики вполне оправдан: в условиях «все усложняющейся экономической и социально-политической жизни общества» [Колтунова 2000: 33] стандартизованность, проявляющаяся в существовании унифицированных форм документных текстов, а также в наборе стереотипных готовых формул, помогает составителю создать документ, в большей степени отвечающий требованиям конкретной ситуации делового общения, экономит рабочее время специалистов, работающих над созданием документов. Иными словами, процесс документирования сегодня заключается прежде всего в «создании текста, релевантного формальным и содержательным условиям его применения» [Кушнерук 2013: 90].

Стереотипный характер официально-деловой речи проявляется на разных языковых уровнях: на уровне текста, на уровне предложения и даже отдельного стилистически окрашенного слова.

Начнем с определения понятия модели. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» модель определяется как «схема или образец какой-либо языковой единицы, показывающие последовательное расположение составляющих ее частей» [Розенталь 1976: эл. ресурс].

Являясь деловым письмом, ответ на обращение гражданина должен обладать прежде всего стилистическими, жанровыми и структурно-языковыми признаками, свойственными деловой переписке. Так, в большинстве методических пособий по деловому общению указывают,

что текст делового письма состоит из трех частей. «Первая (вводная) часть предназначена для конкретизации сути вопроса, послужившего поводом для письма. В ней излагается причина, основание или обоснование составления письма... Вторая (основная) часть служит для последовательного и подробного описания различных аспектов вопроса. Заключительная часть текста обычно состоит из одного абзаца, содержащего 2–4 предложения. В ней помещаются выводы, предложения, просьбы, решения и т. д.» [Деловые письма: эл. ресурс].

Поэтому **инвариантной структурной моделью** письма-ответа будет следующая схема, включающая три модуля, или типовых текстовых блока:

1. Вводная часть (ссылка на первичное письмо, повторение содержания запроса).

2. Основная часть.

При положительном решении проблемы гражданина основная часть будет содержать изложение информации по запросу, при отказе – аргументированное указание причин отказа.

3. Заключительная часть (выводы, предложения, просьбы, решения).

Следует пояснить, что 1 и 3 модули (вводная и заключительная части) письма-ответа строятся одинаково, не зависимо от формы обращения гражданина, меняется только наполнение второго модуля (то есть основной части).

Заметим, что письмо-ответ на обращение гражданина является вторичным текстом, его содержание полностью опирается на исходный запрос гражданина. Поэтому для построения адекватных моделей писем-ответов нужно определить понятие обращения гражданина, а также рассмотреть возможные формы, которые принимают обращения граждан в органы власти.

Так, в соответствии с ФЗ № 59 от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» **«обращение гражданина** – это направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления» [ФЗ № 59: статья 4].

Там же установлены три юридически значимые формы обращений: **«предложение** – рекомендация гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общест-

венных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества;

заявление – просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц;

жалоба – просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц» [там же].

Необходимо отметить два, на наш взгляд, чрезвычайно важных обстоятельства:

1) на практике бывает трудно квалифицировать письмо-обращение как предложение, заявление или жалобу; иными словами, в конкретных письмах интенции гражданина довольно часто видоизменяются;

2) в постатейных комментариях к ФЗ № 59 правоведы отмечают, что «... в законодательстве Российской Федерации и субъектов РФ упоминаются и другие виды обращений» [Глушко 2007: эл. ресурс]. А именно ходатайство (как просьба о признании определенного статуса, прав, законных интересов) и петиция (как коллективное обращение граждан, подписанное 300 и более гражданами).

Однако для того чтобы определить интенцию гражданина в каждом конкретном случае, положения статьи 4 Федерального Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» оказываются для нас вполне достаточными. Опираясь на них, можно сделать вывод о том, какие интенции гражданина являются исходными при обращении в органы власти.

1. Обращение гражданина в форме жалобы сопровождается интенцией «требую восстановить нарушенные права».

2. Если обращение гражданина имеет форму заявления, то (согласно процитированному выше законодательному положению) реализуется она из двух возможных интенций: «требую реализовать принадлежащее мне право» и «сообщаю о недостатках в работе каких-либо органов».

3. Наконец, обращение-предложение гражданина продиктовано его желанием «сообщить о недостатках в законодательстве либо в работе каких-нибудь органов и предложить вариант решения проблемы».

Оказывается, определенная интенция гражданина обуславливает структуру письма-ответа. Иными словами, модель письма-ответа на обращение гражданина определяется разновидностью самого обращения.

Представим модели основной части писем-ответов в виде таблицы.

Таблица 1

Формы обращений граждан и модели ответов на них

	Цель гражданина	Модель ответа (основная часть письма)
Жалоба	1) нарушены права гражданина ТРЕБУЮ ВОССТАНОВИТЬ	1. Ссылка на нормативный правовой акт, который устанавливает права. 2. Вывод о возможности / невозможности восстановления права
	2) есть право ТРЕБУЮ РЕАЛИЗОВАТЬ	1. Ссылка на нормативный правовой акт, который устанавливает права. 2. Вывод, содержащий подтверждение или отрицание права у данного гражданина. 3. Инструкция о том, как реализовать право.
Заявление	3) есть недостатки в работе к.-л. органов СООБЩАЮ ВАМ	1. Ссылка на нормативный правовой акт, который регулирует работу указанных органов. 2. Заключение по существу вопроса: а) толкование нормы закона; б) инструкция о том, как решить проблему.
	4) есть недостатки в законодательстве, в работе к.-л. органов ПРЕДЛАГАЮ ВАМ	1. Заключение по существу вопроса: а) сообщение о принимаемых мерах; б) обязательство принять к сведению полученную информацию; в) предложение обратиться в ту организацию, в чьей компетенции эта сфера находится. 2. Благодарность за указание на актуальную проблему и предложение возможных путей ее решения.

Следующим логичным шагом описания структуры письма-ответа является составление списков стереотипных – клишированных – конструкций, служащих для выражения типичных фрагментов информации.

К примеру, наполнение **вводной части** может происходить посредством следующих устойчивых сочетаний:

На Ваш запрос о... сообщаем; В ответ на Ваш запрос о ... сообщаем; Рассмотрев Ваше обращение о... сообщаем; Рассмотрев Ваше обращение, поступившее в... и переадресованное в соответствии с полномочиями в..., сообщаем.

При выражении **отказа, задержки положительного решения, несогласия** предполагается использование в начале ключевой фразы слов, выражающих сожаление, например: *К сожалению, вынуждены сооб-*

щитъ о невозможности удовлетворить Ваш запрос..; Сообщаем, что ввиду..; К сожалению, мы не можем в настоящий момент положительно решить Вашу проблему, однако..; Мы готовы учесть Ваши замечания..; Учитывая Ваши соображения по данному вопросу... и т. п.

Анализ материала позволил зафиксировать, что содержание правовой нормы и, соответственно, **ссылка на нормативный правовой акт**, на который автор-составитель письма опирается для разрешения проблемы, вводится в текст следующими языковыми средствами:

– сочетанием сущ., называющего закон или норму закона, в Дат.п. с предлогом *согласно*;

– сочетанием сущ., называющего закон или норму закона, в Тв.п. с предлогом *в соответствии с*;

– сочетанием сущ., называющего закон или норму закона, в Род.п. с предлогом *на основании*;

– простым предложением с подлежащим, выраженным сущ., называющим закон, и сказуемым, выраженным глаголом наст. врем. *предусматривать*, которое имеет прямое дополнение, обозначающее объект этого действия и являющееся основным элементом содержания правовой нормы (*прекращение обязанности, начисление взносов, резервирование пакетов акций, льготы, право и т.д.*);

– сложноподчиненным предложением с придаточным изъяснительным (дополнение к сказуемому развертывается в придаточное предложение со своей грамматической основой):

а) сказуемое в главном предложении выражено глаголом *устанавливать, предусматривать* в наст. врем. со знач. подчеркнутой констатации, и в этом случае наименование закона или нормы, о содержании которых идет речь, выступает в роли подлежащего;

б) сказуемое в главном предложении выражено возвратным глаголом (*предусматриваться, устанавливаться, определяться*) или кр. страдат. прич. от этих глаголов (*предусмотрено, установлено, определено*), тогда наименование нормы или закона выступает в роли дополнения, имея форму Тв. п. со знач. косвенного субъекта действия, обозначенного сказуемым.

Аналогичные списки могут быть составлены для всех описанных выше модулей и их структурных компонентов.

Таким образом, разработка структурных моделей письма-ответа позволяет построить образцы текстов для реализации эффективного диалога между представителями власти и гражданами. Учитывая тот факт, что специалисту органов власти (в частности Администрации города) приходится в день составлять в среднем 3-5 писем, разработанные модели писем-ответов и списки устойчивых оборотов речи для каждого

модуля оказываются чрезвычайно полезными в этой профессиональной сфере.

Библиографический список

Деловые письма. Правила оформления. Структура письма. URL: <http://www.doc-style.ru/DP/?id=1.1> (дата обращения: 10.04.2015).

Глушко Е.К. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: постатейный комментарий. URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/693> (дата обращения: 10.04.2015).

Колтунова М.В. Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет. М., 2000.

Кушнерук С.П. Знаковый состав современных документных текстов // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2013. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/znakovyy-sostav-sovremennyh-dokumentnyh-tekstov> (дата обращения: 12.04.2015).

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение. 1976. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/752/модель> (дата обращения: 15.04.2015).

M.A. Shirinkina

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

MODELS OF AUTHORITY'S RESPONSES TO MESSAGES OF CITIZENS

The article describes the structural-logical models of authority's responses to citizens' messages (applications, suggestions, complaints). The author presents the stereotypical repertoire of syntactic structures used to express the structural elements of a business letter.

Key words: official style; business letters; standardizing; text model; stereotyped units.

СЛОВАРЬ, ГРАММАТИКА, ТЕКСТ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

УДК 81'25:792.072

Ильина Ольга Владимировна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
ilina.usu@gmail.com

Белинская Наталья Эдуардовна
выпускница департамента «Факультет журналистики»
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
galateya2008@yandex.ru

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД В БАЛЕТНОЙ КРИТИКЕ

Статья посвящена исследованию русской балетной критики. Показано, что специфика балетной критики заключается в необходимости межсемиотического перевода с языка танца на естественный язык.

Ключевые слова: балетная критика; межсемиотический перевод.

Театральная и, в частности, балетная критика находится на стыке искусствоведения и публицистики. С одной стороны, театральная критика как часть профессиональной деятельности журналистов использует достижения и методы науки о театре. С другой стороны, критика, откликаясь на события современной жизни, даёт театроведению богатейший материал, который со временем становится частью науки. При этом критика остаётся более субъективной и пристрастной в своих оценках, чем теория искусства. Логика творческого мышления критика адекватна творческой логике режиссера, постановщика, и это определяет художественность стиля театальной критики. Сложный, пограничный характер критики, ее положение между историей и философией, наукой и публицистикой, наукой и искусством, искусствознанием и журналистикой подчеркивают многие исследователи (см.: [Борев 2005, Зись 1987: 8–39; Ванслов 1987: 285]).

Мы обращаемся к анализу современной русской балетной критики. Источником материала для нашего исследования послужили общественно-политический журнал «Итоги», а также два специализированных журнала – «Балет» и «Культура Урала».

Критическая публикация о балете существует, как правило, в жанре рецензии и представляет собой вторичный текст, появившийся в результате того, что его автор предложил читателю свою интерпретацию первичного текста (о вторичных текстах см.: [Майданова 1994, Майданова, Калганова 2006: 89–116]). Отметим, что в широком понимании первичный текст – это не только литературное, научное или другое произведение, но и кинофильм, театральный спектакль, живописное полотно и другое, то есть нечто, обладающее смыслом и формой и поддающееся интерпретации [Майданова, Калганова 2006: 89–105]. Таким образом, объектом художественной критики часто становится текст, созданный в иной семиотической системе, не на естественном языке, а на языке танца, кинематографа, живописи или др. И при интерпретации такого текста критик сталкивается с необходимостью перевода одной семиотической системы в другую.

Проблема межсемиотического перевода в лингвистике обычно рассматривается в рамках перевода с вербального языка на невербальный [Якобсон 1985]. В Словаре лингвистических терминов С.О. Ахмановой интерсемиотический перевод трактуется как «передача данного содержания не средствами того же или другого естественного («словесного») языка, а средствами какой-либо несловесной семиотической системы, такой как хореография, музыка и т. п., с одной стороны, и информационно-логические языки – с другой» [Ахманова 1966: 317]. Особый интерес современных исследователей вызывает межсемиотический перевод при экранизации художественных произведений [Карпухина 2011] или при переводе «словесных» текстов на язык рисунков и мультипликации [Коваленко 2011]. Нам же представляется важным описать обратный процесс – перевод текстов, созданных в невербальных знаковых системах, на естественный язык. Именно эту задачу призван решить балетный критик – он должен интерпретировать невербальные знаки посредством естественного языка.

В балете танцевальные, технически сложные движения человеческого тела создают особый художественный мир, и балетная критика должна передавать образную структуру этого мира. Это определяет специфику аргументации через представление первичного текста в рецензиях на балет. Элементы первичного текста (балетного спектакля), которые могут быть представлены в рецензии на балет, – это либретто (пересказ сюжета), описание танцевальных движений, элементы сценогра-

фии, описание мимики и пластики танцовщиков и др. (см. также: [Ильина, Белинская 2013]). При представлении этих элементов первичного текста критик осуществляет перевод с языка танца на естественный язык и для этого прибегает к ряду специальных языковых средств.

Во-первых, необходимостью межсемиотического перевода обусловлено обилие специальной балетной и театральной терминологии и профессионализмов. Например: *Хореография спектакля представляет собой классический танец с элементами гротеска* (Балет. Нояб.–дек. 2014. № 6); *Труппа вместе с хореографом предлагает присмотреться к невероятной сексуальности одетой в камзол женщины, изяществу простого батмана, прелести непуантного танца* (Итоги. 21 февр. 2011. № 8). За каждым термином четко закреплен определенный знак другой семиотической системы. Эта связь однозначная, благодаря чему термины позволяют ясно и точно описывать танец вербальными средствами.

Во-вторых, для более точного, ёмкого, краткого описания происходящего на сцене театральные критики активно используют слова в переносном значении (метафоры, сравнения, эпитеты и др.). Рассмотрим примеры использования тропов, передающих сложные сценические образы.

В публикации «Но авангардным быть обязан» Лейла Гучмазова сравнивает классических балерин, исполняющих танец-модерн, с японскими анимэ: *«Лебедицы и виллисы смотрелись жесткими компьютерными анимэ»*. Этим сравнением журналист хочет сделать исполнителям комплимент: *«Прежде не блиставших в современной хореографии солисток было не узнать»* (Итоги. 2011. 1 авг. № 31). К слову, современные балетные критики периодически критикуют русских балерин за неумение танцевать современный танец, за то, что «они застряли в архаичности классического танца» и т. д.

Приведем еще один пример очень точного сравнения: *...Особенно следует отметить как циркулем прочерченные графичные фуэте на одной точке сцены* (Балет. 2009. Нояб.–дек. № 6). Использование термина *фуэте* дополняется, уточняется сравнением (*как циркулем прочерченные*) и эпитетом (*графичные*), что помогает читателю увидеть, вообразить четкие движения балерины.

Эпитеты используются и в рецензии Натальи Белинской (одного из авторов настоящей статьи): *Ведь в этом мире помимо стадной есть и другая сущность («Она» – Дина Тимирова) – женское начало, олицетворяющее способность к чувствам, продолжение жизни. Ее инакость выражена другой лексикой: мягкие, плавные, загадочные, никогда не статичные руки* (Культура Урала. Сент. 2014. № 7).

В рецензии «В поисках Беловодья» Наталия Левкоева для более точного описания танцевальных движений, сценографии активно использует сравнения, метафоры и эпитеты:

На сцене – круг кресел, где сидят зрители и артисты. Внезапно исполнители встанут и сбиваются в толпу в центре этого замкнутого пространства.

Людям тесно в толпе, они задыхаются, толкают друг друга, что-то выкрикивают, хотят вырваться, но толпа притягивает и поглощает их. Безликая масса движется по кругу, вбирая в себя упавших, и под ее давлением люди сливаются как капли ртути. <...> И вот толпе брошен вызов. Смелчак в своем красноречивом монологе, полном протеста и отчаяния пытается отстоять свой выбор (Балет. Янв.–февр. 2011. № 1).

Красноречивый монолог – так автор называет сольное исполнение, движения одного танцовщика, то есть язык тела сравнивается с речью, своими движениями танцовщик словно рассказывает нам о стремлениях, чувствах, порывах персонажа.

Такие яркие, необычные сравнения, эпитеты, метафоры позволяют не только придать речи экспрессию, создать яркий образ, но и наиболее точно и кратко выразить нужную критику мысль, описать и охарактеризовать происходящее на сцене, передать впечатление от увиденного.

Библиографический список

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608с.

Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Русь-Олимп: Аст: Астрель, 2005. 829 с.

Ванслов В.В. Некоторые актуальные проблемы искусствоведения и художественной критики // Методологические проблемы художественной критики / Отв. ред. А.Я. Зись. М.: Искусство, 1987. С. 268–295.

Зись А.Я. Художественная критика и искусствоведение // Методологические проблемы художественной критики / Отв. ред. А.Я. Зись. М.: Искусство, 1987. С. 3–40.

Ильина О.В., Белинская Н.Э. Стилистическое своеобразие балетной критики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. 2013. № 2 (113). С. 11–19.

Карпухина В.Н. Аксиологические стратегии интерсемиотического перевода текстов художественной литературы в ситуации межкультурной коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. 2011. Вып. 2-1 (70). Том 1. С. 129–134.

Коваленко И.В. Интерсемиотический перевод в межкультурном аспекте: постановка проблемы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2. Том 56. С. 50–53.

Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек-текст-культура: Коллект. монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. С. 81–104.

Майданова Л.М., Калганова С.О. Практическая стилистика жанров СМИ. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2006. 336 с.

Яacobсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455с.

O.V. Ilina

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Ural Federal University named
after first President of Russia B.N. Yeltsin

N.E. Belinskaya

Graduate of Journalism Department
Ural Federal University named
after first President of Russia B.N. Yeltsin

INTERSEMIOTIC TRANSLATION IN BALLET CRITICISM

The article deals with the Russian ballet criticism. It is shown, that ballet critic has to translate between different semiotic systems. He has to translate from the language of dance to the human language.

Key words: ballet criticism; intersemiotic translation.

Кыркунова Лариса Геннадьевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
labrador15@yandex.ru

ДОКУМЕНТНАЯ ЛИНГВИСТИКА: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ СО ВЗРОСЛОЙ АУДИТОРИЕЙ

В статье рассматриваются особенности методики обучения деловому русскому языку взрослых слушателей. Особое значение в обучении взрослых имеет предварительный этап обработки и анализа учебного материала. На этапе осуществления занятия большую роль играет психолого-педагогическая компетентность преподавателя, этическая сторона его педагогических действий.

Ключевые слова: методика обучения; документная лингвистика; взрослая аудитория.

Осознание коммуникативных потребностей специалистов различных областей деятельности (законотворческой, следственно-судебной, административно-управленческой, предпринимательской и других) повлекло за собой в последние годы повышение интереса к лингвистическим аспектам работы с документами. Этот практический интерес (или, если угодно, социальный заказ) привел к интенсивному становлению относительно нового направления прикладной филологии – документной лингвистики.

Под документной лингвистикой понимают «раздел современного языковедения, исследующий языковые особенности современной документной коммуникации, состав знаковых средств, специфику их организации в документных текстах, закономерности создания самих документных текстов...» [Кушнерук 2011: 3].

На сегодняшний день существует уже достаточно большое количество учебных пособий по документной лингвистике, в каждом из которых раскрывается прежде всего авторское представление о содержании этой области лингвистики. Изложение строится с опорой на принципы систематичности и последовательности. В начале пособий рассматривают содержание фундаментальных лингвистических категорий: язык – речь – общество – коммуникация, язык – стиль, жанры деловой речи, функциональные основы официально-делового стиля. Затем переходят к более частным вопросам. Такой подход в практике вузовского препода-

вания вполне оправдан, а пособия успешно используются в работе со студенческой аудиторией в пределах вуза.

Но, как показывают наши наблюдения, занятия (или циклы занятий), проводимые с практиками-профессионалами, уже работающими в той или иной предметной области, требуют иной компоновки материала. Отведенное на занятие количество часов не позволяет подробно останавливаться на фундаментальных вопросах. Кроме этого, игнорирование специфики преподаваемой дисциплины и нестандартных условий обучения, с одной стороны, и психолого-педагогических, социально-профессиональных особенностей взрослой аудитории – с другой, также опасно. Ожидания слушателей могут разойтись с замыслом преподавателя (обучаемые не получают ответов на интересующие их вопросы), выбранные формы и методы передачи знаний, формирования умений не будут эффективными, формы и виды контроля не покажут ожидаемых результатов, а значит, вызовут взаимное раздражение.

Наши наблюдения основаны на многолетнем опыте проведения занятий в Краевом суде Пермского края, 17 арбитражном суде, Краевом управлении внутренних дел, прокуратуре Пермского края, занятиях с работниками аппарата Администрации губернатора Пермского края и г. Перми, сотрудниками бизнес-структур, в частности ООО «ТД Уралхим» и др.

Каковы же психолого-педагогические и социально-профессиональные особенности взрослой аудитории? Самое общее определение взрослого человека было дано специалистами UNESCO в 1976 г.: «Взрослый – всякий человек, признанный таковым в том обществе, к которому он принадлежит». В нашем обществе мы называем взрослым человека, достигшего физиологической, психологической и социальной зрелости, обладающего определенным жизненным опытом, со сформировавшимся и постоянно растущим уровнем самосознания, который выполняет социальные роли, традиционно закрепленные обществом за взрослыми людьми, и принимает на себя полную ответственность за свою жизнь (включая ее экономическую и этическую составляющую) и поведение.

Отличия взрослых учащихся от учащихся-детей не сразу и очень постепенно осознавались наукой. В педагогике в связи с этим появился и получил в последние годы мощный толчок для развития особый раздел дидактики, получивший название андрагогика.

Первое упоминание об андрагогике появилось в 1833 г. (в работах немецкого ученого Александра Кана). Но лишь в середине XX в. она стала приобретать черты самостоятельной области знаний. Сегодня андрагогика (от греч. andros – взрослый человек; androgogge – руководство,

воспитание) представляет собой новое направление в науке о человеке, аккумулирующее результаты исследований процесса образования взрослых в философском, социально-экономическом, специально-педагогическом и социально-психологическом аспектах.

В соответствии с накопленными в андрагогике знаниями, взрослый (в аспекте решения проблем обучения) – это человек, который владеет определенным объемом и уровнем общих и профессиональных знаний в одной или нескольких предметных областях. Он имеет профессиональный опыт работы; способен осуществить самоанализ и самооценку своей образовательной и профессиональной деятельности; имеет свое профессиональное мнение и способен отстаивать его. Взрослый, как правило, с помощью учебы решает важные жизненные проблемы; полученные знания стремится оперативно реализовать, знает конкретные сферы их применения, ценит время, затрачиваемое на учебу.

В личностном плане взрослый человек осознает себя самостоятельным; обладает внутренней свободой, нравственной, социальной, психологической, физиологической зрелостью. Он, как правило, уже реализовал себя в различных социальных ролях; обладает жизненным опытом, финансовой независимостью, нравственной, правовой и социальной ответственностью и сформировал определенный круг интересов.

Однако при всем этом взрослая аудитория состоит из людей, у которых с возрастом усложняется отношение к образованию; могут снижаться или отсутствовать умения и навыки напряженно учиться. Неудачи в обучении некоторые из них воспринимают очень болезненно. У части взрослых формируется установка на то, что они все знают; у некоторых, наоборот, проявляется внутренняя неуверенность; тяжело может происходить изменение статуса (с руководителя на ученика). Приведенные характеристики показывают, что процесс обучения взрослых должен быть профессионально ориентированным, при этом педагогическое общение с обучаемыми – субъектно-субъектным и максимально тактичным.

Как мы уже отметили, обычно количество часов, отводимое на занятия, ограничено, а круг вопросов, интересующий аудиторию, весьма широк. При этом материал, с которым повседневно имеет дело аудитория, весьма конкретен и специфичен. В сравнении с ним содержащаяся в пособиях по документной лингвистике информация выглядит слишком общей, неконкретной, не отвечающей задачам занятия.

Так, например, сотрудники арбитражного, районного или краевого суда ежедневно составляют документы в жанре решений, постановлений, определений и приговоров. Работа именно с этими текстами вызывает у юристов ряд вопросов. Тексты перечисленных жанров могут

иметь одинаковые названия, схожа и их композиционная структура: они включают описательную, мотивировочную и резолютивную часть. Но в содержательном плане тексты далеки друг от друга. Кроме того, в ходе работы конкретного вида судебного заседания возникают тексты не всех перечисленных жанров. Работники районных судов в гражданском процессе занимаются составлением решений, постановлений и определений, а в уголовном процессе – только приговоров; в краевом суде не составляют приговоров, а выдают решения, постановления и определения и по гражданским, и по уголовным делам. В арбитражных судах первой инстанции составляют решения, в судах второй инстанции – определения и постановления и т.д. Эти тонкости нельзя не учитывать при подготовке к занятиям. Использование в качестве иллюстративного материала текстов или примеров из текстов, не актуальных для взрослой аудитории, может снизить или совершенно обнулить результаты занятия. Мы понимаем, что обучение взрослых всегда профессионально ориентировано, поэтому именно предварительный этап работы со взрослой аудиторией приобретает особое значение.

Предварительный этап работы с материалом, таким образом, включает несколько шагов:

1. Сбор материала, актуального для слушателей.
2. Обязательную деперсонафикацию текстов. Поскольку составитель документа находится среди слушателей, в аудитории, деперсонафикация позволяет снять тревожность, сосредоточиться на задании и посмотреть на свои ошибки со стороны.

3. Предварительный анализ текстов и выявление типичных ошибок и недочетов. Этот этап иногда требует подключения специалиста-практика, который помогает преподавателю понять некоторые профессиональные особенности работы составителя текста. Например, типичный текст определения в арбитражном суде второй инстанции выглядит следующим образом:

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

об оставлении апелляционной жалобы без движения

№ 17АП-111/2011-АК

г. Пермь

13 марта 2015 года Дело №

*Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в составе
судьи С-й,*

*рассмотрев апелляционную жалобу ответчика ООО «Э-р»
на решение Арбитражного суда Свердловской области*

от 03 марта 2015 года

по делу №

по иску Екатеринбургского муниципального унитарного Специализированного монтажно-эксплуатационного предприятия г. Екатеринбурга (ИНН...)
кООО «Э-р» (ОГРН..., ИНН...)

третье лицо: Екатеринбургский комитет по управлению городским имуществом
о взыскании 25920 руб.,

установил:

Апелляционная жалоба (вх. № ... (1)-АК) подана с нарушением требований, установленных статьей 260 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

- в нарушение п. 2 ст. 259 АПК РФ к апелляционной жалобе не приложено ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока.

При проверке соблюдения требований ст. 259 АПК РФ судом установлено, что апелляционная жалоба подана по истечении месяца после принятия арбитражным судом первой инстанции обжалуемого решения. Решение Арбитражного суда Свердловской области по делу № ... вынесено ... года, следовательно, срок на подачу апелляционной жалобы истек 11.01.2015г. Фактически апелляционная жалоба подана в Арбитражный суд Свердловской области через окно приема документов 09.02.2015г., что подтверждается штампом суда.

- в нарушение п. 3 ч. 4 ст. 260 АПК РФ к апелляционной жалобе не приложены доказательства направления или вручения копии апелляционной жалобы третьему лицу по делу – Екатеринбургскому комитету по управлению городским имуществом.

Руководствуясь пунктами 2, 3 части 4 статьи 260, статьей 263 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд

ОПРЕДЕЛИЛ:

1. Апелляционную жалобу ООО «Э-р» оставить без движения.

2. Предложить заявителю апелляционной жалобы в срок до 11 марта 2015 года представить в Семнадцатый арбитражный апелляционный суд ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока, доказательства направления или вручения копии апелляционной жалобы третьему лицу по делу.

В установленный судом срок для устранения обстоятельств, послуживших основанием оставления апелляционной жалобы без движения, включается время на доставку почтовой корреспонденции.

3. В случае, если обстоятельства, послужившие основанием для оставления апелляционной жалобы без движения, не будут устранены в срок до 11 марта 2015 года, апелляционная жалоба и прилагаемые к ней документы подлежат возвращению 14 марта 2015 года в порядке, установленном пунктом 5 части 1 статьи 264 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

4. Определение может быть обжаловано в порядке кассационного производства в Федеральный арбитражный суд Уральского округа через Арбитражный суд Свердловской области в срок, не превышающий месяца со дня вынесения определения.

Информацию о времени, месте и результатах рассмотрения кассационной жалобы можно получить на интернет-сайте Федерального арбитражного суда Уральского округа www.fasuo.arbitr.ru.

Судья

С-ва

Как вы можно видеть, текст достаточно сложен, он перегружен специальной терминологией, стандартными оборотами речи, выделить которые иногда довольно сложно. В нем, кроме этого, много осложненных синтаксических конструкций, требующих тщательной предварительной проработки.

4. Выбор примеров, создание презентационных материалов и подбор упражнений (с учетом условий предстоящего занятия).

5. Подбор информационно-справочных материалов, которыми реально смогут пользоваться слушатели на своем рабочем месте (онлайн-словари, адреса информационных порталов по русскому языку и культуре речи и т.д.).

В целом, в процессе работы со взрослой аудиторией значительно меняется роль и позиция преподавателя, который выступает в роли координатора хода обучения, консультанта, но при этом находится в строго отведенной ему зоне предметных знаний. Это требует достаточной методической «гибкости». Принцип отбора и подачи материала на занятии со взрослой аудиторией трансформируется: вместо дедуктивного метода объяснения материала (от общего к частному) обычно приходится применять концентрический метод, при котором в центре объяснения – изучаемый вопрос, вокруг (в качестве фонового знания) – все, что помогает его прояснить; вместо системного изложения материала, который исповедует традиционная методика, – обучение, определяемое внешними условиями и количеством отведенных на занятия часов.

Библиографический список

Кушнерук С.П. Документная лингвистика»: Флинта, Наука; М.; 2011. Издательский текст. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=659595 (дата обращения: 15.02.2015).

L.G. Kyrkunova

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

DOCUMENTARY LINGUISTICS: METHODS OF TEACHING ADULTS

The article is devoted to the methods of teaching business language. The main role plays preparatory stage – the analysis of instructional materials and texts. During the lesson psychological and educational teachers' competence, their ethical principles are very important too.

Key words: methods of teaching; documentary linguistics; adults.

Медведева Наталья Владимировна
доцент кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
basha_n@mail.ru

Фоминых Лариса Сергеевна
доцент кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
lakafo@yandex.ru

ОБОБЩЕНИЕ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ

Статья посвящена вопросам обобщения на уроках русского языка в технологии системно-деятельностного обучения. В ней раскрываются формы и виды продуктивных учебных заданий, с помощью которых формируются умения обобщать учебный материал.

Ключевые слова: системно-деятельностный подход; морфология и синтаксис; обобщающие задания.

В прошлом веке Д. И. Писарев остроумно писал о «червячной» природе знаний учеников: во время учебного года гимназист удерживает в своей голове только тот маленький кусочек каждой учебной книги, который учитель в ближайший момент может потребовать, отрывки знаний никак не связаны между собой и живут независимо друг от друга.

Педагоги и психологи говорят о том, что эффективность применения полученных знаний является низкой, если ученик не может оперировать ими свободно и гибко, применяя их в каждой новой учебной ситуации, владея каждым «кусочком» системы с учетом взаимосвязей этого элемента с другими элементами, понимая функциональное предназначение каждой единицы на разных уровнях языка.

Психологи одним из важнейших условий умственного развития считают формирование системы знаний и констатируют, что, если повысить уровень обобщения, это упрощает дальнейшее усвоение учебно-

го материала, поскольку именно обобщение, по мнению Н. А. Менчинской, и дает возможность широкого переноса усвоенных знаний и способов оперирования ими на новый материал – при решении новых задач [Менчинская 1968: 30].

Понятия систематизации и обобщения – категории логические, сформированность мыслительных операций систематизировать и обобщать – важное качество для человека не только в процессе обучения, но и в дальнейшей его жизни и деятельности. В связи с этим педагоги и психологи конкретизируют и разделяют эти процессы, имея в виду несомненное их взаимодействие.

Под систематизацией понимается мыслительная деятельность, в процессе которой изучаемые объекты организуются в определенную систему на основе выбранного принципа. Высшей формой систематизации является упорядочение изучаемого и усвоенного ранее материала в такую систему, в которой бы четко различались ее отдельные компоненты и связи между ними.

По мнению В. А. Онищука, под обобщением в логике понимают выделение каких-либо свойств, принадлежащих некоторому классу предметов на основе перехода от единичного к общему [Онищук 1981].

Традиционно деятельность по систематизации и обобщению учебного материала предполагалась на этапе контроля по усвоению изученного. В условиях современных педагогических подходов к обучению эти операции формируются у учащихся на разных типах уроков и разных этапах учебных занятий.

Системно-деятельностный подход ориентирует не только на усвоение знаний, но и на способы деятельности, на развитие познавательных сил и творческого потенциала ученика. Этот подход противостоит пассивности учения школьников.

Чтобы обосновать необходимость работы по обобщению и систематизации, мы провели опрос с последующим анкетированием студентов 2 курса филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета для констатации уровня обобщения сведений по морфологии и выявления системных связей морфологии и синтаксиса. Студенты не смогли назвать основания для выделения частей речи и связать частеречную принадлежность слова с его синтаксической функцией. Знания студентов состоят из множества частных, на основе которых не могут быть сформированы обобщающие практические умения.

Современные педагогические технологии предполагают такое обучение, в процессе которого учитель должен не только обучать школьников предмету, но и развивать ученика. Поэтому «...роль и значимость

педагогического инструментария, «форм» и методов в практике обучения определяющая. Именно от выбранных форм занятий и методов обучения зависит достижение поставленных целей» [Хуторской 2001: 298].

Для формирования операций систематизации и обобщения мы выбрали приемы обучения, характерные для системно-деятельностного подхода, а также инструментарий, который, по терминологии А. В. Хуторского, лежит в русле педагогической инноватики. Мы остановились *на идее «опоры», «укрупнения блоков», идее «от частного к общему»*

Идея опоры. Роль опор при обучении играют обобщенные планы ответов (о понятии, законе, явлении, теории); рисунки-концепты изучаемой темы; таблицы; алгоритмы и др. Допускается, что ученик может не только использовать готовые опоры, но и создавать собственные.

Укрупнение блоков. Значительная часть органически связанного учебного материала по предмету может быть рассмотрена «единым блоком» на одном занятии, например в ходе лекции, консультации, зачета. Эта идея применима не только для обобщения или систематизации уже известного, но и для изучения нового, например, с целью актуализации учениками основных элементов всей предстоящей темы. Рассмотрение или конструирование материала крупным блоком предполагает его последующее освоение.

Идея «от частного к общему». Ученик через осознание единичного подходит к осознанию всеобщего:.. через конструирование отдельных понятий – к методологическим знаниям общенаучного содержания; через решение конкретной задачи – к способам решения не только разнообразных учебных, но и жизненных проблем [Хуторской 2008: 140-141].

В качестве иллюстрации для формирования операции обобщения в технологии системно-деятельностного подхода приведем практическую разработку к этапу обобщения теоретических сведений по морфологии и синтаксису.

Это таблица-заготовка, которую учитель может применять при изучении всего курса морфологии и показывать системные связи морфологии и синтаксиса на протяжении обучения в 5–7 классах.

Таблица-опора «Морфология. Синтаксис»
(Заполняется при изучении самостоятельных частей речи
в 5-7 классе)

Что обозначает? Вопрос для определения части речи Морфологические признаки		Часть речи	Вопрос для определения члена предложения	
			Синтаксическая роль	
постоянные	непостоянные		главные	второстепенные
		Имя существительное		
		Имя прилагательное		
		Имя числительное		
		Местоимение		
		Глагол		
		Причастие		
		Деепричастие		
		Наречие		

Работа с этой таблицей-заготовкой может быть организована на уроках изучения частей речи: сведения по теории заполняются на этапе освоения новых знаний. Таким образом, сведения для обобщения постепенно накапливаются. При помощи этой таблицы возможно как промежуточное обобщение (например, именных, глагольных форм/частей речи – в зависимости от классификации в разных учебниках, – служебных частей речи), так и итоговое обобщение.

Для организации систематизации и обобщения на этапе тренировки могут быть использованы продуктивные задания, примеры которых приводим ниже.

Имя существительное

Задание 1 (на систематизацию):

Определите все признаки у выделенного слова. Впишите их в левый и правый столбики таблицы-опоры. Сформулируйте развернутый связный ответ на вопрос: «Назовите морфологические признаки и синтаксическую роль выделенного слова».

сические функции у имени существительного», иллюстрируя ваши предложения примерами.

1. Однажды мы отправились в лес.
2. Красив лес после снегопада!
3. Люблю лес в любое время года!
4. Дары леса: грибы, ягоды, травы – помогают людям и животным.
5. Это зимний лес.

Задание 2. (на обобщение сведений по самостоятельным частям речи. 7 класс)

Определите части речи и их синтаксическую роль в предложении:

Глокая куздра штеко быдланула бокра и кудрячит бокрѐнка.

Как вы это сделали? На какие признаки слов вы опирались? Аргументируйте свой ответ.

Задание 3. (на обобщение сведений по самостоятельным частям речи. 8 класс)

Заполните таблицу-заготовку. Объясните, какие сведения по морфологии вам понадобились, почему? Аргументируйте свой ответ.

Способы выражения членов предложения

<i>Члены предложения</i>	<i>Способы выражения членов предложения</i>
<i>1. подлежащее</i>	
<i>2. сказуемое</i>	
<i>3. дополнение</i>	
<i>4. определение</i>	
<i>5. обстоятельство</i>	

Системно-деятельностный подход позволяет создать такие условия, при которых учащиеся осознанно открывают пути для систематизации, на ее основе далее осуществляют обобщение, следовательно, они определяют круг необходимых для этих процессов оснований, признаки для группировки языковых явлений и умозаключения для итогового обобщающего вывода. Это способствует формированию логических операций систематизации и обобщения.

Библиографический список

Воителева Т. М. Теория и методика обучения русскому языку: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2006. 319 с.

Кулаева Г. М. Современный урок русского языка в схемах и таблицах: Учебно-методическое пособие для студентов филологического факультета. Оренбург: Изв-во ОГПУ, 2003. 52 с.

Менчинская Н. А. Психологические вопросы развивающего обучения и новые программы // Сов. педагогика. 1968. №6. С.30–36.

Методика преподавания русского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русс. яз и лит» / под ред. М. Т. Баранова. М.: Просвещение, 1990. 368 с.

Онищук В. А. Урок в современной школе. М.: Просвещение, 1981. 191 с.

Сластенин В. А. и др. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 576 с.

Хуторской А. В. Педагогическая инноватика: учеб. пособие для студ. Высших учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 256 с.

Хуторской А. В. Современная дидактика: Учебник для вузов. СПб: Питер, 2001. 544 с

Шатова Е. Г. Методика формирования обобщений при обучении орфографии. М.: Прометей, 1990. 182 с.

N.V. Medvedeva

Associate Professor of Methods of teaching Russian language Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

L.S. Fominykh

Associate Professor of Methods of teaching Russian language Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

GENERALIZATION AT THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE AS THE WAY OF IMPLEMENTATION SYSTEMATIC-ACTIVITY APPROACH IN EDUCATION

The article describes the questions of generalization at the lessons of Russian language in technology of systematic-activity teaching. Forms and types of productive tasks are revealed, thanks to which abilities to generalize teaching material are formed.

Key words: systematic-activity approach; morphology and syntax; summary tasks.

Овсянникова Светлана Евгеньевна
ассистент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ovsyannikovase@mail.ru

Ширинкина Мария Андреевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
m555a@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ В ВУЗОВСКОМ КУРСЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК И РИТОРИКА»

В статье обосновывается значимость изучения некоторых проблем ономастики в вузовском курсе «Русский язык и риторика». Предлагается обсудить со студентами специфику личного имени человека в русском языке, а также рассмотреть требования к эргонимам (названиям предприятий, учреждений и фирм), сформулированные в рамках нового научного направления – теории нейминга.

Ключевые слова: русский язык и риторика; коммуникативная компетенция; культурно-речевая компетенция; ономастика; антропоним; эргоним; нейминг.

Курс «Русский язык и риторика», ориентированный на формирование у студентов коммуникативной и культурно-речевой компетенции, призван, на наш взгляд, реализовывать и более частные задачи. Как известно, одной из задач курса является научение студентов эффективной коммуникации. Следует пояснить, что в психологии научение понимается как процесс и результат приобретения индивидуального опыта [Карпенко и др. 1998: эл. ресурс]. Представляется значимым рассмотреть и обсудить со студентами на занятиях не самые традиционные, но очень важные, на наш взгляд, ситуации общения – именование человека в русской культуре и разработка названия компании, предприятия, фирмы. А как известно, имена собственные (антропонимы) и названия деловых объединений людей (эргонимы) являются предметом изучения ономастики, в переводе с греческого буквально означающей «искусство давать имена». Итак, прокомментируем проблемы ономастики, которые, с одной стороны, напрямую связаны с формированием культурно-речевой компетенции, с другой – вполне органично вписываются в тематический план по указанной учебной дисциплине.

I. Как известно, широкий резонанс в пермской (да и российской) прессе 2014 г. получила история о новорожденном мальчике, которого молодые родители назвали необычным именем Люцифер. Сотрудники отдела ЗАГС пытались переубедить молодых родителей, однако отказать в регистрации они не имели права. После этого случая Государственная Дума по инициативе одной из политических партий приступила к разработке законопроекта, запрещающего использовать в именах детей цифры, знаки препинания и различные символы.

В целом, по информации «Российской газеты» от 20 января 2015 г., мальчиков, родившихся в Перми в 2014 г., называли Омар Хайям, Алмаз, Дан, Космос, Стан, Север, Филарет, Никандр, Варлам, Ареслав, Эльвин. Девочкам давали имена Весна, Евангелина, Муза, Дея, Марионилла, Ярина, Юна, Афина.

Наряду с этим, сотрудники пермского ЗАГСа отметили растущую популярность старинных имен (Ладимир, Радомир, Доброслав, Харитон, Светозар, Марфа, Авдотья, Есения, Виталина, Лекурья, Любава, Забава), а также имен известных медийных персон (Тамерлан, Оливия, Мэрилин, Стелла, Сабрина, Алисия, Марика, Моника, Джессика, Мелисса, Риана) [После Люцифера...: эл. ресурс].

Представляется, что некоторые ограничения родительского «имятворчества» вполне допустимы. Хотя, скорее всего, на законодательном уровне этот вопрос решить вряд ли возможно. Тем более, что существует Международная конвенция, в которой установлено право ребенка на получение имени: «Ребенок регистрируется сразу же после рождения и с момента рождения имеет право на имя» [Конвенция о правах ребенка... эл. ресурс].

Многие помнят еще один случай, произошедший в 2002 г. в Москве. Молодые родители хотели зарегистрировать сына под именем БОЧ РФФ 26.06.2002, которое расшифровывается как «Биологический объект человек рода Ворониных-Фроловых, родившийся 22 июня 2002 года». Работники одного из московских ЗАГСов отказались «испортить ребенку жизнь».

Учитывая описанные случаи, считаем необходимым уделить внимание именам собственным – антропонимам. В связи с этим на практических занятиях по «Русскому языку и риторике» можно предложить студентам следующее задание: «Дискуссия. Вы – специалист отдела ЗАГС. К Вам пришли молодые родители, которые хотят зарегистрировать ребенка под необычным именем. Подберите аргументы, чтобы убедить их в нецелесообразности выбора такого имени, предложите интересные варианты».

В качестве аргументов студенты могут привести примеры нестандартных судеб людей с необычными именами, оценить неблагозвучность конкретного имени.

Важно обсудить со студентами вопрос о том, какие принципы именования ребенка являлись и являются доминирующими в русской культуре и в современной российской действительности. При обсуждении этого вопроса следует обратить внимание на тот факт, что на Руси ведущими были два принципа именования ребенка: переносить на новорожденного имя кого-либо из старших родственников или выбирать имя из церковных святцев.

Кроме того, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что русская культурная традиция предполагает трехчленную структуру имени собственного, включающего личное имя, отчество (имя отца) и фамилию. Эта трехчленная структура является «официальной формулой именования человека в современном русском языке» [Голомидова 2005: 13]. Нормы присвоения этих именований закреплены в законодательных актах Российской Федерации. Так, в Семейном Кодексе РФ находим:

- «1. Ребенок имеет право на имя, отчество и фамилию.
2. Имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальном обычае.
3. Фамилия ребенка определяется фамилией родителей. При разных фамилиях родителей ребенку присваивается фамилия отца или фамилия матери по соглашению родителей, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации.
4. При отсутствии соглашения между родителями относительно имени и (или) фамилии ребенка возникшие разногласия разрешаются органом опеки и попечительства.
5. Если отцовство не установлено, имя ребенку дается по указанию матери, отчество присваивается по имени лица, записанного в качестве отца ребенка, фамилия – по фамилии матери» [Семейный кодекс РФ: статья 58].

Примечателен второй компонент официального имени человека в России – отчество. По словам М.В. Голомидовой, «отчество, пройдя длинный и непростой исторический путь, уже много времени тому назад превратилось в дополнительный знак различения лица, а в речевой коммуникации стало **постоянным атрибутом формулы вежливого называния взрослого человека** (Выделено нами. – С.О., М.Ш.)» [Голомидова 2005: 16]. Подчеркнем, что существует и такая несколько экзотичная, на наш взгляд, точка зрения молодых родителей, которые считают, что, присваивая ребенку отчество, мы тем самым преуменьшаем роль жен-

щины-матери. Вследствие чего предлагают давать ребенку «матчество». Эта альтернативная позиция также вполне может стать предметом обсуждения со студентами на практическом занятии.

В сегодняшний век информационных технологий, когда большую (если не бОльшую!) часть жизни человек проводит в интернете, огромное значение приобретает и еще одно «имя человеческое» – *nic-name* – «имя условное либо вымышленное, которое пользователь создает для компьютерного общения личного характера» [там же: 19]. В этом плане полезными и любопытными могут стать рассуждения студентов о том, почему в интернете человек придумывает себе искусственное имя, а не выступает под своим собственным. Оказывается, что большинство молодых людей связывает сетевой ник с получением значительно большей свободы, позволяющей высказывать достаточно вольные мнения, изливать душу или даже говорить гадости.

II. Другая – не менее важная – ономастическая проблема российского общества – именование фирм, учреждений, организаций.

На одном из занятий при изучении деловой документации со студентами проводится деловая игра «Организация и работа фирмы». Первое задание для команд звучит следующим образом: «Придумайте название своей организации (фирмы, компании, предприятия и т.д.), вид деятельности этой организации». Безусловно, прежде чем давать студентам такое задание, следует ознакомить их с основными тенденциями нейминга и требованиями к эргонимам.

В частности, в современной теории нейминга можно найти такие требования, предъявляемые к наименованиям организаций:

1. Название корпорации должно быть «сообщением, предоставляющим минимальную **информацию** об объекте номинации» (Выделено нами. – С.О., М.Ш.) [Тортунова 2012: 125]. В этом отношении удачными можно считать названия фирм, образованные от слов, обозначающих сферу деятельности, например: *туристическое агентство «Вояж», центр творческого развития «Азбука успеха», магазин музыкальных инструментов «Музторг».*

2. ««Имя» бренда должно быть таким, чтобы оно, при всей своей лаконичности, вызывало у потребителя «запрограммированные» заказчиком **ассоциации**. Образы могут быть разными, но они должны, во-первых, устойчиво связываться в сознании потребителя со сферой деятельности компании, во-вторых, производить на адресата благоприятное впечатление, в-третьих, быть эффектными, привлекательными» [там же: 127]. По нашему мнению, никак нельзя считать удачным название магазина детской одежды «*Ёпст*»! Такое название не ассоциируется с дет-

ской одеждой, вряд ли может произвести благоприятное впечатление, а следовательно, не является привлекательным.

Наконец, нужно обратить внимание студентов на тот факт, что учеными установлена «способность удачно подобранного имени предопределять успех и способствовать более быстрому и эффективному развитию предприятия» [Грибанова 2002: 2].

В качестве домашнего задания студенты должны подобрать удачные и неудачные, с их точки зрения, названия фирм, учреждений и организаций города Перми. Затем на практическом занятии следует обсудить собранные материалы.

Причем нужно учитывать, что сегодня в Российском законодательстве установлены некоторые ограничения относительно фирменных наименований. Так, согласно п. 2 ст. 1473 Гражданского кодекса РФ фирменное наименование коммерческой организации обязательно должно содержать в себе указание на его организационно-правовую форму, например, ООО, ЗАО, ОАО и пр., и собственно наименование юридического лица [Гражданский кодекс РФ: статья 1473].

В п. 3 ст. 1473 Гражданского кодекса РФ закреплён ряд требований к фирменному наименованию организации, а именно:

- фирменное наименование не может состоять только из слов, обозначающих род деятельности фирмы,
- фирменное наименование должно быть полным.

Использование английских слов в русском названии допускается при условии, что английские слова будут преобразованы в транслит, то есть написаны русскими буквами [там же].

Еще один момент, на который стоит обратить внимание студентов, – аббревиация. С большой осторожностью нужно создавать такие названия фирм, предприятий, учреждений, которые впоследствии, скорее всего, превратятся в аббревиатуры. К примеру, одно из функциональных подразделений Администрации города Перми до недавнего времени называлось *Управление развития коммунальной инфраструктуры*, но под действием тенденции к аббревиации – созданию аббревиатуры из начальных букв или звуков слов, составляющих название, – оно превратилось в... *УРКИ*. Несомненно, придумывая название, представители власти должны были задуматься над последствиями своей творческой деятельности.

Таким образом, в рамках курса «Русский язык и риторика» мы формируем у студентов культурно-речевую и – более того – лингвокультурологическую компетенции, чувство вкуса, а также навыки эффективного общения даже в таких частных ситуациях, когда необходимо выбрать имя для собственного ребенка или назвать свою фирму.

Библиографический список

Голомидова М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. № 2.

Грибанова Л.В. Структурно-семантический и ономазиологический аспекты номинации экономических объектов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Брянск, 2002.

Тортунова И.А. Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. Филология. Выпуск № 3. 2012.

После Люцифера в Перми родился Омар Хайям // Российская газета. 20 января 2015 года. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/20/reg-pfo/omarhayam-anons.html> (дата обращения: 02.03.2015).

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4 от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ с изменениями и дополнениями от 6 апреля 2015 года.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ с изменениями и дополнениями от 20 апреля 2015 года.

Карпенко Л.А., Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. URL: <http://psychology.academic.ru/1319/научение> (дата обращения: 01.03.2015).

Конвенция о правах ребенка принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года.

S.E. Ovsjannikova

Assistant of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

M.A. Shirinkina

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

PROBLEMS OF ONOMASTICS AND THE UNIVERSITY COURSE "RUSSIAN LANGUAGE AND RHETORIC"

The article discusses the significance of studying some problems of onomastics in the university course "Russian language and rhetoric". The author infers that it's important to discuss particular qualities of Russian anthroponyms and business names, meeting the requirements of naming.

Key words: russian language and rhetoric; communicative competence; culture and language competence; onomastics; anthroponym; business names; naming.

Павлова Дарья Сергеевна
аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
pavlovads@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ ГОВОРЯЩИХ НА СЕМАНТИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ УСТНОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются результаты пилотного эксперимента, проведенного на материале устных спонтанных текстов «о себе». Рассматриваются принципы обработки текстов. Акцент сделан на выявлении тенденций влияния факторов «гендер» и «образование» на семантическую структуру устного текста.

Ключевые слова: семантическая структура текста; устная речь; спонтанная речь; гендер; образование.

Интерес к семантической структуре текста отмечается в последней трети XX в. как среди лингвистов, так и среди психологов, специалистов по информатике и др.

Само понятие семантической структуры является неоднозначным. Семантическая структура текста – это не только его «содержание», она опирается на такие его важные характеристики, как цельность и связность и включает в себя основные семантические блоки текста и их отношения. Под семантической структурой текста мы подразумеваем совокупность важных тем (полей) и подтем текста, семантических единиц, реализующих эти подтемы (поля) и разнообразных связей (семантических и грамматических) между единицами и темами/подтемами (см. подробнее [Павлова, Ерофеева 2015]).

Моделирование семантической структуры текста представляется сложным, если вообще возможным, без применения специальных программных средств, поскольку в модели необходимо учесть очень большое количество элементов и связей между ними. Одним из таких средств является Информационная система «Семограф», предназначенная для извлечения знаний о предметных областях из информационных массивов, включающих текстовые выборки, метаданные, семантические компоненты и семантические поля, частотные, языковые и тезаурусные словари [Белоусов, Зелянская, Баранов 2012]. Главное достоинство программы относительно данной работы заключается в том, что после обработки текста система автоматически строит семантическую карту и семантический граф связей тематических блоков.

Работа посвящена исследованию ядра семантической структуры устных спонтанных текстов одного типа и одной темы и определению границ варьирования семантической структуры спонтанных монологических текстов разных индивидов, в том числе – социального варьирования (для начала были взяты параметры «гендер» и «образование», в дальнейшем планируется увеличение числа изучаемых текстов и рассматриваемых параметров).

Для пилотного эксперимента были взяты расшифровки аудиозаписей 8 спонтанных устных монологов «О себе» из архива лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета. Социальные характеристики информантов, которые являются авторами изучаемых текстов, сбалансированы по факторам «гендер» (мужчина, женщина) и «образование» (высшее, среднее). Фактор «возраст» нами нивелировался, т.к. все информанты принадлежат к одной возрастной группе – 35 – 44 года. Этот возраст психологи определяют как «среднюю зрелость» (см., например, [Грановская 1988]). Что касается фактора «специальность», который традиционно также учитывают в социолингвистических исследованиях, то, по мнению Е.С. Худяковой, которая производила исследование схем текстопорождения спонтанных русских монологов на тему «О себе», тип высшего образования не оказывает существенного влияния на модель порождения монолога [Худякова 2013]. Поскольку процессы текстопорождения напрямую связаны с семантической структурой текста (по крайней мере, на уровне макросвязности), данный фактор нами не учитывался.

Если говорить об особенностях спонтанных устных монологов на тему «О себе», то Е.С. Худякова отмечает, что «такое формулирование темы дает информантам широкие возможности самостоятельно избирать подтему и способ структурирования монолога. Тема «О себе» предполагает свободу моделирования ситуации текста (макропропозиции), выбора жанровой модели и отбора поверхностного ее заполнения (грамматического и лексического)» [там же: 33]. Мы считаем, что в монологе о себе человек говорит о действительно важных и актуальных для него темах, использует наиболее частотные слова своего лексикона и, что самое важное, моделирует свое физическое, временное и психическое пространство.

Принципы обработки текстов описывались нами ранее (см. [Павлова 2013]). Данная же статья отражает выявленные тенденции влияния семантической структуры рассматриваемых текстов в зависимости от факторов «гендер» и «образование».

Рассмотрим влияние фактора «образование» на ядро семантической структуры устного спонтанного текста «О себе». В табл. 1 в левом столбце представлены поля, вошедшие в ядро семантической структуры текста, а в двух правых столбцах – количество полей, вошедших в ядро семантической структуры текстов, принадлежащих информантам со средним и высшим образованием (см. табл. 1).

Таблица 1

**Вхождение полей в ядро семантической структуры текста
в зависимости от фактора «образование»**

Семантическое поле	Среднее образование	Высшее образование
ЧЕЛОВЕК	4	4
ПОЛ/ВОЗРАСТ	4	3
Я	4	2
ОЦЕНКА	1	0
ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	2	0
ВЛАДЕНИЕ	1	0
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	1	1
ВОЕННАЯ СЛУЖБА	1	0
АКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	2	1
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	0	3
ВРЕМЯ	0	1
МЕСТО	1	1
КАЧЕСТВО	0	1
ОБРАЗОВАНИЕ	0	1
СУЩЕСТВОВАНИЕ	0	1
КУЛЬТУРА	0	2
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	1	0
КОММУНИКАЦИЯ	0	1
ДОСУГ	0	1

Как видим из табл. 1, есть семантические поля, на которые, вероятно, не распространяется влияние фактора «образование», например, поля ЧЕЛОВЕК, ПОЛ/ВОЗРАСТ, МЕСТО: количество информантов, которые выделили эти поля в текстах, не различается у лиц со средним и высшим образованием.

Несмотря на маленький объем исследуемых текстов, можно выявить тенденции влияния фактора «образование». В ядро семантической структуры текста поле РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ вошло только у информантов с высшим образованием. Скорее всего, для людей с высшим образованием связь с родственниками, близкими, ощущение себя

частью семьи важнее, чем для людей со средним образованием. Однако для людей со средним образованием важнее оказываются отношения не с родственниками, а с друзьями. Об этом свидетельствует тот факт, что поле ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в ядре семантической структуры текста встречается только у людей со средним образованием.

В ядро семантической структуры текстов только людей с высшим образованием вошли поля КУЛЬТУРА и ОБРАЗОВАНИЕ. Вероятно, образование сильно влияет на потребность человека в духовном и культурном развитии.

Поле Я чаще встречается в ядре семантической структуры текстов людей со средним образованием. На наш взгляд, образование может сильно влиять на уровень «зацикленности на себе» информанта и, соответственно, текста.

Рассмотрим тенденции влияния фактора «гендер» на ядро семантической структуры устного спонтанного текста «О себе». В табл. 2 в левом столбце представлены поля, вошедшие в ядро семантической структуры текста, а в двух правых столбцах – количество полей, вошедших в ядро семантической структуры текстов, принадлежащих мужчинам и женщинам (см. табл. 2).

Таблица 2

**Вхождение полей в ядро семантической структуры текста
в зависимости от фактора «гендер»**

Семантическое поле	Мужчины	Женщины
ЧЕЛОВЕК	4	4
ПОЛ/ВОЗРАСТ	4	3
Я	2	4
ОЦЕНКА	1	0
ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	1	1
ВЛАДЕНИЕ	1	0
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	1	1
ВОЕННАЯ СЛУЖБА	1	0
АКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	2	1
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	1	2
ВРЕМЯ	1	0
МЕСТО	1	1
КАЧЕСТВО	1	0
ОБРАЗОВАНИЕ	1	0
СУЩЕСТВОВАНИЕ	1	0
КУЛЬТУРА	1	1
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	0	1

КОММУНИКАЦИЯ	0	1
ДОСУГ	0	1

Из табл. 2 видим, что влияние фактора «гендер» не так заметно, как влияние фактора «образование» (на маленьком объеме текстов сложно определить тенденции влияния).

Тем не менее мы видим, что поле Я встретилось в ядре семантической структуры текста чаще у женщин, т.е. тексты женщин чуть более эгоцентричны. Возможно, женщинам важнее «вписать себя» в окружающую действительность, определиться со своей ролью в жизни.

Кроме того, только в текстах мужчин как ядерные реализованы семантические поля ВОЕННАЯ СЛУЖБА, ОЦЕНКА, КАЧЕСТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, ВРЕМЯ, СУЩЕСТВОВАНИЕ. С одной стороны, мы наблюдаем в этом отражение опыта социальной группы, с другой – внимание к осмыслению философских основ жизни.

Интересно, что деятельность также осмысляется мужчинами и женщинами по-разному: мужчины включили в ядерную зону всякую АКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, в то время как женщины скорее делают акцент на ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ и ДОСУГЕ.

Выявлены тенденции варьирования ядра семантической структуры текста в зависимости от факторов «образование» и «гендер». Тенденции влияния фактора «образование» прослеживаются с большей четкостью, тенденции влияния фактора «гендер» на маленьком объеме текстов определить сложнее, хотя определенные предпосылки к этому есть. Предполагаем, что при расширении объема материала влияние данных факторов будет более доказательно, хотя и сейчас все полученные результаты являются вполне объяснимыми и ожидаемыми.

Социальная вариативность оказывает влияние на вариативность семантической структуры текста. Проведенный анализ зависимости ядерных семантических полей исследованных 8 монологов «О себе» позволяет выявить тенденции варьирования ядра семантической структуры текста в зависимости от социальных факторов «образование» и «гендер». Предварительно можно говорить о большей зависимости текстов от фактора «образование», чем от фактора «гендер». Предполагаем, что при расширении объема материала влияние данных факторов будет более доказательно, хотя и сейчас все полученные результаты являются вполне объяснимыми и ожидаемыми: поля КУЛЬТУРА и ОБРАЗОВАНИЕ появляются в основном в текстах людей с высшим образованием; поле КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – в текстах женщин, поле ВОЕННАЯ СЛУЖБА – в текстах мужчин и т.д. Таким образом, стереотипные ожидания о связи определенных семантических зон с социальными группами вполне оправдываются. Все это позволяет думать, что выяв-

ленные тенденции социального варьирования текста могут быть подтверждены на более представительном материале, и позволяет поставить задачу дальнейшего изучения этого вопроса.

Библиографический список

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Баранов Д.А. Концептуально-гипертекстовая модель управления контентом в ИС «Семограф» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11. С. 56–61.

Грановская Р.М. Элементы практической психологии: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 564 с.

Павлова Д.С. Моделирование семантической структуры текста: методы и принципы // Актуальные проблемы филологии глазами молодых исследователей: материалы первой всероссийской студенческой научной конференции (май 2013 г.). Пермь, 2013. С. 67–71.

Павлова Д.С., Ерофеева Е.В. Семантическая структура устного спонтанного текста: теоретические и методологические подходы к исследованию // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. №1 (29). Пермь, 2015. С. 5–17.

Худякова Е.С. Особенности структуры устных спонтанных текстов монолингвов и билингвов (на материале монологов русских, татар и коми-пермяков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2013. Вып. 4(24). С. 33–46.

D.S. Pavlova

Postgraduate Student in Theoretical
and Applied Linguistics Department
Perm State University

THE INFLUENCE OF SPEAKERS SOCIAL PARAMETERS ON THE SEMANTIC STRUCTURE OF ORAL TEXTS

The paper deals with the results of a pilot experiment conducted on the basis of spontaneous oral texts “about themselves”. The word processing concepts are taken into consideration. Emphasis is made on trends identification of factors “gender” and “education” influence on the verbal text semantic structure.

Key words: semantic structure of text; spoken language; spontaneous speech; gender; education.

Рябухина Елена Анатольевна
профессор кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
e_gyabukhina@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК РОДНОМУ

Статья посвящена анализу содержания понятия «языковая личность» в методике обучения русскому языку как родному. Определены составляющие понятия «языковая личность учащегося». Приемы развития языковой личности старшеклассника соотнесены с приемами совершенствования его речевой деятельности.

Ключевые слова: языковая личность, обучение русскому языку как родному, языковая личность учащегося, языковая компетенция, коммуникативная компетенция, совершенствование речевой деятельности, уровни развития языковой личности учащегося.

Анализ представленных в Федеральном государственном образовательном стандарте общего образования результатов обучения русскому языку как родному позволяет говорить об их связи с формированием языковой личности школьника: приоритетным признано развитие всех видов речевой деятельности с целью обеспечения успешной коммуникации в познавательной, социальной, профессиональной и других сферах; отмечена определяющая роль языка в развитии индивидуальных и творческих способностей личности; подчеркнута необходимость освоения языковых ресурсов и речевых норм с целью их применения в речевой практике; акцентировано внимание на речевом самосовершенствовании и формировании ценностного отношения к языку.

Смещение акцентов в целях обучения русскому языку в школе в сторону развития языковой личности неоднократно фиксировалось в методических исследованиях последних лет. Так, Е.А. Быстрова утверждает, что при описании предметных компетенций обязательной составляющей являются цели, которые должны быть достигнуты в **развитии личности** школьника. Е.В. Архипова отмечает: «В содержании языкового образования акценты перемещаются ... с формирования языковой компетенции на речевое развитие учащегося, на формирование его коммуникативной и социокультурной компетенций, иначе говоря – на **личностное развитие**, на социализацию и выработку коммуникабельности

как способности к речевому общению, на осознание ценностей культуры и норм общества, закреплённых в языке» [Архипова 2004: 24].

Понятие *языковая личность* не является собственно методическим, вот почему для уточнения содержания этого понятия необходимо обратиться к лингвистическим источникам.

Термин *языковая личность* впервые был использован в отечественном языкознании в 1930 г. В.В. Виноградовым в книге «О художественной прозе». В 60-е гг. XX в. понятие *языковая личность* разрабатывалось в американской лингвистике и психологии Н. Хомским, Р. Уайтом, Д. Хаймсом. В связи с развитием российской антропоцентрической лингвистики в 80-е гг. XX в. разработка содержания этого понятия была продолжена в трудах таких отечественных лингвистов, как Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, О.Б. Сиротина, И.А. Стернин и др.

В качестве базового определения интересующего нас понятия обычно используется высказывание Ю.Н. Караулова: «Под *языковой личностью* я понимаю совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 3]. Г.И. Богин, описывая модель языковой личности, подчеркивает, что «в лингвистике под “языковой личностью” понимается личность речевая – человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности» [Богин 1984: 3]. Таким образом, в рамках интересующего нас понятия лингвисты рассматривают носителя языка с точки зрения способности совершать речевые поступки.

В начале XXI в. понятие *языковая личность* начали употреблять для формулировки целей обучения русскому языку в школе. Это неизбежно привело к интерпретации указанного понятия в методических исследованиях. Мы фиксируем несколько составляющих методической интерпретации понятия *языковая личность*:

- определение понятия *языковая личность школьника*;
- описание и экспериментальная проверка методических систем развития языковой личности учащегося – носителя родного языка;
- определение уровня развития языковой личности учащегося.

Т.В. Матвеева соотносит содержание понятия *языковая личность учащегося* с языковой компетенцией («владение системой и нормами языка, культурой речи и правилами построения высказывания и текста»), коммуникативной компетенцией («владение законами общения в разных коммуникативных ситуациях, исполнение необходимых социальных ролей, предпочтение определённых стратегий и тактик обще-

ния») и культуроведческой компетенцией (ценностные доминанты в речевом поведении личности) [Матвеева 2010: 552–553]. Т.М. Пахнова в рабочей программе к УМК «Русский язык и литература. Русский язык» для 10–11 классов утверждает, что осуществление цели духовно-нравственного развития и воспитания старшеклассников на уроках русского языка «реализуется в процессе решения задач формирования языковой личности» [Рабочая программа 2013: 21]. Опираясь на материалы исследований Е.А. Быстровой, Т.М. Воителевой, Н.Д. Десяевой, Н.А. Ипполитовой, Г.М. Кулаевой, М.Р. Львова и др., можно прийти к выводу, что *развитая языковая личность* выпускника школы (носителя родного языка) характеризуется следующими признаками: а) полнотой владения родным языком, родной речью во всем ее разнообразии; б) бережным отношением к красоте и богатству родного языка; в) личностными интересами, способностями и умениями, в том числе связанными с профессиональным самоопределением, которые отражаются в особенностях восприятия и порождения текстов, в выстраивании речевого взаимодействия с другими людьми; г) творческим отношением к применению языковых знаний и умений; д) критическим отношением к своей речи, выражающимся в готовности к речевому саморазвитию и самосовершенствованию.

Методические системы развития языковой личности учащегося современной школы направлены на: формирование эстетического языкового идеала и ценностного отношения к родному языку; совершенствование всех видов речевой деятельности: чтения, слушания, письма и говорения; развитие умений восприятия, понимания и интерпретации текстов (с учетом их коммуникативного замысла, идейно-тематического содержания, типологической, стилистической, жанровой принадлежности, способов выражения позиции автора); развитие навыков порождения устных и письменных текстов; формирование умений общения в различных ситуациях с учетом особенностей адресата (адресатов) и норм русского речевого этикета; развитие исследовательских и творческих способностей в области языка.

В ходе проведенного нами исследования одно из основных положений разработанной методической системы совершенствования речевой деятельности старшеклассников основывается на взаимосвязанном обучении всем видам речевой деятельности. Системно-деятельностный подход к развитию умений речевой деятельности предполагает использование продуктивных методов: исследовательского, творческого, методов моделирования и ситуативного анализа. Именно поэтому совершенствование речевой деятельности старшеклассников осуществляется на основе анализа речевых явлений с опорой на собственную коммуника-

тивную практику. В обучение включены три обязательных компонента: 1) исследование речевых явлений в специально отобранных учителем текстах и видеофрагментах; 2) анализ научных определений речеведческих понятий; 3) практикум по вариативному применению речеведческих и лингвистических знаний в различных ситуациях речевой деятельности [Развитие личности ... 2013: 131–132].

Серьезное внимание уделяется умениям восприятия и понимания текста. Тексты отбираются с учетом отражения в них констант и концептов русской культуры, богатства способов выражения авторской позиции. Для этой цели оптимальным дидактическим материалом служат публицистические и художественные тексты, затрагивающие культурно-историческую и духовно-нравственную проблематику. Основанием для обращения к текстам такого типа является также их представленность в материалах ЕГЭ. Укажем этапы, характерные для работы над совершенствованием понимания текста: 1) первоначальное восприятие текста, предположение о его основной мысли; 2) определение коммуникативной ситуации, задачи речи, особенностей адресата, темы текста; 3) выявление видов информации в тексте (по И.Р.Гальперину); 4) работа с ключевыми словами (смысловыми комплексами) и грамматическими конструкциями в каждом виде информации; 5) выявление языковых средств, передающих позицию автора, его отношение к предмету речи; 6) определение основной мысли, позиции автора в тексте; 7) выявление смысловой структуры текста (на основе наблюдения за развертыванием основной мысли); 8) интерпретационная деятельность на основе понимания текста (согласие/несогласие с позицией автора; оценка понимания текста другим реципиентом; создание вторичного текста, содержащего оценку первичного).

Непременным компонентом любого обучения является контроль и оценивание его результатов. Поэтому методическая интерпретация понятия *языковая личность* связана с определением уровней развития языковой личности школьника.

Попытку изучения языковой личности с помощью выделения в ее структуре нескольких уровней предпринимали такие исследователи, как Г.И. Богин, А.А. Гаврилина, В.Е. Гольдин, Г.Г. Инфантова, Ю.Н. Караулов, О.Б.Сиротина и др. При этом уровни выделялись на разных основаниях, отражающих лингводидактический, лингвокультурологический и исторический подходы к объекту исследования. Определение этих уровней в процессе обучения русскому языку в школе как родному связано с лингводидактическим подходом, представленным в трудах Г.И. Богина. Им описана пятиуровневая модель, в которой иерархически выстроены уровни готовности и способности личности к ов-

ладению языком. Первый уровень характеризуется «правильностью» использования элементарных лексических и грамматических единиц языка, второй – интериоризацией плана речевого поступка, цельностью и последовательностью речи, третий – богатством языка, насыщенностью речи, четвертый – адекватным выбором языковых единиц, пятый – адекватным синтезом средств передачи предметного содержания и средств выражении духовного содержания личности самого коммуниканта [Богин 1984: 5–7]. Модель Г.И. Богина создавалась для описания языковой личности, овладевающей иностранным языком, однако ее элементы вполне могут быть использованы в целях характеристики языковой личности носителя родного языка.

Для характеристики уровней развития языковой личности в методике обучения русскому языку может быть взята за основу четырехкомпонентная модель компетентностно ориентированного образования, которая включает «знания, умения учащихся, опыт творческой деятельности и опыт ценностного отношения» [Бермус 2005: эл. ресурс]. Если сформированы только первые два компонента: знания и умения, можно сделать вывод о репродуктивном характере языковой и речевой деятельности учащихся, а следовательно, о гипотетически низком уровне готовности и способности самостоятельно применять знания о языке и речи не только в учебной ситуации, но и за пределами системы образования. Опыт преобразования того, что получено в виде знания, и самостоятельное применение преобразованных лингвистических и речеведческих знаний в субъективно новой для школьника ситуации свидетельствует о готовности и способности ученика к когнитивной самостоятельности, а ценностное отношение к языковому и речевому опыту в сочетании с творчеством является показателем высокого уровня развития языковой личности.

В ходе проведенного нами исследования на основе характеристики речевой деятельности старшеклассника условно было выделено 4 уровня развития его языковой личности: начальный, репродуктивный, когнитивный, креативно-рефлексивный. Характеристика и деятельностная составляющая каждого уровня представлены с помощью таблицы в пособии «Совершенствование речевой деятельности старшеклассников» [Рябухина 2013: 23–24].

Таким образом, **языковая личность учащегося** в методике обучения русскому языку как родному предстает в виде интегративного образования, включающего: 1) личностное становление будущего выпускника, 2) владением всеми видами речевой деятельности, 3) готовность и способность к взаимодействию с другими носителями языка в различ-

ных сферах и ситуациях общения, 4) ценностное отношение к использованию языка в речи.

Библиографический список

Архипова Е.В. Основы методики развития речи учащихся: учеб. пособие для студентов пед. вузов. М.: Вербум-М, 2004. 192 с.

Бермус А.Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Эйдос: интернет-журнал. 2005. 10 сент. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm> (дата обращения: 27.10.2009).

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 24 с.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность / отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 3–8.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Пахнова Т.М. Рабочая программа к УМК «Русский язык и литература. Русский язык» для 10–11 классов (базовый уровень) // Рабочие программы. Русский язык и литература. 10–11 классы: учеб.-метод. пособие / сост. Е.И. Харитонова. М.: Дрофа, 2013. 167 с.

Развитие личности учащихся в процессе обучения русскому языку: духовное, интеллектуальное, эмоциональное: коллективная монография / Науч. редактирование А.Д. Дейкина, А.П. Еремеева, О.Ю. Ряузова. М.: МПГУ; Ярославль: РЕМДЕР, 2014. 480 с.

Рябухина Е.А. Совершенствование речевой деятельности старшеклассников: учеб.-метод. пособие. Пермь: ПГГПУ, 2013. 152 с.

Е.А. Ryabukhina

Professor of Methods of teaching Russian language Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

INTERPRETATION OF THE CONCEPT “LINGUISTIC IDENTITY” IN THE METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A NATIVE LANGUAGE

The article analyzes the concept of "language person" in the methods of teaching Russian as a native language. The components of the methodical interpretation of the language person are defined. Methods of seniors' language person development are correlated with methods of their speech activity's evolution.

Key words: language person; teaching Russian as a native language; student's language person; language competence; communicative competence; evolution of speech activity; levels of language person of the student.

Соловьева Наталья Васильевна
доцент кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
biserova@bk.ru

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА НАУЧНЫХ ЖАНРОВ¹

В статье рассмотрена полевая организация жанров научного стиля речи, включающая ядро, периферию и пограничные области. На примере жанра научной дискуссии показана возможность отнесения одного жанра к различным зонам стиля. Описаны некоторые изменения в системе научных жанров.

Ключевые слова: полевая структура; научный стиль речи; научные жанры; научная дискуссия.

В последние десятилетия нередко высказывается мнение о кризисе функциональной стилистики, «забвении» этой науки [Долинин 2004], о разрушении системы функциональных стилей ввиду происходящих в ней изменений, как количественных (например, выделение религиозного стиля речи), так и качественных (например, дифференциация публицистики). Так, описывая изменения в стилистической системе русского языка, О.Н. Кушнир утверждает, что стилистическая система «ныне включает, кроме традиционных пяти стилей, бульварный и религиозно-публицистический и графически может быть представлена в виде “стилистической бипирамиды”» [Кушнир 2013: 7].

Функционально-стилевая дифференциация языка, действительно, усложняется. Это бесспорный факт. Но нам кажется, что точнее говорить не о кризисе и разрушении, а о все большем взаимодействии, диффузии (термин Е.С. Троянской) функциональных стилей² вследствие конвергенции жанров. Одни стили претерпели существенные изменения. Это прежде всего публицистический стиль, поскольку именно эта сфера напрямую связана с происходящими в обществе динамическими процессами. Как подчеркивает Е.С. Скороходова, «... существование единого публицистического стиля вызывает все большие сомнения. Сфера, прежде называемая публицистическим стилем, теперь уже не публицистический стиль, а язык средств массовой информации, в рамках которого выделяют язык газеты, язык рекламы, язык радио, язык кино и язык телевидения» [Скороходова 2007: 50].

Мнение о разделении публицистики поддерживается и концепцией В.И. Конькова, отражающей внутреннюю дифференциацию стиля СМИ

на два подстиля – «официально-публицистический» (сложившийся в сфере публичного официального общения) и «бульварный» (сложившийся в сфере разговорно-бытовой речи) [Коньков 2005].

В отношении научного стиля речи исследователи отмечают его консервативность, наименьшую подверженность изменениям. На наш взгляд, такое мнение отчасти справедливо применительно к стилю в целом. Однако внутри стиля, представляющего собой полевую структуру, наблюдается динамика, обусловленная изменчивостью жанров. Конвергенция жанров, свойственная прежде всего публицистическим текстам, является активным процессом и в научном стиле речи, особенно в сфере гуманитарного знания. И это одна из причин, которые не позволяют создать строгую классификацию научных жанров.

Проблема жанровой классификации текстов научного функционального стиля рассматривалась нами в связи с изучением речевой индивидуальности ученого [Соловьева 2011]. В данной статье на примере жанра научной дискуссии мы проиллюстрируем его полевую организацию и коснемся некоторых изменений в системе научных жанров³.

Жанр, как и стиль, имеет полевую организацию, дробясь на жанровые разновидности, которые, в свою очередь, могут иметь подвиды [Троянская 1984]. Полевая структура стиля опосредованно связана с полевой структурой жанра. Ядро жанра – это ведущие жанровые разновидности, периферия – жанровые разновидности, имеющие меньший объем в общем количестве текстов и в меньшей степени выражающие специфику стиля, пограничная область представлена жанровыми разновидностями, имеющими сходство с другими жанрами научного стиля или подобными жанрами в других функциональных стилях. Получается, что один жанр, точнее его разновидности, может находиться в разных зонах стиля. И это обстоятельство не позволяет ему (стилю) оставаться статичным. Ядро и периферия научного жанра претерпевают изменения во времени, а пограничная область все чаще подвержена диффузии, что и влечет за собой размывание границ жанра и – как следствие – границ стиля.

Чем более «открытую» («свободную») структуру имеет жанр, тем больше у него жанровых разновидностей. Например, научная статья. Никто не будет отрицать, что этот жанр справедливо относить к ядру научного стиля речи. Однако справедливо ли это мнение для всех жанровых разновидностей статьи (обзорной, научно-популярной, рекламной и др.)? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к коммуникативным задачам, которые выполняет рассматриваемое научное произведение. Научные статьи могут и фиксировать дисциплинарное знание, и расширять его, и изменять. Получается, что этот критерий не является опреде-

ляющим, необходимо учитывать дополнительные коммуникативные задачи: например, для обзорной статьи – обобщенно-сжатое изложение нового научного знания, для научно-популярной – популяризация научного знания, для рекламной – рекламирование научных достижений и т.д. Реализация той или иной коммуникативной задачи соотносится с особым отбором и особой организацией языковых средств. Чем более значимой становится дополнительная задача, тем более выражено отступление от стандарта научного изложения, а значит, тем более удален этот жанр (жанровая разновидность) от ядерной зоны.

Однако и этого критерия иногда бывает недостаточно. Так, при анализе дискуссионных статей (коммуникативной задачей которых является коллективный поиск правильного решения проблемы) было установлено, что важными характеристиками, позволяющими отличить одну жанровую разновидность научной дискуссии от другой, оказываются прагматические характеристики ситуации научной коммуникации – условия и характер общения, а также речевое поведение самих участников дискуссий⁴.

Дискурсивно-стилистический анализ текстов научных дискуссий позволил описать следующие разновидности дискуссионных статей.

«Позитивная» дискуссия – это дискуссия, которая основана на толерантном речевом взаимодействии участников; в ней достигается продвижение в обсуждении проблемы, принимается совместное решение, устанавливается синтез концепций или вырабатывается принципиально новое конструктивное решение. Оппоненты уважительно относятся друг к другу, стремятся понять и осмыслить противоположную позицию, они заинтересованы в получении нового знания и ориентированы на поиск средств для достижения согласия в интересах общей цели. Такая разновидность дискуссии, безусловно, будет относиться к ядру научного стиля речи.

«Негативная» («нерезультативно-негативная») дискуссия – дискуссия, в которой не проясняется содержание многих вопросов; каждый из оппонентов стремится утвердить приоритет лишь собственной концепции, при этом часто не допуская даже возможности существования другой точки зрения. В результате оппоненты не приходят к единому мнению («ничейный результат») и приращения нового знания не происходит. Разновидность дискуссии, которая переросла в полемику (а порой в эристику), будет принадлежать пограничной области научного и публицистического стилей речи, что подтверждает и выполненный анализ языковых средств. Так, наряду с языковыми средствами научного стиля речи для выражения критических замечаний широко используются языковые средства, неприемлемые для научного изложения: *претенциоз-*

ные термины; весьма упрощенная и превратная форма; ухищряется выдернуть цитаты; намеренно оборвал высказывание, для того чтобы извратить его и др.

И наконец, «идеологически ориентированная» дискуссия. Это дискуссия, в которой идеи оппонента оцениваются с идеологических позиций, что отражается на характере оценки, критерием которой становится степень соответствия теории нормативам господствующей идеологии. Рациональная оценка, свойственная научным текстам, замещается оценкой идеологической, и «оппонент в этом ракурсе – это не уважаемый собеседник, с которым можно обсуждать проблемы, ... а противник, враг, своим появлением и вообще существованием угрожающий самому существованию идеологии» [Леглер 1993: 77].

Поляризация оценок становится главной особенностью построения таких текстов: *мы – они; наше, отечественное – чужое, чуждое, западное; материалистическое – идеалистическое; советское – буржуазное; марксизм – махизм; объективное – субъективное, фиктивное; расцвет советского – гибель западного.*

Влияние фактора идеологии на научную дискуссию оказалось столь сильным, что привело к открытой идеологичности дискуссионных материалов и трансформации их в жанр проработки, который относится к области публицистического стиля, точнее политико-идеологического дискурса⁵.

Итак, мы показали, как одна жанровая разновидность (дискуссионная статья) может быть отнесена к различным зонам стиля. Сейчас рассмотрим некоторые изменения в жанровой системе научного стиля речи, обусловленные изменениями в социально-научной и социально-экономической сферах.

Во-первых, отметим резкое увеличение общего количества жанров, связанное с огромным ростом количества научных работников: «Если с конца XVIII до начала XX в. развитие мировой науки обеспечивали 15 тысяч ученых, до середины XX столетия – 400 тысяч, то в настоящее время более 3 млн. научных работников, а на сегодняшний день – 12 млн. ... За последние 30 лет создано 70 % знаний человечества, полученных за всю историю его существования, поэтому численность ученых удваивается каждые 12–15 лет» [Комарова 2012: 83].

Увеличилось количество ученых, значит, увеличилось общее количество научных жанров и особенно таких жанров, как диссертация, автореферат; увеличилось количество собственно научных статей и среди них статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК. Естественно, такой «информационный

бум» оказал влияние на соотношение ядра с периферией и пограничными областями.

Во-вторых, проявляется общая тенденция ухода не востребуемых (так называемых «неактуальных») жанров. Передовая статья, находившаяся ранее в пограничной области научного и публицистического стилей, уходит из обоих стилей.

В-третьих, с течением времени наблюдается перемещение жанров из одной зоны в другую. Если ранее рекламные статьи находились на далекой периферии, то в настоящее время научно-технические рекламные статьи проникают в ядерную зону. Более того, проявление рекламной функции становится свойственным и многим другим жанрам. Так, Н.Ю. Антонова отмечает реализацию этой функции в текстах лекарственных инструкций (относимых к научно-деловому подстилю) в выборе таких приемов и языковых средств, которые оказывают воздействие на адресата, формируя его предпочтение именно к этому медицинскому препарату [Антонова 2011]. Рекламный характер стали носить и многие заголовки научных работ (см. статью М.П. Котюровой в настоящем сборнике).

В заключение подчеркнем, что наши наблюдения носят предварительный характер. Мы не ставили задачи описать изменения в системе научных жанров с учетом вида науки (хотя осознаем, что характер научного изложения детерминирован областью научных знаний), издательских традиций разных стран и других факторов. Естественно, что эти факторы также будут влиять на распределение жанров по зонам научно-функционального стиля.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 14-34-01026a1.

² Диффузия функциональных стилей рассматривается как системный процесс в статье А. Стояновича (см. [Стоянович 2004]).

³ За основу мы принимаем классификацию научных жанров по Е.С. Троянской (см. [Троянская 1984]).

⁴ Более подробный анализ научных дискуссий см. [Соловьева 2010].

⁵ Сближая понятия «функциональный стиль» и «дискурс» в данном контексте, мы ориентируемся на идею М.Н. Кожиной о сближении функционально-стилистической концепции текста с теорией дискурса (см. [Кожина 2004]).

Библиографический список

Антонова Н.Ю. Коммуникативная точность специального текста (на материале инструкций по применению лекарственных препаратов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 24 с.

Долинин К.А. Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания: сб. ст. к

140-летию каф. общего языкознания филолог. фак. С.-Петерб. гос. ун-та / ред. Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, А.В. Бондарко и др. Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2004. С. 607–620.

Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012. 818 с.

Коньков В.И. О двух разновидностях газетно-журнальной речи // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котюровой. Вып. 9. Пермь: Перм. ун-т, 2005. С. 110–115.

Кушнир О.Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX–XXI веков: вопросы динамической лингвоконцептологии: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2013. 44 с.

Леглер В.А. Идеология и квазинаука // Философские исследования. № 3. 1993. С. 68–82.

Скорородова Е.Ю. Современное состояние функционально-стилистической системы русского литературного языка // Вопросы филологии. № 1 (25), 2007. С. 50–54.

Соловьева Н.В. Жанровое своеобразие научных текстов в аспекте речевой индивидуальности ученого // Речевая коммуникация в современной России: материалы II Международной научной конференции (Омск, 27–30 июня 2011 г.). В 2-х т. Т. 1. Омск: Вариант-Омск, 2011. С. 358–363.

Соловьева Н.В. Научная дискуссия: учебное пособие. Пермь: Перм. ун-т, 2010. 100 с.

Стоянович А. К общим закономерностям диффузии стилей // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котюровой. Вып. 7. Пермь: Перм. ун-т, 2004. С. 58–95.

Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стилль. Санкт-Петербург, 2004. С. 9–33.

Троянская Е.С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. Отв. ред. М.Я. Цвиллинг. Москва: Наука, 1984. С. 16–27.

N.V. Solovyova

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

FIELD STRUCTURE OF SCIENTIFIC GENRES

Field organization genres of scientific style of speech which includes the core, periphery and border areas is considered in the article. The possibility of classifying one genre to different regions of style shown on the example of the genre of scientific discussion. Some changes in the system of scientific genres are described.

Key words: field structure; scientific style of speech; academic genres; scientific discussion.

КОНЦЕПТ СУДЬБА ПО ДАННЫМ РУССКИХ СЛОВАРЕЙ

В статье рассматривается русский концепт *судьба* в аспекте этимологического и семантического анализа, а также в сравнении с рядом синонимичных понятий. Исследуется эволюция содержания данного концепта на протяжении многих веков, отраженные в нем изменения в сознании русского народа и влияние концепта *судьба* на формирование русской ментальности.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, концепт *судьба*.

Концепты – это ментальные образования, представления носителей языка об объекте, явлении, о мире в целом. В языковой картине мира концепты репрезентируют базовые, фундаментальные понятия культуры, такие как «судьба», «Бог», «душа», «любовь» и др. В этих и подобных концептах отражается специфика менталитета этнической группы и познания человеком окружающего мира. *Судьба* является одним из таких ключевых концептов.

Прежде всего концепт *судьба* указывает на контроль высшей силой событий, происходящих в мире, а само имя концепта, т.е. лексема *судьба*, «относится к числу древнейших ключевых слов нашей культуры» [Постовалова 1994: 207–214]. Информация, которая содержится в концепте *судьба*, свидетельствует об особом мировосприятии народа, составляющем богатство картины мира этого языка.

Одним из этапов изучения концепта является анализ семантики ключевого слова, зафиксированной в словарях. Как известно, каждое слово, помещенное в словаре, связано с жизнью и деятельностью народа – творца языка.

Обратимся к словарям русского языка и рассмотрим значение слова *судьба*. Отметим, что издавна эту лексему включают в свой состав все словари.

Тысячелетия в сознании людей существовало представление о судьбе как высшей силе, влияющей на жизнь человека. В древнерусском языке слово *судьба* известно с XI в., и чаще всего оно употреблялось со значением «суд», «судилище», «правосудие», «приговор» [Черных 1994: 216]. По-славянски слово *судьба* происходит от выражения «суд Бо-

жий». То есть все, что происходит с человеком, – это особый Божий суд, особые Божии пути по отношению к нему.

В «Сравнительном словаре» М.М. Маковский, рассматривая наиболее древний пласт человеческой цивилизации – языческую символику судьбы, – наглядно показывает отражение этой символики в наивысшем проявлении культуры – языке. Мифологическое мышление нередко отождествляло понятие судьбы с женскими божествами; согласно учению кармы, судьба – это творение самого человека; слова со значением *судьба* могли соотноситься и с астральной символикой (звезда, небо). Понятие судьбы отождествлялось также с понятиями рождения – смерти. Кроме того, понятие судьбы неразрывно связано с понятиями «ткать, соединять». Показательно и соотношение значений «судьба» – «время». Понятие судьбы может также соотноситься с понятием руки: согласно мифологическим представлениям, судьба записана на ладони руки. Более того, в соответствии с древними представлениями, судьба человека записана не только на руке, но и на деревьях, а также на лбу человека [Маковский 1996: 312–313].

В XI–XVII вв. у слова *судьба* появляются новые значения, тесно связанные с богом и божественным. Например: *божественный приговор; божественное установление; божественное предопределение; участь, судьба, предназначенная человеку от бога* [Словарь русского языка XI–XVII вв. 2008: 272–273]. Этот факт свидетельствует о том, что свою мирскую жизнь люди продолжали видеть в свете Божьего замысла и Закона, которые оставались главными их ценностями. Появление новых значений связано с распространением в России православия и ростом авторитета православной церкви: церковь формировалась и функционировала в какой-то степени по образцу государства, церковная власть становилась идеологической, экономической и политической силой. Религиозное и собственно культурное направления в этот период практически объединены, что оказало влияние на ментальность носителей языка и получило отражение в семантике слова *судьба*.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *судьба* имеет следующие значения: ‘суд, судилище, судбище и расправа; участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения’ [Даль 1866: 622]. Однако подчеркнем, что как самостоятельный элемент словника слово *судьба* у Даля отсутствует, что является явным свидетельством вхождения этого понятия в речь именно как производного от глагола *судить*.

В XVIII–XIX вв. влияние религии в России несколько ослабло и получила распространение европейская идея о том, что «все в мире действует по законам случайности», в связи с чем в сознании русского на-

рода постепенно сформировалось представление о судьбе как силе, не связанной с волей Божией [Нейфак 2009: 123]. В таком понимании судьба соотносится с попыткой упорядочить мир, определить отношения между человеком и высшей непознаваемой силой. В целом, семантические изменения в концепте *судьба* связаны с эволюцией от 'божественного определения' к 'стечению случайностей'. Для конкретизации этого тезиса обратимся к толковым словарям современного русского языка.

Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой читаем, что судьба – это 1. Стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий. 2. Доля, участь. 3. История существования кого-нибудь или чего-нибудь. 4. Будущее, то, что случится, произойдет. 5. То же, что суждено. Как видим, круг значений слова *судьба* здесь заметно шире, чем в словаре В.И. Даля: три последних значения являются новыми [Ожегов, Шведова 2006: 715].

В «Большом толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова значения слова *судьба* полностью совпадают с первыми двумя значениями, отмеченными С.И. Ожеговым [Ушаков 1940: 584–585]. Толкование слова *судьба* в «Толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова также близко словарю С.И. Ожегова [Кузнецов 2008: 1185].

На основании анализа толкований, содержащихся в названных словарях, можно выделить основные значения слова *судьба* в русском языке: 'некая воображаемая сила, которая определяет события в жизни человека'; 'сила, которая исходит от Бога и определяет жизнь человека'; 'случайность'; 'история существования чего-либо'.

Проведенный семантический анализ позволяет также сделать вывод о том, что в русском языке понятие *судьба* тесно связано с рядом близких понятий, которые образуют синонимический ряд: *судьба – доля – участь – удел – жребий – рок*.

Участь и *судьба* могут также относиться к будущему человека, *доля* и *удел* – характеристика всей биографии человека. *Жребий* действует только одномоментно. *Рок* определяет или основные вехи жизни, или неожиданный поворот в судьбе.

Влияние на жизнь людей всех этих сил разное. *Судьба*, *участь*, *доля*, *удел* обуславливают главные события в жизни людей (рождение, смерть, брак, любовь и т.п.), а также качество жизни (достаток, счастье и т.п.). *Рок* предопределяет счастливую / несчастную судьбу.

Эти слова имеют также разную оценочную окраску: *участь* и *удел* оцениваются отрицательно, а *доля* положительно, *жребий*, *судьба* получают различную интерпретацию.

Кроме того, все эти слова имеют значение предопределенности, однако есть между ними и тонкое различие: *доля*, *участь*, *удел* полно-

стью predeterminedены; *судьба* может зависеть от воли самого человека, *жребий* же заранее не predeterminedен: он «выпадает» и поэтому носит случайный характер.

Лингвистический анализ понятийного элемента слова *судьба* и его синонимов в русском языке позволяет выделить следующие ядерные признаки концепта *судьба*: predeterminedенность, обусловленность, наличие внешней силы, имеющей потустороннее, высшее происхождение, неконтролируемость человеком.

Библиографический список

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. 415 с.

Нейфах Г.А. Промысел Божий и человеческая свобода. М.: Правило Веры, 2009. 430 с.

Постовалова В.И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А.Ф. Лосевым // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. 318 с.

Словари

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Тип. М.О. Вольфа, 1866. 704 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ технологии, 2006. 944 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М.: Наука, 2008. 304 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. Т. 4. 720 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1994.

Qu Huijun

Postgraduate Student

Shandong Normal University, China

CONCEPT *FATE* IN RUSSIAN DICTIONARIES

The article considers the concept *fate* from three aspect: etymological analysis, semantic analysis, and comparative analysis with its synonymies. It takes several centuries to form the concept *fate* in minds of russian people, and on the other hands, this concept has a great influence to the worldview of russian people. In this article, we used many Russian dictionary as example to prove the forming process concept *fate*.

Key words: language worldview; concept; concept *fate*.

Чиркова Татьяна Александровна
студентка факультета русской филологии и журналистики
Елабужский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета
chirkova_tatiana92@mail.ru

МЕТАПРЕДМЕТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Статья посвящена вопросу метапредметного подхода в обучении русскому языку. Основное внимание сфокусировано на практической методике применения метапредметного подхода на уроках русского языка на основе специально подобранных и разработанных заданий, способствующих формированию метапредметных результатов обучения.

Ключевые слова: метапредмет; метапредметный подход; метапредметные результаты.

В современной парадигме образования широкое распространение получили такие понятия, как «метапредмет», «метапредметное обучение» в связи с существенными изменениями в процессе обучения в образовательном учреждении и введением Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (далее ФГОС ООО), утвержденного приказом № 1897 Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. В данном документе в основу процесса обучения положен не только системно-деятельностный, но и метапредметный подход.

Вопросы метапредметного содержания стандартов второго поколения обозначены в работах А.В. Хуторского «Метапредметное содержание и результаты образования: как реализовать федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС)»; Н.И. Аксеновой «Метапредметное содержание образовательных стандартов»; Н.В. Громыко «Мыследеятельностная педагогика и новое содержание образования. Метапредметы как средство формирования рефлексивного мышления у школьников»; А.Г. Асмолова «Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя» и др.

«Метапредметные образовательные результаты учеников теперь предлагается обеспечивать, проверять и оценивать каждому учителю,

начиная с начальной школы. Но как это делать, стандарты не сообщают» [Хуторской 2012: 1].

Все это свидетельствует о том, что анализ сущности метапредметного подхода сегодня рассматривается как одна из основных проблем науки, изучение которой далеко не закончено. Под метапредметным подходом мы понимаем универсальный подход, обеспечивающий переход от существующей практики дробления знаний на предметы к целостному образному восприятию мира, к метадеятельности. Метапредметный подход нацелен на метапредметные (компетентностные) результаты образовательной деятельности, т.е. такие способы деятельности, которые применяются как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях, освоенных обучающимися на базе одного, нескольких или всех учебных предметов.

В условиях модернизации школьного образования, поворота его к личностно ориентированной парадигме большая роль отводится русскому языку как метапредмету. Основная проблема, стоящая перед учителями русского языка и литературы, следующая: как развивать метапредметные универсальные учебные действия (УУД) у учащихся? Как достичь необходимых метапредметных результатов?

Для формирования метапредметных УУД необходимо, по нашему мнению, применять определенные педагогические средства.

Педагогические средства – материальные объекты и предметы духовной культуры, предназначенные для организации и осуществления педагогического процесса и выполняющие функции развития учащихся; предметная поддержка педагогического процесса, а также разнообразная деятельность, в которую включаются воспитанники: труд, игра, учение, общение, познание [Коджаспирова 2000: 91].

Одним из таких эффективных средств, способствующих познавательной мотивации, а также формированию универсальных учебных действий, является создание проблемных ситуаций на уроке. Например, ученикам предлагается ответить на вопрос: Как так получилось, что слово *тварь*, с одной стороны, употребляется в контексте *тварь божья*, а с другой стороны, используется как ругательство? В процессе поиска решения данной лингвистической задачи учащиеся, применяя имеющиеся знания, определяют, что слово *тварь* в своей истории прошло через несколько этапов семантического развития. Первоначально *тварь* – это «создание» (от творить). На этом основании у слова развивается значение «живое существо» (*тварь божья, каждой твари по паре* и т.п.). Затем слово «тварь» приобретает значение «животное». А отсюда – один шаг до использования этого слова в качестве ругательства [Норман 2014: 54].

Важнейшую роль в формировании метапредметных УУД играет работа с текстом. Можно выделить следующие приемы работы с текстом: составление плана, граф-схема, сводная таблица.

Прием составления плана позволяет глубоко осмыслить и понять текст. Для построения плана целесообразно по мере чтения последовательно задавать себе вопрос «О чем здесь говорится?»

Граф-схема – это способ моделирования логической структуры текста. Граф-схема от плана отличается тем, что в ней наглядно отражены связи и отношения между элементами. Необходимо отметить, что схемы преподносятся не в готовом виде, а ученик сам осмысливает и кодирует информацию в удобном ему формате запоминания.

Прием составления сводной таблицы позволяет обобщить и систематизировать учебную информацию.

Групповая форма работы – одно из основных средств применения метапредметного подхода на уроке. Примером групповой работы может служить «Мозаичная группа». Учитель делит тему на несколько частей так, чтобы каждая группа получила свою часть темы. Все группы получают также список необходимых источников или сами учебные материалы, с помощью которых они изучают основы предложенной части темы. Каждый член новой группы объясняет своим новым коллегам свою часть темы, основы которой он изучил в составе предыдущей группы, и отвечает на заданные вопросы. В заключение работы составляется резюме.

Так, тему «Правописание корней с чередованием гласных», изучаемую в 6 классе, можно разбить на части: корни, в которых написание гласной зависит от суффикса, следующего за корнем; корни, в которых написание гласной зависит от ударения; корни, в которых написание гласной зависит от буквы (букв), стоящей (стоящих) за гласной; корни, в которых написание гласной зависит от смысла. Соответственно каждая из групп получает свою подтему для ознакомления и изучения.

Проектная и исследовательская деятельности – действенное средство формирования универсальных учебных действий. В процессе этих видов деятельности у учащихся формируется весь спектр метапредметных УУД: коммуникативные (развитие навыков работы в группе, воспитание толерантности, формирование культуры публичных выступлений), регулятивные (овладение навыками самоорганизации, умение ставить перед собой цели, планировать и корректировать деятельность, принимать решения; нести личную ответственность за результат), познавательные (познание объектов окружающей реальности; изучение способов решения проблем, овладение навыками работы с источниками информации, инструментами и технологиями).

Реализация метода проектов ведет и к изменению позиции учителя: из носителя готовых знаний он превращается в организатора познавательной, исследовательской деятельности учеников.

К примеру, в 6 классе после изучения темы «Лексическое и грамматическое значение слова» (раздел «Словообразование») можно учащимся предложить проект: «Дети создают слова». Ученики вспоминают и записывают свои детские слова (помогают родители) или слова своих младших братьев и сестер или находят такие примеры в Интернете. Цель работы состоит в том, чтобы осознать, что все слова в нашем языке строятся по законам русского словообразования, что малыши, придумывая слова, используют «родные» приставки и суффиксы. Так некоторые дети называют ногти на руках «ругти», по аналогии на ногах – ногти [Крылова 2014: 50].

Систематически на уроках русского языка в 5-6 классах целесообразно использовать такое средство формирования УУД, как создание учащимися литературных произведений (сказок, рассказов, басен, баллад), в том числе и лингвистических. Например, ребятам можно предложить следующие виды лингвистических сказок: сказка-спор («Служебные слова»), сказка о добром помощнике («Сказка о девочке Люсе и безударных гласных»), сказка-проделка («Проделки наречий»), сказка-чудесное знакомство («Восклицание»), сказка-неожиданные события («Жители Глаголии»), сказка-ссора («Сказка про шипящие»), сказка-история («Предки»), сказка-задание («Вот так родственники»). В методическом журнале для учителей словесников «Русский язык» представлены примеры лингвистических сказок, сочиненных учащимися [Снытко 2013: 37].

Рефлексия – одно из важнейших средств формирования умения учиться. К средствам, формирующим универсальные учебные действия на стадии рефлексии, помогающим творчески интерпретировать информацию, относятся: написание эссе, составление телеграммы, памятки, инструкции, стихотворение по алгоритму, письмо по кругу, синквейн.

Синквейн позволяет отработать навыки анализа текста, развивает внимание учащихся к слову, побуждает их анализировать свои ощущения, помогает учителю организовать диалог. Синквейн – средство создания не только обучающей, но и развивающей речевой среды, способствующей индивидуализации обучения и речевого развития учащихся.

А.И. Хрущева приводит пример синквейна по упр. 380, сюжетные рисунки на тему «Как я однажды помогал маме» по учебнику русского языка для 6 класса под редакцией М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др.:

Кот.
Приставучий, надоедливый.
Вертится, мяукает, выпрашивает еду.
Кто виноват, что банка разбилась?
Я не виноват [Хрущева 2006].

Таким образом, метапредметный подход на уроках русского языка можно осуществить с помощью рассмотренных выше педагогических средств (проблемный вопрос, работа с текстом, граф-схема и т.д.), направленных на формирование метапредметных знаний по русскому языку и способствующих развитию метаумений самостоятельно приобретать знания, применять их на практике для решения разнообразных задач, работать с различной информацией, анализировать, обобщать, аргументировать, самостоятельно критически мыслить, искать рациональные пути в решении проблем.

Библиографический список

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС ООО). URL: <http://www.fgos-kurgan.narod.ru/Doc/fgos-ooo.doc> (дата обращения: 7.10.2014).

Хуторской А.В. Метапредметное содержание и результаты образования: как реализовать федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) // Интернет-журнал «Эйдос». 2012. №1. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2012/0229-10.htm> (дата обращения: 20.10.2014).

Аксенова Н. И. Метапредметное содержание образовательных стандартов / Н. И. Аксенова // Педагогика: традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2011 г.). Т. I. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 104–107.

Громько Н. В. Мыследеятельностная педагогика и новое содержание образования. Метапредметы как средство формирования рефлексивного мышления у школьников. URL: <http://1314.ru/node/24> (дата обращения: 15.10.2014).

Асмолов А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / Под ред. А. Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2008. С. 151

Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. С. 176

Норман Б. Ю. Замысловатые задачи по русскому языку. // Методический журнал для учителей словесников «Русский язык». 2014. №1 (13). С. 64.

Крылова Л.В. Ученические проекты и исследования. Работаем по учебнику под ред. Г.Граник // Методический журнал для учителей словесников «Русский язык». 2014. №5-6. С. 64.

Снытко Г.М. Дети сочиняют лингвистические сказки // Методический журнал для учителей словесников «Русский язык». 2013. № 6. С. 65.

Хрущева А.И. Освоение синквейна // Методический журнал для учителей словесников «Русский язык». 2006. № 18. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200601805> (дата обращения: 4.10. 2014).

T.A. Chirkova

student of Russian Philology and Journalism Faculty
of Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University

METASUBJECT APPROACH IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the issue of metasubject approach in teaching of the Russian language. The main attention is focused on the practical application of the metasubject approach at Russian lessons which based on specially selected and designed tasks that contribute to the formation of metasubject learning outcomes.

Key words: metasubject; metasubject approach; metasubject outcomes.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 81'42

Каблуков Евгений Викторович
доцент кафедры русского языка и стилистики
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
kablukov.usu@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассмотрены некоторые практики конструирования культа личности Владимира Путина в современном российском медиадискурсе, а именно: отбор номинаций, соответствующих идеализированному образу субъекта культа; конструирование образа субъекта культа как звезды массовой культуры; отождествление субъекта культа и страны.

Ключевые слова: медиадискурс; дискурсивные практики; культ личности; Владимир Путин.

О формировании культа личности Владимира Путина исследователи заговорили практически сразу после его вступления в должность президента России [Якушин 2014; Cassidy, Johnson 2012; Mikhailova 2012; White, McAllister 2008]. Симптомы этого тревожного, на наш взгляд, феномена фиксируют и социологи. Так, по данным «Левада-центра», 19 % россиян согласны с тем, что в стране существует культ Владимира Путина, а еще 31 % считает, что культа «еще нет, но предпосылок для него все больше и больше» [Общественное мнение 2014: 88]. В связи с этим представляется интересным рассмотреть практики современного российского медиадискурса, способствующие формированию культа личности Владимира Путина.

Под культом личности мы понимаем возвеличивание субъекта культа, доходящее до его обожествления и связанное с вождизмом, характерным для тоталитарных и некоторых других режимов [Арендт 1996: 495; Гюнтер 1992: 90; Мазуров 1993: 42; Ольшанский 2001: 213]. При этом исследователи отмечают склонность российского общества, в том числе современного, к формированию культа личности [Даринская 2008: 178; Романович 2009: 13; Шалаева 2013: 104; Якушин 2014: 13–14].

В настоящей работе мы рассмотрим наиболее показательные, на наш взгляд, практики конструирования культа личности Владимира Путина в современном российском медиадискурсе. Начнем с отбора номинаций, соответствующих идеализированному образу субъекта культа. Здесь следует обратить особое внимание на словосочетание *национальный лидер*, которое, несмотря на явную связь с западной традицией политического лидерства, «частично трансформируется в идеологему вождизма» [Купина 2013: 74]. Получив широкое распространение перед рокировкой Владимира Путина и Дмитрия Медведева в 2008 г., данная номинация закрепляется не за должностью, а за конкретным человеком, что подтверждается ее использованием по отношению к Владимиру Путину, занявшему пост премьер-министра:

«Безусловно, возглавить общероссийский Народный фронт должен национальный лидер Владимир Путин, и именно вокруг него будет происходить консолидация тех политических и общественных сил страны, которые готовы отстаивать интересы России как единого, сильного, независимого и процветающего государства», – заявил 7 мая заместитель секретаря президиума генсовета «Единой России» Юрий Шувалов (Комсомольская правда. 07.05.2011).

Отметим, что данная практика соответствует традициям советского вождизма: Сталин, будучи вождем советского народа, вообще никогда не занимал пост главы государства. Актуализации классических примеров вождизма способствуют и такие выступления:

Рамзан Кадыров: Пятнадцать лет Путин помогает нашему народу. Теперь и мы с вами – а нас десятки тысяч человек, прошедших специальную подготовку – просим национального лидера России считать нас добровольным отрядом Верховного главнокомандующего, готовым защитить Россию и стабильность ее границ, выполнить боевую задачу любой степени сложности. <...> Да здравствует наш национальный лидер России Владимир Путин! Аллах Акбар! (Лента.ру. 29.12.2014).

Здесь идеологема *национальный лидер*, соседствующая с номинацией *верховный главнокомандующий*, попадает в контекст, сочетающий, с одной стороны, традицию советских лозунгов (*Да здравствует!*), с другой, религиозную традицию (*Аллах акбар!*). Все это способствует абсолютизации положительных качеств субъекта культа и его сакрализации.

Однако особенно тревожным, на наш взгляд, является использование идеологемы *национальный лидер* в научных текстах, поскольку это свидетельствует о привыкании к идеологической составляющей данной языковой единицы, которая уже не воспринимается как идеологически

нагруженная, а функционирует как стилистически и оценочно нейтральная, уместная в любом контексте:

*Жизнь подтверждает, что представители этих видов спорта впоследствии становятся ведущими менеджерами, управленцами среднего и высшего звена как у нас в стране, так и за рубежом». Убедительным подтверждением этого является президент России, **национальный лидер В. В. Путин** – мастер спорта по дзюдо [Гагонин, Агеевиц 2008: 25].*

Следующая практика – конструирование образа субъекта культа как звезды массовой культуры [Cassiday, Johnson 2012], которое осуществляется в рамках дихотомии «тождественность – самость» [Ильина 2012]. Такой подход предполагает выделение признаков двух типов – тождественности, то есть обычности, и самости, то есть необычности. Рассмотрим несколько примеров:

Неожиданно для всех Владимир Путин вылетел сегодня из Сочи в Краснодар. Едва спустившись с трапа, он принимает новое решение: лететь в Чечню. Бегом поднимается обратно в самолет, чтобы переодеться в летную форму. Он полетит в Грозный не на своем премьерском лайнере, а на боевом истребителе-перехватчике «СУ-27». <...> Владимир Путин и сам недолго управлял машиной. По признанию пилотов, это не просто даже для профессионалов. Большие перегрузки (Новости. Первый канал. 20.03.2000).

Репортер «Первого канала» конструирует образ исполняющего обязанности президента как супермена, у которого всегда с собой *летная форма* (в таком контексте она превращается в костюм супергероя). Показано, что Владимир Путин самостоятельно пилотирует самолет. Это, с одной стороны, подчеркивает героизм персонажа, а с другой, роднит его с обычными людьми, которые тоже не отказались бы от столь захватывающего аттракциона.

Другое сенсационное событие произошло в 2011 году, когда Владимир Путин попробовал себя в роли археолога. Причем охоту за сокровищами он вел не на суше, а в воде. Как и положено в таких случаях, герой сумел поднять из глубин уникальные находки:

На дно Таманского залива премьер-министр спустился вместе с археологами. Вернулся не с пустыми руками. <...>

– Вы это на дне нашли?

– Ну да, вместе с ребятами (Новости. Первый канал. 10.08.2011).

Интересно, что две древнегреческие амфоры были в руках лишь одного аквалангиста – Владимира Путина, который, впрочем, проявил скромность, сообщив репортеру, что нашел эти амфоры не один, а вме-

сте с ребятами, то есть вместе с такими же простыми археологами, как он.

Перейдем к следующему подвигу:

Владимир Путин принял участие в проекте «Полет надежды», запущенном для спасения исчезающего вида журавлей. По дороге на саммит АТЭС во Владивостоке президент заехал на Ямал, где орнитологи пытаются научить стерхов из питомника самостоятельно совершать перелет на зимовку. Для этого используют мотодельтаплан, за штурвалом которого человек кажется птицам вожаком стаи. В роли провожатого попробовал себя и Владимир Путин (Вести. Россия-1. 5.09.2012).

С одной стороны, перед нами человек, любящий животных и заботящийся о дикой природе. Такой же, как тысячи других. С другой стороны, это настоящий герой, который, не являясь профессионалом, идет на риск и самостоятельно пилотирует дельтаплан, чтобы спасти выводок стерхов.

Таким образом, конструируется образ разностороннего и вездесущего персонажа, который, будучи простым человеком, имеет черты настоящего героя.

В последнее время в российском медиадискурсе актуализировалась еще одна практика, свойственная классическому культу личности и предполагающая отождествление государства с его лидером [Даринская 2008: 178]. Поводом для ее актуализации стало выступление первого заместителя руководителя Администрации президента России Вячеслава Володина:

«Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России», — озвучил ключевой тезис, который наиболее четко отражает сегодняшнее состояние нашей страны и ее граждан, Володин (Московский комсомолец. 23.10.2014).

Выделенная нами фраза была широко растиражирована СМИ. Но самое интересное, что она не стала единственной, закрепляющей тождество субъекта культа и страны в современном российском медиадискурсе. Так, с Вячеславом Володиным согласился и его непосредственный начальник – руководитель Администрации президента России Сергей Иванов:

*На вопрос «Ленты.ру», так же ли он отождествляет родину с президентом, как его первый зам Вячеслав Володин, который в среду на «Валдае» заявил, что сегодняшняя Россия немыслима без Путина, Сергей Иванов ответил, что «если реалистично оценивать внутривнутриполитическую ситуацию в России, то да, **Россию на сегодняшний день без Путина не представить**» (Лента.ру. 24.10.2014).*

Смысл, транслируемый в рассмотренных фрагментах, весьма прост и может быть сведен к формуле *Россия – это Путин*, которая отсылает нас к двум прецедентным текстам. Первый – это широко известная фраза «государство – это я», приписываемая Людовику XIV. Показательно, что современные российские историки, как правило, прибегают к ней, чтобы охарактеризовать не столько реалии французского государства времен Короля Солнца, сколько специфику русского абсолютизма (см., например: [Пивоваров, Фурсов: 184]). Второй прецедентный текст – это фраза Рудольфа Гессе, прозвучавшая на съезде Национал-социалистической партии Германии в 1934 г.: «Партия – это Гитлер, Гитлер – это Германия, а Германия – это Гитлер».

Таким образом, в современном российском медиадискурсе используются практики, способствующие формированию культа личности Владимира Путина. В их числе отбор номинаций, соответствующих идеализированному образу субъекта культа (*национальный лидер*); конструирование образа субъекта культа как звезды массовой культуры; отождествление субъекта культа и страны (*Россия – это Путин*).

Библиографический список

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Гагонин С. Г., Агеевиц А. В. Профессионально прикладная физическая подготовка студентов СЗАГС на основе спортивно боевых единоборств в рамках дисциплины «Физическая культура» // Информационно-методическое и организационное обеспечение профессионального образования в условиях многоуровневой подготовки специалистов. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008. С. 24–31.
- Гюнтер Х. Эстетика государства и трагедия смеха // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 87–96.
- Даринская Е.В. Мифологические составляющие политической культуры России // Вестн. Воронеж. гос. Ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 176–179.
- Ильина О.В. Практики конструирования образа персонажа в прессе: между тождественностью и самостью // Известия Урал. федерал. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 2. С. 60–64.
- Купина Н.А. Идеология ОНФ в языковом представлении (по материалам текущей прессы) // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 71–76.
- Мазуров И. Фашизм как форма тоталитаризма // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 39–52.
- Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2014. 234 с.
- Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
- Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et contra. 1999. № 4. Т. 4. С. 176–197.
- Романович Н.А. К вопросу о персонификации власти в России // Власть. 2009. № 9. С. 13–16.

Шалаева Н.В. Проблема культа личности В.И. Ленина (историографический анализ) // Власть. 2013. №. 5. С. 104–108.

Якушин Д.А. Технологии формирования имиджа политического лидера в западных демократических системах: рациональный опыт для России. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2014. 167 с.

Cassiday J.A., Johnson E.D. A personality cult for the postmodern age // Putin as celebrity and cultural icon. New York: Routledge, 2013. P. 37–64.

Mikhailova T. Putin as the Father of the Nation // Putin as Celebrity and Cultural Icon. New York: Routledge, 2013. P. 65–81

White S., McAllister I. The Putin Phenomenon // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. №. 4. P. 604–628.

E.V. Kablukov

Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department
Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin

**FORMATION OF VLADIMIR PUTIN'S CULT OF PERSONALITY
IN MODERN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE**

The article deals with some practices of formation of Vladimir Putin's cult of personality in the modern Russian media discourse, namely the selection of nominations reflecting idealized image of the subject; constructing an image of the subject as the star of popular culture; identification of the subject and the country.

Key words: media discourse; discursive practices; cult of personality; Vladimir Putin.

Козлова Олеся Александровна
доцент кафедры литературы и журналистики
Волгоградский государственный университет
olesya-kozlova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕТЕВОЙ МЕДИАСФЕРЫ

В статье предлагается анализ состояния волгоградского медийного интернет-пространства. Автор выделяет типы медиаресурсов, представленных в регионе, определяет их специфику, характеризует основные тенденции развития. Выявляется ряд проблемных направлений в деятельности региональных интернет-СМИ.

Ключевые слова: интернет-журналистика; региональная журналистика; онлайн-СМИ; мультимедийность; интерактивная коммуникация.

Ежегодно увеличивается количество людей, предпочитающих узнавать последние новости из информационных лент сетевых изданий. Региональная аудитория зачастую делает выбор в пользу местных медиа-площадок, в фокусе внимания которых обсуждаемые в регионе проблемы, социальные вопросы, политические скандалы.

На волгоградском медиарынке можно выделить три основных типа онлайн-СМИ. Это онлайн-версии печатных и аудиовизуальных СМИ, непосредственно интернет-издания и информационные порталы.

Онлайн-версии традиционных СМИ составляют около трети всех информационных ресурсов региона. Все они официально зарегистрированы Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Контент этих изданий представлен новостными лентами, состоящими из официальных сообщений пресс-служб органов власти, пресс-релизов региональных государственных учреждений, структур; журналистскими материалами основного СМИ; pdf-архивами вышедших номеров, выпусков; информационно-справочными текстами; рекламой.

Вербальный и визуальный контент сайта часто дублирует контент печатного СМИ. И в этом видится одна из проблем, свойственных региональным онлайн-медиа. Журналистский текст изначально не ориентирован на сетевую среду: он не гипертекстуален, не в полной мере мультимедиаен. Простые интерактивные сервисы (опросы, голосования) не способствуют росту постоянной аудитории.

Подавляющее большинство редакций не имеет финансовой возможности содержать дополнительный штат сотрудников, отвечающих за качественное наполнение сайта СМИ. С другой стороны, у редакторов, по сути, отсутствует серьезная экономическая мотивация для развития и продвижения издания в интернет-среде. Финансирование из областного или муниципального бюджетов обеспечивает относительно комфортное существование, освобождает СМИ от ежедневной борьбы за выживание. В этом контексте достаточно предсказуема информационная политика региональных масс-медиа, повестка дня которых строится на пиар-текстах пресс-служб властных структур.

К чисто сетевым средствам массовой информации можно отнести 40% рассматриваемых нами сайтов. Это и интернет-газеты, и онлайн-журналы, и издания, позиционирующие себя как информационные агентства. Несмотря на то что медиа изначально создавались для сетевой среды, стандартная публикация здесь выглядит также, как и на описанных выше ресурсах: текст, проиллюстрированный одной-двумя фотографиями не самого лучшего качества. Профессиональная инфографика, аудио- и видеоматериалы встречаются нечасто.

По тематике большинство онлайн-медиа универсальны. Однако есть СМИ, специализирующиеся на спортивной и околоспортивной темах (<http://sport-34.com/>).

Самое читаемое, обсуждаемое и цитируемое волгоградское интернет издание – информационное агентство «Высота 102» (<http://v102.ru/>). В рейтинге информационно-аналитической системы «Медиалогия», в основе которого лежит Индекс Цитируемости, ресурс несколько лет подряд занимает лидирующую позицию в сегменте волгоградских медиа. «Высота 102» стала популярной у аудитории благодаря политическим расследованиям, скандальным публикациям, разоблачительным материалам, раскрывающим противозаконные действия региональных властей. Обращает на себя внимание и тот факт, что немалый процент читателей «Высоты» – жители других регионов России: Москвы, Самары, Ростова-на-Дону, Ульяновска, Краснодара и др. О популярности сайта косвенно говорит и большое количество рекламных баннеров на ресурсе.

Информпорталы, предлагающие пользователям помимо информационного контента дополнительные сервисы, составили чуть больше 20% от числа исследуемых медиа. Не все они официально зарегистрированы как СМИ.

Один из крупнейших порталов в Волгоградской области – «V1.ru». Посетители ресурса не только узнают последние новости региона, но и получают доступ к бесплатному почтовому хостингу, могут принять

участие в анонсируемой онлайн-конференции, разместить свое объявление, составить резюме и, воспользовавшись банком вакансий, найти работу.

В структуру «V1.ru» входит несколько тематических сайтов: 34metra.ru (информационные и аналитические материалы о волгоградском рынке недвижимости, доска объявлений), 34banka.ru (экономические новости, комментарии экспертов, информация о видах банковских вкладов, кредитный калькулятор), 34auto.ru (все об автомобилях, частные объявления), 34doctora.ru (новости медицины, информация об аптеках, клиниках, больницах Волгограда), 34vechera.ru (светские новости, гид по местам досуга, театральная и киноафиши, анонсы концертов и кинорецензии) и др. Разнообразие предоставляемой информации и возможностей обеспечивает ресурсу очень хорошую посещаемость. По данным LiveInternet, в марте 2015 г. «V1.ru» и входящие в его состав сайты посетило около 360 тыс. пользователей.

Промежуточные результаты исследования позволяют говорить о крайне неоднородной ситуации на рынке региональных интернет-СМИ. Наряду с профессиональными онлайн-ресурсами, ежедневно занимающимися созданием и трансляцией качественного политематического информационного контента, в медиополе Волгограда немало сайтов, позиционирующих себя как СМИ, но по сути ими не являющихся. Деятельность их строится на публикации вторичного контента и пресс-релизов волгоградских организаций. Контент медиа обновляется нерегулярно и хаотично. Сведения о редакции, как правило, отсутствуют. Цель создания подобных проектов неясна, они засоряют информационное пространство и дезориентируют пользователя.

Еще одна немногочисленная категория медиаресурсов – сайты, находящиеся в фазе становления, концептуализации своей деятельности.

Отметим, что самая стабильно высокая посещаемость у региональных интернет-СМИ, эксплуатирующих политическую тематику, расследующих коррупционные скандалы, нарушение закона представителями власти и т.п. Ресурсы, делающие ставку на «хорошие новости», на аполитичный контент; разносторонне освещающие спортивные события и культурные мероприятия; публикующие развернутые анонсы и глубокие рецензии, как, например ИА «АльмаВолга» (<http://almavolga.ru/>), имеют весьма скромную статистику посещений.

География материалов в исследуемых изданиях ограничена в основном Волгоградом и областью. Другие регионы страны попадают в зону внимания журналистов только в случае, если участниками событий стали волгоградцы, чаще всего это спортсмены и политики.

Уровень контента, производимого региональными сетевыми медиа, серьезно отстает от современных стандартов онлайн-журналистики и по оперативности подачи информации, и с точки зрения реализации технологических возможностей интернет-среды. Практически не используются мультимедийные формы презентации материалов, интерактивные сервисы ограничиваются возможностями комментирования текстов, участием в тематическом голосовании или опросе. Аудитория за редким исключением никак не проявляет себя на сайтах СМИ.

Вслед за федеральными изданиями региональные медиа в свое время стали осваивать площадки социальных сетей. Об эффективности и успешности этого процесса говорить пока рано. Центральные СМИ активно продвигают свои ресурсы на Facebook, Twitter или в «ВКонтакте», переносят в соцсети обсуждение материалов, отслеживают реакцию аудитории, работают в блогосфере. Крупнейшие интернет-издания Волгограда остановились на механическом размещении заголовков новостей с гиперссылками на сайт, т.е. фактически в соцсетях пользователь видит продублированную новостную ленту издания. Форма и содержание размещаемого контента не зависит от типа аудитории той или иной социальной сети, ее предпочтений, особенностей восприятия материалов. Как результат – очень низкие показатели трафика из соцсетей.

Важность подобного формата взаимодействия с аудиторией нельзя недооценивать. Среднестатистический пользователь не будет ежедневно тратить время на просмотр десятков информлент различных СМИ, ему достаточно заглянуть в свой аккаунт, пролистать информационную ленту, быстро понять, что происходит в стране и мире, что на повестке дня, какие события обсуждает общественность, какие материалы оценили его друзья. Совокупность факторов влияет на то, получит ли средство массовой информации нового читателя или нет.

Внешний вид региональных сайтов и удобство их использования также находится в плачевном состоянии: ресурсы в большинстве своем не имеют элементарных средств навигации, публикуют громоздкий, сложно воспринимаемый с экрана контент. Сайты СМИ напоминают хаотично собранную мозаику из плотно сверстаных текстов и агрессивных по цветовому решению, анимированных рекламных баннеров.

O.A. Kozlova

Associate Professor of Literature and Journalism Department
Volgograd State University

FEATURES OF THE REGIONAL ONLINE-MEDIA

In article the analysis of a condition of the Volgograd media Internet space is offered. The author allocates four types of the media resources presented in the region, defines their specifics, characterizes the main development tendencies. Shows a number of the problem directions in activity of regional internet mass-media.

Key words: Internet journalism; regional media; online mass-media; multimedia; interactive communication.

КошкарOVA Наталья Николаевна
доцент кафедры «Международные коммуникации»
Южно-Уральский государственный университет
nkoshka@rambler.ru

РЕТРОПРОГНОЗ КАК ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена анализу ретропрогноза как жанра политической коммуникации. При этом ретропрогноз противопоставляется нормативному прогнозу и анализируется как с точки зрения теории моделирования, так и лексико-семантических средств.

Ключевые слова: ретропрогноз; жанр; политическая коммуникация; нормативный прогноз; маркеры прогностичности.

Как следует из названия статьи, она посвящена анализу ретропрогноза как жанра политической коммуникации. При этом вполне логичным является вопрос: насколько корректным является использование сослагательного наклонения для описания политических и исторических процессов. Если нормативный прогноз представляет собой «определение путей и сроков достижения возможных состояний, явлений, принимаемых в качестве цели» [Бестужев-Лада 2002:15], то ретропрогноз является «моделированием неосуществленных процессов» [Латов: эл. ресурс].

Таким образом ретропрогноз можно квалифицировать как контрфактическое или альтернативное моделирование, который определяется не только «сознательными действиями людей, организаций или социальных групп, но и чисто случайными обстоятельствами» [там же]. Одновременно с этим ретропрогноз может стать основой потенциальной переоценки ценностей, когда «оценки степени благотворности событий будет варьироваться в зависимости от идеологических предпочтений исследователя» [Губбыева 2005: 73]. Так, например, в интервью «Комсомольской правде» глава Фонда исторической перспективы, доктор исторических наук Наталья Нарочницкая при оценке роли Крыма в развитии мировой истории дала такой ретропрогноз: *Думаю, что если бы не произошло присоединения Крыма, уже через год после майдана наш черноморский флот выгнали бы из Севастополя и сделали бы там базу НАТО. И это был бы конец для России как для великой державы* [Нарочницкая: эл. ресурс].

В лингвистическом плане ретропрогноз является совмещением маркеров возможных (ирреальных) событий – сослагательного наклонения – и лексико-грамматических средств нормативного прогноза, к которым мы относим: модальные глаголы со значением возможности свершения действия; формы настоящего времени в значении будущности; глагольные формы будущего времени; лексику с темпоральной семантикой (*стремиться, планировать, собираться делать-что-то и др.*) [Кошкарлова 2015].

Приведем еще один пример ретропрогноза. В своей статье для *Russia Today* британский колумнист и блогер Ник Кларк представил мир, в котором Россия и США поменялись бы местами. Такое рассуждение о возможном мироустройстве является не только фантастическим, но и представляет собой альтернативное историческое моделирование, так как автор экстраполирует свои размышления в реальное прошлое: *А что было бы, если бы в 2003 году Россия напала на богатую нефтью ближневосточную страну, утверждая, что это государство обладает оружием массового поражения, угрожающим всему миру, и никакого оружия там не нашла? <...> Если бы около одного миллиона человек было бы убито вследствие кровопролития, начавшегося после интервенции. Если бы спустя 10 лет страна до сих пор пребывала бы в хаосе. Если бы российские компании нажились на реконструкционных и восстановительных работах после «смены режима»* [Кларк: эл. ресурс]. В данном случае автор имеет в виду военный конфликт, начавшийся с вторжения сил США и их союзников в Ирак 20 марта 2003 г. Потери иракского населения в ходе этой интервенции до сих пор неизвестны и не могут быть подсчитаны с достаточной точностью.

Другим отличием ретропрогноза от нормативного прогноза является его инвариантная модель построения. Если нормативный прогноз состоит из прогностического фона (описание тех событий, которые являются основой построения конструкта будущего), то ретропрогноз строится по принципу «перевернутой пирамиды»: в начале автор предлагает виртуальный сценарий, а в конце констатирует современное положение дел с описанием возможных альтернативных вариантов развития событий. Так, ретропрогноз Ника Кларка заканчивается следующим выводом: *США и их союзники безнаказанно делают то, за что другие бы страны давно заплатились – были бы наказаны введением санкций или военной интервенцией* [там же].

Таким образом, ретропрогноз как жанр политической коммуникации представляет собой разновидность прогностических высказываний с конкретной дискурсивной реализацией.

Библиографический список

Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование: курс лекций. М.: Педагогическое обозрение России, 2002. 392 с.

Губбыева З.О. Альтернативное моделирование и современная теория исторического процесса // Вестник АГТУ. 2005. № 5 (28). С. 66–74.

Кошкарлова Н.Н. Межкультурный политический прогноз через призму дихотомии «Восток-Запад» // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сборник материалов III Международной научной конференции. Челябинск: Энциклопедия, 2015. С. 322–324.

Латов Ю.В. Ретропрогнозирование: фантастика или наука? URL: <http://institutional.narod.ru/history/latov.htm> (дата обращения: 01.04.2015).

Интернет-источники

Нарочницкая Н. Если бы Россия сдала Крым, это был бы конец для нее как для великой державы. URL: <http://www.kp.ru/daily/26339.7/3222006/> (дата обращения: 01.04.2015).

Кларк Н. Что, если Россия будет вести себя, как США? URL: <http://www.kp.ru/daily/26235.7/3117226/> (дата обращения: 01.04.2015).

N.N. Koshkarova

Associate Professor of International Communication Department
South Ural State University

RETROPROGNOSIS AS POLITICAL COMMUNICATION GENRE

The paper is devoted to the analysis of retroprognosis as political communication genre. The former is opposed to the normative prognosis and analyzed from the point of view of modelling theory and lexico-semantic means.

Key words: retroprognosis; genre; political communication; normative prognosis; prognosis means.

Крижановская Елена Мечиславовна
доцент кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
krizh@psu.ru

**ИНТЕРВЬЮ С ПОЛИТИЧЕСКИМ ЛИДЕРОМ:
СПЕЦИФИКА ЖАНРА И МАСТЕРСТВО ЖУРНАЛИСТА
(по материалам телепрограммы
«Вести в субботу с Сергеем Брилевым»)**

В статье характеризуются жанровые особенности текстов интервью, называются отличия жанра телевизионного интервью от других его типов, упоминаются разновидности данного жанра. В статье на материале текстов телевизионных интервью ведущего телепрограммы «Вести в субботу» Сергея Брилёва рассматриваются некоторые способы организации эффективного телевизионного интервью с политическим лидером. Статья содержит вывод о том, что данные приемы организации телевизионного интервью свидетельствуют о профессиональном мастерстве журналиста.

Ключевые слова: политический дискурс; жанр телевизионного интервью; приемы проведения успешного интервью с политическим лидером; мастерство тележурналиста.

Выделение интервью как особого жанра публицистики произошло в результате закрепления метода интервьюирования как специального способа сбора журналистского материала и формирования на этой основе особой речевой формы. Общеизвестно, что «интервью (от англ. interview – жанр публицистики, представляющий собой разговор журналиста с социально значимой личностью по актуальным вопросам» [Телевизионная журналистика: эл. ресурс]. Авторы современных учебных пособий по журналистике выделяют несколько разновидностей интервью: «протокольное, информационное (в связи с конкретным событием, причем как только что случившимся, так и давно прошедшим, но вызвавшим именно сейчас общественный резонанс), портретное (личностное) и проблемное (показывающее живыми словами от первого лица компетентное мнение о некоторой проблеме или общественно значимом явлении)» [Вакурова, Московкин: эл. ресурс]. При этом отмечается, что названные типы далеко не исчерпывают многообразия всех разновидностей интервью.

Жанр интервью активно используется и в прессе, и на радио, однако только телевизионное интервью обладает таким качеством, как зрелищность, что объясняется аудиовизуальным характером телевизионной коммуникации, т.е. взаимодействием целого комплекса факторов: вербальной информации, которую журналист стремится получить от интервьюируемого, и большого пласта невербальной информации, к которой относятся жесты, мимика, поведение участников интервью, влияние интерьера помещения или находящихся в нем людей. Все это предъявляет значительные требования к подготовке и проведению интервью, в особенности если планируется записать интервью с социально значимыми персонами, которыми являются прежде всего политические лидеры.

Жанр интервью с политическим лидером является, на наш взгляд, одним из наиболее востребованных в настоящее время жанров телевизионной журналистики, так как способствует не только прояснению актуальных для граждан вопросов внешней и внутренней политики государства, пониманию основных направлений развития страны, ее места на международной арене, но и, благодаря созданию телевизионных портретов известных личностей, в немалой степени поддержанию популярности определенных политических лидеров.

В настоящем исследовании предпринята попытка выявления и изучения речевых средств и приемов организации интервью с политическим лидером, свидетельствующих, на наш взгляд, о безусловном профессиональном мастерстве тележурналиста. Материалом для анализа послужили тексты записей нескольких телевизионных интервью, которые были показаны в программе «Вести в субботу с Сергеем Брилёвым» в 2014 г.

Для справки хотелось бы отметить, что Сергей Борисович Брилёв – это российский телеведущий, руководитель и ведущий программы «Вести в субботу с Сергеем Брилёвым», член Президиума Совета по внешней и оборонной политике, член Академии Российского телевидения, заместитель директора ВГТК Телеканал «Россия». Одним из основных направлений профессиональной деятельности С.Б. Брилёва являются эксклюзивные интервью с «первыми лицами» различных государств. За свою журналистскую карьеру С. Брилёв записал несколько интервью с президентами РФ В.В. Путиным и Д.А. Медведевым, всеми премьер-министрами РФ, всеми главами МИД РФ, экс-президентом СССР М.С. Горбачевым. Ему удалось взять интервью у следующих современных зарубежных политических лидеров: президентов США Дж. Буша и Б. Обамы, премьер-министров Великобритании Дж. Мэйджора и Т. Блэра, экс-президентов Украины В.А. Ющенко и В.Ф. Януковича, президента Венесуэлы У. Чавеса, президента Казахстана Н. Назарбаева,

президента Никарагуа Д. Ортега, президента Азербайджана И. Алиева, премьер-министра Норвегии Й. Столтенберга, премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, премьер-министра Японии Д. Коидзуми, президента Сирии Б. Асада, президента Боливии Э. Моралеса, президента Польши А. Квасьневского, министров иностранных дел и госсекретарей США Г. Киссинджера, Дж. Шульца, К. Пауэлла, советника Госсовета Кубы Фиделя Кастро-младшего и многих других.

С. Брилёв имеет благодарности Президента РФ, признан победителем «ТЭФИ-2002» в номинации «Ведущий новостей» и «ТЭФИ-2006» в номинации «Ведущий информационно-аналитической программы», является лауреатом премий «Лучшее перо России» в 2002 г., «Мастер» в 2004 г., премии Президента Казахстана в 2010 г., премии Роспечати «За образцовое владение русским языком» и ряда других.

Интервью, которые проводит с участниками передачи «Вести в субботу» С. Брилёв, отличаются доброжелательной атмосферой, царящей в телестудии, и в то же время носят конструктивно-деловой характер, так как автору программы удается организовать продуктивный диалог с ее участниками по самым актуальным вопросам современной внешней и внутренней политики России. При этом известный тележурналист не переступает определенную грань в общении с первыми лицами нашей страны, не позволяет себе неуважительного или фамильярного отношения к собеседникам, не стремится заполнить собственными рассуждениями или комментариями большую часть эфирного времени.

С. Брилёв успешно работает в нескольких жанровых разновидностях интервью, при этом наиболее частотными в его профессиональной деятельности являются протокольные, информационные и проблемные интервью. Будучи профессиональным журналистом-международником, который достаточно информирован по текущим проблемам современной российской политики, С. Брилев в ходе интервью с ведущими политиками нашего государства проявляет искренний (или талантливо сыгранный) интерес не только к теме разговора, но и к личности собеседника, используя с этой целью разные типы вопросов и разнообразные тактические приемы.

Анализ текстов интервью, прозвучавших в информационно-аналитической программе С. Брилёва, показал, что в ходе беседы с гостями телестудии журналист активно использует такие типы вопросов, как контактные, с помощью которых устанавливается доброжелательный характер общения, адресные вопросы, позволяющие выяснить некоторые биографические данные участника программы, и в особенности программные, способствующие развитию темы экранного интервью и

прояснению рассматриваемой политической проблемы для телезрителей.

По-видимому, излюбленным приемом тележурналиста является такое начало интервью, в котором после приветствия участника беседы и обращения к нему по имени-отчеству автор программы вспоминает какой-либо факт из биографии или деятельности интервьюируемого. Тем самым, показав собеседнику, что эти факты известны журналисту, а сама личность участника программы значима, тележурналист переходит к задаванию того вопроса, который, очевидно, был продуман им и заготовлен заранее в ходе подготовки к интервью. В качестве иллюстрации приведем фрагмент из интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Россия» 24 мая 2014 г. (полужирным курсивом выделены значимые для организации общения реплики):

– Здравствуйте, Дмитрий Анатольевич!

– Здравствуйте, Сергей Борисович.

– С двухлетием Вас!

– Спасибо большое.

– Дмитрий Анатольевич, 15 минут – лимит, который Вы даете министрам на выступление на заседании Правительства. Но два года работы кабинета министров – это эпоха подлиннее. Всё-таки если оглянуться и посмотреть на два года – где он, баланс положительного и негативного в работе Правительства?

В приведенном текстовом фрагменте интервью с Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым начинается с приветствия и поздравления собеседника в связи с его пребыванием на ответственном государственном посту, а также с упоминания факта, связанного с характером этой деятельности.

Интересно, что в некоторых случаях С. Брилёв временно меняется позициями интервьюера и интервьюируемого с более зрелым собеседником, для того что чтобы впоследствии мягко, но настойчиво вернуть участника программы к заранее разработанному плану беседы. Так произошло во время интервью с первым Президентом СССР М.С. Горбачевым:

– Михаил Сергеевич, мы видим Вас все реже. Где Вы пропадали?

– Сколько Вам лет?

– Будет 42.

– Это половина моего возраста. Вот когда Вам будет столько, сколько мне, я приду и спрошу. <...>

– Это интервью выйдет в день, когда в Киеве пройдет инаугурация Петра Порошенко. Вы ведь в детстве сначала заговорили по-украински, а потом учили русский?

– Это был суржик.

– *У Раисы Максимовны была украинская кровь?*

– *Ее отец был украинцем. <...>*

– *Вы – как раз одна из тех семей, где все переплелось. Что бы Вы пожелали новым украинским властям в лице Петра Порошенко?*

На наш взгляд, наиболее характерным приемом, который способен побудить собеседника отвечать на вопросы тележурналиста, является используемый С. Брилёвым принцип построения своей части высказывания по следующей схеме: 1) выдвигается тезис (констатируется некоторый факт или высказывается некоторое утверждение, которое принадлежит известным российским или зарубежными политикам или официальным лицам, приписывается якобы западным коллегам-журналистам или является выражением субъективного мнения самого С. Брилёва), 2) затем следует небольшой комментарий журналиста к выдвинутому тезису или его опровержение, 3) после этого задается вопрос интервьюируемому. Вероятно, при такой подготовке вопроса у участника программы и у телезрителей должно создаваться впечатление дискуссионности задаваемого журналистом вопроса, наличием определенной проблемы и возможностей диаметрально противоположных точек зрения на ее решение.

На наш взгляд, рассмотренные в статье приемы создания телеинтервью с политическим лидером, используемые тележурналистом С. Брилёвым, свидетельствуют о профессиональном мастерстве тележурналиста.

Библиографический список

Вакурова Н.В, Московкин Л.И. Типология жанров современной экранной продукции. Учебн. пособие. М., 1997. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/08.htm> (дата обращения: 19.04.2015).

Телевизионная журналистика 4-е издание / Ред. Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский. Изд-во Московского университета. М.: Высшая школа, 2002 . URL: <http://evartist.narod.ru/text6/23.htm> (дата обращения: 15.04.2015).

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. Учебн. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 18.04.2015).

Е.М. Krizhanovskaya

Associate Professor of Journalism
and Mass Communications Department
Perm State University

**INTERVIEW WITH THE POLITICAL LEADER: GENRE'S PECULIARITIES
AND JOURNALIST'S SKILL (BASED ON TV PROGRAM MATERIALS
«NEWS ON SATURDAY WITH SERGEY BRILYOV»)**

The article describes the genre peculiarities of the interview's texts, mentions the differences of the television interview's genre from its other types, refers to the genre under discussion versions. The article considers some ways of the effective television interviewing of the political leader on the basis of the television interview's texts of TV program «News on Saturday» with Sergey Brilyov. The article contains a conclusion that the given techniques of the television interviewing speak in favour of the professional journalist's skill.

Key words: political discourse; television interview genre, techniques of carrying out a successful interview with the political leader, skill of the TV reporter.

Куличкина Галина Васильевна
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kulgv@list.ru

СВОБОДА СЛОВА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ (на примере пермской печати 1990-х годов)

Региональная демократическая печать России в условиях политических выборов 1990-х годов не сохранила свободу слова, гарантированную Законом о СМИ. В сложных условиях постсоветского системного кризиса, активной политизации общественной жизни, трудностей становления рыночной экономики региональная печать занялась политической рекламой. Это уронило ее авторитет в глазах читателя. А позже привело к финансовой зависимости от политизированного бизнеса.

Ключевые слова: свобода слова; политические выборы; пермская региональная печать; 1990-е годы.

Свобода слова в СМИ – одна из главных традиционных ценностей в отечественной журналистской деятельности. После долгих лет работы в условиях дореволюционных цензурных уставов и политической цензуры советской партийной печати в России 1990-х гг. наступает принципиально новый период развития СМИ. В 1990-е гг. создается правовая база для свободы слова в публичном пространстве. Конституция РФ от 1993 г. (статья 29), Закон о СМИ РФ от 1991 г. (статьи 3, 4, 47 и 49), присоединение России к принципам и нормам международного права, сформулированным в основных международных договорах – все это стало базой для организации и развития постсоветских независимых демократических СМИ. Казалось, что вопрос о свободе слова наконец-то снят с повестки дня. Однако споры о свободе слова не утихают и каждый раз вспыхивают с новой силой в условиях политических выборов.

Актуальность проблемы видится в нескольких аспектах. Обращается внимание на то, что, несмотря на провозглашенные в Конституции РФ гарантии свободы слова, законодательное определение этого понятия до сих пор отсутствует [Ефимова 2000: 49–52]. Рассматривается взаимосвязь свободы слова с информационными отношениями в обществе [Муратов 2002: эл. ресурс]. Анализируется юридическая ответственность за свободу слова в СМИ во время

избирательных кампаний [Кравченко 2003: эл. ресурс], проблематика взаимоотношений власти и СМИ в региональном избирательном процессе [Щербинин, Ершова 2005: 42–49]. Практический опыт функционирования российских СМИ в условиях политических выборов последних лет содержится в материалах Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по итогам опросов населения Воронежской (2008), Калининградской (2009) областей. Но до сих пор недостаточно исследована история обращения к политическим технологиям отечественных региональных СМИ в 1990-е гг. Именно тогда свободу слова журналисты стали использовать не только на благо своей демократической аудитории, но и с целью оказания информационных услуг власти и бизнесу. Сегодня активно обсуждаются дальнейшие пути развития современной журналистики в условиях политических выборов и жестких законов рыночной экономики. Думается, что анализ некоторых страниц из истории политизации региональных СМИ на примере пермской печати в 1990-е гг. поможет ответить на эти вопросы.

В истории Пермского края в 1990-е годы заметный след оставили демократически ориентированные газеты «Пермские новости» (1990–2012 гг.), «Губернские вести» (1995–2000 гг.), «Центр» (1998–2000 гг.). Все они поддерживали курс на либеральные экономические реформы, информационное отражение демократических интересов и ценностей массовой аудитории. Они предполагали существовать, в основном, на средства от продажи тиражей, то есть быть экономически независимыми. Но планы не сбылись. Все газеты «канули в Лету», хотя разными оказались сроки их жизни. Все ликвидировались по инициативе учредителей, в основном бизнесменов, которые активно занимались политикой. Так, владелец «Губернских вестей» Сергей Левитан дважды участвовал в политических гонках на должность губернатора Пермского края. Никита Белых, нынешний губернатор Кировской области, будучи до губернаторства лидером российской партии «Союз правых сил», в 2007 г. инициировал скупку акций газеты «ПН», чтобы обеспечить свое участие в общероссийских политических выборах.

Остановимся подробнее на истории газеты «Пермские новости», которая просуществовала достаточно долгий период (22 года, в отличие от других, ей подобных) и на страницах которой было опубликовано немало журналистских текстов, удостоенных наград на краевых и всероссийских конкурсах журналистского мастерства.

Изучение основных тематических направлений контента газеты свидетельствует, что ее содержание с первых дней существования было

политизированным. Это объяснялось интенсивным реформированием институтов власти в России, приходом в политику новых лидеров, ростом интереса населения к политике. К тому же учредителем газеты стала законодательная ветвь власти Пермского края, и вполне естественно, что работа Пермского областного Совета народных депутатов также освещалась и обсуждалась весьма подробно.

В 1990-1994 гг., в первый период становления и развития газеты, журналисты раскрывали финансовые махинации бывших советских чиновников разных уровней, критиковали органы как исполнительной, так и законодательной власти. В эти годы (редактор Г. Бажутин) журналисты четко заявляли о своих политических интересах: поддержке на демократической основе реформ во власти, либеральных ценностях в экономике. Они ощущали себя «цепным псом демократии», их поддерживали пришедшие на волне перестройки новые политические лидеры края. В «Обращении к коллегам и читателям» накануне 1991 г. журналисты «ПН» сформулировали свое кредо: «безоговорочно ЗА Россию – ее суверенитет, Конституцию, законы, руководящие органы, за ее Президента и всю демократически избранную российскую власть. Ну и, естественно, мы – за своего учредителя – облсовет», а также «за свободное, неподцензурное слово» [Куличкина 2008: 31].

В журналистском творчестве новая идеология часто воплощалась в традициях агитации и пропаганды, в публицистических рассуждениях на актуальные политические темы присутствовал тон учительства: «Если мы хотим нашей державе не зыбкого, тоталитарного, а по-настоящему основательного порядка, то нужно быть мудрее и терпимее, не изыскивая везде противников для единоборства, научиться ответственности народовластия» (статья «Противостояние», 1991, № 1). Газета активно призывала читателей к участию в референдуме о доверии к Президенту России Б.Н. Ельцину, к обсуждению нового варианта Конституции РФ, опубликовала обращение пермских властей к народу – сохранять общественное спокойствие в период политического кризиса в Москве осенью с 21 сентября по 4 октября 1993 г. Накануне первых выборов в Федеральное собрание России на ее страницах появились информационные материалы о кандидатах в депутаты. Этот период газеты был наполнен романтической верой в приближающееся народовластие. Давались красноречивые «шапки» под и над логотипом газеты на первых полосах газеты: «Думайте сами, решайте сами», «Жить значит выбирать». Часто номер открывался юмористическими рисунками Дмитрия Кононова на темы выборов, где главными героями были растерянный обыватель и кандидаты в депутаты в роли затейников электората.

Второй период с 1994 по 1999 гг. (главный редактор А. Никитин)

можно назвать временем противоречивой редакционной политики. С одной стороны, публикуются материалы, в которых слышится разочарование в «демократической» власти. Газета отмечает резкое падение уровня жизни и массовое обнищание населения, становление «дикого капитализма», криминализацию экономики, показывает войну в Чечне как народную трагедию. С другой стороны, газета сохраняет прежний курс на поддержку новой власти, оправдывает либерализацию экономики и разбогатевших «новых русских». О вине редакции спустя пятнадцать лет сказал в своих воспоминаниях Андрей Матлин, один из ветеранов «Пермских новостей»: «Тут не так все просто. Вспомним, в те времена был некий перекосяк... Стоит ли обижаться плевкам в адрес «дерьмократов»? Думаю, такие плевки делались и в сторону газеты — ошибки человеческая память хранит долго» [Матлин 2012: 5]. В этот период редакция пережила «развод» с учредителем – Законодательным собранием Пермской области. Добившись окончательной политической свободы, редакция лишилась части финансовых льгот от бывшего учредителя и осталась почти без средств к существованию. Возросшие цены на почтовые и типографские услуги традиционный институт подписки не покрывал. Народ обеднел, стоимость газеты подорожала, подписка и тираж падали. Редакционный коллектив вынужден был заняться менеджментом и маркетингом СМИ, и поначалу дела пошли неплохо [Куличкина 2008: 33].

Как существенный финансовый источник в условиях выборов Президента России в 1996 г. на страницах «Пермских новостей» появляется политическая заказная информация. Вступив в открытые политические игры, газета объективно снизила свой статус как транслятора гражданских ценностей. В дефолт 1998 г. политическая реклама не помогла, и журналистский коллектив решил «продаться» политическим единомышленникам – отдал 30 процентов долей газеты в обмен на разовый кредит бизнес-компании «Витус». Ее возглавлял один из руководителей местной партии «Союз правых сил». «Витус» не вмешивался в редакционную информационную политику, но его руководитель Анатолий Чернов воспользовался предоставившимся ему медиакоммуникациями и «засветился» на рекламных листовках «ПН». Финансовая зависимость от «Союза правых сил» журналистам аукнулась в 2007 г. Именно тогда представители этой партии начали агитировать отдельных журналистов продать свои акции партийцам-предпринимателям. За акции давали приличную цену, а на пороге стоял очередной финансовый кризис. Трудно было винить тех, кто расстался со своими акциями. Газета окончательно потеряла финансовую самостоятельность. Чуть позже состоялась сделка по продаже акций «Витуса» другой компании – ООО «Биз-

нес-контакт», владельцем которого был Никита Белых, возглавлявший СПС на федеральном уровне. Новый владелец «Пермских новостей» стал отрабатывать на базе газеты свой медийно-партийный проект. Денег на него не жалели, увеличили количество страниц с 24 до 48, сделали цветной дизайн. Но когда СПС перестала существовать, «Пермские новости» были брошены на произвол судьбы. К тому времени редакцией были потеряны свой отдел продаж и подписчики. Когда в 2012 г. газету закрывали как убыточную, владельцы, бывшие демократы – нынешние бизнесмены, даже не соизволили встретиться с журналистским коллективом, работникам редакции не выплатили зарплату за четыре месяца, не предупредили заранее о необходимости искать другое место работы. Произошло грубое нарушение трудовых прав журналистов, прав подписчиков газеты, к которым она перестала приходить без всякого объяснения.

Показательны комментарии к последней странице существования «ПН» Евгения Сапиро, бывшего председателя Законодательного Собрания Пермского края в 1994–1997 гг., министра по национальной политике в 1998 г., высказанное им на страницах последнего номера газеты: «Близость к власти и погубила «ПН», не воспитала в ней рыночной, конкурентной злости, умения выживать в борьбе с конкурентами и спонсорами. И уже во вторую половину 90-х гг. «ПН» пошли по рукам, теряя свежесть лица и политическую репутацию. Для меня кончина «ПН» – это тяжелая утрата. Так бывает: человек долго болеет, давно уже не герой, но когда он уходит, это всегда неожиданность, всегда боль...» [Сапиро 2012: эл. ресурс].

Изученные материалы позволяют сделать следующие выводы. История газеты «Пермские новости» типична для пермской прессы 1990-х годов. Она свидетельствует о том, что практика свободного слова осуществлялась региональными СМИ в сложных условиях постсоветского системного кризиса и активной политизации общественной жизни. Одним из таких условий стали политические выборы. В процессе региональных избирательных компаний в СМИ были опробованы политтехнологии по американскому образцу (политическая реклама). Журналистские коллективы, занимаясь продажами политрекламы, начали терять авторитет у подписчиков. А доверив свой редакционный капитал политикам-бизнесменам, они потеряли возможность осуществления самостоятельного менеджмента и маркетинга СМИ. Сами того не ведая, они обрекли свои издания на гибель. Только сроки закрытия газет оказались разные.

Библиографический список

Ефимова Л.А. Конституционный принцип свободы слова // Информационное общество. М. 2000. Вып. 6. С.49–52.

Кравченко Ф.Д. Как СМИ избежать ответственности за содержание распространяемой им предвыборной агитации. URL: <http://www.democrasy.ru/article.php?id=320> (дата обращения 20.04 2015).

Куличкина Г.В. Демократизация региональной печати 1990 – 2007гг. (на примере газеты «Пермские новости») // Пермская журналистика: история, социум и культура: по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Социально-культурное пространство региона: традиции, опыт, инновационные модели» г. Пермь, 8-10 декабря 2008г. / Пермь: Перм. гос. ин-т искусства и культуры. 2008. С. 28–37.

Матлин Андрей. Почему Сылва не Рейн // Пермские новости, 2012. 12 ноября. С. 5. URL: <http://issuu.com/permnews/docs/krainiy> (дата обращения 20.04 2015).

Муратов М.Я. Право на свободу слова: история и современность: Автореферат дисс. ... кандидата юридических наук. М. 2002. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravo-na-svobodu-slova.html> (дата обращения: 20.04.2015).

Сапиро Е.С. Для меня кончина «ПН» – это тяжелая утрата // Пермские новости, 2012. 12 ноября. С.8. URL: <http://issuu.com/permnews/docs/krainiy> (дата обращения: 20.04.2015).

Щербинин А.И., Ершова И.А. Власть и СМИ в региональном избирательном процессе // Журналистика в поисках моделей развития. Сб. ст. и мат-лов Всероссийской научно-практич. конференции. Томск, 10–11 окт. 2005 г. С. 42–49.

G.V. Kulichkina

Professor of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

THE REGIONAL PRESS FREEDOM OF SPEECH IN THE CONDITIONS OF POLITICAL ELECTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE PERM PRESS IN THE 1990TH YEARS)

The Regional democratic press of Russia in the conditions of political elections of the 1990th years didn't keep the freedom of speech guaranteed by the Law on mass media. In difficult conditions of Post-Soviet system crisis, active politicization of public life, difficulties of market economy formation the regional press was engaged in political advertizing. It dropped her authority on the reader's eyes. And later resulted in financial dependence on the politized business.

Key words: freedom of speech; political elections; Perm regional pres; 1990-th years.

Медведева Евгения Алексеевна
аспирант кафедры русского языка и стилистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
e-mail: jany90@inbox.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ГАЗЕТ

В статье применительно к сфере медиакommunikации рассматривается соотношение понятий «текст» и «дискурс», сопоставляются подходы к изучению текста, принятые в теории дискурсивного анализа и функциональной стилистике, и делается вывод о целесообразности объединения этих подходов в общей дискурсивно-стилистической парадигме исследования медиатекста. Конкретизация теоретических положений осуществляется на материале анализа ведущих российских интернет-газет. Особое внимание автор уделяет выявлению стилистических приемов воздействия на читателя и анализу языковых средств выражения авторской позиции в медиатексте.

Ключевые слова: текст; дискурс; функциональная стилистика; дискурсивно-стилистический аспект; медиатекст; интернет-газета.

В современной лингвистике утвердилось мнение, что дискурс и текст соотносятся друг с другом как общее и частное, что «дискурс – более широкое понятие, чем текст» [Кибрик, Плунгян 1997: 307], представляющий собой результат процесса письменной речи, завершенное произведение, рожденное в ходе дискурса и имеющее, наравне с дискурсом, свои коммуникативные векторы. Соглашаясь с таким пониманием отношений между дискурсом и текстом, мы полагаем, что, во-первых, к их исследованию применимы общие подходы (ср. мнение Т.В. Дроздовой: «не следует проводить жесткой границы между текстом и дискурсом» [Дроздова 2003: 66]), во-вторых, у этих двух понятий, наряду с противоположными свойствами, есть также ряд сходных характеристик, позволяющих применять отдельные положения дискурсивного анализа к интерпретации текста, и в частности те из них, которые требуют выхода за пределы вербальной стороны речевого произведения в сферу экстралингвистических факторов коммуникации. Именно такое понимание лингвистической специфики текста характерно для функциональной стилистики. В этой речеведческой науке обоснована целесообразность многоаспектного анализа текста, в рамках которого его лингвистическая онтология рассматривается как производная от

широкого круга экстралингвистических факторов – социальных и культурных условий функционирования.

Вопросу о соотношении дискурсивного анализа и функциональной стилистики специально посвящена одна из последних научных работ М.Н. Кожинной [Кожина 2004: 3]. Не отождествляя эти лингвистические направления, автор в то же время подчеркивает, что «они очень близки между собой», поскольку оба реализуют «речеведческий аспект теории языка» [там же: 29].

В общем плане изучение текста в рамках дискурсивно-стилистического подхода связано с решением вопроса, каким образом различные коммуникативные процессы в их широком экстралингвистическом (т.е. дискурсивном) контексте отражаются в языковой и смысловой организации текста, обуславливая его стилевую специфику.

Необходимость научного осмысления активных процессов, которые протекают в российском медиадискурсе, и в целом его малая изученность послужили для нас стимулом к комплексному исследованию феномена интернет-газеты. Сетевые СМИ обладают всей совокупностью признаков, необходимых для отнесения их к разряду средств массовой информации. К сущностным особенностям интернет-изданий относят гипертекстуальность, интерактивность и мультимедийность. Эти особенности обусловили общедоступность и популярность данного вида СМИ.

В современной лингвистике медиатекст понимается как динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций [Астафьева 2008: 6]. По сравнению с другими текстовыми пространствами медиатекст соотносится с более широкой областью общественного сознания, поскольку в эту область входят различные социокультурные и идеологические отношения. Если понимать дискурс как «связный текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.); текст, взятый в событийном аспекте» [Богуславская 2013: 27], то медиадискурс – это текст, который участвует в реальных условиях коммуникации; учитывает социальные, психологические, культурные факторы; адресован конкретной аудитории; предполагает прагматическую адекватность со стороны адресата [Лисицкая 2010: 3].

По мнению Н. Лумана, массмедиа в погоне за известностью не отказываются от попыток разнообразить информацию, чтобы спровоцировать ее принятие или отклонение [Луман 2005: 155–157]. Поэтому отбор информации и средств, выполняющих воздействующую функцию, совершаемый средствами массовой информации, всегда производится с

учетом ориентации на определенную аудиторию. «Все средства массовой информации пучками своих передач, то есть фактически пучками отобранных вопросов, выделяют и помещают в рамку определенные образцы воспринимающих индивидов» [Бодрийяр 2006: 136–137].

Вышеназванные дискурсивные особенности отбора и обработки информации в массовой коммуникации получают выражение в смысловой структуре медиатекстов и их языке. В современной интернет-публицистике прежде всего обращает на себя внимание присутствие автора в тексте, его эксплицитная позиция и открытая оценка предмета речи. Лингвостилистический анализ ведущих российских интернет-газет («Газета. Ру», «Дни.ру», «Полит. ру», «Страна. ру», «Утро. Ру», «Лента. ru») показывает, что речевая репрезентация категорий автора и оценки осуществляется посредством разноуровневых языковых единиц.

Проиллюстрируем сказанное.

Остановить сегрегацию общества невозможно. Другое дело, как при этом избежать возникновения ее крайних форм, в частности появления в Москве откровенно маргинальных районов, по сравнению с которыми погром в Западном Бирюлеве покажется детским лепетом [газета.ru, 04.01.2014. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/01/04_x_5829765.shtml (дата обращения: 12.11.2014)].

Как видим, среди морфологических средств выражения авторской позиции в приведенном абзаце обращают на себя внимание отрицательно-оценочное наречие *невозможно*, стилистически окрашенное наречие *откровенно*, оценочное словосочетание *другое дело*; на синтаксическом уровне – безличные конструкции. Актуализируя в памяти читателя *погром в Западном Бирюлеве*, а также используя оценочную и сниженную лексику (*маргинальные районы, детский лепет*), автор подает свое субъективное восприятие социального расслоения общества как факт.

Необходимо отметить, что авторское начало проявляется не только в индивидуальной речевой манере каждого журналиста, но и в стиле общения интернет-издания с целевой аудиторией. Так, если адресатом текста является молодежь, в публикации используются жаргонизмы; при обращении к широкой аудитории «из народа» журналист обращается к просторечию и лексике со сниженной стилистической окраской, например:

... 70 % времени врача уходит на писанину, то есть 70 % времени врач тратит не на свою работу, а на бумагомарание, делопроизводство [газета.ru, 25.12.2013. URL: http://www.gazeta.ru/health /2013/12/25_a_5817985.shtml (дата обращения: 14.05.14)].

Поскольку адресатом медиатекста является неоднородная по социальному, интеллектуальному, возрастному и гендерному составу ауди-

тория, при этом автор нацелен на установление контакта и максимально полное донесение информации, он стремится пояснить и конкретизировать все то, чего может не знать или не понимать читатель. Приведем пример, в котором пояснительная информация представлена в виде вставных конструкций:

Именно поэтому и учатся в России врачи минимально семь лет (шесть лет института и минимум год интернатуры). А нас загоняют в жесткие рамки стандартов, так называемых МЭСов (медико-экономические стандарты) [там же].

Распространенная тактика журналиста интернет-газеты – выражение единения с народом, создание эффекта сопереживания и сопричастности. Главным образом этому способствует использование экспрессивных языковых единиц разного уровня, а также употребление сниженной лексики:

Меня просто оторопь берет: как только язык поворачивается у людей, получающих по 250 тыс. руб. в месяц за просиживание штанов, упрекать в коррупции врача, например детского реаниматолога, вытаскивающего детишек с того света и получающего за это 12–14 тыс. руб. в месяц?! [там же].

Анализ приведенных примеров позволяет утверждать, что конструктивным принципом текстообразования в медиакommunikации является использование языковых средств с ярко выраженной оценочностью. И это не случайно. Социальная оценочность – одна из главных стилевых черт газетной публицистики, ориентированной не только на констатацию фактов, событий и явлений, но и на их интерпретацию и социальную оценку. Эффективное воздействие в электронных СМИ возможно лишь при наличии в речи эмоциональности, экспрессивности, личностности изложения, ясности сообщения, присущих публицистическому стилю в целом. Именно оценочная лексика обеспечивает экспликацию авторской позиции и реализацию воздействующей функции газетно-публицистического текста [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006: 375].

Оценочность текстов массмедиа, их способность придавать символам, кодам, ценностям, значениям понятность, делает информацию доступной для широкой читательской аудитории, однако не снимает главного вопроса: «Как возможно, что информация о мире и об обществе признается информацией о реальности, если известно, как она производится?» [Луман 2005: 189]. По мнению немецкого социолога Н. Лумана, из этого вопроса и произрастает традиционное утверждение о всеисильности массмедиа.

На наш взгляд, ответ на этот вопрос связан с дискурсивно-стилистическим анализом текстов массовой коммуникации, позволяющим выявить речевые средства воздействия на адресата с учетом дискурсивных признаков медиасферы, в первую очередь – коммуникативных стратегий и тактик автора. Так, одним из эффективных стилистических приемов воздействия на читателя в современных интернет-газетах выступает вопросно-ответный комплекс, создающий эффект усиленного ожидания. Используя этот прием, автор публикации прогнозирует вопрос читателя, предвидит его реакцию на полученную информацию и дает не всегда очевидный ответ. Вот как это выглядит в тексте:

...При этом деньги от продажи куда-то исчезают. Кому передают? Структурам и физическим лицам, аффилированным с этими же чиновниками [газета.ru, 25.12.2013. URL: http://www.gazeta.ru/health/2013/12/25_a_5817985.shtml (дата обращения: 19.02.2015)].

Другим распространенным средством привлечения читательского внимания является использование иронии:

Посыл реформы, которая происходит сейчас в Москве, в двух словах можно сформулировать так: много поликлиник, в каждой есть главврач, десять заместителей и прочая административная служба [там же].

Одним из фундаментальных для газетных текстов свойств является диалогичность. Для установления диалога с адресатом, с целью достижения эффективности коммуникации, журналист вводит конструкции и обороты связи, выражающие побуждение или обращение: *Представьте.., Сравните.., Обратите внимание..*

В качестве наиболее распространенных и эффективных приемов, оказывающих воздействующий эффект на читателя электронных газет, являются стилистические повторы, градация, метафоры (*планомерный развал целой отрасли под благовидной вывеской «Оптимизация»*), лексические противопоставления (*хорошее жилье в плохом районе*), инверсия (*Кого мы называем учеными, рассказал создатель «Диссернета» – заголовок статьи*), а также различные синтаксические конструкции, подающие субъективное мнение как факт (*известно, что.., мы знаем, что.., как вы сами понимаете...*).

Таким образом, дискурсивно-стилистический подход к изучению медиатекста, опирающийся на комплементарные принципы дискурсивного анализа и функциональной стилистики, позволяет выявить закономерности текстообразования в сфере массовой коммуникации, а также объяснить воздействующий потенциал медиатекстов с учетом экстралингвистических факторов их порождения.

Библиографический список

Астафьева О.Н. Медиакультура и некоторые принципы формирования информационно-коммуникативного пространства // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2008. № 4. С. 18–25.

Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоцикультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: ЛКИ, 2013. 280 с.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 2-е изд. М.: Добросвет, КДУ, 2006. С. 136–137.

Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста (англоязычные экономические тексты). Астрахань: АГТУ, 2003. 224 с.

Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. М.: МГУ, 1997. С. 300–320.

Кожина М.Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стыль. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 9–32.

Кузьмина Н.А. Современный медиатекст. Омск, 2011. 414 с.

Лисицкая Л.Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии: автореф. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2010. 42 с.

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. С. 155–157.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

Е.А. Medvedeva

Postgraduate Student of Russian Language and Stylistics Department
Perm State University

MEDIATEXT IN DISCOURSE-STYLISTIC ASPECT

The article examines the correlation of the concepts of "text" and "discourse" concerning the scope of media communications, compares text study approaches adopted in the theory of discourse analysis and functional stylistics, and concludes the expediency of combining these approaches in a common discourse and stylistic paradigm of mediatext research. Concrete definition of theoretical theses is carried out on the material analysis of the leading Russian online newspapers. The authors of the article focus on identification of stylistic devices that affect the reader and the analysis of linguistic means of expression of the author's position in the mediatext.

Key words: text; discourse; functional stylistics; discourse and stylistic aspect; media text; online newspaper.

Мехонина Евгения Николаевна
преподаватель кафедры журналистики и
массовых коммуникаций
Пермский государственный университет
eugene.meh@gmail.com

КОММЕНТАРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЕКТОРА РУНЕТА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ МАССОВЫХ НАСТРОЕНИЙ

В статье показано, что тексты комментариев в политико-идеологическом секторе Рунета продуцируются под влиянием массового сознания.

Ключевые слова: комментарий; массовое сознание; массовые настроения; стереотипы.

Объектом нашего исследования является содержательная сторона текстов в политико-идеологических ресурсах Рунета. Материалом выступили тексты комментариев к новостным сообщениям на портале Rambler.ru, видеоматериалам на сайте youtube.com и постам в социальной сети ВКонтакте, освещающим тему выборов в Государственную Думу РФ 2011 г. и законопроектов, касающихся выборной системы.

С точки зрения содержания текстов вслед за И.Р. Гальпериным мы выделяем содержательно-фактуальную информацию, которая представляет собой сообщения о фактах, событиях, процессах внеязыковой действительности, и содержательно-концептуальную, передающую авторское переосмысление фактов, событий и процессов, происходящих в мире, отношений между явлениями, и требующую толкования [Гальперин 1981: 27–28].

Как известно, содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная информация находятся в тексте в неразрывном единстве. Предметная тема вследствие этого представляет собой научную идеализацию – в речи участников коммуникации она всегда преломляется под воздействием авторского мировоззрения, идеологических оценок, мнений, убеждений и т.п.

По нашим наблюдениям, в политико-идеологическом секторе Рунета имеет место доминирование массовой разновидности идеологии над индивидуальной: в комментариях пользователей воспроизводятся представления, мнения, убеждения, оценки и стереотипы массового (группового) сознания.

Согласно Д.В. Ольшанскому, массовое сознание представляет собой обыденную разновидность общественного сознания, объединяющую представителей разных социальных групп общими ценностями, переживаниями, настроениями и другими значимыми компонентами сознания в определенные периоды [Ольшанский 2002: 23]. При этом характерный для индивидов, составляющих массу, повышенный уровень аффективности приводит к «отключению рациональных компонентов психики, снижению критичности восприятия, чувства собственного “я” и определенной временной дезиндивидуализации» [там же: 37].

Феномен массового сознания исследовался в работах М.М. Бахтина конца 20-х гг. XX в., посвященных разработке социологического метода в гуманитарных науках. При описании разных его проявлений ученый использует термины «жизненная идеология» и «общественная психология». Жизненная идеология определяется им как совокупность жизненных переживаний и непосредственно связанных с ними внешних (прежде всего речевых) выражений, в отличие от сложившихся идеологических систем – искусства, морали, права [Бахтин 1993: 92]. М.М. Бахтин подчеркивает, что формы и темы речевых выступлений обуславливаются ближайшими условиями взаимодействия людей и их социальной организацией, а социальное общение пронизано бесчисленными идеологическими нитями.

Жизненная идеология, по мнению ученого, должна изучаться с двух сторон: «во-первых, с точки зрения ее содержания, т. е. с точки зрения тех тем, которые актуальны в ней в тот или иной момент, и во-вторых – с точки зрения тех форм и типов речевого общения, в котором данные темы осуществляются (обсуждаются, выражаются, испытываются, продумываются)» [там же: 23].

Выбор значимых тем в исследуемом нами оппозиционном секторе Рунета обусловлен актуальными политическими событиями и отражает тематическую структуру общественного мнения [Васильева, Салимовский 2011]. Так, в 2012–2013 гг. это были темы фальсификаций при подсчете голосов на выборах президента, «каруселей», предопределенности результатов голосования, коррупции в Государственной Думе и др.

Речевое воплощение комментариев, как показал анализ материала, определяется основными свойствами массового сознания. В социальной психологии к ним относят:

1. повышенную эмоциональность, приглушенность рационального начала;
2. упрощение социальной действительности, стереотипность;
3. обезличенность, ослабление чувства ответственности;
4. мозаичность, размытость, фрагментарность;

5. динамичность и изменчивость [Ольшанский 2002: 21].

Эти свойства находятся в неразрывном единстве и взаимно дополняют друг друга.

Проиллюстрируем воплощение указанных особенностей массового сознания несколькими примерами. Имена собственные заменяются знаком К., орфографические, пунктуационные и речевые ошибки не исправляются.

Повышенная эмоциональность массового сознания проявляется в широком использовании бранной лексики, в том числе инвективной:

shvoyune shvoyunovich

Дума, что нижняя, что верхняя, не нужны абсолютно. Это тупые туняядцы, прожирающие бюджет.

Хома Капустин

И не беда, что от его речей так смрадом воняет, это он калотерапией баловался.

Как уже отмечалось, аффективно-когнитивный характер массовых настроений снижает критичность восприятия и обуславливает стремление к упрощению социальной действительности, что проявляется в широком распространении стереотипов. Так, несогласие с результатами выборов в Государственную Думу 2011 г. породило стереотипы «нечестные выборы», «нелегитимность власти», «фальсификация выборов» и др.:

jok-teer

Новый закон: "чем больше мошенников, проходимцев и самозванцев, тем лучше."

никтолай пеликанов

Подделают. Бомжи, мигранты и прочая нечисть будет голосовать по несколько раз. А чего не хватит мошейник К. подправит.

Как отмечают политологи, массовые политические настроения легко и быстро объединяют людей, формируя у них чувство общности «мы» и настрой против неких «они», которые стоят за не устраивающим людей положением дел. Вместе с тем повышается внушаемость индивида, происходит подавление чувства ответственности за собственное поведение и появляются чувство силы и осознание анонимности [там же: 39]. Очевидно, что свойственная массовому сознанию деиндивидуализация усиливается в интернет-пространстве:

Денис Осипов

*все кремлевское ворье- в ад!!! двойные агенты и предатели россии- в ад! кремлевские бандиты, помните: вас не защитит госдеп, не укроетесь в лондоне и на лазурном берегу, **мы, россияне, вас найдем.** яхты бандита абрамовича вас не укроют. 20 лет вы не смотрели в сторо-*

ну россии, не жили и не работали для россии, только все уничтожали и грабили россию.

Ludmila3471

*ясно одно или раковая опухоль коррупции с метастазами **уничтожит нас или мы её.***

Подавление чувства ответственности проявляется в большем числе оскорблений и угроз, а также высказываний, унижающих честь и достоинство лиц, либо призывающих к насильственным действиям в отношении оппонентов. Например:

СЭС Травлю кгыс

Банда ворюг и хануг сидит в кремле! бойтесь гады я иду, кол вам в грудь большой вобью!

Gerardo Prachen

Надо К. не вопросы таким задавать, а просто, прямо там ствол достать и башку снести, прямо в зале. Рейтинги среди народа поднялись бы до небес, если такое действие проводилось бы на каждом заседании :)

В отличие от политической идеологии, которая целенаправленно разрабатывается представителями политической элиты и представляет собой цельную систему, массовое сознание носит фрагментарный и мозаичный характер: в нем сосуществуют упрощенные неоднородные, зачастую противоречивые представления разных социальных групп о политических реалиях. Например, свою позицию коммуниканты выражают самыми различными способами: одни ограничиваются выражением негативных оценок в отношении виновных в сложившейся ситуации, другие призывают к активным действиям против них, в том числе агрессивным:

ТОЧКА РУ

Что-то даже не верится, что ворам обрубиле половину мест в Думе. Жулики, под руководством К., лазейку обязательно предусмотрят.

саня москва

нужно срочно провести досрочные выборы в государственную думу!!! <...>

СНАЙПЕР ПЕТРОВИЧ

<...> НАРОД ПОДНИМИСЬ из непа и снеси к черту эту поганую гнилую систему <...>

Динамичность и изменчивость массовых настроений отчетливо проявляется при сравнении текстов разных лет. Список актуальных тем и распространяемых стереотипов отражает наиболее важные текущие

общественные и политические события, в связи с чем он подвержен быстрому изменению.

Таким образом, мы показали, что специфика концептуального содержания политико-идеологического дискурса в Рунете состоит в отражении свойств массового сознания.

Библиографический список

Бахтин М.М. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М., 1993. 153 с.

Васильева В.В., Салимовский В.А. О механизме продуцирования массмедийного политического текста // Мысль. Текст. Стиль: сб. статей, посвященный докт. филол. наук, проф. К.А. Роговой / под ред. Л.Р. Дускаевой и В.И. Конькова. СПб, 2011. С. 43–51.

Гальперин К.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с.

E.N. Mekhonina

Teacher of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

COMMENTS IN THE RUNET POLITICAL SEGMENT AS MASS CONSCIOUSNESS MANIFESTATION

The article shows that in the Runet political segment user comments are produced under the influence of the mass consciousness.

Key words: comment; mass consciousness; mass sentiments; stereotypes.

Назарова Татьяна Владимировна
доцент кафедры литературы и журналистики
Волгоградский государственный университет
nazarova-tv@mail.ru

КОММЕНТАРИЙ КАК ЖАНР СОЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье представлены результаты анализа комментариев в городской газете и журнале «Эксперт». Выявлены структура, типы субъектов речи, объекты информационного внимания, точки зрения, коммуникативные задачи материалов.

Ключевые слова: социальная журналистика; комментарий; субъекты речи; объекты информационного внимания; точка зрения; коммуникативные задачи.

Вопрос о формах освещения в СМИ проблем социальной сферы в последнее десятилетие все чаще привлекает внимание теоретиков и практиков журналистики. Такой повышенный интерес объясняется рядом факторов. Во-первых, происходящие с начала 1990-х годов изменения в социальной политике государства, болезненный переход от патерналистской модели к рыночной, трудное и медленное создание новой социальной инфраструктуры, низкая социальная ответственность бизнеса вызывают социальное напряжение. Во-вторых, журналистское сообщество уже осознало, что ограничиваться постановкой социальных проблем и драматичным описанием ежедневно возникающих в обыденной жизни людей ситуаций невозможно, традиционная институционализованная журналистика при таком подходе только с опозданием дублирует роль социальных сетей.

В ответ на вызовы времени в последнее десятилетие достаточно быстро оформляется социальная журналистика как форма общественной деятельности и идеология. Вокруг этого профиля журналистской профессии не утихают споры. Возражения вызывает название, неопределенность границ, поскольку вся журналистика является социальной. Еще больше нареканий звучит по поводу функциональной специфики направления, предполагающей выполнение не только природных информационно-коммуникативных функций, но и проектных, причем с использованием мобилизационных технологий, то есть активное содействие журналистов в решении актуальных для рядовых граждан проблем. Считается, что исполнение подобных функций не соответствует стандартам журналистской профессии.

Однако практика журналистской деятельности совершенно очевидно вносит поправки в теорию и меняет представления об общественной миссии журналистики. Появился ряд работ И.Д.Фомичевой [Фомичева 2007], И.М.Дзялошинского [Дзялошинский 2006], Т.И.Фроловой [Фролова 2009], М.А.Бережной [Бережная 2009], прогнозирующих возможности развития и функционирование социальной журналистики. Так, И.М. Дзялошинский выделяет три способа организации социального участия граждан усилиями журналистов: обсуждение определенных проблем с целью продуцирования идей, их оценки и анализа; вовлечение граждан в конкретные акции; создание объединений граждан с целью изучения конкретной общественной проблемы, создания и осуществления проекта [Дзялошинский 2005:71].

Для оформления теории социальной журналистики, а следом и выработки рекомендаций практикам необходим мониторинг публикаций, посвященных вопросам социальной сферы, причем в изданиях разного типа, выявление приемов репрезентации социальных проблем, данные о характере задач, которые ставят перед собой и аудиторией журналисты.

Достаточно часто материалы, посвященные вопросам социальной сферы, далеки от стандартов социальной журналистики. Например, успехом у волгоградских читателей пользуется колонка независимой газеты «Областные вести», где ведущие сотрудники издания в форме непринужденного иронического диалога между собой комментируют актуальные для города события, преимущественно негативного толка. Судя по форуму, много читательских откликов вызывает и комментарий, появляющийся под рубрикой «Суровый Суворов». Суворов – фамилия постоянного автора, который, в роли рядового горожанина, очень небогатого, не достигшего «жизненного успеха», сетует на знакомые каждому бытовые проблемы, низкую зарплату, отсутствие перспектив и привычно для горожанина старшего поколения (а это – реальная аудитория газеты), выросшего в эпоху государственного патернализма в социальной политике, во всех бедах винит власть.

Объектом информационного внимания в «Областных вестях» становятся, как правило, действия власти, они оцениваются с точки зрения интересов и потребностей горожан. Комментарии издания объединяет общая коммуникативная задача. Солидаризуясь с жителями города, журналисты требуют от власти «изменений», «наведения порядка в проблемных сферах». Авторские интенции определяют элементы структуры комментария, композицию, выразительные средства. Преимущественно используется тезисный заход; бэкграунд, часто вводящий информацию о том, каким было до перестройки или каким должно быть морально-психологическое состояние граждан в государстве, обеспечивающем им

социальную защиту; аргументы, в основном эмоциональные; резюмирующая или призывная концовка. По характеру комментарии, как правило, разъясняющие, характерна линейная драматургия с постепенно нарастающим напряжением. Нормативной информации в виде программ в комментариях нет, присутствуют отдельные конкретные предложения от лица экспертов-специалистов в данной области или представителей партии Справедливая Россия. Основное средство изображения – ирония.

Такой характер комментариев с преобладанием авторских эмоций, игровых тактик был, возможно, оправдан в начале 90-х гг. XX в. в русле общей для российской прессы стилистики романтической иронии свободы, демонстрирующей освобождение от догм советского государства и теории СМИП. С тех пор изменились представления о социальной миссии журналиста. Ирония, подвергающая сомнению любые действия, не становящаяся способом поиска истины, убеждающая читателя в собственном бессилии, поддерживающая патернализм в отношениях власти и народа, неуместна. Приемы солидаризации с рядовым жителем города и предъявление его т. з. на события в комментариях «Областных вестей» выполняют функцию «развлечения плохими новостями» и имиджевую функцию, убеждая в том, что редакция способна понимать своего читателя, но такая тактика не помогает обществу формулировать свои предложения, не превращает его в дееспособную силу.

Характерная для социальной журналистики ориентация на прагматический эффект иначе организует деятельность журналистов и структурирует текст, приводя к модификации традиционных жанров. С этой точки зрения особый интерес представляет изучение комментариев А.Привалова, признанного специалиста в области макроэкономических и политических процессов. Особое значение имеет то, что это материалы авторских колонок журнала «Эксперт», что позволяет выявить формы освещения социальной проблематики в специализированном издании, в котором соблюдаются стандарты качественной прессы.

С целью проведения структурно-функционального анализа была сделана выборка колонок А.Привалова из 48 номеров журнала за 2012–2014 гг. Выявлялись преобладающие социальные темы, способы их проблематизации и характер развития, коммуникативные задачи автора, объекты информационного внимания, субъекты речи и степень их информационного участия. Было установлено, что две трети материалов А.Привалова посвящены анализу политических и экономических процессов, остальные – проблемам социальной сферы, среди них по частоте обращений на первом месте вопросы реформы образования. Все материалы объединены коммуникативной целью – автор доказывает необходимость организации диалога между структурами власти и общест-

вом, в данном случае между Министерством образования и Госдумой, с одной стороны, и работниками сферы образования и рядовыми гражданами, с другой, настаивает на необходимости общественной экспертизы всех проектов правительства на стадии их обсуждения. Эта задача трансформирует традиционную структурную схему комментария, наполняет новым содержанием его компоненты.

Используя классификацию, обоснованную в работах А.В. Колесниченко [Колесниченко 2008: 56], по типу стратегии комментария А.Привалова можно отнести к пропагандирующим собственную точку зрения автора. Сверхзадача деятельности А.Привалова – организация общественной экспертизы решений правительства. Эта задача обуславливает характер информационного повода для его выступлений. В центре внимания А. Привалова – деятельность правительства и Госдумы, информационным поводом, как правило, является очередной проект власти, который, по замыслу комментатора, следует обсуждать до его утверждения. Комментарии эти имеют, как правило, тематический, сообщающий о новом проекте, или тезисный заход, в котором уже содержится оценка проекта.

Но в отличие от традиционной схемы комментариев такого типа, включающей аргументы в пользу главного тезиса и его повторения в более сильной форме, в колонках А.Привалова обозначаются позиции всех заинтересованных сторон. По объему преобладают суждения представителей властных структур, они цитируются, отбор цитат тщательно выверен, – каждая раскрывает новый аспект предлагаемых правительством решений, положения дополняют и разъясняют предыдущие. Но по значению всегда доминирует точка зрения «простых граждан» (в данном случае учеников, родителей) и рядовых работников отрасли (учителей, директоров школ). *Vox populi* никогда не включается прямо, он передается косвенно самим колумнистом в обобщенном виде. Эмоциональный эффект суждений от лица общества усиливается, во-первых, тем, что все эти реплики обязательно образны, метафоричны, используется сниженная просторечная лексика, резко контрастирующая с общим стилем почти научных рассуждений А.Привалова. Во-вторых, реплики подбираются на основе тщательного анализа ситуации и либо демонстрируют различные негативные последствия решений правительства, либо прогнозируют вероятный конфликт интересов. В-третьих, автор использует приемы солидаризации с рядовыми гражданами и главным критерием авторской оценки проектов или решений правительства становятся интересы общества и исполнителей этих решений.

Основным субъектом речи по законам жанра остается сам колумнист, но его образ двойится. Принципиальная важность этого приема

подчеркивается своеобразным двуязычием комментатора: в разговорном стиле выстраивается эмоциональная аргументация антитезисов, выдвигаемых против правительственных решений, в научном – рациональная аргументация. Таким образом при освещении факта достигается доминирование точки зрения рядового человека, что является типологическим признаком социальной журналистики. Хотя по определению смысловое ядро колонки должно составлять выражение персональной точки зрения автора-повествователя, наблюдается расширение возможностей жанра, обусловленное коммуникативными задачами.

Идея организации общественного диалога определяет характер интерпретации проекта или уже возникшей ситуации. Бэкграунд содержит анализ причин проблемы, которую пытается решить власть. Комментарий А.Привалова строится как последовательное тезисное представление позиций властных структур, при этом раскрываются мотивы действий различных ветвей власти. Демонстрация их несоответствия потребностям общества осуществляется с помощью оценки этих действий от лица рядовых граждан. Эти оценки становятся отправным пунктом для формулирования антитезисов колумниста и развертывания доказательств. Обычно используются формы косвенной аргументации, доказательство ложности тезисов оппонентов методом прогнозирования их негативных следствий. Такой характер элементов структуры обеспечивает линейную драматургию, при которой напряжение полемики нарастает. Цель такого развертывания комментария – привлечь аудиторию к обсуждению, она часто открыто манифестируется в призывных концовках.

Но не только к обществу и представителям профессии обращается колумнист. Целевой аудиторией А.Привалова являются именно представители власти (лица, принимающие ответственные решения, – традиционная целевая аудитория «Эксперта»). В качестве важнейшей причины неэффективности действий власти колумнист неизменно называет отсутствие коммуникативных связей между властью и обществом и как результат демонстрирует незнание подлинных реалий проблемы, которую власть пытается решить.

Критика А. Привалова всегда конструктивна. Эмоционально заостряя проблему, он использует иронию, пародию, травестию. Но его комментарии содержат еще один структурный элемент – альтернативный план решения проблемы. Так, например, журналист предлагает конкретную технологию сбора, систематизации, изучения всех предложений граждан, организации обратной связи. Предложение сопровождается расчетом необходимых затрат. А.Привалов включает такую нормативную информацию без ссылок на авторитетных специалистов, поскольку экспертом в данном случае выступает он сам. Такой прием способен ис-

пользовать не каждый, его может позволить себе А.Привалов – выпускник мехмата МГУ, кандидат экономических наук, 20 лет проработавший в Госплане, участвовавший в создании «Коммерсанта», один из основателей и совладельцев самого авторитетного делового холдинга «Эксперт», научный редактор материнского издания. Но и этот сложившийся в практике колумниста прием необходимо учитывать, если целью колонки является поиск программ развития.

В результате исследования выявлена специфика освещения вопросов социальной сферы в колонках А.Привалова. Соответственно профилю делового журнала основным объектом информационного внимания является социальная политика правительства, но ракурс ее оценки – интересы рядового человека. Идея технологического обеспечения общественной экспертизы правительственных решений на стадии их обсуждения обуславливает принципы критического анализа и включение проектного компонента в структуру комментария.

Библиографический список

Бережная М.А. Проблемы социальной сферы. Санкт-Петербург: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. 330 с.

Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М.: Изд-во «Престиж», 2006. 104 с.

Колесниченко А. В. Прикладная журналистика. М.: Изд-во Моск-го ун-та, 2008. 180 с.

Фомичева И.Д. СМИ как партиципарные коммуникации. М.: Изд-во Московск. ун-та, 2002. 84 с.

Фролова Т.И. Человек и его мир в информационной повестке дня. Гуманитарные технологии в журналистике. М.: Изд-во АСИ, 2009. 288 с.

T.V. Nazarova

Associate Professor of Literary and Journalism Department
Volgograd State University

COMMENTARY AS A GENRE OF SOCIAL JOURNALISM

Results of analysis of commentaries of local newspaper and journal “Expert” presented. Structure, speech subjects types and their relationship, information objects, civil point of view representation techniques and communication objectives of matters identified

Key words: social journalism; commentary; speech subjects; information objects; point of view; communication objectives.

Пономарев Николай Филиппович
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
aprioripr@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТОРИТЕЛЛИНГ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕКРЕАТИЗАЦИЯ

В статье рассматриваются последствия рефракции и сопряжения социетальных полей (медиатизация, нарративизация, рекреатизация) и перспективы их эксплуатации в политическом сторителлинге.

Ключевые слова: сторителлинг; публичная политика; рекреатизация; игрофикация.

Политические акторы активно взаимодействуют с журналистами, пытаясь повлиять на медиаконтент посредством технологий «менеджмента новостей». Эти процессы порождают не только феномены «медиатизации политики» и «политизации массмедиа», но также «нарративизацию» и «рекреатизацию» журналистики и публичной политики. Рассмотрим факторы, которые способствуют такого рода трансформациям.

В концепции «неоинституционализма» институциональная логика – это социально конструируемые, исторические паттерны материальных практик и культурных символов (символических конструкторов), включая допущения, ценности и убеждения, посредством которых социальные субъекты осмысливают свою повседневную деятельность, организуют пространство-время и воспроизводят свое существование. Институциональная логика задает формальные и неформальные правила действия, взаимодействия и интерпретации, которые направляют и ограничивают принимающих решения субъектов при выполнении задач и при обретении социального статуса, кредитов, штрафов и наград.

Усвоение актором институциональной логики обеспечивает его легитимность в восприятии стейкхолдеров и других значимых акторов в более широком социальном контексте, поэтому акторы всё чаще руководствуются, прежде всего, «полевыми» ценностями и нормами, а не критериями инструментальной эффективности, что приводит к доминированию при принятии решений «логики правомерности» над «логикой последствий» [Meyer, Rowan 1977]. Главную роль в конструировании и

модификации институциональной логики (и полевой логики) играют нарративы, которые как символические конструкты объединяют разрозненные части социальной жизни акторов (например, организаций) в связную историю.

В концепции «операционного конструктивизма» социальные системы как системы коммуникаций дифференцируются по типу кода, который редуцирует сложность внешнего мира к распознаванию собственных элементов системы. Система сосуществует и *сопрягается* с внешним миром за счет перекодировки внешних импульсов в описания (напр., система науки использует код ‘истина’, система политики – код ‘власть’, а система массмедиа – код ‘информация’). Дифференцированные системы ограничивают друг друга в структурном *сопряжении* благодаря совпадению результатов отбора.

Согласно «структуралистскому конструктивизму», любое социальное поле преобразует внешние требования со стороны других полей в специфическую для себя форму, т.е. переопределяет их в собственной логике. Иначе говоря, поле обладает способностью к *рефракции*.

Усиление роли медиадискурса вынуждает политиков адаптироваться к медиалогике: «Массмедиа являются ключевой ареной, на которой разыгрывается борьба за символическую власть. Как главное средство общения политических лидеров с гражданами, массмедиа становятся первостепенным способом, который используют политические лидеры для накопления символического капитала... за счет постоянного управления собственной видимостью и тщательной презентацией самих себя» [Thompson 2000: 105–106].

Дело в том, что доминирующие в медиасфере аффективно-когнитивные схемы интерпретации социальной реальности (медиафреймы) фактически определяют границы допустимых действий политиков: «Медиасистема побуждает элиты приспособлять риторику и предпринимать действия, которые скорее соответствуют журналистским ценностям и ограничениям, чем отвечают принципам чуткой публичной политики» [Entman 1989: 20]. Более того, политики адаптируют свое публичное поведение к потребностям массмедиа даже тогда, когда это противоречит их текущим политическим целям: «Сегодня все социальные институты – это медиа-институты..., а темы, организации и спорные вопросы, о которых журналисты сообщают, сами по себе являются продуктами медиаформата и журналистских критериев» [Altheide, Snow 1991: ix–x]. В результате публичная политика превращается в ряд непрерывных избирательных кампаний.

Одновременно медиатизации политики отраженно сказывается на массмедиа: увеличивается доля инфотейнмента; размываются границы

«публичного» и «приватного» при освещении деятельности политиков (соответственно, усиливается влияние таблоидов на «качественную прессу»); растет объем освещения скандалов и включение сенсаций в серьезные политические истории и, наконец, искажаются *принципы* медиалогики (домыслы как новости, неподтвержденная информация как факт, фейки, слухи как доказательство, истории на основе единственного источника, докудрамы).

Качества образцового информационного повода как одного из требований медиалогики совпадают с качествами «хорошей истории»: конфликт, скандал, курьез или сенсация; негативные социальные последствия; большое количество участников; главный герой события – референтная или статусная фигура; эмоциональность. Соответственно, при конструировании новостей журналисты используют приемы «нарративизации»: «Хороший сторителлинг требует драмы, поэтому это пристрастие часто побуждает журналистов прибавлять или искать драму ради драмы» [Cline 2009].

Нарративный формат публикаций облегчает восприятие аудиторией социальной реальности: «Некоторое действие для нас бессмысленно не потому, что мы не можем отнести его к конкретной категории, а потому что мы не можем интегрировать его в сюжет, который понятен в конкретном контексте» [Czarniawska 1997]. В этом смысле «репортер, пишущий новостную историю, не слишком сильно отличается от сторителлера или новеллиста, которые пишут вымышленную историю» [Pan, Kosicki 1993]. Выпуски новостей конкурируют за внимание аудиторий в символическом пространстве не столько с другими источниками информации, сколько с другими способами развлечения.

Согласно модели «зазор любопытства» [Gentry et al. 2002], индивиды предпочитают умеренный уровень неопределенности. Чтобы заинтересовать индивида когнитивным заданием, пробел между его знаниями и тем, что он стремится узнать, должен быть умеренным или преодолеваемым. Если лакуна слишком велика, индивид отказывается от чрезмерных когнитивных усилий; если слишком мала – ему становится скучно. Применительно к медиасфере: аудитория игнорирует сложные для понимания новости, которые трудно «переварить», или наоборот тривиальные новости, которые не пробуждают любопытство. Соответственно, журналисты вынуждены балансировать на грани «заумь – трюизм».

Новости, комментарии, реклама и развлечения как программные области массмедиа должны специфически маркироваться, но все больше распространяется «тенденция вместо серьезных комментаторов и репортеров, занимающихся расследованиями, отдавать предпочтение массо-

викам-затейникам, и вместо информации, анализа, серьезной дискуссии, репортажа подавать в эфир развлечение в чистом виде» [Бурдые 2002: 152].

Фрагменты медиаконтента образуют континуум на оси «факт – вымысел», от репортажа журналиста-наблюдателя с места событий в реальном времени до развлекательных передач без обсуждения событий. Тенденция «нарративизации событий» ведет к заполнению медиасферы «мягкими новостями», а нарративный формат, который используется в фильмах, рекламных роликах, комиксах и в выпусках новостей, размывает границы между информацией и развлечением, вымыслом и реальностью.

Фикциональные медиа имеют много общего с «мягкими новостями»: например, ситкомы тоже акцентируются на «человеческих историях», игнорируют социальные проблемы, драматичны и сенсационны. Такого рода фрейминг позволяет аполитичным гражданам экономить на когнитивных усилиях и одновременно освобождает их от личной ответственности за социальные неурядицы: «Народ стремится потреблять политическую информацию в форматах ‘реалити’, которые затрагивают личные эмоциональные проблемы лучше, чем традиционные фактологические, описательные новостные сообщения» [Bennett 2005: 376]. Следовательно, «медиафикции» (а не только «жесткие» и «мягкие» новости) тоже влияют на конструирование социальной реальности, чем объясняется все более активное участие акторов в каких угодно ток-шоу.

Нарративизация массмедиа влечет за собой нарративизацию и рекреатизацию публичной политики.

Для попадания в «мягкие новости» политики инсценируют «псевдособытия» [Boorstin 1962], ориентированные в первую очередь на журналистов: «Представление обычных политических процессов в контексте «спин-спектакля» дает возможность сделать из скучного события интересную и достойную освещения в новостях историю» [Esser, Spanier 2003]. В результате наблюдается всё большая «рекреатизация публичной политики» [Пономарев 2014]: политики всё в большей степени ориентируются на «логику популярной культуры», которая одновременно трансформирует и медиалогику.

В частности, стандарт «реалити ньюс» как продукт рекреатизации массмедиа «благоприятствует созданию драматических политических сценариев, в которых факты и свидетельства сведены к минимуму и которые могут поддержать совершенно разные новостные фреймы» [Bennett 2005: 365]. В результате политики уже оцениваются во многом так же, как персонажи теледрам, а аудитории используют «реалити ньюс» как удобный формат «для фильтрации абстрактных политических деба-

тов посредством персональных эмоциональных прочтений политических персонажей» [Bennett 2005: 375].

Политика переживается гражданами посредством эмоциональных нарративов, конструируемых вокруг политиков и политических курсов: «Влияние культуры внутри политики растет в том смысле, что популярная культура все больше вступает в политику и формирует политику, конституируя ежедневную политику по содержанию и каналам политической коммуникации, в динамике общественного мнения и в ценностях и решениях отдельных граждан» [Richards 2004: 342]. Более того, «люди отворачиваются от политики и политиков, когда не получают от них такого же эмоционального удовлетворения, как от продукции популярной культуры» [Bennett 2005: 375-376].

Согласно модели «случайный побочный продукт» [Baum 2002], сущностная политическая информация, инкорпорированная в «мягкие новости», усваивается аудиторией «прицепом», так сказать «на закорках» собственно развлекательного контента. В результате ток-шоу косвенно влияют на выбор, по крайней мере, аполитичных избирателей.

Повсеместная нарративизация социальной реальности приводит к тому, что и выпуски новостей, и публичные дискуссии почти неотличимы от продуктов сценического сторителлинга и событийного маркетинга в интересах конкурирующих акторов. Уже сегодня поле публичной коммуникации эффективно контролируется «дискурс-менеджерами» и «контент-сомелье» (Виктор Пелевин), которые по заказу правящих элит не только формируют горизонты возможного, должного и правильного, но и посредством «геймификации» [Вербах, Хантер 2015] втягивают граждан в социальные игры со стратегическими (политическими или коммерческими) сценариями.

Библиографический список

- Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002.
- Вербах К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. М., 2015.
- Пономарев Н.Ф. Коммуникационный менеджмент: драматизация публичной политики. Пермь, 2014.
- Altheide D.L., Snow R.P. Media worlds in the Postjournalism Era. Hawthorne: Aldine de Gruyter, 1991.
- Baum M.A. Sex, lies, and war: How soft news brings foreign policy to the inattentive public // American Journal of Political Science. 2002. № 96. P. 91–109.
- Bennett W.L. Beyond pseudoevents: Election news as reality TV // American Behavioral Scientist. 2005. Vol. 49 (3). P. 364–378.
- Boorstin D.J. The image: Or what happened to the American dream. N.Y.: Atheneum, 1962/1977.
- Cline A. Bias // 21st Century Communication: A Reference handbook. London:

Sage Publications, 2009. URL: http://sage-ereference.com/communication/Article_n53.html (дата обращения: 17.06.2014).

Czarniawska B. *Narrating the organization*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Entman R.M. *Democracy without citizens: Media and the decay of American politics*. N.Y.: Oxford University Press, 1989.

Esser F., Spanier B. *Media politics and media self-coverage in the British press* // International Communications Association, 2003 Annual Meeting, San Diego, CA. Conference Papers.

Gentry J.W., Burns A.C., Dickinson J.R., Turevu S., Chun S., Hongyan Y. *Managing the curiosity gap does matter: What do we need to do about it?* // *Developments in Business Simulation and Experiential Learning*. 2002. № 29. P. 67–73.

Meyer J.W., Rowan B. *Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony* // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 83 (2). P. 340–363.

Pan Z.D., Kosicki G.M. *Framing analysis: An Approach to news discourse* // *Political Communication*. 1993. № 10. P. 55–75.

Richards B. *The emotional deficit in political communication* // *Political Communication*. 2004. № 21. P. 339–352.

Thompson J.B. *Political scandal: Power and visibility in the media age*. Cambridge: Polity Press, 2000.

N.F. Ponomarev

Associate Professor of Journalism
and Mass Communications Department
Perm State University

POLITICAL STORYTELLING AND SOCIAL RECREATIZATION

The article deals with outcomes of refraction and pairing of societal fields (mediatization, narrativization, recreatization) and prospects for their use in political storytelling.

Key words: storytelling; public policy; recreatization; gamification.

Пустовалов Алексей Васильевич
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
theyareeverywhere@gmail.com

ГИПЕРТЕКСТ ФИЛОЛОГОВ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Данная статья обращается к проблеме популяризации достижений филологического факультета через проект, предполагающий репрезентацию комплекса текстов о факультете и текстов факультета как единого гипертекста – интернет-текста, различные части которого соединены гиперссылками. Данный гипертекст включает статьи о факультете, его ученых и выпускниках в Википедии, персональные страницы ныне действующих и страницы преподавателей прошлого на официальном сайте университета, научных работ ученых, опубликованных в интернете.

Ключевые слова: гипертекст; филологический факультет; историко-филологический факультет; Пермский университет; Википедия; продвижение учебного; популяризация науки.

Филологическое направление – одно из базовых в Пермском университете: как известно, филологи входили в состав одного из трех первых факультетов университета (историко-филологического). У филологов нынче несколько юбилеев подряд: в этом году – 55 лет самостоятельному филологическому факультету, в следующем – 85 лет возрожденному в 1941 историко-филологическому факультету и 100 – всему филологическому направлению. (Это не натяжка: филологическая традиция в университете на прерывалась даже в 1931–1941 годах, когда гуманитарные кадры ПГУ перекочевали в отсоединившийся пединститут – благодаря усилиям Н. П. Обнорского, филолога-универсала, возглавлявшего в этот период кафедру иностранных языков: кроме кафедры основ марксизма-ленинизма, она была единственной гуманитарной кафедрой университета). Он и его коллеги (Е. О. Переображенская, например) смогли сохранить в этот тяжелый период филологическую традицию в Пермском университете.

Однако до сих пор роль и значение филологов в университете недооценивается, они получают хронически мало внимания. Пора воздать филологам должное, представив их труд в наиболее выигрышном и современном виде! Работа эта уже начата, нужно делать дальнейшие ре-

шительные шаги в этом направлении. Это особенно важно именно сегодня, когда литература, одноплатформенное «текстоцентричное» искусство, покидает трон высшего из искусств, а все интересное и продуктивное связывается с новой, многоплатформенной средой – интернетом.

Мы предлагаем рассмотреть тексты о филологах и тексты филологов Пермского университета как единый гипертекст. И в таком – более современном и выигрышном виде – представить его в интернет-пространстве.

По определению В.П. Руднева, гипертекст представляет собой текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов [Руднев 1997: 69].

Структуралисты всю культуру рассматривают как *гипертекст* (или *сверх-текст*) то есть, совокупность текстов, части которого связаны с друг другом и постоянно цитируют друг друга. Внутри огромного гипертекста культуры функционируют и «малые» гипертексты, составляющие его. В этом смысле, по мнению, например, В.В. Бычкова, можно говорить о всей совокупности произведений того или иного художника, писателя, композитора, режиссера или, например, о каком-то профессиональном словаре, энциклопедии (по эстетике, философии, литературе, сюрреализму и т. п.) как о едином гипертексте (см. [Бычков 2003: 133]).

Для современного интернет-пространства этот термин используется в более прагматическом смысле – как совокупность текстов, связанных между собой технически – гиперссылками, то есть специальными ключевыми словами-командами, позволяющими переходить от одного текста к другому; так можно обойти весь веб, поскольку гипертекстуальность – его базовое свойство.

И сегодня гиперссылка, самый оперативный и удобный способ цитирования, становится неким атомарным свойством нового мышления, мышления «эпохи победившего интернета»: зачем долго объяснять, откуда ты взял какую-то информацию, можно просто поставить на свой источник гиперссылку.

Идея представить тексты о филфаке и тексты филфака в качестве единого целого – в первом, культурологическом смысле термина *гипертекст*, реализуется сегодня в сборниках факультета о своих преподавателях, выпускниках (журналистах, писателях, учителях и пр.), ветеранах факультета (см., например [Филологический факультет... 2011; Наши ветераны... 2015]): важно, что этот гипертекст теперь имеет четкие рамки, будучи серией публикаций единой тематики в рамках одного проекта.

Структура этой серии сборников продиктована европейской книж-

ной научно-популяризаторской традицией, восходящей к «Энциклопедии» (1751–1780) французских просветителей – традицией, предполагающей представление научного знания в удобном для читателя виде – систематизированно, логично и емко, с объединением составных частей смысловой связью.

Издатели серии (Н.Е. Васильева, Б.В. Кондаков) свою цель видят в том, чтобы «показать панораму человеческих портретов, судеб, биографий, тех частных жизненных историй, из которых и складывалось лицо факультета в его конкретных исторических срезях». Очень важно, что они подчеркивают изначальную гипертекстуальность постоянно создаваемого текста о филфаке, текста не герметичного, не замкнутого на самого себя, а открытого жизни: «Филфак – не имманентная структура, а живой и всегда открытый "организм", сотнями нитей связанный с городом, краем, с многочисленными институтами социального, общественного и культурного значения» [Наши ветераны... 2013: 3].

Мы имеем здесь гипертекстуальность первого типа, характерную для европейской и мировой культуры вплоть до новейшего времени. Своей же задачей мы видим представление текстов филологического факультета Пермского университета как гипертекст второго типа, появившегося в конце XX в. благодаря разработкам Тима Бернеса-Ли, автора концепции «Всемирной паутины», благодаря которому интернет стал совокупностью множества веб-страниц, соединенных друг с другом гиперссылками, по которым можно передвигаться от одной страницы к другой. Тексты филфака и тексты о филфаке Пермского университета мы хотим представить как единый, скрепленный гиперссылками интернет-текст, из любой точки которого можно было бы перейти в любую другую.

Итак, путь от гипертекста первого типа к гипертексту второго типа – это цель, которую мы хотим достичь в случае с текстами филологического факультета и текстами о филологическом факультете.

К таковым мы относим:

– информацию о ведущих ученых и руководителях филологического факультета и связанных с ним структурах прошлого, таких как филологическая часть историко-филологического факультета (1916–1919, 1941–1960), факультет общественных профессий (1919–1922), педагогический факультет (1922–1930), частично отраженную в печатных изданиях и в публикациях в Википедии;

– информацию об ученых филологического факультета (с 1960 г.), наиболее современная часть которой отражена на персональных страницах преподавателей (официальный сайт) и в публикациях Википедии;

– работы современных ученых факультета, уже опубликованные в

интернете.

На данный момент после нескольких значительных шагов к намеченной цели мы располагаем следующими блоками публикаций о факультете (их можно считать основными узлами гипертекста о филологах ПермГУ):

1. Две статьи о факультете в Википедии:

Историко-филологический факультет ПермГУ:
https://ru.wikipedia.org/wiki/Историко-филологический_факультет_ПермГУ;

Филологический факультет ПермГУ:
https://ru.wikipedia.org/wiki/Филологический_факультет_ПермГУ.

2. Статьи о преподавателях факультета в Википедии:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_филологического_факультета_ПермГУ (более 20 статей);

https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_историко-филологического_факультета_ПермГУ (более 30 статей).

3. Статьи о выпускниках:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Выпускники_филологического_факультета_ПермГУ (около 20 статей);

https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Выпускники_историко-филологического_факультета_ПермГУ (около 10 статей).

4. Книги и статьи по истории ПермГУ на официальном сайте университета: (более 10 публикаций по истории филологического факультета).

5. Публикации по персоналиям прошлого на сайте университета (более 15).

6. Персональные страницы действующих преподавателей на сайте университета (среди которых более 30 страниц преподавателей филологического факультета).

1. Большим успехом стала публикация в Википедии статьи о филологическом (позже – еще и об историко-филологическом) факультете университета. Филологи стали вторым (после механико-математического) факультетом университета, который смог наметить, а затем и утвердить в крупнейшей энциклопедии мира статью о себе. Не лишним будет упомянуть, что в русскоязычной Википедии есть на данный момент лишь пять статей в категории «Филологические факультеты вузов» (см. категорию [Филологические_факультеты_вузов](https://ru.wikipedia.org/wiki/Филологические_факультеты_вузов) Википедии): удержаться в этой категории – весьма престижно: статьи о филфаках (как и о других факультетах вузов) особенно тщательно патрулируются редакторами Википедии и в случае несоответствия критериям энциклопедии беспощадно удаляются. В начале мая, к сожалению, поставлена под удаление статья об историко-филологическом факультете: ровно то

же было со статьей о филфаке. Но есть основания надеяться, что эти статьи удастся отстоять.

В обеих статьях отражена хронология деканства на факультетах, а также хронология заведования кафедрами, основные научные школы, приводятся сведения о ведущих ученых с викиссылками на уже состоявшиеся статьи о них в Википедии.

2. Статьи о преподавателях филологического факультета ПермГУ выделены в самую многочисленную подкатегорию о преподавателях ныне существующих факультетов университета: на сегодняшний день она включает 27 персоналий. Больше число дает подкатегория преподавателей некогда существовавшего в ПГУ физмата, здесь 28 ученых, но ее обгоняет безусловный лидер: подкатегория преподавателей факультета – предшественника нынешних филфака и истфака, то есть историко-филологического факультета, где сегодня 36 ученых.

С гордостью констатируем, что две эти подкатегории («Преподаватели филологического факультета» и «Преподаватели историко-филологического факультета») появились первыми в общей категории «Преподаватели ПермГУ», включающей в Википедии ученых нашего вуза. Нелишне добавить, что Пермский университет сегодня является одним из несомненных лидеров Википедии, занимая 5 место среди российских вузов по количеству введенных в энциклопедию ученых (см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Преподаватели_университетов_России).

К маю 2015 г., к 55-летию факультета, была поставлена цель добиться публикации в Википедии сведений о тех ученых, кто к данному моменту возглавляет кафедры факультета (а также наиболее важных заведующих прошлого). Эта цель была достигнута, более того: была введена информация обо всех заведующих кафедр на всем протяжении существования данных кафедр.

Важно также отметить, что статьи в Википедии о ныне действующих преподавателях стали – в силу простоты работы с текстом и гиперссылками – наиболее удобной площадкой для систематизации информации о них. Так, там приводится перечень наиболее важных научных работ: поскольку большинство их уже опубликованы в веб, статья об ученом является своеобразным коллектором (сборником) его публикаций, к каждой из которых можно перейти по гиперссылке (например, на сайт научного журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»). Гиперссылки со статьи ведут также на персональную страницу ученого или даже страницу о нем как о лидере научной школы или направления на сайте ПГНИУ, на кафедру, где он работает, и пр.

3. Как и в случае с преподавателями, категория «Выпускники ПермГУ» была разделена на подкатегории, и первыми появившимися были «Выпускники историко-филологического факультета» (20 статей) и «Выпускники филологического факультета» (9 статей); затем были охвачены и все другие факультеты, но эта работа к нынешнему моменту не закончена.

4. Своевременным было принятое решение к столетнему юбилею собрать на сайте университета наиболее важные публикации о его истории. На сегодняшний момент имеется 35 таких публикаций; 12 из них связаны с филологическим факультетом. Часто публикации включают различные гиперссылки: на исходные источники, статьи в Википедии и пр.

Одним из немаловажных шагов, связанных с уточнением хронологических и исторических рамок факультета, стала публикация в данном разделе найденной в архиве университета безымянной рукописи «История филологического факультета (1916–1976)» [История филологического факультета; эл. ресурс]. Переведя текст в электронный вид, мы снабдили его интерактивным оглавлением, включив также гиперссылки на статьи в Википедии об упоминаемых в нем ученых. В настоящий момент готовится к выпуску электронная книга «Деканы филологического факультета Пермского университета (1960–2015)» (составители – А. В. Пустовалов, Б. В. Кондаков), которая также имеет гиперссылки на статьи в Википедии о соответствующих персонах, их наградах, законченных ими вузах, страницы о них на сайте университета и пр.

Дальнейшая перспектива здесь – опубликовать в этом разделе уже изданные сборники о преподавателях, выпускниках, ветеранах, истории факультета (издатели – Н. Е. Васильева, Б. В. Кондаков). На данный момент уже опубликована в данном разделе книга «Наши ветераны. Страницы истории филологического факультета Пермского университета» [Наши ветераны... 2013].

5. По персоналиям наиболее выдающихся ученых (чаще всего они оказывались заведующими кафедрами) на сайте университета в разделах соответствующих кафедр сделаны публикации, позволяющие ознакомиться с основными моментами их научной, учебной, организационной, общественной деятельности. Кроме того, такие публикации, будучи расположены от основателя кафедр – к нынешнему заведующему, могут служить одновременно хронологией заведования кафедрой (см., например подраздел кафедры русского языка и стилистики). Такие публикации стали особенно важны в связи с разделением филологического факультета и выделением из него факультета СИЯиЛ с кафедрами английской, немецкой и романской филологии (с мая 2015 г. – это единая кафедра

лингвистики и перевода), а также кафедрой мировой литературы и культуры. В случае невозможности ввести того или иного преподавателя в Википедию (в связи с недостатком викизначимости) можно опубликовать информацию о нем в подразделе кафедры, на которой он работал: это позволяет придерживаться системности в оформлении информации о филологических кафедрах. Цель здесь та же, что и с Википедией – системно отразить информацию о значимых ученых и заведующих кафедрами; в особенности – о тех, кто уже не работает в университете.

6. Персональные страницы ныне действующих преподавателей (к созданию которых специальным указом призвали власти университета) стали хорошим дополнением к публикациям о важнейших персоналиях в подразделах кафедр (а также – к публикациям о лидерах научных школ филологического направления). На персональных страницах отражена информация о научной карьере, важнейших публикациях, членстве преподавателя в различного рода советах и учреждениях и т.д.

В силу сложности публикации и редактирования этих страниц не особенно часто удается отразить на них перечень научных работ преподавателя в виде, актуальном на текущий момент, а также снабдить их гиперссылками на соответствующие публикации в веб. Однако в общей системе создающегося гипертекста о филологах Пермского университета они занимают свое место, верифицируя принадлежность преподавателя к факультету и вузу, информируя о его достижениях.

Итак, объединение всех вышеперечисленных элементов: статей в Википедии о факультетах, преподавателях и выпускниках, книг и статей об истории факультета в виртуальной библиотеке, публикациях и страницах на сайте ПГНИУ о преподавателях факультета, веб-публикаций их научных работ ставит своей целью создание единого гипертекста – огромной системной базы данных об ученых, научных работах, структурах филологического факультета.

Такое обильное, связанное и системное представительство в веб служит целям более удачного позиционирования и продвижения филологического факультета. Огромный мегатекст о филфаке, составные части которого пронизаны гиперссылками так, что, оказавшись в одном его месте, веб-пользователь сможет добраться до любого другого, может не только подробно информировать читателя, но и внушить уважение к факультету и тем, кто работал и работает для него.

Сегодня такой веб-продукт также важен и для новых образовательных направлений факультета, большая часть которых так или иначе связана с веб, с интернет-коммуникацией, с компьютерным программированием как некая демонстрация его сил и возможностей, а также как case study для соответствующих учебных курсов.

Библиографический список

Бычков В. В. Гипертекст // Лексикон нонклассики / Под ред. В. В. Бычкова. М.: РОССПЭН, 2003. 607 с. 2003. С. 133. URL: <http://yanko.lib.ru/books/aesthetica/buchkov-estetika-lexicon.htm>. (Дата обращения 08.04.2015).

История филологического факультета (1916–1976) (Электронный ресурс) / под общ. ред. А. В. Пустовалова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Электр. дан. Пермь, 2015. 724 Кб. ISBN 978-5-7944-2474-4.

Наши ветераны. Страницы истории филологического факультета Пермского университета / сост. Н. Е. Васильева; отв. за вып. Б. В. Кондаков; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2015. 164 с.

Руднев В. П. Гипертекст // Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с. С. 69. URL: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt>. (Дата обращения 08.04.2015).

Филологический факультет: события и люди. Страницы истории филологического факультета Пермского университета / сост. Н. Е. Васильева; отв. за вып. Б. В. Кондаков; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2011. 608 с.

A.V. Pustovalov

Associate Professor of Journalism
and Mass Communication Department
Perm State University

HYPERTEXT OF PHILOLOGICAL FACULTY OF PERM UNIVERSITY: THE PROBLEM OF REPRESENTATION

The article addresses to the problem of popularization of achievements of philological faculty of Perm University by means of a project, which assume representation of complex of texts of the faculty and texts about the faculty as an entire hypertext. This hypertext is a huge internet text, connected by hyperlinks, which includes articles in Wikipedia, personal pages of nowadays scientists and their works in the web.

Key words: hypertext; philological faculty; historical and philological faculty; Perm University; Wikipedia; promotion of scientist; popularization of science.

Смирнова Евгения Александровна
доцент кафедры литературы и журналистики
Волгоградский государственный университет
eugeni-sm@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (на примере «Единой России»)

В статье проанализированы приемы, используемые при освещении деятельности политических объединений в СМИ, выявлены проблемные места региональных политических медиакоммуникаций.

Ключевые слова: медиакоммуникации; имидж; политические коммуникации; региональные СМИ.

Человека XXI в., потребителя современных масс-медиа, можно с уверенностью назвать Homo media (человек медийный). Он погружен в систему масс-медиа посредством множества каналов коммуникации. Медиапространство стало неотъемлемой частью его жизни, где он ищет не только событийную информацию, но и возможность самому эту информацию предоставлять, обсуждать, по сути, структурировать реальность относительно своего «Я». Средства массовой информации в этом медиапространстве являются основным звеном медиакоммуникаций, предлагая читателю/зрителю/слушателю воссозданную реальность, картину мира, которая, в силу основополагающих принципов журналистики, должна приближаться к объективной. Однако СМИ, которые априори позиционируют себя свободными от манипуляции, независимыми и объективными, при анализе медиатекстов обнаруживают манипулятивные практики, ведущие к искажению реальной картины мира. В медиапространстве манипуляция проявляется в самых разных формах, в т.ч. скрытых.

При освещении политических тем главным критерием служит достоверность и полнота информации, острая постановка проблем, анализ ситуаций, которые именно в данный момент волнуют подавляющее большинство людей данной области, региона, а возможно, и всей страны. Неполнота выдаваемой информации или смягченные оценки характерны для «официальных» (в представлении аудитории) СМИ, тогда как доверие вызывают точные факты, убедительные аргументы, наличие разноплановых точек зрения.

При этом СМИ часто манипулируют массовым сознанием, освещая политическую ситуацию в стране или регионе не с позиции стороннего наблюдателя, а с точки зрения сторонника определенного кандидата. В результате электорат обращает свои ожидания и надежды «сконструированному» образу политика, т.е. имеет дело не с непосредственными впечатлениями о лидере, а с рассказами о нем, сообщениями, направленными на восприятие другими лицами.

Образ какого-либо субъекта коммуникации, в том числе и политических объединений, транслируемый СМИ, важен как с точки зрения самого субъекта, инициирующего эту коммуникацию, в плане его имиджестроения, так и объекта, на который транслируется этот образ – т.е. массовой аудитории, поскольку именно в сознании реципиента этот образ (имидж) становится частью социальной реальности, в которую включен и объект коммуникации, и субъект.

СМИ выступают в качестве наиболее значимого социального фактора воспроизводства и коррекции основных стереотипов массового сознания. Как отмечает П. Павлов, с одной стороны, СМИ воспроизводят массовый стереотип, с другой стороны, являются мощным фактором коррекции этого стереотипа в направлении гармонизации социальных отношений [Павлов 2009: 5]. Следовательно, анализируя медиатексты, тематически объединенные образом – имиджем какого-либо субъекта, можно получить картину как современного состояния стереотипов, связанных с этим явлением, так и выявить основные социально значимые возможности СМИ в процессе стабилизации общественных отношений.

Образ в СМИ отличается от образа в сознании, поскольку обладает текстовой (вербально-определенной) природой. Проблема же создания и функционирования социально значимых образов в СМИ относится к одному из малоизученных аспектов в теории массовой коммуникации. В этой связи необходим анализ всех уровней текстовой репрезентации образа в СМИ: заголовочного комплекса, журналистских текстов, их жанровой природы, а также медиаресурсов в целом, способствующих, с одной стороны, созданию в СМИ объективной политической реальности, а с другой – формирующих объективный образ политических реалий. При определении СМИ как канала трансляции имиджеформирующих сообщений следует руководствоваться принципом «трех соответствий»: форма должна соответствовать содержанию, содержание – целям позиционирования, а цели – интересам субъекта позиционирования («говорить правду»). Важны также адекватность выбора СМИ, учет контекста, своевременность подачи информации и соответствие аудитории целевому сегменту [Смирнова 2009: 98].

Нами была предпринята попытка анализа освещения деятельности политического объединения (партии «Единая Россия») в региональных СМИ в период политических кризисов (предвыборная деятельность партии, а также период редизайна 2013–2014 гг.). Эмпирической базой исследования послужили ведущие СМИ региона, занимающие лидирующие позиции по тиражу (для печатных СМИ), охвату территории и объему аудитории (для электронных СМИ). К анализу были привлечены как лояльные к власти издания, так и занимающие по отношению к ней критические позиции.

Политическая партия «Единая Россия» – влиятельная, современная партия. Она занимает лидирующее место в стране среди других партий и позиционирует себя как партия власти. Члены «Единой России», занимая высокие должности на разных уровнях власти и бизнеса, ведут активную деятельность и используют это в создании своего образа. Поддерживается этот образ освещением деятельности лидеров партии в СМИ.

При анализе информации о партии «Единая Россия» мы, во-первых, обращали особое внимание на электронные версии изданий, поскольку обратная связь, важная как для имиджестроения, так и для мониторинга и контроля, во-вторых, учитывали количество и качество упоминаний партии в СМИ, персонификацию («человеческий фактор»), число упоминаний о партии в заголовках и качество упоминаний. 2014 г. для партии, по сути, стал периодом редизайна. Это связано с имиджевыми потерями для партии, связанными с политическими кризисами во время выборов (применение фальсификаций, грязных технологий в выборных кампаниях и т.п.), с коррупционными и диссертационными скандалами вокруг членов партии. Кроме того, ряд выборных кампаний последних двух-трех лет показал, что партия стремительно теряет кредит доверия электората, что отразилось на результатах выборов (в частности, «ЕР» фактически провалила кампанию на выборах в Государственную Думу в 2011 г., что обернулось отставкой для волгоградского губернатора Анатолия Бровко). Кризис партийного доверия, по сути, означала и организация ОНФ в 2012 г., который возглавил Президент РФ В.В. Путин. Эксперты интерпретировали этот шаг как попытку дистанцироваться власти от партии.

«Единая Россия» избрала для себя Я-образ современной, технологичной организации, демократичной, честной и справедливой. Насколько этот образ поддерживается или опровергается СМИ, мы проследили, проанализировав публикации в вышеуказанных СМИ за период января 2013 – мая 2014 гг. Особое внимание уделялось публикациям, в которых

название партии актуализировано в заголовке, который оказывает решающее влияние на восприятие всего текста.

«Волгоградская правда», областное издание, несмотря на то, что она фактически является рупором власти и дотируется из регионального бюджета, не использует свои ресурсы для позиционирования партии власти. В основном эта газета занимается продвижением имиджа первого лица региона (особенно при С. Боженове), не подчеркивая его членство в «ЕР». Из 549 публикаций, упоминающих деятельность партии, только 1 из них имеет заголовок, включающий название политической структуры. Общий тон публикаций о «ЕР» комплиментарный, критика отсутствует. «ВП» манипулирует информацией, представляя действительность в выгодном для партии свете. При подготовке материалов используются пресс-релизы «ЕР». Материалы размещаются в рубрике (на сайте) «Политические новости, новости губернатора».

Образ «ЕР» на страницах «ВП» положительный, это образ преуспевающей партии благополучного региона, причем это благополучие напрямую зависит от решений и инициатив «ЕР». Отсутствие объективности в освещении деятельности власти неминуемо ведет аудиторию к когнитивному диссонансу и к потере доверия аудитории к СМИ. Поэтому «ВП» необходимо изменить принципы подачи информации и стремиться к объективности в освещении событий, связанных с функционированием политических элит.

Такой же неправдоподобно положительный образ представлен *«Волга-медиа»* (региональный медиахолдинг, субсидируемый на 100% из областного бюджета, интегрирующий несколько изданий, в том числе «Волгоградскую правду», имеет информационную самостоятельность, в том числе свою новостную ленту), что иллюстрируют заголовочные комплексы.

«Единая Россия» в Волгоградской области удвоила свой рейтинг. По данным социологов, 8 сентября за партийный список «Единой России» на выборах в Волгоградскую гордому собираются проголосовать 43,2% жителей города. Таким образом, рейтинг «Единой России» за пять месяцев вырос почти вдвое;

«Единая Россия» – созидательная сила единства. В Жирновске состоялась рабочая встреча активистов местного отделения партии «Единая Россия»;

Деятельность холдинга – и сайта «Волга-Медиа», и газет, которые входят в холдинг, направлена прежде всего на освещение деятельности региональной администрации. Причем фактически функции холдинга соответствуют функциям, которые должна выполнять пресс-служба ад-

министрации. СМИ холдинга перестают выполнять журналистские функции и используют методы манипуляции и пропаганды.

В отличие от «Волгоградской правды», публикации портала *«Областные вести»* (позиционируют себя как «главный портал региона <http://oblvesti.ru>, публикуют ежедневные новости Волгограда и области, среднемесячная аудитория – 250 тыс. просмотров в месяц) и *ИА «Высота 102»* (волгоградское информационное агентство (v102.ru), специализирующееся на общественно-экономической тематике и журналистских расследованиях, аудитория – более 2 млн. просмотров в месяц). критически относятся к деятельности «Единой России» и беспощадно фиксируют все промахи, связанные с деятельностью единороссов. Более того, наблюдается манипулирование информацией, когда деятельность представителей законодательной и исполнительной региональной и городской властей увязывается с брендом партии (так происходило с освещением деятельности Сергея Боженова, Ирины Гусевой и др.). Образ партии на страницах этих медиаресурсов невыгоден для «ЕР», поскольку в представлении этих СМИ «ЕР» – партия слабых политиков и управленцев, которые привели регион к стагнации и разрушению экономической и социальной сфер. Приведем ряд заголовков, иллюстрирующих этот образ.

«Областные вести»: «Обернется ли “перезагрузка” волгоградских единороссов доверием населения»; «“Единая Россия”: мандат на мандате. Сколько теперь их будет в гордуме?»; «Волгоградская “Единая Россия” приказала долго жить? По крайней мере, в нынешнем, полностью дискредитировавшем себя составе».

«Высота 102»: «“Единая Россия” чистит ряды»; «“Единая Россия” в Волгоградской области может проиграть самой себе»; «В Волгограде “Единая Россия” провела партийный сбор в рабочее время».

Отметим, что «Высота 102» более объективна в освещении деятельности «ЕР», чем «Областные вести», публикации которых зачастую страдают субъективизмом, в них преобладают не факты, а мнения.

Что касается тематического спектра публикаций, то основные темы – внутрипартийные события (20%), законотворчество (25%), выявление нарушений законодательства (в том числе коррупции) (15%), международная экспертиза (15%), социальные инициативы (15%). Тематика обусловлена программой партии и принимаемыми рабочими решениями.

Жанры публикаций, освещающих деятельность партии, – заметка (5%), отчет (25%), интервью (5%), корреспонденция (35%), статья (5%). На наш взгляд, образ «ЕР» дистанцирован от электората. Это связано и с тем, что жанровая палитра, в основном, нацелена на нерелексивное

восприятие информации аудиторией. Тексты фиксируют события, не вовлекая читателя в его суть. Поэтому необходимо расширить спектр публикаций, используя крупные жанровые формы, не только фиксирующие события, но и объясняющие их суть либо показывая партию через человека. Это, в частности, можно сделать, используя жанры статьи, репортажей, интервью и очерков. При этом следует избегать очевидных PR-текстов, комплиментарных и зачастую схематизирующих событие и личность.

Таким образом, исследование образа «Единой России» в СМИ Волгоградского региона показало, региональная пресса, субсидируемая из бюджета региона, комплиментарно освещает действия власти, привлекает слабых экспертов, что негативно сказывается и на СМИ, и на имидже власти.

Отметим еще тот факт, что в региональной практике СМИ сложился круг так называемых «медиатических» экспертов, которые не ведут серьезных исследований, но при этом регулярно дают комментарии в СМИ на различные темы [СМИ в меняющейся России 2010: 285]. В результате возникает имитация аналитике, что не способствует конструктивному диалогу СМИ и аудитории.

Библиографический список

Павлов П.В. Образ капитала в современной региональной журналистике (на примере телевизионных и печатных СМИ Челябинской области): Автореф. дис. ... к.ф.н. Екатеринбург, 2009. 24 с.

СМИ в меняющейся России / Под ред. Е.Л. Вартановой. М.: Аспект-Пресс, 2010. 336 с.

Смирнова Е.А. Медиакоммуникации как средство управления репутацией предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. № 8. 2009. С. 97–101.

E.A. Smirnova

Associate Professor of Literature and Journalism Department
Volgograd State University

THE REPRESENTATION OF INFORMATION ABOUT POLITICAL PARTY IN THE REGIONAL MEDIA

The article analyzes the techniques used in the coverage of political groups in the media, identified the problem areas of regional political media communications.

Key words: media communications; image; political communication; the regional media.

Тарарухина Елена Сергеевна
аспирант кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
tararukhina.lena@gmail.com

РЕЧЕВЫЕ ПРИЗНАКИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

В статье на материале интернет-публикаций анализируются явные и косвенные проявления религиозного экстремизма в речевой деятельности.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; судебная лингвистика; речевые признаки экстремизма; конфликтогенный текст; коммуникативная цель.

В современной социально-политической жизни общества религиозный вопрос занимает значительное место. По статистическим данным, число последователей того или иного вероучения составляет 55% жителей России. Исследователи называют в качестве характерных для начала XXI в. изменений в этой сфере «все большее разнообразие религий в условиях глобализации, <...> появление новых религиозных движений» [Синелина: эл. ресурс.]. Многообразие религиозных убеждений всегда было и остается одним из «факторов конфликтогенности», поэтому в условиях конфессиональной неоднородности общества мирное сосуществование разных религиозных групп требует от политических структур и гражданского общества приложения немалых сил для предотвращения конфликтов на религиозной почве.

Как в международно-правовых стандартах в области прав человека, так и в Конституции РФ запрещены «любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [Конституция Российской Федерации: эл. ресурс]. На территории нашей страны действует ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Федеральный закон: эл. ресурс]. Согласно положениям этого закона, к экстремизму приравнивается речевая деятельность, если порождаемые в ее ходе тексты направлены на «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию»; «пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности» [там же]. Правоведы и правозащитники подчеркивают, что с появлением за-

кона о противодействии экстремизму активизируется «бессмысленная, беспощадная и антиправовая по своей сути борьба с так называемым «религиозным экстремизмом...» [Бурьянов: эл. ресурс].

Конечно, многие религиозные тексты (вероучительные, такие как Библия или Коран, и их богословские толкования, проповеднические, экуменические тексты, произведения религиозной публицистики и др. [Мишланов, Салимовский 2015 (в печати)]) не представляют особых трудностей с точки зрения оценки их соответствия законодательным нормам. «Под законодательным запретом должно быть лишь возбуждение вражды к представителям других конфессий (как и других этносов, социальных групп), оскорбление чувств верующих, святотатство, демонстрация неуважения к святыням, призывы к насилию по отношению к иноверам, а также пропаганда этнической или расовой (но не религиозной!) исключительности или ущербности» [Мишланов, Тарарухина 2014: 143]. Тексты, в которых содержатся прямые призывы к насилию (к физическому уничтожению, депортации людей по религиозным мотивам) или оскорбительные, уничижительные высказывания, адресованные представителям тех или иных конфессий, как правило, не требуют специального лингвистического исследования для квалификации их как экстремистских. «Необходимость в лингвистической экспертизе такого текста возникает обычно тогда, когда коммуникативные цели выражаются косвенным путем, в той или иной степени завуалированно» [там же]. Кроме того, экспертное исследование, как правило, требуется для так называемых прозелитических текстов, авторы которых ставят задачей пропаганду своего вероучения и вовлечение в религиозную организацию (секту) новых членов. Решение этой задачи так или иначе требует от пропагандиста (проповедника) явно или подспудно противопоставлять догматы «истинного» вероучения иным воззрениям, но из такого противопоставления логически следует, что именно пропагандируемая религия обладает «исключительностью», а все прочие («неистинные») неполноценны.

В этой статье мы проанализируем публикации из Интернета, иллюстрирующие, на наш взгляд, некоторые признаки религиозного экстремизма, проявляющиеся в речевой деятельности.

Пример 1.

9.01.2015 г. на сайте [http:// vk.com/public39621035](http://vk.com/public39621035) был размещен текст «Православные должны быть дружными по отношению к язычникам, всем сердцем, а при встрече нежно обнимать и говорить *Благодарю*».

Работники Роскомнадзора и должностные лица правоохранительных структур (Центра по противодействию экстремистской деятельно-

сти) расценили данный текст как потенциально экстремистский, в связи с чем был составлен запрос на проведение судебной лингвистической экспертизы. На разрешение экспертов был вынесен вопрос:

Имеются в тексте <...> высказывания с коммуникативной установкой на возбуждение религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии?

Поставим себя на место лингвистов-экспертов и проанализируем данный текст под углом зрения вынесенного на экспертизу вопроса.

По признаку «субъект речи» текст данной интернет-публикации можно идентифицировать как произведение религиозной публицистики. Особенность этого жанра состоит в том, что их автор (здесь – мирянин) выражает не только и не столько религиозное мировоззрение, сколько определенную общественно-политическую позицию, отстаивает интересы определенной социальной группы [Мишланов, Салимовский, Мехонина 2015 (в печати)].

Текст в целом пропагандирует идеи славянского язычества и обосновывает общественную пользу распространения языческих верований. Характеризуя современных язычников как «русскую радикальную молодежь с ярко выраженными антисемитскими и антиисламскими настроениями», автор не выступает сторонним наблюдателем (безоценочно описывая идеологию язычников), а представляет язычество, разделяет его идеи, окрашивает текст положительно-оценочной модальностью. Речевые действия включают имплицитную перформативную и модусную формулы ‘Я говорю, что / хорошо, что’ «Это юноши и девушки, которые **не хотят терпеть, не приемлют толерантность и не соглашались быть рабами на собственной земле.** Не хотят подставлять щек... и считать оккупантов странниками, которых надо приютить. Православные, откройте свои глаза!»

Описывая современную ситуацию, автор выделяет три группы лиц по религиозному признаку: язычников, христиан и мусульман, противопоставляя их друг другу по принципу ‘свой-чужой’, что активизирует модус враждебности. Сравнение мусульман с оккупантами в нашей лингвокультуре нельзя расценить иначе, как открытое выражение враждебного отношения. В этом контексте призыв «Православные, откройте свои глаза!» не может быть расценен как согласующийся с антиэкстремистским законодательством. Казалось бы, эта фраза напрямую не призывает к осуществлению экстремистской деятельности, не возбуждает враждебных чувств, с формальной точки зрения не является призывом к осуществлению действий экстремистского характера. К чему же апеллирует в таком случае автор? С учетом контекста (эксплицитных и имплицитных)

цитных составляющих смысла текста в целом) это высказывание является призывом противодействовать распространению ислама («оккупации с Востока», т.е. призывом «не быть толерантными», «не подставлять щек», не «считать оккупантов странниками, которых надо приютить» (т.е., по логике вещей, изгонять «оккупантов», в том числе граждан России, переселившихся с Северного Кавказа).

Утверждение о том, что «язычники при всей своей специфике не считают христиан прямо такими уж врагами» и что «добрососедство русских язычников и русских христиан вполне нормальное явление», опирается на пресуппозицию, равную суждению о том, что добрососедство православных россиян с российскими мусульманами невозможно.

Автор, противопоставляя язычников христианам и представителям ислама, негативно настроен по отношению к православным, называя их «слабаками» и «алкоголиками», сторонники ислама характеризуются, казалось бы, положительно (ср.: «мусульмане умеют вербовать и распространять свою религию», «сильный и пассионарный ислам»). Но истинная коммуникативная цель заключается не в том, чтобы выразить позитивное отношение к исламу, а в ином. Во-первых, в этих характеристиках находит выражение одна из завуалированных коммуникативных целей – «просветить» («открыть глаза»), «воодушевить» (воздействовать на чувства) и побудить к действиям (чем мы хуже?). Во-вторых, в контексте всей статьи эти «сильные» качества ислама расцениваются как представляющие угрозу для российского общества.

Последствия «оккупации» описываются не прямыми утверждениями, а несколько завуалированно – с помощью высказываний с условной модальностью в значении реальной: «Вместе с общим числом исламистов росло бы и число фанатиков-радикалов, а значит, и терактов» (= будет расти). Иными словами, автор выявляет здесь прямую причинно-следственную связь: с увеличением количества исповедующих ислам растет число фанатиков-радикалов, а значит, терактов.

Таким образом, анализ текста публикации показывает, что в нем содержатся языковые выражения, направленные на возбуждение религиозной розни, пропаганду превосходства, либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии.

Пример 2.

Рассмотрим еще одну Интернет-публикацию, попавшую в поле зрения Роскомнадзора и правоохранительных структур. Речь идет о статье Арины Медведевой, размещенной на сайте <http://vk.com/kupalo214> (<http://vk.com/arinsha>). С точки зрения специалистов Центра по противодействию экстремизму, данная статья «предположительно носит экстремистский характер, поскольку имеет элементы возбуждения религиоз-

ной розни между представителями языческой общины «Родовище коло-врат», членом которой является автор статьи, и Русской православной церковью».

В статье описываются «наиболее интересные обряды, традиции, факты, касающиеся КУПАЛЫ» – языческого по происхождению праздника, который с принятием на Руси христианства был переосмыслен как праздник в честь Иоанна Крестителя (Яна Купалы). Автор, в частности, подчеркивает: *«Как изначально назывался праздник – стоит только догадываться, но, конечно, факт, что в честь Иона Крестителя (который крестит через купание, потому и Купала якобы) – праздник получил свое название только после крещения Руси. До христианства Иван (Ян, Иоан) в названии праздника и в его сути (тем более!), конечно, не упоминался».*

Автор, обращаясь к коллективному слушателю (как к своему, готовому выслушать разъяснения, разделить убеждения), вступает в полемику с русской православной церковью, которая в течение веков идеологически противостояла славянскому язычеству, вытесняя из народной культуры связанные с прежними верованиями обряды или на свой лад их переосмысливая. При этом он убежден, что речь в этом случае идет о мировоззренческих различиях, точнее о том, что славянское язычество опирается на мировоззрение, согласованное с законами природы, тогда как религия следует догмам, противоречащим этим законам («религия слаба против мировоззрения»): *«В общем, с искаженными названиями и датами – обычное дело: церковь в борьбе с языческими традициями притягивает христианские празднования к датам рождения или поминовения каких-то святых, пытаясь затереть языческую составляющую праздника, а также передвигает даты, чтобы окончательно лишить нас памяти. Но дело явно не идет: религия слаба против МИРОВОЗЗРЕНИЯ, основанного на законах природы и живущего с ним в одних ладах и частотах – именно таким мировоззрением является славянское язычество».*

Анализ содержания этой статьи не оставляет места сомнениям в том, что здесь проводится противопоставление русского православия и славянского язычества. Но имеются ли в данном случае основания полагать, что текст публикации направлен на возбуждение религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии?

Для нас очевиден отрицательный ответ на этот вопрос, и прежде всего потому, что оценочные суждения не имеют модальности «вражды и ненависти» и не относятся к гражданам, к тем, кто исповедует православие или язычество (стоит в связи с этим обратить внимание на за-

ключительную фразу: «Да простят меня братья-христиане. Просто констатирую известные всем факты...»).

Библиографический список

Бурьянов А.С. О необходимости отмены ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и иного «антиэкстремистского» законодательства. URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=8257//> (дата обращения: 27.03.2015).

Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru//> (дата обращения: 27.03.2015).

Мишланов В.А., Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Активные процессы в современной массовой коммуникации и проблемы судебной лингвистики (на материале конфликтогенных текстов региональных СМИ и Интернет-порталов) – Пермь, 2015. 244 с. (в печати).

Мишланов В.А., Тарарухина Е.С. Религиозный экстремизм и проблемы судебно-лингвистической экспертизы конфликтоного текста. Русская речевая культура и текст: материалы VIII Международной научной конференции (17–18 апреля 2014 г.), Издательство Томского ЦНТИ, Томск, 2014. С. 140–146..

Синелина Ю.Ю. Религия в современном мире. URL: <http://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire/> (дата обращения: 27.03.2015).

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html> (дата обращения: 27.03.2015).

E.S. Tararukhina

Postgraduate Student of Journalism and Mass Communications Department
Perm State University

VERBAL FEATURES OF RELIGIOUS EXTREMISM

On the material of internet publications author analyses explicit and implicit features of religious extremism in the speech activity.

Key words: religious extremism; law linguistics; language features of extremism; conflictogenic text; communicative goal.

Яруллин Денис Владимирович
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
d.v.yarullin@gmail.com

РЕКЛАМНЫЙ ФРЕЙМ: НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ

В работе исследуется рекламный фрейм (отражение типичной ситуации) как реализация образа желаемого будущего. Показано, что рекламный дискурс интертекстуален, поскольку создатель рекламы ориентируется на параметры ранее проведенного маркетингового исследования и конструирует рекламный образ на основе выявленных в ходе опроса ожиданий целевой аудитории. Образ создается через набор интертекстуальных признаков, которые образуют слоты фрейма. Опираясь на этот набор признаков, создатель рекламы выбирает определенный фрейм из исчислимого ряда. Реализация фрейма в рекламном сообщении становится, согласно замыслу рекламодателя, образом желаемого будущего для адресата.

Ключевые слова: фрейм; интертекстуальность; маркетинговая деятельность; речевая ситуация.

Реклама в настоящее время занимает все более значительное место в речевой практике социума. При этом рекламные тексты чаще всего рассматриваются с прагматической точки зрения. Исследуется их персуазивность, в частности использование манипулятивных техник. Важно иметь в виду, что различные рекламные тексты, при совпадении их прагматических практик, могут различаться своей эффективностью.

Поскольку текст рекламы и актуализированный в нем рекламный образ детерминированы параметрами ситуации общения, мы рассматриваем рекламное сообщение в контексте модели коммуникативной ситуации. Особый интерес для нас представляет модель К.А. Долинина [Долинин 1987], поскольку в ней коммуникативное событие рассматривается в контексте осуществляемой деятельности. Учитываются также классические модели К. Бюлера [Бюлер 1965] и Р. Якобсона [Якобсон 1975].

К.А. Долинин выделил следующие параметры речевой ситуации: а) партнеры по общению – адресант (отправитель, субъект речи) и адресат (получатель); б) референтная ситуация, представляющая собой фрагмент объективной действительности, с которым соотносено референциальное содержание высказывания; в) деятельностьная ситуация, в рамках которой происходит речевое взаимодействие; г) предметно-ситуативный фон, т.е. место и время общения, то, что происходит во-

круг, социальная, политическая и историко-культурная ситуация; д) канал связи, который может быть акустическим или визуальным, предполагающим наличие или отсутствие непосредственного контакта между коммуникантами [Долинин 1975: 19–22].

Заметим, ученый не ставил перед собой задачи эксплицировать понятие деятельностной ситуации. Мы же считаем важным отметить, что это понятие соотносится с высказанным М.М. Бахтиным еще в 1920-е гг. положением о том, что высказывание (текст) определяется не только ближайшей ситуацией общения, но и более далекой социальной средой, т.е. социальными связями и их реализацией в процессе деятельности (ср. [Салимовский 2006]).

Как известно, идеи М.М. Бахтина были восприняты и развиты классиками постмодернизма (Р. Барт (1973) и Ю. Кристева (1974)), разработавшими концепцию интертекстуальности. Под влиянием известных теоретиков структурализма и постструктурализма (см. работы Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Дерриды и др.), отстаивающих панъязыковой характер мышления, сознание человека стало отождествляться с письменным текстом как наиболее достоверным способом его фиксации. В результате понятие текста было экстраполировано на литературу, культуру, общество, историю, самого человека.

Положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который в свою очередь служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста. Важным следствием уподобления сознания тексту было «интертекстуальное» растворение суверенной субъективности человека в «текстах-сознаниях», составляющих «великий интертекст» культурной традиции. В соответствии с этими представлениями, автор всякого текста «превращается в пустое пространство проекции интертекстуальной игры» (Кристева, цит. по [Ильин 2001: 101]). Кристева подчеркивает бессознательный характер последней, отстаивая постулат имперсональной «безличной продуктивности» текста, который порождается как бы сам по себе, помимо сознательной волевой деятельности индивида: «Мы назовем интертекстуальностью эту текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [там же]. В результате текст наделяется практически автономным существованием и способностью «прочитывать» историю.

Содержание понятия интертекстуальности, используемого нами в дальнейшем при рассмотрении структуры рекламного фрейма, емко оп-

ределил Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Barthes 1973: 78].

С нашей точки зрения, материал рекламного текста является убедительным подтверждением этих постмодернистских идей. Действительно, рекламный текст создается на основе результатов маркетингового исследования, которое в каждом случае осуществляется по определенным параметрам, ориентированным на выявление ожиданий массового адресата. Например, отчет по проведенному аналитическим агентством «АВТОСТАТ» исследованию «Предпочтения российских покупателей на автомобильном рынке» состоит из общих разделов (анализ в целом по выборке и с разбивкой на четыре группы автовладельцев), в которых раскрываются такие параметры: потребительские предпочтения при выборе автомобиля, параметры покупки, удовлетворенность автомобилем и дилером, планы по смене текущего транспортного средства.

В разделе «Предпочтения потребителей при выборе автомобиля» рассматриваются причины покупки последнего транспортного средства; факторы, влияющие на выбор, в частности: стоимость, комфортабельность салона, ходовые качества (проходимость), внешний вид/дизайн, комплектация, системы безопасности, размер, расход топлива, объем и мощность двигателя, стоимость обслуживания и ремонта, гарантийный срок, цвет, престижность марки/модели и другие.

Раздел «Параметры покупки автомобиля» посвящен анализу поведения покупателей при выборе официального дилера, планируемой цены покупки и причины ее увеличения. Кроме того, оценивается влияние тест-драйва на выбор и параметры покупки в кредит.

Маркетинговое исследование включает также разделы «Удовлетворенность автомобилем и дилером» и «Планы по смене имеющегося автомобиля», каждый со своей рубрикой и анализируемыми характеристиками.

Указанные параметры являются факторами общественного сознания, их природа интертекстуальна. Подчеркнем, что активность субъек-

та (адресанта) в рекламном сообщении заключается именно в конструировании рекламного образа на основе эксплицированных ожиданий адресата (т.е. интертекста). Ведь сущность контакта между адресантом и адресатом — скрытое предложение того, что адресат де-факто уже изъявил желание получить. Адресант же узнал об этом желании при анализе результатов проведенного маркетингового исследования.

Проведенный анализ показал, что структура рекламного образа, объективируемого в креолизованном тексте, задается теми параметрами интертекста, которые были выделены в ходе маркетингового исследования. Создатель рекламы ориентируется на тот или иной признак товара, выделенный в маркетинговом исследовании как востребованный. Далее он выбирает модель типичной ситуации (фрейм в трактовке М. Минского) или несколько фреймов, которые включали бы это признак. Интертекстуальный признак в составе фрейма получает статус слота, а конкретные данные, собранные в ходе маркетингового исследования, становятся его значениями (например, параметр «планируемая цена покупки» становится слотом фрейма, а его значением — определенная сумма — 700 тыс. рублей).

Фрейм выбирается с учетом совокупности признаков товара, выделенных в маркетинговом исследовании. В распоряжении создателя рекламы имеется определенный исчислимый набор фреймов, которыми он оперирует. Данный набор формируется на основе типичных ситуаций в соответствующем интертексте, но не является закрытым множеством и допускает возможность расширения.

В случае с рекламой автомобилей примерами таких фреймов могут служить «поездка в городе на статусное мероприятие/бизнес-встречу» и «поездка с целью активного отдыха».

Рассмотрим первый из приведенных фреймов. Он опирается на выделенные в маркетинговом исследовании параметры: «планируемая цена покупки», «что означает покупка автомобиля», «желаемый новый автомобиль». Значениями этих параметров соответственно являются: «800 — 1000 тыс. рублей», «покупка престижа и статуса», «более престижный автомобиль». Создатель рекламного текста выбирает на их основе фрейм и заполняет недостающие слоты («одежда водителя» — деловой костюм, «время суток» — вечер или ночь, «место» — концертный зал, бизнес-центр и т.д.). Отметим, что слоты могут не включаться в фрейм напрямую, а быть слотами в субфрейме, который, в свою очередь, сам является слотом «базового» фрейма [Minsky 1974]. Так в приведенном нами примере фрейм городской поездки не содержит слотов «цена автомобиля» или «планы по его использованию», они включены в субфрейм «автомобиль для поездки».

Одни и те же параметры интертекста могут в зависимости от своих значений подходить к разным слотам. Опираясь на те же параметры, но уже с другими значениями («600 – 800 тыс. рублей», «покупка драйва и адреналина», «автомобиль с более мощным двигателем»), создатель текста легко может выбрать фрейм «поездка с целью активного отдыха» и заполнить уже его слоты («место» – загородная дорога, пляж, горы, лес, сельская местность, «время суток» – утро, «возраст участников» – 20–25 лет и т.д.). При этом вариативность фрейма как такового позволяет прийти к нему и через другой набор параметров. Например, «ходовые качества (проходимость)» и «объем и мощность двигателя».

Фрейм реализуется в рекламном тексте как образ желаемого будущего, причем акцентируется прямая связь между описанной ситуацией и наличием у адресата сообщения (потребителя) рекламируемого продукта.

Чаще всего рекламный текст содержит один-два фрейма, фокусируясь на конкретной целевой аудитории (т.е. определенном адресате, для которого будет актуален создаваемый рекламный образ желаемого будущего). Как свидетельствует наш материал, создатель рекламы сам определяет конкретные значения тех или иных слотов, а также самостоятельно выбирает средства их объективации непосредственно в тексте.

В связи с этим важной задачей становится изучение способов и техник объективации признака в знаке, которые, как нам представляется, оказывают существенное влияние на эффективность той или иной рекламной кампании при формальном совпадении интертекстуальных параметров.

Дальнейшее изучение проблематики конструирования рекламного образа предполагает разработку модели формализации для упрощения анализа предполагаемой эффективности рекламных текстов.

Библиографический список

Бюлер К. Теория языка // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.

Долинин К.А. Стилистика французского языка. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1987. 303 с.

Ильин И.П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. 384 с.

Имшинецкая И.А. Маркетинговая деятельность как экстралингвистическая основа рекламного текста // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации: Материалы Международной научной конференции. (Пермь, 5-7 октября 2005 г.). Пермь, 2005. С. 112–117.

Имшинецкая И.А. Жанры печатной рекламы // Лаборатория рекламы, маркетинга и Public Relations. 2005. №3. С. 28–32.

Салимовский В.А. Речевая ситуация // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожиной 2-е изд. М., Флинта: Наука, 2006. 696 с. С. 350–351.

Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. д.т.н. Р.Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 180–186.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Barthes, R. The Pleasure of the Text – Le Plaisir du texte. Paris: Seuil, 1973. URL: <https://emberilmu.files.wordpress.com/2011/08/roland-barthes-the-pleasure-of-the-text.pdf> (дата обращения: 16.04.2015).

Fillmore, C. J. Frame semantics and the nature of language: In Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. Volume 280: 20-32. URL: <http://www.icsi.berkeley.edu/pubs/ai/frame semantics76.pdf> (дата обращения: 16.04.2015).

Kristeva, J. La révolution du langage poétique – Paris: Seuil, 1974.

Minsky, M. A framework for representing knowledge. MIT AI Laboratory Memo 306, June, 1974. URL: <http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/Frames/frames.html> (дата обращения: 16.04.2015).

D.V. Yarullin

Student of Philological Faculty

Perm State University

FRAME IN ADVERTISING: PRINCIPLES OF ITS GENERATION AND ACTUALIZATION

The article is focused on the frame (reflection of typical situation) in advertising as an image of desirable future. It is shown that advertising discourse is intertextual as the advertisement creator uses parameters of the previously conducted marketing research and constructs the image in advertisement basing on target audience expectations. In turn, these expectations have been obtained via conducted research. The image is created with the set of intertextual attributes, which become frame slots. The advertisement creator chooses particular frame from the calculable collection using this attribute set. Frame realization in advertisement message becomes for addressee the image of desirable future according to advertiser's project.

Key words: frame; intertextuality; marketing activity; speech situation.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЯЗЫКЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

УДК 81'28

Бакланова Ирина Ивановна
зав. кафедрой русского языка
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ii-baklanova@mail.ru

СРАВНЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОПИСАНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале диалектной и художественной речи) ¹

В статье дается анализ устойчивых сравнений, использованных при описании трудовой деятельности. Делается сопоставление в употреблении сравнений, характеризующих работу крестьян (на материале пермской диалектной речи) и аналогичных единиц, примененных К.Г. Паустовским по отношению к писательскому труду (на материале произведения «Золотая роза»). Выявляется специфика употребления сравнений, обусловленная стилистической отнесенностью, характером описываемого труда (физический, интеллектуальный).

Ключевые слова: устойчивые сравнения; трудовая деятельность; диалектная речь; художественный стиль.

Сравнение относится к одному из средств выражения образности языка. Кроме того, сравнения – это один из способов познания мира: в них отражаются особенности мировосприятия, понимания жизни. Изучая их, можно отчасти понять психологию человека или народа, употребляющего эти сравнения.

Устойчивые сравнения в диалектах сегодня анализируются в разных аспектах. В нашем докладе предпринята попытка сопоставления сравнений, употребленных в пермских говорах, и сравнений, использованных К.Г. Паустовским в произведении «Золотая роза». Этот автор выбран неслучайно: К.Г. Паустовский придает огромное значение сравнениям: *«Сравнение вносит иногда удивительную ясность в самые сложные вещи»* [выделено нами. – И.Б.] [Паустовский 1988: 31]. Произведение, взятое для сопоставления, богато анализируемыми единицами, имеет образное название «Золотая роза». Образ золотой розы, собранной мусорщиком Шаметом из золотой пыли в ювелирной мастерской и вылитой в прекрасный цветок, проходит через все произведение и является

ключевым при описании писательского труда. «Таких золотых роз мало на свете, – говорила мать Шамета. – Но все, у кого они завелись в доме, обязательно будут счастливыми. И не только они, но и каждый, кто приронется к этой розе» [там же: 5].

Понимая, что сопоставление единиц разных стилей (разговорно-бытового, художественного), а также форм речи (устной, письменной), приведет нас к значительному различию в употреблении сравнений, мы выбрали лишь одно направление анализа: сопоставление сравнений при описании трудовой деятельности. В диалектной речи огромное число сравнений, характеризующих работу (именно так они ее называют), и повесть «Золотая роза» повествует о труде, только писательском.

Дадим определение понятия труд. Это «целесообразная деятельность, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей» [БТСРЯ 2003: 1348]. Труд диалектоносителя – это, чаще всего, физический труд, связанный с ведением крестьянского хозяйства. Результат труда – материальные предметы. Писательский труд – это целесообразная деятельность, результат которой интеллектуальный творческий продукт (произведение). Деятельность – это процесс, который состоит из определенных этапов: подготовка к труду, сам труд, полученный результат.

Этап подготовки к работе отражен К.Г. Паустовским и не показан в диалектном материале. Для автора «Золотой розы» важным в творческом процессе является ожидание замысла, наблюдение за жизнью людей, природы. В записках литератор писал: «Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутливая мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, – все это крупинки золотой пыли. Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою «золотую розу» – повесть, роман или поэму» [Паустовский 1988: 12].

Если у писателя созерцание мира – естественный процесс, то у диалектоносителей такое поведение приравнивается к бездействию и даже лодырничеству: *Чё как безлятвенный сидит! Помогай давай; Которы как на опаре прокиснут – проживут беззаботно, а я-то за свою жизнь много робыла...; Ходишь ты, как отень, зарабливай себе на кусок-от; Как Кирило он – ко рту ложку лень поднести; Ну чё ты тут расселася, как кисельна кадочка – айда скорей в магазин.* О человеке, мало приспособленном к труду, скажут *как интелего соломенное (Не можёт топор в руках держать, как интелего соломенное); как худая*

строшна (Она не дома, не в колхозе не любит робить-то, ходит как худая строшна, всё у ей в руках спит)².

Описание самой работы, отраженное устойчивыми сравнениями, в диалектных материалах дает представление о тяжелом, порой невыносимом труде: *Отец-от тёрся как санный полоз, жизни-то ему не было; Робята, остепенитесь маленько. Мать-то у вас бьется как муха в ухе; С раннего утра до позднего вечера матушка на работе, как в огне кипит; Я как проклянённый работал, а пензия маленькая; Чашки мью, скота управлю да, робятишки да – как на кружале день деньской хожу*. Есть и другие устойчивые сравнения: (*работать*) *как бурко* ‘много, интенсивно’; *как бурые волки* ‘напряженно, не покладая рук’; *как заведенные часы* ‘беспрестанно, бесперебойно’; *как подойная корова* ‘много, изнурительно’. Устойчивые сравнения указывают не только на напряженность работы, но и на ее цикличность, однообразие: все бесконечно, все идет по кругу (*как на кружале, как белка в колесе...*). Подтверждением этого является глагол *закружиться*, известный пермским говорам в значении ‘выполняя много дел, устать, перестать справляться с ними’.

У К.Г. Паустовского описание творческого труда связано с вдохновением. Вдохновение писатель сравнивает *с сияющим летним утром, только что сбросившим туманы тихой ночи, забрызганным росой, с зарослями влажной листвы...; с первой любовью, когда сердце громко стучит в предчувствии удивительных встреч, невообразимо прекрасных глаз, улыбок и недомолвок* [Паустовский 1988: 34] Творческий процесс похож на весну в природе; замысел – на молнию, ливень представляет собой воплощение замысла. Сравнения писателя поэтичны, романтичны. Они показывают, насколько радостно состояние писателя, да и творческого человека вообще, когда к нему приходит вдохновение. Вместе с тем, сравнения указывают на уникальность момента, на то, как трепетно должен относиться писатель к вдохновению.

Каким представляется результат труда?

В пермских говорах имеется незначительное число устойчивых сравнений, относящихся к результату выполненной работы: *Дом у их как корбеечка, любо-дорого посмотреть; Лидка да Сашка – счёт да выкладка. И зады у их увиты, как косатье гнездышко, умеют за хозяйством доглядывать*. Как видим, сравнения относятся к описанию дома и приусадебного хозяйства. Язык отражает объективную действительность: крестьяне либо работали по найму на хозяина, либо в колхозе, совхозе; они не получали результатов своего труда. По этой же причине работа воспринималась ими чаще всего как каторжная, тяжелая, непосильная, безрадостная. Обратим внимание на сравнение, описывающее

состояние человека после трудового дня: *как бельме* 'в состоянии усталости': *До того на работе устанешь, что домой как бельме придёшь.*

Результат интеллектуального труда – готовое произведение – К.Г. Паустовский сравнивает с золотой розой, собранной из золотой пыли и превращенной в прекрасный цветок: «Золотая роза Шамета! она отчасти представляется мне прообразом нашей творческой деятельности. Удивительно, что никто не дал себе труда проследить, как из этих драгоценных пылинок рождается живой поток литературы» [там же: 12].

Анализ устойчивых сравнений показал, что и в диалектных материалах, и в художественной речи образцом для сравнения стали слова, обозначающие красивые, аккуратно сделанные предметы (*коробеечка, косатые гнездышко, золотая роза*).

Интересным для сопоставления видится и возможность устойчивых сравнений отражать способность к труду. В диалектных сравнениях способность / неспособность к физической работе эксплицитно не проявляется. Имплицитное ее выражение мы находим в устойчивых сравнениях: *как копыл, как якорь, как клин*, указывающих на людей с крепким здоровьем и, следовательно, способных работать. Можно говорить о системной представленности подобных единиц: в говорах Пермского края имеются антонимичные устойчивые сравнения, указывающие на полных, худых, неповоротливых людей. Все эти признаки свидетельствуют об обратном – о неспособности работать в полную силу. Но, независимо от возможностей, крестьяне все должны были работать. А вот интеллектуальным писательским трудом может заниматься не каждый. «Писательство – не ремесло и не занятие. Писательство – призвание» [там же: 14].

Сопоставим единицы, ставшие основанием для сравнения, в диалектной речи и в речи художественной. Диалектоносители при сравнении пользуются бытовыми понятиями: *опара, ботень* (бревно), *копыл* (крепление в санях), *муха, кружало* и др. Исследователи в области метафоры воспринимают ее как «основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи них тот мир, в котором он живет» [Лакофф 1990: 390]. Это высказывание актуально и для образного сравнения. Сравнения в диалектах строятся на бытовых, необразных соответствиях, эти предметы окружают носителей говоров.

В художественной речи при описании интеллектуальной деятельности К.Г. Паустовский использует в качестве эталона сравнения другие понятия: *Тогда эта романтика окружала в моих глазах земной шар, подобно плотной атмосфере; Это увлечение [экзотикой при написании*

стихов], конечно, не исчезло у меня сразу. Оно держалось долго, как держится стойкий запах сирени в садах; Настоящая литература – как липовый цвет [Паустовский 1998: 20, 21, 82]. Вдохновение как первая любовь и проч. Как видим, сравнения писателя основаны на более поэтичных образах, обозначенных в русском языке существительными, называющими отвлеченные понятия (атмосфера, любовь), растения (липа, сирень).

Подводя итоги сопоставления, отметим, что сравнения действительно являются способом характеристики трудовой деятельности человека. Они используются как при описании физической, так и интеллектуальной работы. Противопоставление физического труда и интеллектуального выявило ряд особенностей. При описании физического труда обнаружилось противопоставление *работать (двигаться) – лениться (лежать, сидеть, стоять)*, в интеллектуальном труде важно, напротив, созерцание жизни, способствующее рождению замысла, накоплению материала. Важным оказался некий пассивный, как может показаться со стороны, этап труда.

Сравнения показали существенные различия в стилистическом плане: в диалектной речи сравнения отсылают к бытовым предметам, реалиям крестьянского быта. Лексика, соответственно, используется разговорная, часто имеющая экспрессивную окраску. А сравнения в художественной прозе К.Г. Паустовского являются авторскими, хотя в ряде случаев и ожидаемыми. Сравнения в художественном стиле отсылают не только к конкретным предметам, но и абстрактным понятиям. В сравнениях К.Г. Паустовского отражено особое, художественное, мировидение, мирописание. Писатель планомерно работал над словом, продумывал свои высказывания, вынашивал образы, отшлифовывал метафоры, сравнения. Тем более интересным видится изучение устойчивых сравнений в живой речи (в нашем случае диалектной), поскольку в непосредственном общении у говорящего нет времени на обдумывание не только сравнения, но порой и самого высказывания.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00437 «Свое» и «чужое» в условиях межкультурного взаимодействия (на материале памятников письменности, живой речи и ономастики Пермского края)».

² Здесь и далее примеры взяты из диалектных словарей Пермского края (см. список источников).

Источники

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / Под ред. Ф. Л. Скитовой. В 6-ти вып. Пермь, 1984–2011.

Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. В 2-х т. Пермь, 2000–2002 гг.

Библиографический список с сокращениями

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинет. 2003. 1534 с.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–416.

Паустовский К. Г. Золотая роза // К. Г. Паустовский. Повесть, рассказы. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988. С. 3–222.

I.I. Baklanova

Head of Russian Language Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

SIMILIE AS ONE OF THE WAYS OF PROFESSIONAL ACTIVITY DESCRIPTION (on the material of dialect and artistic speech)

Set similie used in professional activity description is analyzed in the article. Similie confrontation in use is given that characterize peasants work (on the material of Perm dialect speech) and similar units used by K.G. Paustovskiy in relation to literary work (based on ‘Golden Rose’ work). Peculiarities of similie usage, determined by stylistic relatedness and type of the described work (physical and intellectual), are revealed.

Key words: set similie; work; dialectal speech; artistic style.

Боброва Мария Владимировна
доцент кафедры русского языка
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
bomaripgu@yandex.ru

Нечаева Лидия Сергеевна
начальник редакционно-издательского отдела
Издательского центра
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
lida.nechaeva@gmail.com

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ЖИВОТНЫЕ» В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ
ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «БОЛЕЗНЬ» И
В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗВИЩАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ ¹**

Статья посвящена вопросу репрезентации семантической группы «Животные» в диалектной и современной антропонимической лексике. Сопоставлены данные, относящиеся к тематической группе «Болезнь» в говорах и к современному ономастикону Пермского края. Описана специфика реализации в них лексических мотиваторов, предметных и культурно-семантических мотивационных признаков. Сделаны выводы о сходстве, но не тождественности репрезентации семантической группы в лексике указанных типов, отражающей традиционную и современную языковую картину мира.

Ключевые слова: пермские говоры; тематическая группа «Болезнь»; антропонимия; современные прозвища; семантическая группа «Животные»; Пермский край.

Настоящее исследование предпринято в русле антропологической проблематики, актуальной для лингвистики последних десятилетий. Языковые материалы рассмотрены нами в лингвокультурологическом аспекте, предполагающем изучение языка как культурно обусловленного феномена, а именно в его связи с мировосприятием и мировоззрением носителей данной языковой системы. Такая обусловленность может трактоваться как культурная мотивированность, которая, по мнению Т.И. Вендиной, заключается в аккумуляции в значении той или иной лексемы особенностей восприятия мира, исторического опыта и генетической памяти народа [Вендина 1998: 12]. В терминологии Е.Л. Березович это культурно-семантические признаки – смысловые

компоненты, не входящие непосредственно в лексическое значение слова и выражающие факультативные признаки понятия, которые, тем не менее, являются устойчивыми для данного языкового сообщества и отражают культурно-детерминированный выбор носителей языка [Березович 2007: 20].

При этом нас привлекает идея не точного копирования в языке представлений об окружающем мире и социуме, но идея интерпретативного характера языка, которую выдвигал, в частности, А.Ф. Лосев. Вследствие этого обретают значимость работы по сопоставлению лингвистических единиц, обслуживающих разные формы бытования языка.

В настоящем случае нами «сталкиваются» для сопоставления народные представления о болезни и современные представления о человеке как социальном существе. С этой целью проанализирована диалектная лексика тематической группы (далее – ТГ) «Болезнь» и прозвища (далее СПП – современные пермские прозвища) конца XX – начала XXI в., культурно мотивированные лексикой семантической группы «Животные», подгрупп «Млекопитающие», «Грызуны», «Земноводные», «Пресмыкающиеся». Минимизации погрешности выводов должно способствовать обращение к лексическим данным одного региона: исследована лексика, функционирующая в речи жителей только Пермского края (диалектные слова и фразеологизмы по данным диалектных словарей и картотек – см. список источников; прозвища собраны нами).

Лексика ТГ «Болезнь» близка к терминологической, и, полагаем, она создает образ болезни, который формировался веками и опирается на концептуальное для русской культуры восприятие животных. Прозвища имеют высокую степень случайности, но, предполагаем, создают образ современного человека с опорой на те же концептуальные представления. На этом основании мы берем на себя смелость сблизить столь различный материал, считая любой (даже отрицательный) результат сопоставления научно значимым.

Выбор семантических подгрупп не случаен, поскольку уже известна особая культурная маркированность наименований животных указанных видов в традиционной русской культуре. Интерес представляет вопрос о сохранении / утрате / видоизменении такой маркированности в сознании современного носителя русского языка.

Мотивационные модели «Животное > болезнь», «Животное > человек» оказываются в числе востребованных. Сопоставимы уже количественные показатели: зафиксировано около 600 лексем и фразеологических единиц ТГ «Болезнь», из них с представлениями о животных связано около 60 (10%). Среди собранных нами прозвищ (всего около 3000) более 350 (т.е. примерно 12%) относятся к данной группе.

Расхождения наблюдаются в лексическом наполнении групп и в мотивационных признаках. «Болезненная» лексика отвечает термину «тематическая группа» и отражает синтагматические связи понятий: она может мотивироваться названиями животных, их действий, частей их тела, указанием на принадлежность им или сравнением с животным; как следствие, здесь обнаруживаются лексемы различных лексико-грамматических классов. Прозвищная лексика отвечает термину «лексико-семантическая группа» и отражает парадигматические связи понятий: прозвища, в силу своей специфики, за редким исключением производны от существительных; изученные прозвища мотивированы названиями животных и их видов / пород, частей их тела, названиями их детенышей, кличками, названиями и кличками животных – персонажей фольклорных / авторских произведений, наименованиями групп животных.

Рассмотрим особенности наполнения мотивационных групп диалектной лексики ТГ «Болезнь», объединив их на основании общности лексико-грамматических характеристик, денотата, мотивационных признаков и культурологических составляющих (см. также, в частности, [Нечаева 2014]).

1. Номинации болезней, мотивированные названиями животных и их действий.

1) Лексика, представленная существительными.

Пермские диалектные материалы отвечают общерусской тенденции: при номинации болезней и болезненных проявлений очень продуктивны названия «гадов», к которым народное сознание причисляет земноводных, пресмыкающихся, насекомых, некоторые виды млекопитающих (мышей, крыс) и змееподобных рыб (вьюны, угри) [СД 2: 217–218; Гура: эл. ресурс].

Мышá ‘спазм в горле’, *мышáк* ‘опухоль на теле домашнего животного’, *мышá*, *мышки*, *мышш* ‘воспалительное увеличение подкожных шейных лимфоузлов у коров, лошадей’, *мышьяк* ‘нарыв, фурункул’². Мотивационный признак номинаций – внешнее сходство болезненных новообразований с округлым телом грызуна. Здесь использован мифологизированный в традиционной культуре образ мыши, которая может выступать в качестве духа – помощника колдуна, вселяющегося в тело человека и вызывающего болезненные состояния [РДС 1995: 241].

Змеевѣц, *змеёвик*, *змеёвич*, *змеёвич* ‘гнойное воспаление, поражающее большой участок тела, кости или отдельные органы’. Возможно, в названиях отражается народное представление о том, что болезнь проникает в тело человека в виде змеи или червя, либо мотив укуса, поражения ядом как причины болезни или болезненного состояния.

Жаба сердца ‘болезнь сердца’ и *горловая жаба* ‘болезнь, вызываемая наговором’ имеют значение ‘болезнь, вызываемая посредством порчи’. Проникновение жабы или лягушки в тело человека является одним из частотных мотивов мифологических рассказов, бытующих на территории Пермского края и за его пределами. Но в пермских текстах лягушка или жаба нередко выступают в качестве вселенного колдуном злого духа, который вызывает болезнь (подробнее о зооморфном облике вселенных в тело человека духов см.: [Русинова 2013]). Жаба подобно мыши и змее относится к разряду «гадов», и показательно, что в пермских говорах этим словом обозначают также и змею.

Песяк, пессяк, песьяк ‘ячмень, острое гнойное воспаление волосяной луковицы ресницы и сальной железы века’. Данные номинации основываются на сходстве глаз больного человека с собачьими глазами, которые нередко слезятся и выглядят воспаленными. Кроме того, образ собаки также культурологически нагружен: он часто используется для номинации различных болезней, поскольку является источником многочисленных негативных коннотаций [Березович 2007: 505, 514–515].

Мифологизированность образа животных, чьи названия легли в основу указанных номинаций, поддерживается использованием таких животных в ритуальных медицинских практиках – для лечения подобного подобным. Так, например, по замечанию Е.Л. Березович, как реципиент и источник различных способов лечения в русской культуре выступает собака [там же: 515]

2) Лексика, представленная глаголами и отглагольными существительными.

Собаки рвут ‘ощущается сильная боль’, *грызть* 1) ‘о наличии грыжи у кого-либо’, 2) ‘о тупой, ноющей боли’, *нагрызть* ‘появиться на теле (о наросте, опухоли)’, *изъесть* ‘вызвать режущую боль, заставить слезиться (о глазах)’.

Костоглод, костоед ‘воспаление костной ткани, сопровождаемое ее разрушением’. Нельзя говорить о непосредственной зоонимической мотивации данных номинаций, но внутренняя форма (производность от *глотать, есть*) указывает на то, что причиной и возбудителем такого заболевания, с точки зрения диалектоносителей, является живой организм.

Как мы видим, в качестве мотиваторов выступают глаголы с семантикой нападения, кусания и поедания. Подобная мотивационная модель строится на основе метафорического переноса (*действие животного* → *характер болевых ощущений* или *действие животного* → *характер повреждений*) и мифологическом мотиве поедания болезнью организма человека.

2. Номинации болезней, мотивированные названиями органов, частей тела животных.

Соба́чья ти́тька, су́чья ти́тька, соба́чья (су́чья) ти́тьки, су́чье вы́мя, соба́чья со́ски ‘воспаление лимфоузлов в подмышках; несколько фурункулов, расположенных рядом’ В основе номинаций, очевидно, лежит сходство нарыва с молочной железой собаки. Выбор языковым сознанием «собачьей» тематики в качестве мотиватора можно рассматривать вновь как проявление культурной мотивированности. Но для нас очевидна также связь с тем, что собака – домашнее животное, (а) распространенное и (б) наиболее близкое человеку по особенностям поведения и интеллектуальным проявлениям. Вполне естественными поэтому видятся параллели именно с этим животным и в случае номинации физиологических (болезненных) состояний.

Во́лос, ко́нский во́лос ‘водяной червь, который, по суеверным представлениям, пробирается под кожу во время купания в запрещенное время и является причиной болезни’. Номинация строится на мотиве проникновения червя в тело человека, типичном для традиционной культуры. Это позволяет дать логическое объяснение внезапному ухудшению здоровья человека, произошедшему без явных на то причин.

3. Номинации болезней с посессивной мотивацией.

Медве́жья боле́знь ‘диарея, начавшая от сильного страха или нервного напряжения’, *кури́чья (ку́рья) слепо́та* ‘расстройство зрения, выражающееся в ослаблении или неспособности видеть предметы при сумеречном и ночном освещении’, *лошади́ный жор* ‘неуемный аппетит’, *соба́чья (лягу́шья, коро́вья и пр.) ста́рость* ‘детский рахитизм’, *соба́чья ста́рость* ‘болезнь ребенка, проявляющаяся в бессоннице, отсутствии аппетита, расстройстве желудка, истощении’. В основе номинаций лежит перенос особенностей физиологии животных на человека, внешнее сходство с человеком (например, при характерном для рахита искривлении ног, увеличении живота). Отдельные единицы имеют также культурную мотивировку (*лошади́ный* – через мотив чрезмерности, *соба́чий* – по причинам, указанным выше).

4. Номинации болезней компаративного типа.

(Как) ди́кая ба́ля ‘о психически ненормальном, о глупом человеке’. В основе номинации – представление о глупости овец, которая может усугубляться неадекватным поведением.

Лежа́ть как волчи́ха ‘болеть; быть старым’. Возможно, номинация определяется взаимосвязанностью образа волка с образом собаки, выступающим источником отрицательных коннотаций.

Как лягушу съедено 'болезненное состояние, при котором сильно урчит в животе'. Наименование ассоциативного характера, которое строится на схожести звуков лягушечьего кваканья и урчания в животе.

В основе номинации данного типа может лежать сравнение человека с животным на уровне внешних или поведенческих особенностей.

Таким образом, ТГ «Болезнь» в говорах Пермского края свойственны следующие особенности.

1. Количество лексем, относящихся к семантической группе «Животные» и обнаруживаемых в названиях болезней и болезненных состояний, относительно невелико: *баля* 'овца', *волчиха*, *жаба*, *змеевец*, *змеёвик*, *змеевич*, *змеёвич*, *лягуша*, *мыша*, *мышка*, *мышь*, *мышьяк*, *песяк*, *пессяк*, *песьяк*, *собака*; *волос*, *вымя*, *сосок*, *титька*; *коровий*, *куричий*, *курий*, *конский*, *лошадиный*, *лягуший*, *медвежий*, *собачий*, *сучий*; *глодать*, *грызть* / *нагрызть*, *есть* / *изъесть*, *рвать*.

2. Такие лексемы репрезентируют предметные понятия «пес», «собака», «овца», «мышь», «жаба», «лягушка», «змея», «волчиха», атрибутивные понятия «собачий», «сучий», «коровий», «лошадиный», «конский», «куриный», «лягушечий», «медвежий», акциональные понятия «глодать», «грызть», «есть», «рвать». Немногочисленная анималистическая лексика в данной ТГ связана с представлениями об относительно небольшом ряде животных, значительная часть которых – те, которые обитают в непосредственной близости от человека.

3. Понятия о животных репрезентируются преимущественно на основе сходства проявлений болезней и болезненных состояний с внешними особенностями, результатов болезней – с результатами воздействия на что- или кого-либо этих животных.

4. Изученная лексика имеет также культурную мотивацию. В этой связи могут актуализироваться представления о таких способах возникновения и проявления болезни: а) болезнь – демоническое животное (обычно некрупное), проникающее в организм человека или внедряемое туда посредством вредоносной магии; б) болезнь – хищное животное; в) болезнь делает человека подобным животному; г) болезнь является следствием контакта с животным и излечивается с его же помощью.

5. Все мотивирующие лексемы – наименования животных – вписываются в традиционную картину мира, репрезентируя сферы человек – дом – двор – село – поле – лес.

Специфична репрезентация семантической группы «Животные» в современных пермских прозвищах (см. также [Боброва 2015]). В силу специфики материала представим его общее описание.

В исследованных нами антропонимах животный мир представлен значительно разнообразнее. Так, только русских и русифицированных

корневых морфем в СПП выявлено 74, такая лексика репрезентирует зоонимические понятия предметного характера и лишь одно атрибутивное (*Кошкина Мама*). Приведем их список с указанием частотности употребления: кот- / кош- (25), мыш- (16), звер-, зай- (по 12), коз-, мартышк- (по 10), бобёр- / бобр-, крыс-, хомяк- (по 9), белк- (8), ёж-, суслик- (по 7), крокодил-, кролик-, слон- (по 5), баран-, лис-, лошад-, мамонт-, медвед-, обезьян-, черепах- (по 4), бизон-, головастик-, кис-, крот-, лос'-, тушканчик- (по 3), бабуин-, бегемот-, бык-, волк-, гиббон-, жаб-, горыныч-, кабан-, кенгуру, кляч'-, кон'-, лягуш-, макак-, норк-, олен'-, пудел'-, скунс-, чебурашк-, шимпанзе (по 2), аллигатор-, барсук-, буйвол-, бурундук-, гиен-, грызун-, жираф-, змей-, зоосад-, кальмар-, кит-, кут'-, лайк-, лемминг-, мопс-, омар-, панд-, пантер-, поросёнок-, рыс'-, такс-, тюлен'-, удав-, утконос-, хорёк-, хряк-, ящер- (по 1) (всего 260 СПП).

Список демонстрирует приоритет названий домашних и местных животных, что отвечает тенденции, выявленной для диалектной лексики ТГ «Болезнь». Наименования представителей иной фауны и названия групп животных единичны. Это характерно и для городских, и для сельских прозвищ. Та же особенность свойственна варваризмам (преимущественно англицизмам: *Бэр* ('медведь'), *Маус* ('мышь'), *Фокс* ('лис(а)'), но ср. коллективное прозвище *Зу* ('зоопарк'), *Кэмэл* ('верблюды')), коллективным антропонимам (*Бараны, Белки, Бобры, Волчата, Звери, Козлы, Козлята, Мыши*, но ср. *Кенгурята, Мартышки*).

Прослеживается также определенная закономерность в употреблении наименований представителей не местной фауны. Выделяются единицы типа *крокодил, мартышка, макака, слон* и под., которые уже закрепились в русской культуре, в каких-то случаях даже проникли в русскую фразеологию и обнаруживаются в прозвищах представителей любых социальных и территориальных групп. В то же время очевидна обособленность, так сказать, «культурно неспецифичных» для русского языка фаунистических названий (типа *гиббон, жираф, кенгуру, лемминг, панда, скунс* и др.), обычно единичных в употреблении, которые актуализируются в школьном и молодежном антропонимиконе.

Использование искусственных лексем также специфично, но и закономерно. Обращает на себя внимание, во-первых, то, что окказиональные единицы (*Бабуинос, Гиббонга, Зверус, Зверяка, Зверик, Зверка, Мышара, Мышица*, др.) встречаются преимущественно в речи школьников и молодежи, а также филологов; во-вторых, то, что наименования персонажей сказок, классических произведений, а также книг / мультфильмов советского периода (*Бим, Горыныч, Каштанка, Леопольд, Сивка-Бурка, Фунтик, Чебурашка* и др.) употребительны в прозвищах представителей разных социальных и территориальных групп, в то вре-

мя как в антропонимии постсоветских поколений частотны наименования персонажей новых, преимущественно иностранных произведений (*Балу, Гуфи, Лосяш, Пумба, Симба, Скиппи, Чип и Дэйл*, др.).

Исследованные СПП позволяют также выйти на концептуальный уровень и говорить о наиболее значимых понятиях из сферы «Животные». Используемая в антропонимах лексика разнообразна, но отдельные единицы демонстрируют тенденцию к централизации, что (при более глубоком изучении), полагаем, позволит говорить об отражении в современных русских прозвищах концептов русской культуры. Так, среди СПП наиболее востребованным оказывается понятие «кот (кошка)»: группу русских антропонимов образуют 42 прозвища, включающие как прямые номинации (*Кот, Кошка, Котёнок*), так и производные (ср. *Киса, Коток, Кот Котофеич*), искусственные (*Леопольд*) единицы, пространенные клички (ср. *Барсик, Мурзик, Мурка, Муська*).

Менее востребованы понятия «обезьяна», «мышь», «собака», «заяц», «медведь», «зверь», «коза», «лошадь», «свинья», «бобер», «хомяк», «овца», «корова», «белка», «ёж», «крыса», «суслик», «крокодил», «лиса», «слон» и др. (перечислены по убывающей показателей частотности). В соответствии с научной классификацией в СПП наиболее актуальны наименования животных семейства грызунов (95), парнокопытных (50), кошачьих (45), псовых / собачьих / волчьих (24), приматов (23), пресмыкающихся (19), непарнокопытных (16), медвежьих (15).

Как видим, данный ряд поддерживает наблюдения, сделанные в отношении словообразовательных гнезд. Кроме того, эти данные соотносимы с теми, которые выявлены на основе диалектной лексики.

Принципы отбора языкового лексического материала в СПП также подчиняются определенным закономерностям. Помимо наиболее многочисленных отфамильных и отыменных наименований, обнаруживаются метафорические антропонимы, характеризующие их носителя по особенностям внешности, поведения, манерам, пристрастиям, а также иллюстрирующие некоторые экстралингвистические факторы (например, представления о плодовитости кошек отражены в прозвище *Кошка*, принадлежащем женщине, родившей несколько детей-погодков), метонимические единицы (ср. перешедшее от отца к сыну прозвище *Лось*, прозвище *Вась-Вась* человека, который регулярно использует такой вокатив для подзывания ушедшего из дому кота). При этом в отдельных зоонимических понятиях, отраженных в СПП, обнаруживаются подвижки в свойственных им традиционных культурных коннотациях, ярко представленных в диалектной лексике. Так, например, образ собаки в большинстве случаев лишается негативных характеристик и привлекается преимущественно для описания внешности человека, причем с этой

целью вместо «родового» понятия «собака» часто используются видо-вые типа *Мопс, Такса* и под. (но ср. *Лайка* – прозвище бранчливой женщины). В то же время образ грызунов-вредителей (мышей, крыс) по-прежнему наиболее востребован при указании на чьи-либо негативно оцениваемые особенности. Наблюдается также смена востребованных образов: например, при указании на неадекватность поведения в диалектной речи апеллируют к понятию «овца» (*как дикая баля*), в современных прозвищах вместо него обнаруживаем понятие «обезьяна».

Таким образом, современным прозвищам жителей Пермского края свойственны следующие особенности.

1. Лексемы, связанные с семантической группой «Животные» и обнаруживаемые в русских по происхождению СПП, разнообразны. Количественно они значительно превосходят узкую группу диалектных слов ТГ «Болезнь», имеющую терминологический характер.

2. Зоонимы в СПП связаны представлениями о довольно большом ряде животных, значительная часть которых – домашние и / или обитающие в непосредственной близости от человека. Это аналогично диалектной лексике ТГ «Болезнь».

3. Понятия о животных репрезентируются в СПП преимущественно на основе формального сходства фамильных и именных антропонимов носителей прозвищ с лексикой семантической группы «Животные» (паронимически), пространственной или временной смежности (метонимически) либо на основе сходства номинируемого человека с животным по особенностям внешности, поведения, манерам, пристрастиям и др. (метафорически). Последняя тенденция коррелирует с особенностями отбора лексики в диалектной ТГ «Болезнь».

4. Отбор зоонимов в СПП, как и в случае с ТГ «Болезнь», подчиняется принципам культурной мотивированности. Вместе с тем на современном этапе наблюдаются процессы трансформации культурно-семантических признаков актуальной лексики, вызванные, в частности, возрастанием роли социальных факторов, таких, как «возраст», «образование», «социальное положение», «место проживания», а также индивидуальными предпочтениями номинаторов. Трансформируются группы «культурно маркированной» лексики, культурные коннотации, свойственные тем или иным понятиям.

5. Мотивирующие СПП лексемы – наименования животных – уже не вписываются полностью в традиционную картину мира, нередко выходя за пределы (в терминологии этой теории) «освоенной части мира» и представляя сферу «внешнего (неосвоенного) мира».

В итоге мы можем утверждать, что представления о животных актуальны как для традиционной, так и для современной картины мира.

При этом лексика семантической группы «Животные» репрезентируется в диалектной лексике и в современных прозвищах сходным, но не тождественным образом.

1) Специфика использованного материала предопределила, так сказать, «степень погрешности» показателей и выводов. Как и следовало предполагать, круг зоонимов в диалектной ТГ уже, чем среди прозвищ. Это естественно при сопоставлении лексики диалектной ТГ, близкой по своим особенностям к терминологической и являющейся общеупотребительной среди достаточно широкого круга лиц, на обширной территории, – и индивидуальных прозвищ, употребление которых ограничено узким кругом лиц.

2) В обоих случаях актуализируются предметные (прежде всего метафорические) и культурно-семантические мотивационные признаки.

3) Зоонимам диалектной ТГ практически не свойственна лексическая (но не словообразовательная) вариативность и взаимозаменяемость понятий, но свойственна конкретность внутренней формы. Это отличает их от зоонимов в прозвищах, где при выборе мотивирующего слова главным требованием оказывается вхождение лексики в одну предметную область (обычно на основе ассоциативных связей), родо-видовая взаимосвязанность понятий.

4) В диалектной ТГ «Болезнь» актуализированы зоонимы, ограниченные рамками традиционной картины мира и являющиеся общеизвестными и общеупотребительными. Актуальная лексика в СПП включает такие наименования как базовые (входящие в число наиболее частотных), но фактически разрастается до области знаний, широта которой обусловлена социальным статусом номинаторов.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00437а).

² Здесь и в деле лексические единицы и примеры их употребления взяты из диалектных словарей Пермского края (см. список источников).

Список источников

Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края.

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.

Словарь пермских говоров: в 2 т. / под. ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

Словарь русских говоров Коми-пермяцкого автономного округа. Пермь, 2006.

Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1 (А-В).

Словарь русских говоров Южного Прикамья / И.А. Подюков (гл. ред.), С.М. Поздеева, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3.

Библиографический список с сокращениями

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. 600 с.

Боброва М.В. Названия гриба валуй в русских говорах: мотивационный аспект // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2014 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2014. С. 81–99.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

Гура А.В. Гады // Словарь Дом Сварога. Славянская мифология // URL: <http://pagan.ru/slowar/g/gady0.php> (дата обращения: 10.04.2013 г.).

Нечаева Л.С. Основные мотивационные мотивы СП «Болезнь» (на материале русских говоров Пермского края) // Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии: монография / под общ. ред. И.И. Русиновой. Пермь, 2014. С. 76–111.

РДС – Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т.А. Новичкова. СПб.: Петерб. писатель, 1995. 640 с.

Русинова И.И. Мотивационный анализ названий «вселяющихся» духов (по данным говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1(21). С. 18–27.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т. 2. 702 с.

M.V. Bobrova

Associate Professor of Russian Language Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

L.S. Nechaeva

Head of Editorial and Publishing Department of Publishing Centre
Perm State University

REPRESENTATION OF SEMANTIC GROUP “ANIMALS” IN THE DIALECT LEXEMES OF THEMATIC GROUP “ILLNESS” AND IN THE MODERN NICKNAMES OF PERM LAND

The article is about representation of a semantic group (“Animals”) in the dialect and in the modern anthroponimic lexemes. Data of the thematic group “Illness” in the dialects and in the modern onomasticon of Perm Land are compared. Specificity of realization of the lexical motivators, objective and cultural and semantic motivation signs is described. Similarity but not identity of representation of semantic group in the lexemes of the specified types which reflect the traditional and the modern language pictures of the world, concluded.

Key words: dialectology; thematic group “Illness”; anthroponymy; modern nicknames; semantic group “Animals”; Perm Land.

Гранова Мария Андреевна
студентка филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
marjanaandreeva@mail.ru

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ
«ЧЕЛОВЕК СО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМИ СВОЙСТВАМИ»
(по материалам мифологических рассказов
Пермского края и Архангельской области) ¹**

В статье описаны алгоритм разработки, структура и возможности применения лексической базы данных «Человек со сверхъестественными свойствами». В базу включена лексика со значением «колдун, знахарь», функционирующая в говорах Архангельской области и Пермского края. База данных состоит из трех основных разделов: «Картотека», «Поиск» и «Справочник». Информация, представленная в базе, может использоваться для сравнительных исследований региональных традиций Пермского края и Архангельской области, либо локальных традиций в рамках одного региона.

Ключевые слова: лексическая база данных; колдун; знахарь; говоры Архангельской области; говоры Пермского края.

Изучение русских мифологических представлений началось с XVIII в. и заключалось лишь в сборе фольклорного материала. Сегодня существуют два традиционных подхода к исследованию несказочной прозы – фольклористический и этнолингвистический. Фольклористы составляют сборники несказочной прозы, разрабатывают персонажные, мотивные и др. указатели к текстам. Этнолингвистические исследования несказочной прозы направлены на изучение лексики различных лексико-семантических полей и лексико-семантических групп. Традиционной формой систематизации материала здесь является словарь. Однако в связи с развитием в последние десятилетия информационных компьютерных технологий, актуальной становится задача представления лексикографических данных в электронном виде. Решение этой задачи может быть осуществлено несколькими путями. Самый простой из них – это перевод бумажных словарей в цифровую форму. Другой способ – это создание различных электронных словарей «в специальном машинном формате, функционирующих как часть программного обеспечения компьютера» [Булдакова 2009:10]. Третий вариант – разработка лексических баз данных, чему и посвящено настоящее исследование.

Отметим, что под **базой данных (БД)** мы понимаем «организованную совокупность блоков информационных элементов, представленных на машиночитаемых носителях, предназначенных и пригодных для оперативного решения пользовательских, служебных и других задач с использованием средств вычислительной техники» [Галимова 2012: 12].

Лексическая (лексикографическая) база данных (ЛБД) – один из видов баз данных, используемых в лингвистической науке. В такой базе содержится различная (лингвистическая и экстралингвистическая информация о лексемах). Существуют также фонетические, этимологические, типологические базы данных.

Объектом нашего исследования стали тексты мифологических рассказов о магических специалистах, функционирующие на территории Пермского края и Архангельской области.

Предметом изучения являются номинации человека со сверхъестественными свойствами, присутствующие в данных текстах.

Цель нашего исследования заключалась в разработке ЛБД, включающей указанные номинации.

Для достижения поставленной цели нами были выполнены следующие **задачи**: 1) определение круга источников, данные которых будут включены в нашу базу; 2) отбор из данных источников лексем, которые войдут в базу; 3) оцифровка минимальных контекстов, в которых находятся выбранные лексем; 4) графематический анализ полученных электронных данных; 5) экстралингвистическая разметка текстов; 6) корректировка данных; 7) внесение данных в информационно-поисковую систему; 8) обеспечение доступа.

В качестве источников лексем для нашей базы послужили данные готовящегося к печати «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края. Часть I. Люди со сверхъестественными свойствами» (сост. И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, Л.С. Нечаева), Словаря русских народных говоров (СРНГ), а также номинации колдуна и знахаря, которые встретились нам в мифологических рассказах, взятых из сборника Н.В. Дранниковой, И.А. Разумовой «Мифологические рассказы Архангельской области» (2009) и из книги А.Б. Мороза «Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере» (2013).

Единицами нашей базы являются лексем и эквивалентные словам устойчивые словосочетания, служащие для обозначения магических специалистов. Объем словника базы составил 520 единиц. Общий объем базы 1820 словоупотреблений (карточек). Из них 1028 словоупотреблений представляют пермскую традицию, а оставшиеся 792 словоупотребления – традицию Архангельской области.

Пермские данные к моменту составления нашей базы уже находились в электронной форме. Мы лишь разбили интересующие нас статьи «Этнодиалектного словаря мифологических рассказов Пермского края. Часть I. Люди со сверхъестественными свойствами» на контексты. Оцифровка архангельских материалов проводилась вручную. Отметим, что в электронный вид переводился не весь текст мифологического рассказа, а лишь ближайший контекст нужной нам номинации.

Оцифрованные данные всех источников (номинация и контекст) помещались в таблицу программы MS Excel, после чего проводилась экстралингвистическая разметка записей. Каждому словоупотреблению приписывались следующие параметры: место записи (регион (Пермский край или Архангельская область), муниципальный район и населенный пункт), год записи, информант, наименование источника, из которого взята лексема.

Затем таблица импортировалась в программу MS Access, и на ее основе создавалась сама БД.

Итак, наша база включает три основных раздела: «Картотека», «Поиск» и «Справочник».

В разделе «Картотека» все записи, существующие в базе, представлены в виде словарных карточек, содержащих номинацию, сведения о месте и времени ее фиксации, а также данные об информанте и наименование источника, из которого взята лексема. В подразделе «Алфавитный каталог» эти карточки составлены в алфавитном порядке. Подраздел «Выбор карточки» позволяет выбрать те или иные карточки в зависимости от нужных параметров (лексема, региона, района или источника). Например, если мы выберем «Запрос по региону» и введем в появившемся окне «Пермский край», то результатом запроса будут карточки со всеми словоупотреблениями номинаций колдуна, зафиксированными в Пермском крае.

Раздел «Поиск» позволяет осуществлять поисковые запросы по различным параметрам – лексеме, региону, району и источнику. Однако здесь, в отличие от раздела «Выбор карточки», результаты запроса выводятся на экран не в форме словарных карточек, а в виде таблицы-списка. Такой способ представления данных будет удобен в случае, если необходимо сразу просмотреть все результаты запроса (например, при сравнительном исследовании). В этом разделе есть два вида запросов – полный и сокращенный.

Результатом полного запроса будет перечень записей, каждая из которых включает лексему, минимальный контекст, а также указание на регион, муниципальный район, населенный пункт, в котором зафиксирована номинация, год записи, информанта и источник. Подобная таб-

лица может использоваться, например, для определения географических границ функционирования лексемы и времени ее бытования на указанной территории. При этом результаты запроса сначала даются для Архангельской области, а затем для Пермского края.

Однако в ходе исследования ученому бывает удобнее работать с самой лексемой в отвлечении от контекста и экстралингвистических характеристик, при этом важно видеть регион и район, где фиксируется какая-либо номинация. Для таких случаев в нашей базе предусмотрены сокращенные запросы, которые так же, как и полные, представляют результаты в виде таблицы-перечня. Однако такая таблица включает только саму лексему, район и – для удобства работы – регион ее функционирования. Эти сведения могут использоваться, например, для выявления всех номинаций в рамках определенного муниципального района, а также для подсчета частотности каждой из них.

Третий раздел называется «Справочник». Он предназначен для контроля данных в базе и знакомства с этими данными. Если, например, пользователь не знает, есть ли в базе какая-либо лексема, какой-либо регион, район или источник, он может обратиться к «Справочнику». Всего в разделе 4 подраздела: «Словник», «Регионы», «Районы», «Источники». Каждый из этих подразделов включает данные в виде перечня. Особенно важен подраздел «Источники», так как, делая какой-либо запрос по источнику, в окно запроса нужно ввести название источника именно в том виде, в котором он заведен в базу, учитывая все пробелы и знаки препинания. В противном случае запрос не даст результатов. Чтобы избежать ошибок, лучше не набирать название источника с клавиатуры, а скопировать его из справочника в окно запроса.

Итак, наша база сочетает в себе свойства словаря, так как главным компонентом каждой записи является именно лексема, и корпуса текстов, так как записи представляют собой контексты с экстралингвистической разметкой. Преимущества нашей базы как способа представления информации по сравнению с классическим словарем состоят в том, что она позволяет

- быстро найти нужные данные;
- компактно представить экстралингвистические характеристики лексемы;
- быстро выяснить частотность употребления слова (по числу результатов запроса);
- быстро выявить территорию распространения какой-либо номинации;
- осуществлять единовременный просмотр всех лексем, представленных на территории одного региона или в одном источнике.

Таким образом, наша база имеет прикладное значение и может быть использована, прежде всего, для сравнения региональных традиций Пермского края и Архангельской области, либо локальных традиций в рамках одного региона. Также с ее помощью, например, могут быть составлены электронные диалектологические карты, отражающие распространение номинаций колдуна по территории Пермского края и Архангельской области. В дальнейшем планируется расширять нашу базу, в частности, включить в нее материалы Восточной Сибири.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 14-04-00437а, № 14-34-01279а2).

Библиографический список

Булдакова Е.В. Компьютерная лексикография: конспект лекций. СПб., 2009. 24 с.

Галимова Д.Н. Учебно-методический комплекс дисциплины «Лингвистические базы данных». Благовещенск, 2012. 21 с.

Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А.Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2013. 592 с.

Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–2013. Вып. 1–46 (издание продолжается).

M.A. Granova

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE LEXICAL DATA-BASE “THE SUPERNATURAL PERSON” (AT THE MATERIAL OF MYTHOLOGICAL STORIES PERM'S KRAY AND ARKHANGELSK'S OBLAST)

The article describes the algorithm of development, the framework and abilities of using the lexical data-base “The supernatural person”. The lexical data-base includes words with meaning “sorcerer, wise man”, function at Arkhangeksk dialects and Perm kray dialects. The lexical data-base consists of three main parts, such as “Card index”, “Research” and “Reference book”. The lexical data-base’s information can be using for comparatives studies of local Perm’s kray and Arkhangeksk’s oblast traditions or local traditions one region.

Key words: the lexical data-base; sorcerer; wise man; Arkhangeksk dialects; Perm kray dialects.

Зверева Юлия Владимировна
доцент кафедры гуманитарного
образования в начальной школе
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
zv.ul@mail.ru

КУЛИНАРНЫЕ ВКУСОВЫЕ ОБРАЗЫ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧЕЛОВЕКА (на материале пермских говоров) ¹

В статье рассматриваются языковые единицы, образованные от прилагательных со значением вкуса. В говорах у этих единиц, характеризующих человека, чаще всего появляются метафорические значения: 'болезненный', 'медлительный', 'старый', 'молодой', 'любящий употреблять спиртные напитки'. Наибольшим потенциалом в области образования переносных значений обладает прилагательное *кислый*.

Ключевые слова: пермские говоры; семантика; лексика питания; человек; кислое; сладкое; соленое; пресное; горькое.

В пермских говорах отмечено довольно много языковых единиц, значение которых связано с кулинарными вкусовыми образами кислого, сладкого, соленого, горького и других. Нередко они используются при характеристике человека, обычно в этом случае слово, обозначающее вкус, получает переносное значение.

Наиболее часто в характеристике человека используются слова со значением кислого, об этом пишут и исследователи. Так, К.В. Пьянкова отмечает, что самым активным донором и реципиентом являются слова с семантикой «кислая пища» [Пьянкова 2008: 13]. Лексемы и фразеологизмы, включающие слово с корнем *кисл-*, в исследуемых материалах могут реализовывать такие переносные значения: 'вялый, болезненный', 'медлительный, нерасторопный' 'плачущий', 'старый'. Трансформация семантики происходит на основе вторичного значения 'мягкий, разбухший', фиксируемого в говорах у прилагательного *кислый* (*Обабок-гриб сварись, дак он кислый делается, мягкой стает* (Кузнецова Сол.) [СПГ]). С этим значением связано также устойчивое выражение (*как*) *ки'слый оба'бок* 'слабый, вялый человек (чаще ребенок)' (*Ну, чё ты, Петя, раскис, как кислый обабок?* (Сергино Сив.); *Вот кисл-от обабок сидит. Поди по-на улочке погуляй* (Свалова Сол.) [ФСНГ]).

В пермских говорах происходит дальнейшее развитие значений у слова *кислый*: 1) Кислый 'мягкий, разбухший' → 'вялый, нездоровый'.

Это значение реализуется в словах **кислый** (*Слабый человек, кислый, нездоровой.* (Акчим Краснов.) [АС]); **кислу'ха** (*Кислуха! Это когда ребёнок хилый, худенький и долго на ногах не ходит* (Акчим Краснов.) [АС]), **кислю'нка** (*На ногах плохо ходит девчонка. Кислюнка!* (Акчим Краснов.) [там же]), **ки'сля** (*Ой, ножку разбил. Кисля! Слабый на ногах, сырой, то и кислый* (Акчим Краснов.) [там же]), **кисля'к** (*Тот как-то был, не хворал, его хоть веди куды, хоть неси, а этот кисляк.* (Акчим Краснов.) [там же]), **кисля'чка** (*Встанет и падает. Кислячка!* Акчим Краснов.) [там же]).

На основе значения 'вялый, нездоровый' формируются новые значения: а) 'часто плачущий (о ребенке)', б) 'старый'. Болезни у детей нередко сопровождаются плачем, именно поэтому у слов с корнем *кисл-* возникает значение 'плаксивый': **кисля'к** 'плаксивый мальчик' (*Пока Васю не окрестили, такой кисляк был, реун, а после выправился паренёк* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП]); **кисля'нка** 'плаксивая девочка' (*Девка иха плакала, кислянка, дни и ноци хныцёт* (Б. Долды Черд.) [КСРГСПК]). Поскольку проблемы со здоровьем характерны для людей пожилого возраста, слова с корнем *кисл-* могут приобретать семантику 'старый', так, в пермских говорах лексема **кисляк** может обозначать пожилого, немощного человека: *Кисляк – кто на ногах не стоит, маленькой ишо. И старик, у котора штаны не держатся, тожо кисляк* (Мартино Краснов.) [КСРГСПК]).

2) Кислый 'мягкий, разбухший' → 'вялый, медлительный'. Образ кислого может возникать также при характеристике особенностей темперамента и поведения человека. В этом слова с корнем *кисл-* обозначают медлительного, нерасторопного человека: *Не бойкой человек, кислюка, и девушка и мушшына* (Покча Черд.); *Кисляк – вялый человек, тихонькой, неразвитой.* (Покча Черд.) [КСРГСПК]. Это значение реализуется также в устойчивом сочетании **как кисе'льная ка'дочка** 'о вялом человеке' (*Ну, чё ты тут расселася, как кисельна кадочка – айда скорей в магазин* (Покровка Бер.) [ФСПГ]).

Менее распространены вторичные значения у других слов, имеющих значения вкуса. Так, в пермских говорах отмечены переносные значения у лексем *пресный, горький, сладкий, солёный*. Языковые единицы с корнем *пресн-*, имеющие переносное значение, обычно характеризуют ребенка, человека молодого возраста. В пермских говорах отмечен фразеологизм **пре'сное молоко** 'об очень молодом человеке' (*Я ишо пресно молоко тогда была, не вошла в силу-ту, а много робила* (Пухирева Сол.) [ФСПГ]) и лексема **пресни'на** 'о слабых, нездоровых детях' (*Это преснина, а не ребята, пресные ребята-то, кто слабые* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]). Появление метафорического значения у рассматриваемых

единиц связано с представлением о том, что пресный вкус свойствен продуктам, не достигшим нужной степени готовности, например, тесту или квасу. Таким образом, происходит развитие семантики: *пресный* ‘лишенный характерного вкуса’ → ‘незрелый, неукисший’ → ‘молодой’. Кроме того, на основе семы ‘незрелый’ формируется значение ‘слабый, нездоровый’, которое реализуется в слове *преснина*. Лексемы *кислый* и *пресный* в ряде контекстов выступают как антонимы: кислый ‘перекисший’ – пресный ‘слабо закисший, не имеющий нужной кислоты’. Однако в говорах эти слова могут быть синонимичными (значение ‘слабый, нездоровый’), их сближение происходит на основе общей семы ‘не обладающий нужным вкусом’.

Языковые единицы, характеризующие человека и включающие корни *слад-* и *сол-*, редко имеют переносное значение. Чаще всего такие лексемы являются сложными и характеризуют пристрастие человека к сладкой или соленой пище: *сладкогу'бый* (*Сладкогубый мой, только на сахаре и живёт* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]), *сладкое'жкой* (*Такой парень сладкоежкой, всё бы сладкое ел* (Пянтег Черд.) [там же]), *сладкое'ж* (*А который любит много сладко кушать, так это сладкоеж* (Покча Черд.) [там же]), *сладкое'жа* (*Я лучше не буду рыбу есть солёную, а лучше чай буду пить сладкий. Сладкоежа* (Вильгорт Черд.) [там же]), *сладчёна* (*Меня свекровка звала сладчёна. Я верно уж слаженькое люблю до потери сознания* (Вильгорт Черд.) [там же]), *солоза'* (*А хто ест соль, тот – солоза* (Акчим Краснов.) [АС]), *солозо'б* (*Солозоб солёно кушает* (Покча Черд.) [КСРГСПК]), *солозо'л* (*Человек, любящий соль. Пермьяк – солозол, а соли у него нету* (Касиб Сол.) [СПГ]), *солони'нник* (*Кто любит солёное – тот солонинник* (Акчим Краснов.) [АС]), *солони'ница* (*Звешай селёдки полкило [продавцу]. Тамара-то у нас уж така солонинница* (Акчим Краснов.) [там же]).

У прилагательного *сладкий* в говорах меняется сочетаемость: оно может относиться не только к пище, но и к человеку, в таком случае появляется новое значение – ‘обладающий такими свойствами (запахом и т. п.), которые привлекают кусающих насекомых’ (*Вы сладкие, не душные, не вонькие, вот вас кусают комары-то* (Акчим Краснов.) [АС]). Это же значение есть у слова *мёдный*: *Меня комары не хватают, потому что я не мёдный, а вы мёдные* (Черд.) [КСРГСПК].

Слово *солёный* встречается в составе фразеологизмов, относящихся к человеку: *солёное ухо* ‘шутник’ (*У нас вон когда-ко претензию принёс зять-от: у тебя, мо, стаканы стоят грязные в шкапу; вот солёно-то ухо чё удумал* (Губдор Краснов.) [ФСНГ]) и *варнак солёные уши* ‘шутливо по отношению к детям’ (*Ну, варнак, солёны уши, чё сёдни из школы-то принёс, сколь колов-то?* (Пыскор Ус.) [Там же]). В приведен-

ные идиомы входят прилагательное *солёный* и существительное *ухо* (*уши*), скорее всего, оба они связаны с устойчивым сочетанием *пермяк солёные уши* ‘прозвище жителей Пермского края’. Считается, что прозвище получили работники соляных варниц, таскавшие на плечах мешки соли, отчего их уши пропитывались солью, увеличивались и краснели. Интересно, что в коми-пермяцком языке отмечается похожий фразеологизм *сола пель* (соленое ухо) ‘хитрец’ [КПРС: 440], тогда как в коми-зырянском его нет. Возможно, новое значение у фразеологизма появляется на основе одного из значений слова *солёный* ‘доставляющий много горя, неприятностей, беспокойства’ [ССРЛЯ 14: 210].

Все языковые единицы, в состав которых входят корни *слад-*, *кисл-*, *горьк-*, могут обозначать человека, имеющего пристрастие к спиртным напиткам: *соло'щий* ‘о человеке, который много ест, пьет много воды, вина’ (*Солошиша девка-та, беда хорошо ест, жоркая* (Воскресенское Уинск.); *Муж мой солощий что ли, трезвенники попьют и останоятся, а он закончить не может* (Русский Сарс Окт.) [СРГЮП]); *как ки'слый червь* ‘человек, любящий употреблять спиртные напитки’ (*Я, как кислый червь, без браги нисколько не могу жить* (Чус Юрл.) [ФСПГ]); *кислобры'лый* ‘любящий употреблять спиртные напитки’ (*Оська-то, кислобрылый, опять нажорался с утра пораньше* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП]); *ко'чень го'рький* ‘пьяница’ (*Путных-то мужиков не стало, одни кочни горькие по деревне ходят* (Ленск Кунг.) [СПГ]).

Исследователи считают, что лексема *солощий* происходит от слова *солость* (сладость) [Фасмер 3: 714], таким образом, первоначальное значение прилагательного – ‘имеющий пристрастие к сладкой пище’. Затем происходит расширение семантики слова: ‘любящий сладкую пищу’ → ‘имеющий чрезмерный аппетит’ и ‘употребляющий большое количество спиртных напитков’.

В слове *кислобрылый* выделяется два корня *кисл-* и *брыл* ‘губа’, оно образовано так же, как прилагательное *сладкогубый* ‘любящий сладкое’ [КСРГСПК]. В пермских говорах отмечено также устойчивое сочетание (*как*) *ки'слый червь*, авторы «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа» считают фразеологизм калькой коми-пермяцкого *шома гаг* – кислый червь [СРГКПО: 34]. Обращение к материалам словарей коми-пермяцкого и коми языков позволяет выявить существование устойчивых сочетаний, в состав которых входят слова *кислый* и *червь*: *шома юра* ‘пьяный, хмельной, нетрезвый’ [Безносилова: 164], *нырыс шома* ‘подвыпивший’ [ССКЗД: 433], *вина гаг* ‘пьяница’ [КПРС: 94; ССКЗД: 50], *нянь гаг* (буквально хлебный жучок) ‘о ребенке, любящем хлеб’ [КРС: 152]. Таким образом, слово *гаг* ‘червь’ в коми языках в составе идиомов приобретает значение ‘любитель чего-либо’. Возникно-

вание значения ‘имеющий пристрастие к спиртному’, ‘пьяница’ у слов с корнем *кисл-*, на наш взгляд, связано с тем, что алкогольные напитки часто получают путем сбраживания, в результате чего они имеют кислый вкус (пиво, брага).

Кроме того, значение ‘пьяница’ имеет фразеологизм *ко'чень го'рький*, в составе которого прилагательное определяет общее значение идиома. В литературном языке существует похожее выражение *горький пьяница* ‘пьющий запоем, безнадежный алкоголик’ [БАС 4: 331], в псковских говорах отмечается фразеологизм *рука горькая* [СРНГ 7: 81]. Во фразеологизме *пить горькую* ‘сильно, беспробудно, запойно пьянствовать’ [ФСРЯ: 320–321] подчеркивается употребление спиртных напитков без меры. Таким образом, все перечисленные единицы, в состав которых входит прилагательное *горький*, обозначают человека, не просто употребляющего спиртное, а страдающего алкоголизмом. Возможно, это связано с пристрастием к крепким алкогольным напиткам (ср.: *горечь* ‘хлебная водка’ [СРНГ 7: 36], *горькое* ‘водка’ [там же: 82]).

В говорах языковые единицы, включающие слова с корнями, обозначающими вкус, развивают новые переносные значения. Наибольшим потенциалом обладает корень *кисл-*; языковые единицы, которые относятся к человеку, могут характеризовать его как болезненного, медлительного, старого, некрасивого, любящего выпить. У слов, образованных от прилагательного *пресный* и фразеологизмов, содержащих это слово, появляется значение ‘молодой’. Диалектные единицы, характеризующие человека и образованные от корней *слад-*, *сол-*, *горьк-*, обычно обозначают пристрастие к пище с этими вкусами. Переносные значения формируются в том случае, если слова с перечисленными корнями входят в состав фразеологизмов.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00437а).

Библиографический список

АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984-2011. Вып. 1–6.

БАС – Большой академический словарь русского языка. М. СПб.: Наука, 2004-2014, Вып. 1–23.

Безносилова – *Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Забоева Н.К.* Словарь синонимов коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. 576 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

КРС – Коми-русский словарь / под ред. В.И. Лыткина. Москва: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1961. 924 с.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Пьянкова К.В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект. Автореф. ... дисс. канд. филол. н. Екатеринбург, 2008.

РКС – Безносилова Л.М., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 1104 с.

СПГ – *Словарь пермских говоров*. Вып.1–2 / под ред. А.Н.Борисовой и К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СРГКПО – *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа*. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГЮП – *Словарь русских говоров Южного Прикамья*. Вып. 1–3 / И.А.Подюков (науч. ред.), С.М.Поздеева, Е.Н.Свалова, С.В.Хоробрых, А.В.Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010–2012.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. СПб., 1966–2014. Вып.1–46 (издание продолжается).

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сыктывкар, 1961. 491 с.

ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка*. В 17 тт. Т. 14. М.-Л.: Наука. 1963.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

ФСНГ – *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 432 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

J.V. Zvereva

Associate Professor of Humanitarian Education in Primary School Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

CULINARY TASTE METAPHORS IN THE CHARACTERISTICS OF THE PERSON (BASED ON THE PERMDIALECTS)

The article deals with linguistic units formed from adjectives with the value of taste. These words and idioms that characterize of a person most often appear metaphorical meanings: 'painful', 'slow', 'old', 'young', 'drink alcohol' in Perm dialects. The most common figurative meanings of words are formed from the value of 'sour'.

Key words: perm dialects semantics; lexis; food; sour; sweet; salty; fresh and bitter.

Лобанова Алевтина Степановна
доцент кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
lobanova@pspu.ru

«ОДЕЖНЫЙ» КОД В КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ¹

Статья посвящена анализу семантико-мотивационного своеобразия коми-пермяцких фразеологизмов, образованных на базе наименований одежды и обуви. Выявлены основные коннотативные нагрузки лексем данной лексико-тематической группы слов в составе устойчивых выражений.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; наименования одежды и обуви в составе фразеологизмов; семантико-мотивационный анализ.

Традиционный народный костюм коми-пермяков неоднократно привлекал внимание исследователей-этнографов. Историография темы за последние полтора столетия насчитывает десятки публикаций и одну монографию «Коми-пермяцкий национальный костюм» (2006) [Рогов 1860; Теплоухов 1916; Белицер 1958, 1971; Грибова 1980; Климова 1989; Коми-пермяцкий национальный костюм 2006; Лобанова, Черных 2014]. Системного лингвистического исследования лексики традиционного костюма не проводилось. Статья «Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков», написанная нами в соавторстве с А.В. Черных (2014), посвящена обзору общеупотребительной и диалектной лексики коми-пермяцкого языка по тематической группе «одежда». Лингвистические материалы демонстрируют бытование достаточно развитой и, что интересно, вариативной терминологии одежды. Эта лексика, несомненно, представляет интерес для исследователей традиционной культуры, историков языка, диалектологов, этимологов.

Одежда – один из основных элементов этнической культуры. Помимо своего основного назначения, она является выразителем национальной принадлежности и теснейшим образом связана с историей народа. Данная лексико-тематическая группа слов в коми-пермяцком языке представляет большой, сложный и пока еще недостаточно изученный пласт лексической системы.

Без сомнения, одежда для человека имеет колоссальное практическое применение (особенно для такого региона, каким является Прика-

мье). Однако его ежедневное, постоянное применение и значимость в мировоззрении, в восприятии его важности у трансляторов этой культуры могут не совпадать. Попытаемся на некоторых моментах остановиться и выяснить, как коми-пермяк относился к одежде, каким элементам давал предпочтение, а что оставалось для него незамеченным. Необходимо заглянуть в народные вербальные сокровищницы: пословицы, устойчивые сравнения, фразеологизмы, возможно, частушки, загадки. Т.е. попытаться привлечь тот языковой материал, который изначально считается наиболее важным, первостепенным источником в этнолингвистических исследованиях. Другие интересные знаковые системы, такие как обряды, ритуалы, объемные фольклорные тексты, в которых «принимают участие» одежда или ее детали, позволят собрать всю мозаику традиционной культуры, связанную с костюмом коми-пермяков. Поскольку наименования одежды, функционирующие в речи коми-пермяков, ни разу не становились объектом этнолингвистического изучения, то выявление названий элементов костюма, обладающих наиболее широким спектром символических значений и имеющих разные мотивационные признаки, можно начать с фразеологических оборотов. Попытаемся охарактеризовать семантико-мотивационное своеобразие коми-пермяцких устойчивых выражений, образованных на базе наименований одежды и обуви.

Из всего многообразия коми-пермяцких фразеологизмов нам удалось выявить следующие варианты:

Быръом вешьян досл. «изношенные штаны» – о бедном, небогатом мужчине.

Вешьян да сѳтан досл. «штаны да зад» – о неразлучных друзьях, подружках, семейной паре и т.д.

Вешьян да кок досл. «штаны да нога» см. выше *вешьян да сѳтан*.

Тыр вешьян лэдзны (рус. калька «наложить полные штаны») – испугаться.

Быздѳм дубас досл. «распустившийся дубас» – о бедном человеке (чаще о женщине).

Йѳрнѳсын чужны (рус. калька «родиться в рубашке»).

Быръом кепись (коті) досл. «изношенная варежка (коты)» – о многословном человеке.

ѳмѳ кепись сѳуйыштны досл. «в рот варежку засунуть» – замолчать, перестать говорить.

Рака кеписсез козьналѳм досл. «ворона варежки подарила» – о растрескавшихся руках.

Рака котіэз босьтны досл. «вороньи коты взять (купить)» – см. выше.

Нинкӧммез гортлань бергӧтны досл. «лапти повернуть в сторону дома» – собираться домой.

Виль (воньтӧм, пытшынтӧм) нинкӧмӧ кӧмӧтны досл. «обуть в новые (без повязки, без обшивки) лапти» – обмануть.

Небыт нямӧт досл. «мягкая онуча» – о мягкотелом, нерешительном человеке.

Отопки ныр досл. «нос как отопок» – о человеке с большим носом.

Пасьтӧм рака досл. «голая (без одежды) ворона» – о бедном человеке.

Пасьтӧм лягуша досл. «голая (без одежды) лягушка» – о голом человеке.

Подолын вайны (рус. калька «принести в подоле») – родить без мужа.

Подол лэбтавны (рус. калька «подол поднимать») – изменять мужу.

Рака сапоггез сетӧм досл. «ворона сапоги дала» – о растрескавшихся ногах.

Чупошки ӧм досл. «рот как чупошка (домашние тапочки, носки, связанные крючком)» – о большеротом человеке. Ср. *Чупошкитӧ игнав*, груб. в зн. «Замолчи, рот закрой».

В относительно скупом количестве фразеологизмов (20) «фигурирует» всего девять наименований одежды, одно наименование, отражающее деталь одежды (подол), и одно прилагательное, тематически относящееся к данной группе (*пасьтӧм* «без одежды, голый»). Ведущими «персонажами» в них являются *вешьян* «штаны» (4), *кепись* «варежка» (3), *нинкӧм* «лапоть» (2), а также прилагательное *пасьтӧм* «голый (-ая), без одежды» (2), *коті* «коты» (2). По одному разу встретились такие наименования как *сапог*, *чупошки*, *отопок*, *дубас*, *нямӧт* «онуча». На данном этапе работы уже можно констатировать, что, судя по всему, одежда не является ведущим, важным компонентом в культурологической составляющей коми-пермяка, не говоря уже о ее деталях, которые практически отсутствуют в устойчивых выражениях.

Здесь следует упомянуть еще об одной интересной детали, характерной для коми-пермяцкого языка (вернее, нехарактерной), – это крайне редкое употребление исконных наименований одежды в переносном значении. Как известно, данное явление широко присуще русскому языку (*сапог*, *валенки*, *лапоть*, *шапка* и др.). В этом аспекте, в приобретении лексемой дополнительного переносного значения, представляют интерес лишь несколько слов и выражений. Три наименования, относящиеся к подгруппе «обувь»: *чушни*, *коті*, *отопки* сегодня чаще служат для пере-

дачи семантики «старая, изношенная обувь; неудобная обувь», чем для реализации основного значения. *Котіэт тай бырёмась* в зн. «Твоя обувь, однако, изнасилась».

В приведенных фразеологизмах практически везде представлены наименования, относящиеся к нижней части человеческого тела. Исключение составляют варежки (*кепись*), т.е. в оппозиции нижняя/верхняя части – верхняя проигрывает. Этот аспект нельзя считать как неким отражателем обесценивания одежды для верхних частей тела. Та отрицательная коннотация, характерная для большинства фразеологизмов с наименованиями одежды, как нам кажется, характеризует противоположного характера ассоциацию. *Чупошки, отопки, нинкём* «лапоть», *нямёт* «онуча», *коті* – это не самая дорогая одежда и обувь (к одежде относится только *нямёт* «онуча», все остальные наименования представляют подгруппу «обувь»), она довольно проста в изготовлении, это не предмет хвастовства и гордости, все это выполнено своими руками. Несколько особняком здесь стоит *дубас*, поскольку его изготовление – это довольно трудоемкий процесс.

В количественном плане преобладают наименования обуви: *коті* «коты», *нинкём* «лапоть», *отопки* «отопок», *сапог*, *чупошки* «чупошни».

Исключив из этого небольшого количества русские фразеологизмы-кальки, можно попытаться сформулировать основные мотивационные составляющие, с которыми связаны наименования одежды.

Мотив бедности, материального недостатка выражен в фразеологизмах *бырём вешьян* досл. «изношенные штаны» – о бедном, небогатом мужчине и *быздём дубас* досл. «распустившийся дубас» – о бедном человеке (чаще о женщине). Следует заметить, что на данное качество указывают определения-причастия (*бырём* «изношенный», *быздём* «распустившийся»), именно им принадлежит ведущая семантическая характеристика фразеологизма. Они ассоциируются с дубасом и штанами (присутствует и гендерная оппозиция). Выходит, что для коми-пермяка важно, чтобы именно эти предметы одежды были в хорошем, добротном состоянии. Хотя идентичный в этом плане фразеологизм *бырём кепись* (досл. «изношенная варежка») о болтливом человеке, указывает на качества человека.

Мотив непривлекательных внешних черт реализуется также в двух устойчивых выражениях, в которых фигурируют наименования обуви: *отопки ныр* досл. «нос как отопок» – о человеке с большим носом и *чупошки ём* досл. «рот как чупошка (домашние тапочки, связанные крючком)» – о большеротом человеке. Две части тела (верхние) – нос и рот – сравниваются с теми видами обуви, которые выполнены на скорую руку и имеют особенность быстрого изнашивания, потери формы, качества.

По сравнению с предыдущей парой, в этих фразеологизмах наименования обуви выступают в качестве определения и берут на себя ведущую семантическую наполняемость. Отрицательная коннотация, связанная с чрезмерно большими размерами отдельных частей тела, пожалуй, имеет системный признак в исследуемом языке, и чаще всего характерна именно для фразеологизмов и устойчивых сравнений.

О временных физических внешних изменениях человека, связанных с появлением цыпок на руках и ногах, в языке фигурирует три фразеологизма. *Рака кеписсез козьналӧм* досл. «ворона варежки подарила» – о растрескавшихся руках. *Рака котіэз босьтны* досл. «вороньи коты взять (купить)». *Рака сапоггез сетӧм* досл. «ворона сапоги дала» – о растрескавшихся ногах. В них действующим лицом является ворона, не самая привлекательная птица, она «дарит» варежки (*кеписсез*), коты (*котіэз*), сапоги (*сапоггез*). Т.е., растрескавшаяся кожа на руках и ногах – это как дополнительная (в данном случае, ненужная, бесплатная) одежда.

Мотив дружбы, согласия, единения реализуется в устойчивых выражениях *вешьян да ситан* досл. «штаны да зад» – о неразлучных друзьях, подружках, семейной паре и т.д. и *вешьян да кок* досл. «штаны да нога». Смежность определенной части тела и одежды способствует реализации такой ассоциации как парность/непарность.

Наименование *нинкӧм* «лапоть» присутствует во фразеологизмах, реализующих мотив передвижения и мотив обмана.

Вообще следует сказать, что лапоть (*нинкӧм*), если нарисовать его семасиологический портрет с учетом более широкого паремиологического материала, транслирует такие реалии как дом, родная сторона, что-то свое, надежное, доступное. Явных отрицательных коннотаций лапоть в языке коми-пермяков не вызывает. Мотивы глупости и невежества, так часто встречающиеся в русской лингвокультурологии, по отношению к лаптю, в коми-пермяцком материале не встречаются. Неслучайны устойчивые выражения с тематикой передвижения, в которых главным «персонажем» является лапоть (*нинкӧм*). Именно лапти являлись самой распространенной и удобной обувью для дороги. Ср. пословицы *нинкӧммез гортлань бергӧтны* досл. «лапти поворачивать в сторону дома» – собираться домой – и *Сизим гоз нинкӧм бырӧтас, но шоньт места адззас* досл. «Семь пар лаптей износит, но теплое место найдет». В качестве еще одного примера можно продемонстрировать частушку:

Подӧн Перемӧдз ме муні, Пешком до Перми я дошла,
Да нинкӧммез бырӧті, Да лапти износила,
Сьӧд чаркиэз ме кӧмалі, Черные черевички я обула,
Карагайӧдз тырмисӧ. Лишь до Карагая дошла.

Функциональная характеристика наименований одежды, встречающихся в составе фразеологизмов, контексты их употреблений, свидетельствуют о том, что указанные наименования вряд ли являются важными языковыми элементами построения картины мира коми-пермяка.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-14-59005 «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)».

Библиографический список

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX в. // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М., 1958. Т. 45. 390 с.

Белицер В.Н. Финно-угорские народы Европейского Севера // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX - начала XX в.): Определитель. М.: Сов. Россия, 1971. - С. 260–287: ил.

Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. 252 с.

Климова Г.Н. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1989. 144 с.

Коми-пермяцкий национальный костюм: Из собрания Коми-пермяцкого окружного краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка. Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное издательство, 2006. 88 с.

Лобанова А.С., Черных А.В. Лексика традиционного костюма в диалектной речи коми-пермяков // Урало-алтайские исследования № 3 (14). М., 2014. С. 24–39.

Попова О.А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь, 2010. 343 с.

Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. Кн. 2, отд. 2. М., 1860. 127 с.

Теплоухов А.Е. Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения // Ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып. 2. С. 122–137.

A.S. Lobanova

Associate Professor of

Methods of teaching Russian language Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

«CLOTHING» CODE IN KOMI-PERM PHRASEOLOGICAL UNITS

The article is devoted to the analysis of the semantic and motivational identity of Komi-Perm phraseological units, based on the names of clothes and footwear. The main connotative loads of tokens in this lexical-thematic group of words as a part of phraseological units were determined.

Key words: Komi-Perm language; names of clothes and footwear as a part of phraseological units; semantic-motivational analysis.

Пантелеева Лилия Михайловна
доцент кафедры русской и зарубежной филологии
Соликамский государственный педагогический институт (филиал)
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
liliya_pant@mail.ru

ПРЕДМЕТНАЯ ЛЕКСИКА МЕЩАНСКОГО БЫТА В СОЛИКАМСКИХ РУКОПИСЯХ¹

Целью настоящей статьи является анализ предметной лексики мещанского быта в лексико-тематическом и социолингвистическом аспектах. Материалом исследования стала лексика дела о наследовании имущества соликамского мещанина Суятина, размещенного в журнале «Разных дел Соликамского сиротского суда 1783, 1784, 1785 гг.».

Ключевые слова: бытовая лексика; мещане; деловые документы; социолингвистика.

Целью настоящей статьи является анализ предметной лексики мещанского быта в лексико-тематическом и социолингвистическом аспектах. Материалом исследования стала лексика дела о наследовании имущества соликамского мещанина Суятина, размещенного в журнале «Разных дел Соликамского сиротского суда 1783, 1784, 1785 гг.» (СКМ, ф. 29, д. 1).

Алексей Иванович Суятин, мещанин, умерший в 1784 г., проживал в городе Соликамске. Точных сведений о его профессиональной деятельности в документах не имеется. Косвенные приметы в текстах (характер имущества, описание прижизненных событий) указывают на то, что основным видом деятельности Суятина могла быть торговля или торгово-посредническая деятельность.

Алексей Иванович был дважды женат. От первого брака он имел трех сыновей – Ивана, Федора, Василия – и дочь Маланью. Во втором браке с мещанкой Феклой Алексеевой Алексеевской детей не нажил, но принял на воспитание ее сына Николая и двух дочерей от предыдущего брака. Отношение между мачехой и пасынками не смогли перерасти в теплые и доверительные к тому моменту, когда отец семейства скончался от неизвестной болезни. Именно поэтому сыновья Суятина подали доношение в Соликамский городской сиротский суд с просьбой о разделе между всеми членами семьи оставшегося от их отца имущества.

Представление о характере имущественного положения мещанина Суятина к моменту кончины можно получить по тем реестрам имений, которые были составлены для приложения к делу родными сыновьями Суятина и их мачехой. Среди имущества, предназначенного для удовлетворения собственных потребностей и обеспечения обязательств (долг, заклад), в рукописях отмечаются недвижимые и движимые имущественные объекты. Перечни хозяйственных земельных участков и сооружений, а также предметов интерьера, орудий труда, видов одежды, продуктов питания и средств гигиены, дают возможность восстановить особенности повседневного быта и народной разговорной речи городских обывателей XVIII в.

Итак, бытовая предметная лексика рукописных документов дела о разделе имущества мещанина Суятина представлена следующими тематическими группами слов и составных наименований.

1. Лексика, обозначающая хозяйственные земельные участки (*пожня, покос*).

2. Лексика, обозначающая жилые и хозяйственные строения (*дом, хоромное построение*).

3. Лексика, обозначающая предметы интерьера:

– предметы религиозного культа (*образ* «икона, лик» [СлРЯ XVIII], *складни* «створки, складная икона, писаная на досках» [Даль IV: 198]) и их части (*венец* «металлический ободок на окладах икон, изображающий нимб, сияние» [СлРЯ XVIII], *венчик* (уменьш. к *венец*), *гривна* ‘подвеска у иконы’, *оклад* «металлическая оправа, украшающая образ» [СлРЯ XVIII], *поле* ‘крайняя часть иконной доски’, *риза* «оклад на иконах, накладная одежда на образах, покрывающая обронной работой всю доску, кроме тела» [Даль IV: 96]);

– предметы хозяйственной утвари, предназначенной для еды, питья, хранения съестных припасов (*блюдо, воронка, горшок, ковш, поваренка* «большая, разливная ложка, ковш» [Даль III: 141], *котел, крушка, меденик* «медный сосуд, котел» [СлРЯ XVIII], *меденичек* (уменьш. к *меденик*), *поднос, посуда, склянка* «стеклянный сосуд, посудинка, разного вида, с горлышком» [Даль IV: 199], *сковарда, сковородка, стакан / стакан, стопа* «большой стакан раструбом» [Даль IV: 329], *таз, торелка, укусуник* ‘столовая посуда для уксуса’, *уполовник* «ковш на долгой рукоятке, черпачек у стряпух, коим мешают варево, и убавляют, сливают, чтобы оно не ушло» [Даль IV: 503], *чарка* «стопка, кубок, стакан, рюмка, из чего пьют водку, вино» [Даль IV: 582], *яндова* «низкая, большая, медная, луженая братина, с рыльцем, для пива, браги, меду» [Даль IV: 678]), и их части (*ручка* ‘рукоятка’);

– декоративно-прикладные предметы убранства жилища (*ковер*, *колоколчик*, *накидка* «скатерть, столечник, простыня» [Даль II: 423], *подсвешник* / *подсвишник*, *рукомойник* «кувшин или подобная посуда, для подачи воды на лицо, на руки» [Даль IV: 112]);

– постельные принадлежности (*наволока* «верхний чехол для подушки» [СлРЯ XVIII]) и их части (*пристен* (то же, что *пристенок*) «Полоска цветной материи, нашитая на подушку в том месте, где соединяются края наволочки. Шенк. Арх, 1878» [СРНГ, т. 31, с. 415]).

4. Лексика, обозначающая элементы одежды и украшения:

– головные уборы и украшения (*караблик* «старинный головной убор с приподнятым вверх спереди и сзади околышем» [СлРЯ XVIII], *косянка* (предположит. то же, что *косынка*), *лента*, *лат* «лоскут равносторонний, <...> какими женщины повязывают голову» [Даль III: 121], *шапочка*);

– предметы одежды (*душеигряйка* «короткая одежда без рукавов (в кон. века – простонародная женская одежда)» [СлРЯ XVIII], *платье* «одежда, носильное все, что мы одеваем, кроме белья и обуви» [Даль III: 121], *сарафан*, *чюлок*, *шуба*);

– предметы отделки одежды (*пугвица*);

– предметы обуви (*баишмак*);

– предметы, функционально дополняющие костюм (*кошелек* «мешочек, сумочка для денег» [СлРЯ XVIII], *табакерка* «коробочка, для держания при себе нюхательного табаку» [Даль IV: 384]);

– драгоценные украшения (*гойтан* «шнурок, тесемка» [СлРЯ XVIII], *жемчюг*, *колечко*, *крест*, *перло* «нить, низка жемчуга» [Даль III: 101], *перстень*, *телник* «тельный крест» [Даль IV: 449], *серга*, *цапец* (предполож. то же, что *цепь*));

5. Лексика, обозначающая предметы хозяйственной деятельности (предметы торговли, припасы, приспособления и инструменты, сырье для изготовления чего-либо и др.):

– ткани (*выбойка* «бумажное, обычно рисунчатое полотно» [СлРЯ XVIII], *кисея* «легкая прозрачная ткань» [СлРЯ XVIII], *китайка* «дешевая хлопчатобумажная ткань» [СлРЯ XVIII], *набойка* «ткань с набивным рисунком» [СлРЯ XVIII], *отлас* (то же, что *атлас*), *сетка* «всякое вязаное, плетеное ячейками полотно» [Даль IV: 381], *сукманина* «крестьянская полушерстяная домотканина, шерстяной уток по портяной основе» [Даль IV: 358], *сукно* «шерстяная, валеная ворсистая ткань» [Даль IV: 358], *фанза* «китайская шелковая ткань» [Даль IV: 532], *холст* «простая, грубая ткань, льняная и конопляная» [Даль IV: 560]);

– кожевенное и шерстяное сырье (*овчина*, *шерсть*);

– элементы конской упряжи (*возжи, наметка* «накидка на седло верховой лошади, попона, покрывающая седло» [СПЛ II: 252], *седло, хомут, шлея* «часть упряжи, которая удерживает хомут на месте: круговой широкий ремень» [Даль IV: 639]);

– емкости для хранения (*куль*);

– вещества, используемые в хозяйственных нуждах (*воск, мыло*);

– приспособления и инструменты (*безмен, бечева*);

– части конструкции водного судна (*парус*);

6. Лексика, обозначающая хозяйственных животных (*корова, лошадь, скот*).

7. Лексика, обозначающая формы запаса продуктов сельскохозяйственной деятельности (*промешек* (то же, что *промежек*) «часть зарода, сена, сметанного меж кольев» [Даль III: 496]).

8. Лексика, обозначающая продукты питания:

– семена зерновых культур (*овес, пшеница, хлеб, ярица, ячмень*) и продукты их переработки (*мука*);

– ягоды (*малина*);

– сырье для напитков (*хмель*).

9. Лексика, обозначающая вещества курительных смесей (*табак*).

Корпус предметной бытовой лексики в деловых документах обладает высокой степенью лингвистической информативности, поскольку является источником сведений о речевом портрете представителей мещанского сословия XVIII в., а также о региональной языковой составляющей в узусе городских жителей Соликамска указанного периода.

В речи представителей мещанского сословия использовалась бытовая лексика разных тематических групп, наиболее проработанными из которых в документах являются названия предметов интерьера, названия предметов хозяйственной деятельности, названия элементов одежды и украшений. Особенность этих тематических групп лексики заключается в том, что они активно вовлекались не только в повседневную обиходную речь провинциального горожанина, но и в речь людей, занимавшихся мелкой торговлей. Эта лексика образует как бы переходное поле между социальным и профессиональным диалектами, и формируется за счет слов, имеющих широкую специализацию.

Многие широко специальные наименования различных профессиональных языков вошли в терминологию, будучи народными терминами. Народная терминология, по сути, и есть результат тесного соседства быта и трудовой деятельности в прошлом. Личности Алексея Ивановича Суятина и членов его семьи являются тому наглядным подтверждением. Проживая в городе, глава семьи занимался торговлей предметами быта, привлекая к своему ремеслу сыновей. Дети Суятина, собст-

венно как и отец, не имели образования. Навыки счета, чтения и письма они, вероятно, приобрели посредством домашнего образования и совершенствовались непосредственно в работе, поскольку торговое дело немислимо без ведения записей о приходе и расходе товара и денежных средств.

Судя по всему, в мещанской семье в качестве средства общения использовался особый языковой субстрат, сформировавшийся из лексики обиходно-разговорного языка и торговой терминологии. Сферы этих двух языковых образований не всегда поддаются четкому размежеванию, поскольку одни и те же слова могли одновременно служить названиями вещей в окружающей предметной реальности и названиями предметов торговли.

Помимо единиц общенародного разговорного характера и специальной лексики торгового дела, в повседневном живом общении городских жителей Соликамска XVIII в. отмечается диалектная лексика. В частности, региональная предметная лексика рассматриваемых деловых текстов представлена словами *гривна* 'подвеска у иконы', *косянка* (предположит. то же, что *косынка*), *промешек* «часть зарода, сена, сметанного меж кольев» [Даль III: 496], *цапец* (предполож. то же, что *цепь*), которые не отмечены в СлРЯ XVIII и словаре Даля, либо подаются в словаре Даля с пометой *пермское*. Названные лексические единицы могут квалифицироваться как диалектизмы, т. к. в них отражается территориальный вариант русского языка XVIII в. Их вхождение в социолект городских обывателей связано не только с тесным взаимодействием повседневного бытового существования и хозяйственной деятельности, но и тесными языковыми контактами разных категорий мещанского общества (мещане-торговцы и мещане – наемные работники), а также мещанского общества и крестьянской общины.

Обобщая сказанное, заметим, что бытовая предметная лексика рукописных документов дела о наследовании имущества соликамского мещанина Суятина раскрывает разные стороны и особенности социолекта провинциальных мещан XVIII в.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: проект № 14-04-00437 ««Свое» и «чужое» в условиях межкультурного взаимодействия (на материале памятников письменности, живой речи и ономастики Пермского края)», проект № 14-14-59003 «Светское и духовное в пространстве регионального текста XVIII – XIX веков: лингвокультурологический аспект», проект № 15-14-59001 «Лексикографическое описание русских говоров Пермского края».

Библиографический список с использованными сокращениями

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз. Медиа, 2006.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. Л., 1985. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc> (дата обращения: 14.02.2015).

СПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVIII вв.: в 4 т. Вып. II. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 333 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 31. Почестно-Присуть. СПб.: Наука, 1997. 432 с.

Список источников

Разные дела Соликамского сиротского суда 1783, 1784, 1785 гг. СКМ. Ф. 29. Д. 1.

L. M. Panteleeva

Associate Professor of Russian and Foreign Philology Department
Solikamsk State Pedagogical Institute,
the branch of Perm State University

SUBJECT VOCABULARY OF BOURGEOIS LIFE IN SOLIKAMSK MANUSCRIPTS

The aim of this article is the analyze of subject vocabulary bourgeois life in the semantics and sociolinguistics aspects. The material of research is target language from solikamsk burgher Suyatin's inheritance business property, which was printed in magazine "Different affairs of Solikamsk's orphan court in 1783, 1784, 1785".

Key words: vocabulary of bourgeois life; business acts; sociolinguistics.

Подюков Иван Алексеевич
профессор кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет.
podjukov@yandex.ru

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ С АКВАТИЧЕСКИМИ ОБРАЗАМИ ¹

В статье дано исследование русской диалектной и коми-пермяцкой фразеологии, построенной на архаическом символизме воды. В фольклорно-обрядовом контексте русской духовной культуры и коми-пермяцких мифологических осмыслений стихии воды раскрывается семантика отдельных фразеологических сюжетов, связанных с особенностями этнического мировосприятия. Исследуются специфические и универсальные для русской и коми-пермяцкой культур мифопоэтические коннотации к воде и смежным с ней понятиям. Отмечается воспроизведение в народной идиоматике древних представлений о воде как надприродной силе и перво-веществе мира, рассматривается соотнесенность образности диалектных фразеологизмов с символикой традиционных обрядов и верований.

Ключевые слова: обрядовый символизм; мифопоэтическая образность; народная идиоматика; фразеологическая картина мира; этнические коннотации в языке.

Роль воды в символизации мира, культ воды активно исследуется современными учеными по материалам различных культур и языков. Вода устойчиво рассматривается как универсальный культурный концепт [Костин 2005: 36]; как этнолингвистическая, символная и мифологическая основа славянской фразеологии, вода стала недавно предметом специального рассмотрения на международной научной конференции (Будапешт, 2013), см.: [Вода в славянской фразеологии... 2013]. Такое внимание к воде связано с укорененностью акватической символики в позднейших культурах и отраженностью ее в языке.

Идиоматика с образом воды, которая предстает как ее символная и мифологическая основа, достаточно многочисленна в мировых языках. По наблюдениям Т.И. Бадмаевой, только в английском языке отмечено не менее 187 фразеологизмов с компонентом *water*, что само по себе позволяет считать воду ключевым компонентом, базовым концептом английской национальной культуры [Бадмаева 2006]. В народной культуре и в народном языковом сознании вода до сих пор прочитывается как субстанция, олицетворяющая могущество природы, представляющая

мир в его изначальности. Являясь амбивалентным символом, она предстаёт как изменчивое, непредсказуемое, благотворное и в то же время как разрушающее начало.

Исследование применения воды в позднейшей обрядовой традиции показывает универсальность многих мифологических представлений о ней. Так, и в русской, и в финно-угорской традиции негативно оценивается стоячая вода озёр и болот (с ней и русские, и коми-пермяки, например, связывали происхождение водяных духов), тогда как вода ручьёв и ключей в этих культурах считалась целебной, «живой», что до сих пор выражается в культе родников (в говорах родниковая вода нередко называется *рóдная* т.е. родящая реку). Примечательно в этом плане и соотношение негативных смыслов коми-пермяцкого фразеологизма *ва пукёл* (букв. «застойная вода») ‘о физически слабом ребенке или старом человеке’ и русского диалектного *стоячая вода* (пермское) ‘о человеке малоинициативном, инертном’. Во многом совпадает своеобразный народный этикет по отношению к водным объектам. Так, коми-пермяки запрещали «обижать» воду словесно, тратить напрасно много воды, избегали набирать воду и купаться в темное время суток (*Ночью в воду вовсе идти нельзя, пропадёшь* – Чинагорт, Юсьвинский район); русские в Прикамье также считали, что ночью «вода спит», поэтому нельзя ее черпать ковшом.

Сходные обращения за помощью к божественной воде нередки в заговорной традиции разных народов. Так, в ритуале выхода на охоту у коми-пермяков специально подготовленной водой моют ружьё: *В угол, где иконы стоят, на сутки ставят кружку с водой. На кружку из травинки делают крест. Когда на охоту пойдёшь, водой из кружки промоешь топор, ружьё, самого себя вымоешь, тогда любого зверя возьмёшь* (Чураково, Косинский район). В русской традиции фиксируется достаточно экзотичный способ получения исключительных способностей при невезении – купание охотника в реке: *Не везёт если на охоте, вовсе в воду прыгают. Которые прямо с ружьём, в одежде. И собаку с собой. Говорят, потом обязательно зверь на тебя выйдет* (Усть-Уролка, Чердынский район). Мифологически контакт с водой, и особенно погружение в неё – это всегда отголосок идеи возвращения в необъятные воды праокеана и соответственно в начальное мифологическое, благодатное время.

Реки и водоемы воспринимались разными этносами как границы между мирами. И у русских, и у коми-пермяков Прикамья известен обычай бросания в реку троицкой березы, отправления на воду болезней; и те, и другие считали, что невесту нужно брать «с верхов», т.е. из селений, расположенных выше по течению реки, остерегались продавать

скотину, овощи и зерно в населенные пункты вниз по течению реки (из представления о том, что так можно потерять «спорину», т.е. удачу, успех, стать зависимым).

Вода является посредником, связывающим мир мертвых и мир живых, «тот» и «этот» свет, в связи с чем смерть представляется в виде переправы на другой берег (с этой идеей связано не только оформление гроба в виде лодки, устраивание кладбищ на противоположном от населенного пункта берегу, за рекой, но и бытование выражений типа пермского *тот берег видать* 'о человеке, достигшем глубокой старости', *уйти за реку, уйти за Каму* 'умереть'). В то же время река, осмысляемая в традиционной мифологии как центр мироздания, как медиатор между мирами, считалась дарительницей жизни, своего рода божеством. Поклонение воде очевидно в ритуале дарения реки, который хорошо известен как русским Прикамья, так и коми-пермякам, и применяется в самых разных ситуациях. Вышедшая замуж и переехавшая к жениху в другую деревню невеста обязательно шла к водному источнику и бросала в него либо монетку, либо кусочек хлеба (Юрла); во время коми-пермяцкой свадьбы молодая бросала в водоем хлеб, монеты (*После свадьбы, если приехал в чужую деревню, бросаешь монетку в колодец или родник* – В.Волпа, Юсьвинский район). Во многих районах Прикамья ритуал дарения реки сохраняется до настоящего времени: *Я когда еду на лодке первый раз, бросаю денежку в воду: «Милостивый батюшко, мать-водичка, сохрани и спаси меня от воды»* (д. Тиминская, Чердынский район). В обрядовой традиции коми-пермяков воде жертвуют при начале рыбного сезона: *Ся муно первой раз сетка чапкыны, босьто кольк ульос, чапкас вао, и тожно сетка чапкало* («Она пойдет в первый раз сеть бросать, берет сырое яйцо, бросит в воду, потом сеть закидывает» – Коса). Нередко коми-пермяки задабривали реку при простом употреблении воды, утолении жажды: *Пьешь из речки, даришь или хлеб, или беленькую тряпочку, или красненькую тряпочку. говоришь: «Матушка-речка, беги, не сердись. Это чтобы речка не обиделась* – Купрос-Волок, Юсьвинский район).

Сходство и близость обрядовых форм с водой у разных народов проявляется в календарной традиции. Одним из наиболее сакрально осмысленных сюжетов народного календаря является связанный с весенним ледоходом обряд проводов льда. В прошлом у русских Прикамья начало ледохода и большой воды на р. Кама превращалось в общественный праздник: *Положат в старое, ненужное лукошко солому, снизу сырую, сверху сухую, зажгут, пустят, чтоб плыло по реке* (Опалиха, Нытвенский район). Как своеобразная жертва божеству, в этот день происходило и дарение реки: в воду, бросали на лед монеты, хлеб, приговари-

вая: *Дарю тебя, вода, храни меня, вода* (Добрянка, Висим). Аналогично коми-пермяки во время ледохода шли на берег реки, бросали на льдину медные деньги или хлеб, загадав про себя: «*чтобы летом не утонуть*» (Сейва, Гайнский район). Народы Прикамья верили, что с большой весенней водой уходят болезни, все нечистое, что накопилось за зиму. У пермских татар, например, одним из названий проводов льда было *чир-чор киту* («болезни уходят»), *зин киту* («черти уходят»), см. подробно: [Черных 1999]. На вешнюю, «полую» воду отправлялись старые ненужные иконы, стружки и опилки от гроба. Отправление чего-либо на вскрывшуюся весной «полую» воду со временем стало осмысляться как универсальный способ избавления чего-либо негативного, с чем связано пермское бранное выражение *тьфу тебя на полую воду*. Также более приземленное, «бытовое» использование символа находим в разнообразных характеристиках неожиданной и непонятной пропажи, исчезновения чего-либо типа новгородского выражения *как в воду упало*, пермского фразеологизма *по воде пошло*, в выражениях с образами весенней разливающейся воды *как на полую воду* ‘без следа и пользы’ (поволжское), *не в полóй несет* ‘о ненужности спешки’ (пермское; существительное «полóй» этимологически связано с диалектным *полый* ‘открытый, распахнутый’). Сходные следы представления о воде как абсолютном «аннигиляторе» ощущаются в коми-пермяцкой поговорке о самоценности труда: *Трудыд ваё оз вóй* (букв. «Труд в воде не утонет»).

Богатейшие культурные коннотации воды (в основном восходящие к языческому ее почитанию) могут быть включены в семантику слова *вода*. Лексикализация символических смыслов воды, например, ощущается в предикативном использовании слова *вода* в пермских говорах в значении ‘хорошо, благоприятно’ (*Вода ему здесь жить* [СРНГ 4–331]), в применении возгласа *вода!* в качестве знака опасности в криминальном жаргоне [Трахтенберг 1908: 14]. Святость воды в народном представлении мотивирует использование слова *вода* в составе сравнения для оценки чего-либо имеющего хорошее, идеальное качество (пермское *литовка как вода* ‘о хорошо «идущей» косе’, уральское *как вода, вода водой* ‘об очень хорошем, ласковом, приятном в обращении человеке’). Эти же культурно-мифологические смыслы отражаются в разнообразных сюжетах народных идиом, наделенных нередко усложненной мировоззренческой семантикой. Так, русское диалектное выражение (*как*) *с плота воду лить* имеет сложный экзистенциальный смысл – обозначает жизнь в лишениях, тяготах (*Раньше жила как с плота воду лила, а сейчас-то живу хорошо, всё-то у меня есть* – Кривец Ильинского района). Выражение обыгрывает «сизифов труд» избавления от воды на воде (ср. в уральской поговорке о постоянном невезении *счастье идёт как вода*

на плот). Выражению соответствует коми-зырянское *пур костысь ва койны* 'болтать пустое, переливать из пустого в порожнее' (букв. «выплескивать воду между плотами»), которое строится на более «приземленной» аналогии говорения и переливания воды и не актуализирует идею воды-беды.

Фразеологизм нередко строится на совмещении противоположных символов. Коми-зырянское выражение *би пыр и ва пыр мунны* (букв. «сквозь огонь и воду пройти») 'пройти все испытания' (ср. коми-пермяцкое эллиптированное *би пыр мунны*, букв. «через огонь пройти» в том же значении), как и русские выражения *пройти огонь и воду (медные трубы)*, *пойти за кем-л. в огонь и воду* строятся на использовании имен стихий, которые осознавались как испытывающие и очищающие. Упоминание двух стихий, послуживших началом возникновения самого мироздания, неподвластных человеку, подчеркивает его исключительность (ср. маркирование с помощью этих образов идеи крайней опасности в пермском *на воде да на огне не ждет* 'о необходимости крайней спешки при наводнении и пожаре').

В народной фразеологии представлены разнообразные ситуации использования воды человеком и ее оценки. Фразеологизм выполняет не только языковую, но и культурную функцию – его образ «будит» древнейшие представления о свойствах природного мира. Восходящие к архетипическим образам воды, народные фразеологизмы являются яркими свидетельствами того, как в древности человек представлял свойства природного мира. Вода является универсальным символом, с помощью которого представляется не просто физическая сила природы, а первоначальная энергия, приводящая мир, события, явления жизни в движение. Сопоставление русского и коми-пермяцкого материала показывает по сути отсутствие национально своеобразных образов воды. Однако в разных культурах отмечаются конкретные национально маркированные ситуации ее использования человеком и оценки ее состояния в природе.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 14-14-59005 «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)».

Библиографический список

Бадмаева Т.И. Концепт «вода» в английской лингвокультуре. АКД. Волгоград, 2006. 16 с.

Вода в славянской фразеологии и паремиологии. Будапешт: Тинта, 2013. Т. I. 377 с. Т. II. 735 с.

Костин А.В. ВОДА. - АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ. Том 2. Волгоград: «Парадигма», 2005. С.24-36.

Словарь русских народных говоров. Т. 4. Л.: Наука, 1969. 356 с.

Трахтенберг В.Ф. Блатная музыка ("жаргон" тюрьмы). СПб., 1908. 69 с.

Черных А.В. Традиционный народный календарь татар и башкир Прикамья в конце XIX – начале XX вв. // Научно-информационный вестник истории и этнографии татарского населения Урала. №1. (Екатеринбург, 1999). С.57-77.

I.A. Podyukov

Professor of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

CULTURAL SEMANTICS OF RUSSIAN DIALECT AND KOMI-PERMYAK PHRASEOLOGY WITH AQUATIC IMAGES

Research of Russian dialect and Komi-Permyak phraseology, built on archaic water symbolism, is presented in the article. Semantics of certain phraseological units, connected with peculiarities of ethnic perception of the world, are revealed in folklore and ritual context of Russian spiritual culture and Komi-Permyak mythological understanding of water. Specific and universal for Russian and Komi-Permyak culture mythopoetical connotations to water and related concepts are studied. Ancient views of water as supernatural force and chemical element of the world are noted in folk study of idioms, relatedness of dialect phraseological units figurativeness with traditional rites and beliefs symbolism is examined.

Key words: ritual symbolism; mythopoethic figurativeness; folk study of idioms; phraseological picture of the world; ethnic connotations in the language.

Свалова Екатерина Николаевна
аспирант кафедры общего языкознания
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
svalova87@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ ПРИКАМЬЯ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ ¹

В статье рассматривается оценочная фразеология, отражающая представление о семейно-брачных отношениях в русской народной речи Прикамья и коми-пермяцком языке. На основе анализа образности фразеологизмов, которые представлены в обоих языках как тождественные или близкие по семантике, анализируются способы актуализации в языке мировоззренческих смыслов. Делаются попытки выявления в оценочных фразеологических номинациях этнокультурных особенностей при восприятии базовых для культурно-языковой традиции концептов «любовь, семья, брак».

Ключевые слова: фразеология; народная культура; коннотации; концепт; этнокультурные особенности.

Концепты «брак» и «семья» являются базовыми для культуры [Добровольская 2005, Железнова 2009]. Актуализация этих концептов находит свое отражение в семантических полях «родственные отношения», «брачные отношения», «родительские отношения» [Железнова: эл. ресурс], в отдельных лексемах, в устойчивых сочетаниях и в таких микрожанрах фольклора, как пословицы и поговорки. В нашей статье рассматривается образная сторона оценочной фразеологии на брачно-семейную тему, зафиксированной в русской диалектной (пермской) и коми-пермяцкой речи.

Осмысление брачно-семейной темы видно, например, в оценках тех, кто долго не выходит замуж или не женится. Стремление девушки выйти замуж связано с ее желанием проявить свою женскую природу: «В традиционной культуре женщины могли реализовать себя в полной мере лишь в браке, о чем свидетельствует множество пословиц: *жена при муже хороша, без мужа не жена; жена по мужу честна* [Архипова: эл. ресурс]. В отличие от современных стереотипов, где поздний брак связывается зачастую с обдуманном поиском партнера, а отказ от брака с осознанным решением, в народной культуре «одиночки» априори получают негативные характеристики. Так, «распространен взгляд на холостяков как на нечто незаконченное, недооформленное (по старой по-

говорке, *Холостой – полчеловека*), а на жизнь без супруга – как на жизнь «не в законе» [Байбурин 1993: 65–66]. Неслучайно понятие «вступить в брак» выражено в говорах фразеологизмом *принять закон* (в свадебном фольклоре этот смысл выражен еще более категорично: *закон Божьей принять*). В Прикамье, как и во многих других территориях России, «старые девы» подвергались ритуальному высмеиванию: *Ещё на Масленицу девок старых выжигали. Вот наберём соломы и в виде снопа ли сделаем или куклой завернём. Вот по дороге бежишь, подожжёшь и бросишь около дома, где девка старая живёт* (Бым Кунг.) [см. о «старых девах» [Муратова: эл. ресурс]]. В пермских говорах сохранилось немало уничижительных характеристик, в которых фиксируется внимание на непривлекательности оставшейся вне брака женщины: *сивый хвост, сухое верховище, ратник подворотный* (*ратник* ‘солдат, военный человек’) [Подюков 1990: 51]. В коми-пермяцком языке старую деву оценивают также негативно, используя слово *ендём*, которое указывает не столько на возраст, сколько на непригодность: *ендём черинянь* (‘испорченный рыбный пирог’), *ендём невеста, ендём ягёд*. Обозначение старой девы *путишалём пистик* ‘разросшийся хвощ’ отмечает еще и бесполезность женщины, упустившей время вступления в брак (разросшиеся хвощи-пистики уже не собирали и не использовали в пищу). Последнее выражение в чем-то близко к пермской характеристике засидевшейся в девках *непересаженная капуста*: вовремя не пересаженное в грунт растение не даст хорошего плода.

Право выходить замуж регламентировалось в семье по старшинству. Про девушку, у которой младшая сестра первой вышла замуж, коми-пермяки говорят *дынйём нывка* (приблизительно «девушка, превратившая себя в комель»). Неодобрительность выражения задаётся соотношением с основанием дерева не старшего по возрасту, что логичнее, а младшего. Понятие «выйти замуж раньше старших сестер» обозначается с помощью выражений *в корыто посадить* (русские говоры Прикамья), *шёмёс (квашня) сайё пуксьётны* ‘за закваску (квашню) посадить’, *джоджулё йёртны (пыртны)* ‘в подпол загнать (завести)’; в этих случаях отмечается унижение старшей сестры, которой отводится недостойное место. Любопытно выражение *пуксьётны кань ёшынё* (приблизительный смысл – «посадить на подоконник кошку»), которое обыгрывает, как представляется, известный культурный сюжет пребывания у окна как знака любовного ожидания; замена девушки кошкой указывает на то, что это окно жениха больше не интересует.

Изначально соединение молодых людей в браке было связано с благословением родителей и обрядом венчания. Такое редкое для традиционной культуры явление, как развод, связывается именно с симво-

лом обряда: *бросать венец с головы* ‘разводиться, расторгать брак’. Сожителство, совместная жизнь без венчания, без официальной регистрации считались неправильными. В русской речи Прикамья сожитель иронично именуется *пассажиром* (оценивается как случайный попутчик). О сожителстве говорят *спеться, совместиться, схватиться*, а брак без венчания неодобрительно называется *играть свадьбу круг бани (поганого ведра)*; оценка здесь задана указанием на лишённость такого брака чистоты и святости. Нередки также сравнения тех, кто живёт не по закону, с насекомыми или животными: *собачье замужество* ‘о сожителстве’, *сойтись зайцем* ‘о внебрачном сожителстве’, *как мухи сбегаться* ‘сойтись без обряда’.

В традиционной семье совместное проживание молодая жена начинала с совершенно чужим человеком: *Раньше отцы отдавали дочку силом замуж. И не за знакомого, не знают, он какой, откуда жених. Привыкнут, пойдут дети* (Зап. от Хорошавиной А.В., 1930 г.р., д. Лидино Окт.); *Вайõtлiсõ тожõ жõниксõ. Одзжык эд тõдтõм жõниккесõ большõ... Мыкõдыс совсем оз тõдõ жõниксõ, мунõны. Õтлаасясõ, вõлiсь знакомитчõны* («Приводили тоже жениха. Раньше ведь незнакомых женихов. Некоторые совсем не знают женихов, идут. Поженятся, потом знакомятся» – зап. от Овчинниковой Е.А., 1910 г.р., с. Архангельское Юсьв.); *Раньше как корову за быка отдадут, от роду жениха не видала, отдадут, и всё* (Городище Юсьв.). В коми-пермяцком языке известен фразеологизм *бур рõдõ мунны (шедны)* («в хороший род попасть»), который фиксирует стремление отдать девушку замуж в богатую, благополучную семью. Особые характеристики получает и жених, который по определенным причинам не забирает девушку в дом своих родителей, а приходит жить к жене: в пермских говорах для него отмечены номинации *дворовiк, дворовõй*, фразеологизмы *выйти в дом, на ихний (чужой) пол уйти, во дворовые (на дворовую) жизнь уйти*. Аналогичны им коми-пермяцкие выражения *домõ мунны* («в дом пойти»), *картаõ пырны* («в конюшню зайти»), подчеркивающие зависимое положение примака.

Подчиненное положение женщины в семье в традиционной культуре выступает как норма; немало комментариев, в которых отмечается, что перечить мужу нельзя, что противление мужу – грех: *Если мужик ругается, молчать надо ... женицинам. С мужем не связывайся. Если ты стала ругаться с мужем, быстро драка получается. Грек ... мужика-то ругать. Раз да раз, да два, потом привыкла. Правильно сделала – молчу, неправильно сделала – молчу.* (Зап. от Лесниковой П.И., 1921 г.р., д. Плотникова Кудымк.).

Традиционный брак редко основывался на чувствах. Как правило, жизнь в браке напрямую не связывается с чувственной любовью; в слово *любовь* скорее вкладывается идея уважения и привязанности «по долгу»: *И как бы он над женой не издевался ли и не дрался ли чё ли – не убежали, и родители не давали расходиться. «Живи!».* Раньше больше было любви-то. Не нагла была любовь-то, а теперь-то наглая, обман один. (Зап. от Хорошавиной А.В., 1930 г.р., д. Лидино Окт.). Тем не менее нередко встречаются народные суждения о высоком содержании любви: *Пожелаю я детям своим и внукам любимым на пути своей встретишь любовь. Сохрани до последнего дня, не кидайся ты ей, не россевай ни ветрами ни вьюгой, чтоб не оставаться один на один с огромным и черным камнем в груди, на все оставшие годы* (из личного дневника Паршаковой П.Т., 1931 г.р., д. Талавол Краснов.). В народных фразеологизмах отмечается, что для семейной жизни важен эмоциональный контакт, взаимопонимание, верность: *одной подушкой связаны* ‘неизменно верны друг другу’, *о́тик ыбѝсѝн ветлѝны* («в одну дверь ходят») т.е. мирно живут в браке, *оча кымѝс (пельпон – ойв.) овны* («плечом к плечу (лоб о лоб) жить») ‘о крепком браке’, *кальк оз кер бердсис* («шага не ступит от него/неё») ‘о преданном супруге’. Во фразеологизме *одной подушкой связаны* представление о супругах как об одном целом эфемически связывается с их телесной, интимной близостью. Это представление находит отражение и в номинации супругов в коми-зырянском языке *кок шонтысь* ‘ноги обогревающий/обогревающая’ [Тарабукин 1959]: ср. в пермских говорах эфемизм *пяточки погреть* ‘о половом контакте’. С другой стороны, несколько «утилитарное» значение брака выражено в номинации *дѝмас дѝмысьыд майбыр сюрас* (устар. коми-зырянское, букв. «заплатки-то латающая, небось, найдётся») ‘о жене и женитьбе’ [Тарабукин 1959]).

Уважение и привязанность в силу заключенного однажды соглашения оказываются сильнее такой причины разрушения семьи, как супружеская неверность, причем отношение к мужской измене лояльнее, тогда как «женская супружеская измена или уход жены от мужа направлены на разрыв установленных обрядом жестко структурированных отношений между супругами в крестьянской семье» [Гура 2012: 41]. Интересно возможность женской неверности представлена в выражении *На лодку да на жену не надейся – лодка может утопить, жена может изменить*. Выражение формулирует мужской взгляд на иррациональность женщины, при этом негативная оценка снижается (неверность женщины как бы не зависит от неё самой, как неустойчивость лодки на воде).

Сам факт измены довольно широко комментируется в русской и коми-пермяцкой фразеологии и чаще всего представляется через образ

неправильного пути, неверной дороги: *Налево и направо пошагивать* ‘находясь в браке, изменять’, *идти за стороной, сторонку иметь* ‘изменять в супружестве’, *бокõ тальны* ‘в сторону топтать’, коми-зырянское *йõз чõс туй кузя эн ветлõдлы* ‘по чужой охотничьей тропе не ходи’ [Тарабукин 1959]. Измена как ходьба не по своей дороге обозначена и в иронической номинации мужчины, имеющего детей вне брака *обхõдник* (*Мужик, который детей нагулял, он обходник. В годы войны много таких было* – Елога Юрл.). Фразеологизм *поннэзлõ турун ытшикõ* ‘собакам траву косит’ – ‘о муже, ушедшем из дому, из семьи’ соотносится с известным в пермских (и в других русских) говорах *пошёл собакам сено (траву) косить (давать)* ‘об отсутствующем (как правило – бросившем семью) муже, отце’. В этих выражениях за счет алогизма роль мужчины в другой семье представляется как бессмысленная. Любопытен фразеологизм *садить чужих ворон на свои сады*, в котором не только обозначен факт измены, а выражено некоторое оправдание ее: *Нет уж, мой не гулял нисколь. Это чё – садить чужих ворон на свои сады, я уж не понимаю* (Ефремова Юрл.). По-видимому, фразеологизм говорит о том, что в измене мужа отчасти виновата и сама жена, допустившая ее (пустившая чужого на возделанное своими руками). В русском языке ворона получает отрицательные коннотации, основанные на соотношении этой птицы с невнимательностью. В этом же случае обыгрывается народно-этимологическое сближение вороны – воровства и используется традиционное для славянской культуры понимание этой птицы как вестницы плохого, несчастий [Славянские древности I: 436].

Рассмотренные материалы народной речи, объединенные семейно-брачной тематикой, показывают сохранение до наших дней особого, традиционного взгляда на супружество. Представленные в русской речи Прикамья и в коми-пермяцком языке оценки отличаются смысловой близостью, и в то же время по ним можно судить об этнокультурных особенностях семейного уклада. Особенно яркие отличия в разных культурах имеет фразеологическая образность.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках гранта № 14-14-59005 «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)».

Библиографический список

Архипова Н.Г. Образ женщины в народной языковой культуре. URL: http://www.amursu.ru/attachments/article/9505/N60_22.pdf (дата обращения: 25.05.2015).

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. URL: <http://www.dobre.ru/book/baburin/baybur5.htm> (дата обращения: 01.06.2015).

Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. («Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»). М.: Индрик, 2012. 936 с. С.41.

Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира. Автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 2005. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0200-67460/020067460.pdf> (дата обращения: 26.05.2015).

Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья». Автореф. дис. канд. филол. наук. Ижевск, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvokognitivnoe-i-lingvokulturnoe-issledovanie-kontsept-a-semya> (дата обращения: 26.05.2015).

Муратова М. Старая дева и стародевичество как культурный концепт // Русский фольклор в современных записях. URL: http://folk.ru/Research/Conf_2002/muratova.php (дата обращения: 27.05.2015).

Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1991.

Попова О.А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь, 2010.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН. Т.1. 1995. С. 436.

Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2000-2002.

Словарь русских говоров коми-пермяцкого округа. Пермь, 2006.

Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.1–3. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2010–2012.

Тарабукин И.И. Коми-русский фразеологический словарь. Ижевск, 1959.

Условные сокращения районов Пермского края

Гайн. – Гайнский, Киш. – Кишертский, Краснов. – Красновишерский, Кунг. – Кунгурский, Кудым. – Кудымкарский, Окт. – Октябрьский, Уинск. – Уинский, Юрл. – Юрлинский, Юсьв. – Юсьвинский

E. N. Svalova

Postgraduate Student of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

PHRASEOLOGICAL ASSESSMENTS OF FAMILY-CONJUGAL RELATIONS IN PRIKAMYE RUSSIAN FOLK SPEECH AND THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE

Evaluative phraseology, reflecting ideas concerning family-conjugal relations in Prikamye Russian folk speech and the Komi-Permyak language, is described in the article. Actualization ways in the language of worldview meanings are analyzed on the basis of phraseological units figurativeness analysis, that are presented in both languages as identical or similar in semantics. Attempts to reveal ethnocultural peculiarities in evaluative phraseological nominations in perception of the basic concepts for cultural and linguistic tradition ‘love, family, marriage’ are made.

Keywords: phraseology; folk culture; connotations; concept; ethnocultural peculiarities.

Томилина Марина Анатольевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
marinatom90@mail.ru

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТАМИ- НАЗВАНИЯМИ ПРИРОДНЫХ СТИХИЙ¹

В статье предпринимается попытка описания фразеологических единиц с компонентом – названием стихий с точки зрения их места и роли во фразеологии коми-пермяцкого языка. Выделены наиболее значимые стихии для коми-пермяцкой культуры, обозначается их роль в народных верованиях. Сделан сравнительный анализ с данными русской культуры.

Ключевые слова: фразеологизмы; стихийная символика; экзистенция; культура.

Символьность в семантике фразеологизмов мотивирует его ценностное содержание. Фразеологизм выступает «проводником» в культурное пространство; само возникновение фразеологизмов часто связано с верованиями, обрядами и ритуалами народа. В разных по происхождению группах фразеологизмов культурные смыслы представлены в большей или меньшей степени. Особые мировоззренческие смыслы могут быть выявлены во фразеологизмах, содержащих названия стихий.

С древности стихии понимались как изначальные качества и силы мироздания, фундаментальные роды материи, из которых состоит всё на свете. Практически все мировые культуры четыре стихии (вода, земля, огонь, воздух) включали в свои философские и мифологические традиции. Названия стихий в самых разных языках мира обладают повышенным символизмом, активно используются при создании фразеологических единиц. Неслучайно обращение фразеологов к устойчивым выражениям, связанным со стихийной символикой. Так, в работе С.А. Литвиновой исследуется символика компонентов фразеологизмов *fire, water, air, earth* (при этом автор делает вывод о преобладании отрицательных значений основанных на этих компонентах фразеологизмов). Концепт ОГОНЬ на материале фразеологии татарского, русского и английского языков рассматривает Г.К. Гизатова, отмечая различия фразеологических систем, носящие лингвокультурный характер. Фразеологиз-

мы с компонентом – названием стихий представляют особый интерес с точки зрения формирования как языкового знания, так и культурного опыта всего человечества.

Вода у многих народов является первичной стихией. В космогонических мифах разных народов вода – источник жизни, от нее происходит мир, вселенная. И в славянском, и в финно-угорском фольклоре известны тексты о сотворении мира, где один из демиургов в облике птицы (утки), ныряет под воду, чтобы достать немного земли со дна. Позднее из этой земли создается суша. Сходные тексты существуют и во многих других традициях [Мифы народов мира 1982: 240]. Многие стихии представляют собой амбивалентный символ, несут одновременно и положительную, и отрицательную силу. Естественно предположить, что с развитием культур восприятие стихий у каждого народа приобретает свою специфику.

По имеющимся источникам нами было выделено 34 фразеологических единицы, содержащих компоненты – названия природных стихий. Более частотным базовым компонентом при этом является *вода* (13 ФЕ), второе место по распространенности занимает *земля* (9 ФЕ), одинаково распространены *огонь* (6 ФЕ) и *ветер* (6 ФЕ).

Примечательно, что почти все рассматриваемые фразеологизмы с компонентом вода можно охарактеризовать как заимствованные. Широко употребляются варианты фразеологизмов, означающих бесполезное дело. Например, выражения *пожён ва кайõtлыны* («решетом воду носить»), *ва тойны* («воду толочь») содержат глаголы со значениями, невозможными по отношению к воде. «Решетом воду носить» встречается как в коми-пермяцком, так и русском фольклоре. Фразеологизм, как показал А.Л. Топорков, связан с отмеченным в фольклоре и обрядности мотивом ношения воды в решете, который в свою очередь содержит уподобление решета небесному своду и следовательно используется как обрядовая имитация дождя [Топорков 1985: 121–123]. Выражение постепенно стало соотноситься с ироническим отношением к магическим обрядам и стало характеристикой бесполезной деятельности. В коми-пермяцком языке имеется еще один алогизм, представляющий бесполезную деятельность: *ва лöсьыны* («воду точить»), не имеющий аналога в русском языке.

Выражение *кыдз ваё видзõtис* («как в воду глядел») используется, когда предполагаемое сбылось. В этом случае существенным признаком воды будет ее отражаемость. Происхождение фразеологизма связано с обрядом гадания, с гидромантией: согласно представлениям о том, знахарь или тот, кто к нему обращается, поглядев в ковш с чистой водой, может узнать будущее.

Свойствами причинять смерть и нейтрализовать ее наделялась текучая вода (на полуую воду отправлялись болезни, по текущей воде нужно было провести купленное животное – чтобы «забыло» дорогу к старому дому). Фразеологизм *ва ньылат кывтны* (букв. «по течению плыть») также указывает на подчинение обстоятельствам.

Отметим совпадение внутренней формы коми-пермяцкого выражения *вывтырын ва оз õшышы* (букв. «на нем вода не держится» ‘о крайне бойком, энергичном’) и пермского диалектного *тепла вода на ком не держится* ‘о крайне болтливом’, уральск. *вода не держится на ком* ‘об очень высоком, сильном’ (известно аналогичное брянское выражение о полном, сытом, довольном). Фразеологизм указывает способность активного, сильного человека противодействовать воде (напр., испарять ее, не задерживать на одежде, т.е. «превозмогать» её).

В традиционной культуре земля – место, связанное с переходом из одного состояния в другое, из нашего мира в иной. У земледельческих народов, к которым относятся и коми-пермяки, была неразрывная связь с землей, они всю свою жизнь проводили на земле, делили с ней радости и беды, просили помощи. Волхвы (мудрецы) в посевное время выходили в поле, ложились на траву и слушали Землю. На рассвете во вспаханную заранее борозду они кидали зерно и лили пиво. При этом существовала целая система приговоров и обращений. Сначала, стоя лицом на восток, они просили Землю избавить от «привороты» и «лихого дела». Повернувшись на Запад, призывали «поглотить нечистую силу»... [Русская мифология 2006: 163]. Известны легенды и предания, в которых раненые припадают к земле, чтоб пополнить свои силы. Стихия земли обладает сильной исцеляющей силой. В легенде о Кудым-Оше описывается действие, когда князя дважды ранят прямо в сердце, но ему удается прижаться грудью к земле и тотчас же исцелиться. На третий раз Кудым-Ош падает на спину и погибает. Недаром про человека крепкого, здорового телосложения говорят *мусянь вартõм* («из земли сбитый») или *мусянь тэчõм* («из земли сложенный»). В этих же устойчивых выражениях можно увидеть отсылку к мотиву сотворения первых людей из земли, который встречается у многих народов.

Слово «земля» используется и для обозначения пьяного человека: *мусõ кок увтсис оз адззы* («землю из-под ног не видит»). В этом фразеологизме отмечается, что человек в состоянии опьянения теряет связь с землей, находится в пограничном пространстве между небом и землей, т.е. в единицах воспроизводится древняя мифологема опьянения как состояния временной смерти.

Во фразеологизмах, в которых содержится компонент «земля», на первый план вынесены в основном физические признаки: *му бердись абу*

калькалõм («от земли не отделился») – маленький, с ноготок, т.е. с поверхности земли не очень видно, *му люкавтõдз овны* («жить, бодея землю») – долгожитель.

Огонь и ветер, по мифам народов коми, были созданы богом. В мифологии эти стихии содержат семантику отрицательного. Так, согласно коми-зырянской мифологической версии, огонь люди получили от Ена. Ен создал огонь в виде очень красивого краснощекого человека, но он стал злоупотреблять полученной им первоначально свободой, разгуливая по земле и поджигая леса. Ветер также был сотворён Еном, но выпущенный на волю Омõлем стал разрушать дома, разваливать стога, ломать деревья, и люди обратились к Ену с просьбой утихомирить расшалившийся ветер, после чего Ен привязал его и запретил ему буйствовать. С тех пор ветер стал тихим и покладистым, однако по наущению Омõля иногда всё же срывается с места и производит разрушения.

Ветер часто соотносится с нечистой силой. В коми-пермяцких быличках распространены сюжеты о посещении человеком иного мира: хозяин дома жалуется, что брошенным против ветра предметом выбило глаз сыну (отрубило руку), и если виновник не сможет исцелить, придётся отдать свой глаз. В коми цикле быличных сюжетов «об унесённых» нечистая сила в виде ветра носит людей сутками по воздуху и переносит на большие расстояния, иногда при этом люди теряются навсегда [Петрухин 2005: 223–225]. С этим связаны выражения, указывающие на безвозвратную потерю или лёгкое появление и потерю чего-либо: *лэдзны тõв ньылат* («пустить по ветру»), *тõв ньылат лэдзны добро* («пустить по ветру добро»), т.е. лишиться чего-то ценного навсегда.

Если летом донимает жара, следует посвистеть, чтобы поднялся ветерок. Обычно свиста принято остерегаться: «Эн шутляв, нешуть нуас» («Не свисти, несвисть унесёт») у коми-зырян, потому что на свист может прилететь нечистый дух в виде ветра и унести; или «эн шутняв, деньгаыт оз ло» («не свисти, денег не будет») – это выражение заимствовано из русского языка. Возможно, как следствие, возник фразеологизм *карманын тõв шутнялõ* («в кармане ветер свистит») в значении ‘пусто, без денег’. В этом случае мы также видим отождествление нечистой силы и ветра.

По ветру могли насылать на людей порчу и болезни, вихрь у финно-угров является демоническим существом. По поверьям, в виде вихря могут передвигаться колдуны. Здесь, с одной стороны, делается акцент на близости ветра и нечистой силы, с другой – подчеркивается быстрая скорость ветра. Про человека, который быстро прошел, говорят *тõвчикõн мунис* («вихрем прошел»). Особенно злостным и вредоносным характером обладает северный ветер. Он может забрать у людей какие-

то ценности, нанести непоправимый вред. Судорогу коми-пермяки называют *ойтöв* (ой = север, тöв = ветер), *кокöс ойтöв кыскö* – «ногу судорогой свело».

Огонь в общемировой культуре воспринимается как посредник между миром людей и миром богов. От всех представленных стихий отличается тем, что ему приписывается апокалиптическая сила. Например, ханты верили, что «...мир погибнет в огненном потоке (у хантов-чекнай, «бедственный огонь»), которым некогда нуми-торум уже очищал землю» [Петрухин 2006: 417]. Стихия огня наделена двойственной символикой. С одной стороны, огонь – важнейшая стихия, подчиненная человеку, с огнем связывались свет и тепло, важные для жизни человека. С другой стороны, стихия огня осознавалась как опасная сила, несущая разрушение и смерть. Во многих культурах распространен фразеологизм, которым показывается отношение к огню: *как огня бояться*.

Огню свойственны экспрессивность, эмоциональность, поэтому о людях, которые чересчур бурно обсуждают что-то, спорят, ругаются, эмоционально доказывают свою правоту, можно сказать *ньывйö биöн кайны* («огнем по пихте подняться»), *синнэзись би чеччö* («из глаз искры сыплются»).

Огонь обладает очистительной силой. Так, для того, чтоб излечиться от многих болезней, прыгают через костер. *Би пыр и ва пыр мунны* («сквозь огонь и воду пройти») в значении ‘увидеть все в своей жизни’.

Архаичные представления о взаимоотношении сил природы и людей находят отражение не только в обрядах, запретах, предписаниях, но и фольклорных произведениях разных жанров. Самой значимой стихией для коми-пермяков является вода. Она обладает разными функциями: очистительной, предсказательной, иногда разрушительной.

Земля и вода – это стихии мироздания, первичные, тогда как огонь и ветер создаются демиургами.

Фразеологизмы с названиями-компонентами огня и ветра имеют по большей части отрицательную семантику. Человек определяет себя частью природы, все действия его направлены на единение с окружающей средой и постижение ее тайного смысла, смысла ее бытия. Знание смысла необходимо для того, чтобы человек не только был единым со средой и сознательно совершал поступки в этом пространстве, но и мог на правах творца участвовать в процессах внутреннего изменения пространства.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)» № 14-14-59005.

Библиографический список

Гизатова Г.К. Структурно-типологический подход к сопоставительному исследованию фразеологии (на материале татарского, русского и английского языков). Казань: АДД, 2010. 50 с.

Климов В.В. Корни бытия: Этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар: 2007. 365 с.

Литвинова С.А. Фразеологические единицы, содержащие компоненты, обозначающие названия стихий (вода, воздух, огонь, земля) в современном английском языке: автореферат кандидатской диссертации. Москва: 2006. 185 с. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/225321.html> (дата обращения: 24.05.2015).

Мифы народов мира в 2-х томах. Т.1. Москва: Сов. Энцикл., 1982. 654 с.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. Москва: Астрель АСТ Транзиткнига. 2005. 463 с.

Попова О.А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь: труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, выпуск VII. Пермь, 2010. 343 с.

Русская мифология. Энциклопедия. Москва: Эксмо, Санкт-Петербург: Мидгард, 2006. 784 с.

Топорков А.Л. Почему «решетом свету nanoшено»? // Русская речь. 1985. № 1. С. 121–123.

M.A. Tomilina

Master Student of Philological Faculty

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

CULTURAL SEMANTICS OF IDIOMS OF KOMI-PERM LANGUAGE WITH COMPONENT-NAMES NATURAL ELEMENTS

We attempt a comprehensive description of FE with component-name elements in terms of their place and role in the phraseology of the Komi-Perm language. Most significant element for the Komi-Perm culture allocated, denoted their role in folk beliefs. We made a comparative analysis of the data of the Russian culture.

Key words: idioms; elemental symbols; existentiality; culture.

Четина Елена Михайловна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
chetina@mail.ru

Колегова Оксана Алексеевна
студентка филологического факультет
Пермский государственный
национальный исследовательский университет

УСТЬ-ПЫШЬЯ: МЕСТО ПАМЯТИ ¹

Статья посвящена изучению функционирования мест памяти в микролокальной традиции посёлка Усть-Пышья Юрлинского района Пермского края. В ходе экспедиционных выездов были выявлены почитаемые места: захоронения ссыльных поляков, памятник погибшим в годы Гражданской войны, старое кладбище. Поминальные традиции жителей поселка сформированы под влиянием коми-пермяцкой ритуалистики (коллективное поминание «забытых покойников»).

Ключевые слова: народная культура; места памяти; поминальная традиция; коми-пермяцкая ритуалистика.

Поселок Усть-Пышья находится в Юрлинском районе Пермского края. Район называют «Русский остров», так как он является местом компактного проживания русского населения в иноязычном окружении – язьвинских и кочевских коми-пермяков. Как свидетельствуют исторические источники, население «Русского острова» в основном формировалось из беглых крепостных крестьян и «кержаков»; в XIX в. в крае отбывали наказание политические ссыльные, в XX веке в эти места отправляли спецпереселенцев. В ходе развития краевой лесопромышленности появлялись лесоучастки и леспромхозы, одним из которых и стала Усть-Пышья, население которой составили уроженцы соседних деревень и многочисленные приезжие: украинцы, белорусы, молдаване. В 1990-е годы большинство леспромхозов вынуждено было прекратить свою деятельность, жители стали разъезжаться.

В поселке Усть-Пышья по данным 2010 г. прописано 62 человека, ко времени нашего приезда в поселке проживало 20 человек. Местные СМИ сообщают: «Поселок подлежит расселению, жители будут переселены в Юрлу к сентябрю 2014 года. Из краевого бюджета на это выде-

ляют более 10 миллионов рублей, из бюджета района – 1 миллион 100 тысяч рублей» [Официальный сайт Юрлинского муниципального поселения: эл. ресурс]. Необходимость расселения объясняют, в первую очередь, недоступностью и удаленностью поселения. В Усть-Пышью не ходят автобусы, до ближайшего населенного пункта (п. Чугайнов Хутор) – двадцать километров по лесной, разбитой дороге.

Со всех сторон поселок окружен тайгой, по всей территории стоят заброшенные дома, в которых оставлены вещи: посуда, игрушки, мебель. Местные жители говорят, что не хотят уезжать, они стараются как можно больше рассказать о родном поселке, чтобы он сохранился хотя бы в памяти людей. Пышьянцы не понимают, «... как можно оставить место, где похоронены твои родители, где ты прожил всю свою жизнь, где выросли твои дети». Бывший водитель лесовоза Ю.А. Пятковский говорит: «Останусь тут до последнего. А, может быть, совсем не переедем».

Староста Любовь Петровна рассказала нам историю поселка: «Сюда посылали из деревень, на лесозаготовки. У меня мама ... ей было 17 или 18, её сюда прогнали, она потом тут осталась. Потом вот у нас два поселка были, была деревня у нас, вот вы ехали, проезжали, там три деревни у нас было. И тут решили общий поселок организовать, так вот эту Пышью организовали. И вот мы сюда приехали одни из первых, сами же достраивали дома, сами всё делали... У нас дома в хорошем состоянии, потому что люди сами строили. Этот дом тоже семейными бригадами строили. Другие тоже сами себе строили, как бы семьями, вот». Соседние леспромхозы Конанов Бор и Высокий Бор прекратили свое существование более 10 лет назад. Ранее между поселениями существовали прочные связи, «будни и дни отдыха – все было общим». За время нашего разговора Любовь Петровна несколько раз повторяла: «Посёлки у нас дружные были, весёлые были посёлки». Разорение некогда процветающих леспромхозов воспринимается местными жителями как трагедия.

В 1942-1943 гг. в эти места прибыли польские спецпереселенцы, местные старожилы называют их «пленные поляки». Согласно «Положению о спецпоселении и трудовом устройстве бывших военных», в Молотовскую область «было переселено 1737 семей; в деревню Бульчи переселено 100 поляков, в Усть-Пышью – 120, в Конанов Бор – 150, в Сюрол – 170» [Поляки... 2009: 163, 168–169]. В отчетах облздравотдела зафиксировано, что быт переселенцев не был обустроен: «Все пункты размещения спецпереселенцев представляют собой зоны крупнейших лесных массивов с преобладанием лесов хвойной породы и на значительном расстоянии от местных селений и районных центров. Территории,

окружающие спецпоселки, как правило, заболочены <...> Во всех занимаемых бараках и домах-общежитиях редко наблюдаются индивидуальные кровати. Бараки и дома в надлежащий вид не приведены, не утеплены <...> Новый состав спецпереселенцев вскоре после прибытия на места назначения, при отсутствии теплой одежды и обуви, дал высокие цифры заболеваний простудного характера» [там же: 167–168]. Болезни и тяжелый труд являлись причинами высокого уровня смертности среди спецпереселенцев.

На территории Усть-Пышьи и Конанова Бора сохранились места захоронения поляков. В 1950-е гг. большинство переселенцев вернулось на родину, но местные жители хранят о них память. Польский сад в Конановом Бору часто вспоминают как одно из самых красивых мест: *«Польский сад, поляки его охраняли, у нас там лавочки были. Потом, уже в наше время, решили его вырубить, потому что он сосновый, сосны крепкие. Всё население поднялось против. Все ругались, шумели, но его вырубил. Сейчас тоже остались сосны, сосны растут, но они уже не такие, как раньше... У нас, в памяти осталось, что польские его оберегали, там беседки были... И там кладбище ихнее. Понимаете, одна сторона русского кладбища, одна сторона польского кладбища. Сейчас уже могилки сровнялись».*

Кладбище в Конановом Бору в настоящее время недоступно: нет дорог. Польское кладбище в Усть-Пышье сохраняют местные жители. Кладбище – поляна, огороженная забором, в центре которой растут старые сосны: поляки похоронены под ними; можно разглядеть две маленькие могилки. В субботу перед Троицей пышьянцы проводят коллективные поминки на трех местах: на старом кладбище в соседней деревне Булычи, у памятника погибшим в годы Гражданской войны и на Польском кладбище. На коллективные поминки традиционно приходят женщины, которые «кадят» могилы. Каждение производится с приговором: *«Помяни, Господи, сам знаешь, кто лежит, поляков».* Ритуал каждения могил – обязательная часть местной поминальной обрядности. Под соснами стоит лавочка, на которой раскладывается поминальный обед. Покойных поляков жалеют: *«Одни, бедные, тут лежат»*, называют своими покойниками.

Помимо Польского кладбища в окрестностях Пышьи есть ещё одно «место памяти» – обелиск погибшим во время Гражданской войны. Он находится по дороге в Пышью, в лесном логу, недалеко от старинной пермяцкой деревни Булычи (Лопан). *«В братской могиле похоронены 14 человек, расстрелянных белыми, сочувствующих Советской власти, а также эвакуированных из городов Березники, Соликамск, Усьолье, в их числе женщины. Имена неизвестны»* [Бахматов 1999: 104].

Юрлинский краевед А.А. Бахматов неоднократно обращался к истории Гражданской войны, особое внимание уделяя Юрлинскому восстанию 1919 г.: *«В дни восстания повстанцы учинили расправу над работниками уездного исполкома, членами их семей. Они расправились с местными коммунистами, членами волисполкомов, комитетов бедноты, подвергая их пыткам, истязаниям, расстрелам»* [там же: 60]. В Юрле и селах района установлены обелиски в память о жертвах восстания. Так, в поселке Усть-Зула, в братской могиле захоронены волостной военный комиссар В.Ф. Сабуров, члены волисполкома К.Р. Женин и М.М. Боголюбов. В Троицкую субботу в ограде памятника иногда поминают погибших их дальние родственники.

Поминание погибших красноармейцев зафиксировано нами также в Косинском районе. Недалеко от райцентра, рядом с лесной дорогой расположена братская могила. Косинцы рассказывают, что раньше в Троицкую субботу «бабушки ходили поминать убитых»: *«Дедушка там яму копал <...> Ходили туда, да. Раньше ходили и я ходила с мамой, маленькая была».*

Похороненных у дороги жертв Юрлинского восстания многие годы поминали жители деревни Булычи, но теперь эта деревня расселена и традиция поминать «неизвестных и забытых» стала частью поминального обряда пышынцев. Анна Ивановна Боголюбова, 1929 г.р., рассказывает о коллективном поминании на братской могиле: *«Помяни, Господи».* Так и говорили. *«Помяни, Господи, всех».* А чего уж там, мы ж не знаем, кто там схороненный. Это тогда война была, в войну всё там было... *«Помяни, Господи, воинов, убиенных воинов, в лесу пропавших...».*

На вопрос: *«А памятник кадят?»* Анна Ивановна ответила: *«Кадим. Я беру угли из дому, в готовую баночку».* *«[Они] одни. [Их] никто не поминает»*, – так А.И. Боголюбова объясняет эту традицию.

Необходимость поминать «забытых» покойников – характерная черта коми-пермяцкой культуры. Жители Усть-Пышьи, выходцы из разных регионов, органично усвоили эту народную традицию. Последовательность календарных обрядовых действий никогда не меняется. Каждую субботу перед Троицей все едут на кладбище в Булычах: там покоятся родственники. Одна из пожилых женщин совершает «обход» всего кладбища и кадит. Ритуал позволяет помянуть тех, кто покоится в заброшенных и одиноких могилах. Семейные поминки, таким образом, дополняются коллективным ритуалом общего поминовения. Затем пышынцы отправляются к обелиску погибшим в годы Гражданской войне, который находится недалеко от кладбища; поминающие располагаются в ограде, расстилают домотканую скатерть, раскладывают поми-

нальную еду: рыбный пирог, яйца, шаньги. Последнее место памяти – Польское кладбище. Везде повторяются обряды поминальной ритуальности: кадят могилы, проводят поминальный обед, читают молитву. После того, как помянут своих покойных родственников, все дальнейшие поминальные действия пышынцы проводят в память «чужих»: «забытых покойников», жертв Юрлинского восстания, пленных поляков. Личностное самосознание пышынцев в значительной степени сформировано фольклорной традицией, оно позволяет осваивать окружающий мир и интерпретировать историю в системе народного мировоззрения. Места упокоения приобретают особый статус, связанная с ними народная ритуальность способствует сохранности культурного пространства.

Усть-Пышью окружают леса и болота, в окрестностях есть целебные ключи. Так, возле деревни Шагаево – восемь источников, оттуда, по словам старожилов, брали воду на исследование и признали воду «самой чистой в районе». Связь пышынцев с природой проявляется в рассказах о памятных деревьях. По словам Любови Петровны, возле дома обязательно должна расти ель, она «даёт силу». Больше других деревьев Любовь Петровна ценит березу, хотя считает, что это дерево перед домом «садить нельзя»: *«Мы когда строились, у нас тут березовая роща была. Срубили всё. А мне было очень жалко, я нашла падшее дерево и посадила. Отцу это не понравилось, он говорит, нельзя садить перед домом деревья. А он пока ездил, я упрямая, снова посадила. Она у меня сейчас растёт, отца нет, мама здесь с нами не живёт, береза у меня растёт. Так получилось: вот нас три сестры в доме, так три разветвления у березы. А берёзу нельзя перед домом садить, потому что она мужчин уносит».*

Кедр во многих деревнях Юрлинского и Кочевского районов почитается как заветное дерево. В Пышье таких кедров два. Первый был посажен мужчиной по просьбе умирающей жены. Второй кедр был посажен жителями «на память»: *«Мы, коллектив, садили специально, тоже на память, чтоб никто не трогал».*

В окрестностях поселка выделяются особые места, где местные жители наблюдают небесные «знаки». Так, один из водителей лесовозов неоднократно видел огненные шары: *«В радиусе метров, наверно, пятнадцать шар. У него такие лучи были, вообще во все стороны. Он стоял на месте прямо. Прямо над полем, раньше поля были, над полем повис, и лучи у него это, фиолетовые там, всякие. А меня люди ждали, я на поле то видал, а до Пожа где-то километра полтора было. Шар поднялся и туда, в сторону Булдырей, вот он туда поднялся, и такой сильный луч, и туда он улетел. У нас ведь много кто видали это. Как-то вообще ... на мост выходим, и ... стоит такой шар небольшой, раз стоит на мес-*

те, раз улетит, метров, наверное, сто улетит, опять стоит, потом опять передвинется. Мы часто вообще наблюдали».

Жители поселка уверены в том, что это были сигналы из космоса. Пышынцы напоминают жителей маленьких островков, которые живут в своем особом мире. Тайга, как океан, служит защитой от проникновения чужого. Поэтому все, что находится на этой земле, воспринимается пышынцами как свое, родное и близкое. Для жителей поселка каждая часть их маленького островка наделена особым смыслом.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59602 («Места памяти» в фольклоре Северного Прикамья»).

Библиографический список

Базуева Н. Из Юрлинской глубинки переселят людей // Парма новости : сетевой портал новостей Кудымкара и Коми округа. URL // <http://www.parmanews.ru/> (дата обращения: 25.11.2014).

Бахматов А.А. Память: Историко-документальная хроника Юрлинского района. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1999.

Официальный сайт Юрлинского муниципального района. URL // <http://adm-urla.ru/> (дата обращения: 25.11.2014).

Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии: монография / под ред. А. В. Черных. Санкт-Петербург: Маматов, 2009. 306 с.

E.M. Chetina

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

O.A. Kolegova

Student of Philological Faculty
Perm State University

UST'-PYSHYA: THE PLACE OF MEMORY

The article deals with the investigation of functioning of the places of memory in local tradition of village Ust'-Pyshya in Yurlinsky area of Permsky region. During the expeditions the variants of places of memory were revealed: burials of exiled Poles, the monument to warriors of The Civil War, old cemetery. Remembering traditions of the village's residents are formed under the influence of the rituals of Komi-Permyaks (collective commemoration of "forgotten decedents").

Key words: folk culture; mythological prose; "places of memory"; commemoration tradition; rituals of Komi-Permyaks.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1.09 “1900/1940”

Антипина Зоя Сергеевна
зав. лабораторией политики культурного наследия
кафедры журналистики и массовой коммуникации
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
afaneor@yandex.ru

ПУТЕШЕСТВУЮЩИЙ ГЕРОЙ ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО ¹

В статье рассмотрены направления и характер путешествий Василия Каменского, описана специфика отражения путевых впечатлений в литературных произведениях поэта.

Ключевые слова: путешествие; художественное восприятие; русская литература первой трети XX века.

В середине XIX – первой трети XX в. скорость и способы перемещения человека в пространстве стремительно менялись. Сначала быстрое развитие паровозного сообщения и железных дорог, а потом появление автомобилей и авиации сделали длительные путешествия доступными почти для любого человека и подарили пассажирам новую оптику восприятия пространства и мира в целом. Поэт Василий Васильевич Каменский не просто любил путешествовать – за свою жизнь он преодолел более сотни тысяч километров. И это были не только обыденные переезды по железной дороге между Пермью и Москвой, но и путешествия на экзотический Восток, в Сибирь и Европу, а также – не менее экзотические в дореволюционное время – поездки на автомобиле и занятия авиацией. Даже беглое знакомство с биографией Каменского дает нам повод ожидать от него, по меньшей мере, описаний своих путешествий. Однако его литературное наследие являет собой пример того, что не всегда писатель – страстный путешественник становится автором путевой литературы. Собственной тягой к передвижению и бурным переживанием впечатлений от новых природных и культурных пространств Каменский наделяет своего лирического героя, мотив странничества, путешествия сопутствует всем сборникам стихов Каменского. Собственно путевые заметки Василия Каменского остались в дневниках поэта (которые поч-

ти не сохранились), немногих частных письмах и – очень бегло – в автобиографических книгах.

Первое большое путешествие Каменский предпринял в 17-летнем возрасте, когда еще совершенно не столичный поэт, а мелкий служащий Пермского отделения железной дороги, восторженный провинциал, поехал в отпуск в Севастополь. Вот как, предельно кратко, описывает Каменский эту поездку в автобиографической книге 1931 г. «Путь энтузиаста»: «О, счастье! Я, никуда до сих пор не выезжавший, я поехал, пока-тил, нет – полетел в Крым, из окна вагона жадно разглядывая пеструю панораму бесконечной России. С первой станции повел дневник, насыщая страницы энтузиазмом путешественника. <...> И море, и пароходы, и бухта, и весь кругом Севастополь свели меня с ума, и я целые дни бродил помешанным, затуманенным, взбудораженным, натываясь на людей и фонарные столбы» [Каменский 2011: 42]. Вскоре Каменский по случаю «прокатился» на пароходе в Константинополь, побывал в Тегеране и Баку. Никакой особенной цели у путешественника не было, кроме одной, – посмотреть мир. Но описания экзотических вояжей представляют собой лишь беглое перечисление нескольких самых ярких впечатлений: «Гавань Золотой Рог с множеством пароходов разных флагов мира, сиянье полумесяцев неисчислимых мечетей, гул корабельной верфи, Мраморное море, пестрота громадных зданий, европейских и азиатских, знаменитая Айя-София, мечеть Солимана, султанские дворцы, ярко-цветные базары, людское движенье, кровь турецких фесок, смесь иностранцев, роскошные магазины, ковры, шелк – вот что увидели мои восторженные глаза...» [там же: 54]. Отчасти эта краткость описаний объясняется языковым препятствием. В путешествии по Персии Каменского по счастливой случайности сопровождал говоривший на французском торговец, беседы с которым позволили поэту ближе познакомиться со страной и разнообразить путевые заметки: «Переехали, наконец, персидскую границу и скоро увидели громадное соленое озеро Урмию и вбегающие в него реки: Джагату, Татау, Аджи-чай. Здесь, на остановке, на берегу Аджи-чай, мы ели дикого кабана, и старый перс-охотник, с крашеными хной ногтями и бородой, принес продавать свежую тигровую шкуру за четыре золотых тумана. Мохаммед купил и подарил мне» [там же: 78–79]. Однако и здесь автора как будто мало занимают само путешествие как передвижение в пространстве и жизнь и нравы жителей Ближнего Востока, для него остаются важными только сильные впечатления, но не обстоятельства, их вызвавшие: «Мохаммед закупал товары, а я бродил по базару, сидел в кофейнях, чай-ханэ, слушал персидскую музыку и удивительные песни, в которых высокими, вибрирующими голосами изливалась неизъяснимая боль далеких веков, будто это был жа-

лобный, раздирающий душу плач. И мне это очень нравилось, как, впрочем, и все, что я видел, слушал, ел,пил» [там же: 79].

Восточные впечатления, самые ранние и яркие, стали частью художественного мира Каменского. Так, одна из самых известных его «железобетонных поэм» «Константинополь» полностью посвящена прогулке лирического героя по портовому разноязычному городу. Услышанный во время персидского путешествия рассказ об охоте на тигров и подражание фарси были использованы в эпизоде о персидской княжне в романе и в поэме о Степане Разине [Каменский 1916; Каменский 1991].

В 1909 г. Василий Каменский, уже в качестве представителя новой авангардной группы поэтов-футуристов, совершает экскурсионный блиц-вояж по Европе (Берлин, Париж, Лондон, Милан, Рим, Неаполь, Капри, Флоренция, Венеция, Вена, Варшава). У этой поездки явная прагматическая цель – Каменский собирается учиться воздухоплаванию и едет в города, где находятся крупные авиазаводы и авиашколы (Париж, Варшава), посещает Всемирную выставку воздухоплавания в Лондоне. Но у новоявленного российского поэта-футуриста, как мы полагаем, есть и другая, не проговариваемая напрямую просветительская задача – увидеть родину итальянского «конкурента» Ф.Т. Маринетти и познакомиться с античной культурой, на отрицании которой в том числе настаивали футуристы. Несмотря на обширные планы, автор сразу сообщает своему герою беглость и эпизодичность взгляда: «И дальше началось, завертелось все как в кино», «смотреть внешне, поверху, кинозрительному, как приходится мне, пролетающей птице – без раздумья, без углубления в сущность видимого» [Каменский 1918: 110]. Смена эпизодов в разных городах сопровождается репликами в духе «Экспресс несет в Париж» [Каменский 2011: 120]. Пара посвященных этой поездке страниц представляет уже знакомые нам калейдоскопичные характеристики достопримечательностей. Например, описание Венеции: «Ну, разумеется, знакомый город; даже улыбаешься, когда смотришь на водяные улицы-каналы с гондолами, на сплошные мосты, на дворцы Дожей с «лестницей исполинов», на соборную площадь Марка с обязательными голубями, где обязательно фотографируют путешественников с голубями на плечах» [Каменский 2011: 131].

Европейское турне стало частью литературных автобиографических книг Каменского «Его-моя биография великого футуриста», «Путь энтузиаста», «Жизнь с Маяковским». Путевые описания в мемуарах поэта вторичны, они служат лишь фоном для основной сюжетной линии – повествования о собственной литературной биографии.

После революции, ведя активную литературную деятельность, Василий Каменский продолжал много путешествовать. Он колесит с вы-

ступлениями по Советской России – едет и на Русский Север, и в Коми, и в Сибирь, и в Западную Украину, и в закавказские республики. Однако эти поездки официально организованы государственными учреждениями как служебные командировки. Об этом свидетельствуют, в том числе, сохранившиеся договоры на выступления [Фонд Василия Каменского...] и переписка поэта [Каменский 1999].

Ретроспективные упоминания о неофициальных событиях этих путешествий остались лишь в некоторых частных письмах: «Дорогой мой Витя, на днях получил твое восторженное письмо путешественника по Иртышу. Действительно Иртыш великолепен. Я видал эту славную реку в Омске, едал много рыбы из Иртыша. И всю картину вашего путешествия представляю ясно, ибо в Карелии и Мурманске видел облака дичи и на скалах, в фиордах у нас и в Норвегии миллионы гусей. И на Чусовском(?) озере с Лелей видали уйму всякой дичи. И в окрестностях Тихого океана видал чудеса природы, как и на Каспии, и на Черном» [Каменский 1942].

Еще одним постоянным направлением путешествия Василия Каменского были Крым и Грузия. После первой юношеской поездки в Севастополь поэт многократно возвращался на побережье Черного моря, в 1920-е гг. ему принадлежала часть дома с «соляриумом» в Сухуми [Каменский 1999: 177], там же он провел много времени в конце жизни. Южным городам и томному летнему отдыху посвящено немало стихотворений из сборника «Звучаль веснеянки».

Таким образом, направления и характер путешествий Каменского, специфика отражения путевых впечатлений в литературных и частных текстах, в общем, были обусловлены сложившейся к началу XX в. традицией. В соответствии с ней Каменский совершил символически важную для русского человека поездку «на Запад», к наследию европейской цивилизации, несколько раз, следуя общему интересу русской культуры начала XX в., побывал на экзотическом Востоке, подобно рядовому обывателю отдыхал в Крыму и на Кавказе и зарабатывал во время выступлений на севере и в Сибири.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 15-14-59004 «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX в.».

Библиографический список

- Каменский В. В. 27 приключений Хорта Джойса. М.-Пг., 1924.
Каменский В. В. Его-моя биография великого футуриста. М., 1918.

Каменский В. В. «Мне пора быть с вами в Нью-Йорке» // Звезда. 1999. № 7. С. 165-184.

Каменский В. В. Моя карьера // Каменский В.В. Звучаль веснеянки. М., 1918. С. 34–38.

Каменский В. В. Письмо В.С. Пьянкову. 14.10.1942 // Государственный архив Пермского края. Ф. р-1588. Оп. 1. Д. 429. Л. 3, 4.

Каменский В. В. Путь энтузиаста. Пермь, 2011.

Каменский В. В. Стенька Разин. М., 1916.

Каменский В. В. Степан Разин. Пушкин и Дантес: художественная проза и мемуары. М. : Правда, 1991.

Фонд Василия Каменского в Пермском краеведческом музее.

Z.S. Antipina

Head of Cultural Heritage Policy Laboratory
of Journalism and Mass Communication Department
Perm State University

THE TRAVELLING CHARACTER IN VASSILII KAMENSKY ART

The article explores purposes of Vassilii Kamensky travels as well as places he visited. It examines how West, East, North and South are represented in the works of Kamensky. Both specificity of poet's perception of the world and its embodiment in Kamensky's prose and poetry are considered in the paper.

Key words: travelogue; aesthetic perception; Russian literature of the first third of the 20 century; artistic world of literature.

Беломестнова Анастасия Сергеевна
инженер кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
n_belomestnova@mail.ru

Осипова Ирина Владимировна
студентка филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
irinavlad@mail.ru

**НАИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРЕ
СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ
(на материале творчества П.М. Иванова)¹**

В статье дается анализ самобытного творчества сельского поэта П.М. Иванова, проживавшего в Юрлинском районе Пермского края. Написанные им поэтические тексты в зависимости от жанрово-тематических особенностей могут быть разделены на две группы: «наивные» послания и «наивные» лирические стихотворения. В работе дается характеристика каждой из этих групп, описывается функционирование наивно-литературных текстов в культуре семьи Ивановых.

Ключевые слова: «наивные» послания; «наивные» лирические стихотворения; семейная традиция; культурное пространство; мемориальная функция, адресат.

Как отмечает исследователь семейного фольклора И.А. Разумова, «в настоящее время русская семья, как сельская, так и городская, лучше изучена в демографическом и социологическом отношениях, чем в культурологическом и этнографическом» [Разумова 2001: 17]. Источником для осмысления семьи в двух последних аспектах могут стать тексты наивной литературы. Под наивной словесностью вслед за другими исследователями (М.Л. Лурье, С.Ю. Неклюдов) мы понимаем письменные и устные тексты, авторами которых выступают самодеятельные рассказчики, писатели, поэты, обычно выходцы из народной среды. Материалом для нашего исследования стали тексты непрофессионального поэта Петра Максимовича Иванова, собранные в ходе полевых исследований сотрудниками Лаборатории культурной и визуальной антропологии ПГНИУ (2013–2014 гг., Юрлинский район Пермского края) Эти тексты дают представление об одном из вариантов современной сельской внутрисемейной культуры.

П.М. Иванов родился в д. Пож, провел большую часть жизни в д. Букреева Юрлинского района. Работал учителем, воспитателем, председателем сельсовета, шофером. В д. Букреева родилась его жена Нина Ивановна Иванова, которая и сама занимается творчеством (написала автобиографию, создавала фотоколлажи), а также ведет активную переписку с родственниками, поддерживая семейные связи. Нина Ивановна также выступала в качестве редактора стихов мужа.

Петр Максимович записывал свои стихи на отдельных листах и в книгу кулинарных рецептов. Впоследствии эти записи приобрели статус семейной реликвии. Нина Ивановна бережно их хранит: *Это я просто тетрадь не выкидываю, руку внуки чтоб помнили, как он писал.* После смерти мужа в 2006 г. она аккуратно переписала его стихи в отдельную тетрадь. Стихи П.М. Иванова можно отнести к категории текстов, составляющих т.н. семейную письменность (и отражающих определенную часть семейного фольклора). Они позиционируются как тексты «для семейного пользования». Это отмечает и племянница поэта Мария Степановна Иванова, библиотекарь с. Усть-Зула. Она планирует перевести стихи П.М. Иванова в электронный вариант, чтобы сохранить и сделать их доступными для всех родственников. По ее словам, сам автор нечасто зачитывал стихи публично, обычно писал «в стол».

По жанрово-тематическим особенностям в творчестве П.М. Иванова можно выделить две группы стихов: «наивные» послания (в которых особенно выделяется группа стихотворных поздравлений) и «наивные» лирические стихотворения.

Наивные послания – стихотворные тексты, в которых активно выражена функциональная направленность, они связаны с современной сельской ритуально-праздничной культурой (уже во многом сходной с городской). Эти тексты объединяют круг родственников и создают семейно-родственное культурное пространство, поддерживают особый семейный тип коммуникации, являются частью семейной традиции. Наивные послания, написание которых приурочивается к какому-либо конкретному случаю, функционируют в микрогруппе, представляющей ближайшее окружение автора: кроме родственников, иногда он обращается и к друзьям. Такие произведения имеют ритуальную функцию, они адресованы конкретному человеку и должны быть прочитаны вслух публично (скорее всего, во время застолья). Изучив эту группу стихотворений, мы получили список адресатов, очерчивающий «ближний» круг непрофессионального поэта: жена, дочь, сын, внучка, внук, племянница, сватья, друг.

Так, автор пишет о рождении дочери, приезде внуков (который является значимым для семьи событием и приравнивается к празднику); один из стихотворных «подарков» приготовлен к юбилею племянницы:

*Ты, родная племянница наша,
К 50-ому году пришла,
И за эти прошедшие годы
Ты достойно дорогу прошла... («К 50 летию»)*

В поздравительных стихотворениях практически всегда присутствуют значимые факты биографии именинника, которые утверждают его социальный статус, а также могут выполнять мемориальную функцию. Именно эти события являются важными для коллективной (семейной) памяти:

*Ты о жизни хорошей мечтала,
И прекрасных сынов родила («К 50 летию»)*

П.М. Иванов почти всегда уделяет внимание профессии, занятиям человека, которому адресован стих. Таково, например, стихотворение, посвященное Клавдии Петровне Гусевой, местному краеведу, проживающему в д. Сергеево (подробнее о творчестве см.: [Королева 2014]):

*Вот она и мне сказала,
Что Петровна-то у нас
Поэтесса – это раз,
А еще она – писатель,
Краевод и собиратель... («Клавдии Петровне»)*

Финал поздравительного произведения напрямую зависит от адресата и его возраста. Если это младший близкий родственник (сын, дочь, внук), то автор завершает свое поздравление наставлением:

*Я хочу тебе сказать,
Надо деду помогать («Внуку Ивану»)*

Если же это более дальние и взрослые родственники (например, племянники) или друзья, то поздравительный текст заканчивается ритуальным благопожеланием:

*Мы бокалы поднимаем,
До 100 лет жить желаем... («К 50 летию»)*

Интересно отметить, что пожелания и наставления для более близких людей (дети, внуки) чаще всего связаны с духовными ценностями: автор не только желает здоровья, счастья, но говорит и о важности веры в Бога, здесь прослеживаются религиозные мотивы:

*Радуй сердце, душу грей.
Будь счастливой, в Бога верь... («Внучке Ирочке»)*

Кроме того, в них могут присутствовать юмористические элементы, выполняющие развлекательную функцию:

У меня есть внук Иван –

Парень бравый, как Тарзан... («Внуку Ивану»)

Когда же стихотворения написаны для друзей и дальних родственников, то пожелания больше связаны с материальными благами:

Тогда богатым стать, ты сможешь,

Когда трудом ты будешь жить

И землю матушку любить («Другу»)

В стихотворных посланиях можно отметить сходную структуру. Обычно она включает следующие содержательные элементы: 1) рассказ о событии (приезд, день рождения), которое послужило поводом для стихотворения; 2) значимые, по мнению автора, факты биографии адресата; 3) наставления или пожелания.

В «посланиях» автор нередко берет на себя функции главы семьи, обладающего знанием о нормативном поведении, часто обращается к младшим родственникам либо к равным в «семейной иерархии». В лирических стихотворениях П.М. Иванова – своего рода «думах» – также преимущественно развивается тема семьи, но автор задумывается о самом себе, критически переосмысляет прошлое, обращается к старшим – отцу и матери. Эти стихотворения были написаны, когда родителей Петра Максимовича уже не было в живых, поэтому для данных текстов характерны, по-видимому, психотерапевтическая и мемориальная функции.

Мать Петра Максимовича – центральный образ его лирической поэзии. Он возникает в таких стихотворениях, как «В память о матери», «Маме», «Маме (Матрене Андреевне)», и других. Автор обращается к матери за помощью, кается в грехах, ведет с ней постоянный диалог. Нужно пояснить: Петр Максимович мучается чувством вины из-за того, что оставил мать в д. Пож, а сам переехал к жене в д. Букреева:

Ты сейчас в могиле мама,

Ты меня прости. («Маме»)

В лирических стихотворениях Петра Максимовича образ матери сакрализуется, что, возможно, отражает влияние духовных стихов (мать как Богородица, ангел-хранитель), до сих пор активно бытующих в локальном фольклоре. В сюжетах многих стихотворений она отвечает ему, прощает и успокаивает сына, благословляет, причем не только самого Петра Максимовича, но и его брак с Ниной Ивановной, а также внуков и правнуков, которых не успела застать:

Лишь бы вам всем родимым

Бог здоровья давал («Маме (Матрене Андреевне)»)

Чувство вины автор испытывает и перед своей женой – в частности, из-за того, что иногда выпивал сверх меры. Эта тема поднимается в стихотворениях «О себе», «Мираж», «Сыну». В последнем тексте жанрово объединены послание и собственно лирическое стихотворение.

Можно предположить, мотив покаяния в лирических стихах П.М. Иванова может быть связан с интересами его жены (и, если посмотреть шире, содержанием местной фольклорной традиции, сложившейся под сильным влиянием старообрядчества). Известно, что Нина Ивановна собирала и исполняла духовные стихи, в которых мотивы покаяния, наказания за грехи являются центральными.

Особняком в художественном мире поэта стоит фигура отца. Когда Петр Максимович был младенцем, его отец ушел на фронт, где пропал без вести. Мать не получала выплат по утрате кормильца, т.к. в подобных случаях всегда оставалось подозрение, что пропавший человек мог дезертировать или перейти на сторону врага. Подобные подозрения в детстве очень болезненно воспринимались автором. В немногочисленных стихах, где появляется образ отца, Петр Максимович стремится его реабилитировать. В одном из последних стихотворений поэт рассказывает, как получил подтверждение гибели отца, и называет его героем. Символически он возвращает себе, своим детям и внукам право гордиться погибшим дедом и прадедом, стремится закрепить образ отца в памяти своих родственников:

*Я верю этому солдату,
Что не предатель отец был,
А честно Родине служил. («Памяти моего отца»)*

Обращаясь к образам умерших родителей, Петр Максимович готовит себя к встрече с ними на «том свете»:

*Я в мир, где вечность и покой,
Быть может, открываю дверь. («Маме (Матрене Андреевне)»)*

Как рассказывает Н.И. Иванова, её муж чувствовал приближение смерти: *В последний день подошёл к окну и сказал: «Кто может поверить, что Петр Максимович, такой здоровый мужик, может сегодня-завтра умереть?»* Он собрал всех близких на свой 65-летний юбилей, словно чтобы попрощаться с ними, где зачитал стихотворение «Последнее Спасибо», ставшее пророческим. «Гостей встречу, а потом умру», – говорил он. На следующее утро Петр Максимович умер. Рассказ об этом предчувствии, последнем юбилее и не по-праздничному грустном стихотворении, от которого родственники плакали, уже стал частью семейного фольклора.

Итак, «наивная» поэзия П.М. Иванова объединяет всех членов семьи, создает собственное культурное пространство, хранит семейную историю; выполняет мемориальную, ритуально-праздничную, коммуникативную, частично психотерапевтическую и воспитательную функции. С семьей связаны и радость, и невзгоды, она занимает главное место в творчестве П.М. Иванова.

Стихотворения о семье, как и семейный фольклор в целом, «объективируют систему родственных отношений, семейное самосознание, представление о родстве и наследственности» [Разумова 2001: 320]. Так, П.М. Иванов осознает себя как сын, муж, дед и так далее. В то же время Петр Максимович воспринимается родственниками как наставник, поэт и хранитель семейной культуры Ивановых.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009 («Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья»).

Библиографический список

Королева С.Ю. «Наивный» дискурс в краеведческих работах К.П. Гусевой // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: Материалы II Всерос. науч. конф. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2014. С. 235–242.

Лурье М.Л. О феномене наивного сочинительства. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/luriem43.pdf> (дата обращения 23.12.14).

Неклюдов С.Ю. От составителя. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/bookenter.htm> (дата обращения: 13.11.14).

Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.

Разумова И.А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // До и после литературы: тексты «наивной словесности». М.: РГГУ, 2009. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/rasumova1.htm> (дата обращения: 13.11.14).

A.S. Belomestnova

Engineer of Russian literature Department
Perm State University

I.V. Osipova

Student of Philological Faculty
Perm State University

NAIVE LITERATURE IN THE CULTURE OF THE MODERN COUNTRY FAMILY (WORKS OF P.M. IVANOV)

In the article original works by country poet P.M. Ivanov (Yurlinsky area, Perm region) are analyzed. Based on the specificity of the genres and themes two groups of the poetic texts are distinguished: so-called ‘naive’ messages and ‘naive’ lyrical verses. In the article these groups are characterized, the function of the “naive” texts in Ivanov’s family culture is regarded.

Key words: “naive” messages; “naive” lyrical verses; family tradition; cultural space; memorial function; addressee.

Возняк Александр Сергеевич
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
asanisimas@narod.ru

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению восприятия художественного текста, на материале стихотворения Даниила Хармса.

Ключевые слова: смысл; текст; понимание; интерпретация; авангард; абсурд; Хармс.

Для сохранения и изучения богатства, предоставляемого человеку произведениями искусства, мы должны использовать самые разнообразные методики. Художественный текст обладает специфическими лингвистическими чертами. И в рамках психолингвистики, и в рамках рецептивной эстетики утверждается, что особенности психики читателя влияют на понимание художественного текста. Учет двух данных факторов может помочь продвинуться вперед в проблеме понимания сущности художественного текста. Стоит отметить, что, так как художественный текст является эстетическим объектом, в его изучении нельзя ограничиваться лишь аппаратом таких наук, как психология и лингвистика. Литературоведение прошлого и настоящего вносит весомый вклад в данную проблематику. В нашей работе будут совмещены лингвистический и литературоведческий подходы в попытке взглянуть на проблему восприятия стихотворного текста всесторонне. Мы проводили наше исследование на материале стихотворения Даниила Хармса «Купался грозный Пётр Палыч...».

Для исследования особенностей восприятия художественного текста в зависимости от социолингвистического фактора «специальность» нами был проведен эксперимент, в ходе которого двадцати студентам 3-4 курсов была предложена анкета, содержащая вопрос: «Представьте, что Вам нужно объяснить содержание данного текста другому человеку. О чём этот текст? Что хотел сказать автор? Напишите 5-10 предложений, наиболее полно передающих содержание текста». Далее информантов просили выделить в предлагаемом тексте ключевые слова. В анкетировании участвовало десять студентов-гуманитариев и десять студентов-негуманитариев, всего по десять мужчин и десять женщин.

Как показали результаты анкетирования, и студенты-гуманитарии, и студенты-негуманитарии чаще всего вопросы об авторской идее и смысле текста просто игнорировали; ответ превращался в пересказ, лишь иногда содержащий трактовки образов информантами: *«Некий Пётр Павлович, совершая купание в целях омовения, по некоторой причине начал тонуть. В связи с этим событием собрался народ. По-видимому, Пётр Павлович был неплохим пловцом, т.к. факт его утопления был принят как весьма шокирующий»* (м, гум.); *«Вечер, ночь на улице холодно, идёт дождь, асфальт мокрый, но хороший, в то же время обстановка плохая»* (ж, негум.).

Но встречались и другие варианты (в 7 анкетах студентов-гуманитариев и 2 студентов-негуманитариев), когда реципиент пытался проанализировать предложенный материал и ответить на поставленные вопросы: *«Лирический герой размышляет о человеческих истинах, разговаривая сам с собой. Сначала он думает о каком-то поступке, который он не совершил, но уже поздно. Затем он переходит плавно к погоде. А позже утверждает простые истины: что плохо, то плохо, что хорошо, то хорошо. Думаю, настроение лирического героя в данном стихотворении, мягко сказать, грустное. Это подтверждается на протяжении всего стихотворения: и погодой, и потерянным решением, и логичными выводами. Какое-то безразличие сквозит внутри стихотворения»* (м, гум.).

Здесь мы видим не только попытку анализа, но и использование характерных литературоведческих терминов, таких как лирический герой, метафора, аллегория и т.п.

Отметив особенности ответов реципиентов, обучающихся на разных специальностях, проведём анализ, полученный в результате обработки ключевых слов. Все выделенные информантами ключевые слова были ранжированы по частоте встречаемости в анкетах.

Наиболее частотные единицы в анкетах студентов негуманитарных специальностей – это *Пётр, Нырля, сволочь, мать, утопленника, народ, тонет, акулы, тело, пополам*.

Студенты-филологи наиболее часто называли следующие слова: *Купался, Пётр, Палыч, нырля, сволочь, утопленника, народ, бежал, тонет, акулы*.

Из этих данных можно сделать вывод, что значительных различий в выборе ключевых слов между филологами и нефилологами выявлено не было (70 % высокочастотных ключевых слов у них совпали). Для филологов важным в понимании оказалось отчество Петра – Палыч, также они посчитали нужным выделить как ключевое не одно из слов «купался» или «нырля», а оба, третьим не совпавшим словом является слово «бежал». У студентов-негуманитариев «уникальными» стали слова «мать», «тело», «пополам». И если последние два слова, скорее всего, были выделены как смысловое завершение стихотворения, то причина

выбора слова «мать» в качестве ключевого остаётся для нас неясной. Был составлен и общий список слов для реципиентов обеих специальностей. В него вошли слова *купался, Пётр, Палыч, нырять, сволочь, утопленника, народ, тонет, акулы, пополам*. По-видимому, именно эти ключевые слова отражают смысл текста, по мнению всех информантов.

Если прочитать данные слова, действительно можно выстроить примерный ход стихотворения. Из характерных особенностей стоит отметить, что наряду со словами «народ» и «тонет», которые выбрали 16 из 20 анкетированных, таким же результатом может похвастаться и слово «сволочь». Скорее всего, такой результат вызван экспрессивной окраской данного слова; не являясь важным сюжетным элементом, образ этой самой сволочи становится центральным в стихотворении, привлекая внимание читателей и развивая абсурдную поэтику стихотворения.

А теперь вновь перейдём к анализу развёрнутых ответов. Одно из самых интересных наблюдений, которое можно сделать при анализе ответов анкетированных, – это разнообразие предлагаемых трактовок стихотворения. Рассмотрим ответы реципиентов сквозь призму ответа на вопрос: «В стихотворении утонул Пётр Палыч или какой-либо другой человек?». Трое опрошенных считают, что герой стихотворения не утонул, 12 человек считает, что утонул, двое считают, что утонул кто-то другой, именуемый «утопленник», а затем и Пётр Палыч, ещё двое не выразили определённого мнения на этот счёт, один опрошенный решил, что Пётр Палыч не утонул, а вообще выбросился из окна. Ответ одного из анкетированных, который не выразил определённого мнения о том, утонул Пётр Павлович или нет, представляет интерес, так как в его восприятии важную роль сыграли всего несколько слов, одно из которых «окно»: *«Безусловно, каждый текст имеет какой-то смысл, и автор хотел своим стихотворением что-то сказать. Но прочитав его несколько раз, я так и не смог уловить основную мысль произведения. Возможно, таким образом, автор аллегорично описал Петра Первого. Такой вывод можно сделать, на основании того, что в тексте присутствуют имя Пётр и слово окно. Такое сочетание автоматически наводит нас на мысль о Петре Первом и "окне в Европу"»* (ж, негум.).

Введённое автором в предложение слово «окно» нарушает логическую связь, тем самым уже в начале стихотворения заявляется поэтика абсурдизма. Возможно, что Даниил Хармс обыграл вполне приемлемое «нырять ко дну», превратив его в нечто затруднительно поддающееся пониманию, тем самым провоцируя читателя на собственные трактовки. Наш реципиент полностью проигнорировал всё остальное стихотворение, предположив, что именно это слово и является ключевым в паре со словами «Пётр» и «Палыч».

Еще в одном случае реципиент уже не игнорирует содержание стихотворения, а пытается преобразовать его. Алогизм и парадокс, реализуемые через слово «окно», позволили реципиенту воспринять все стихотворение в переносном значении: *«Петр Палыч, герой данного текста, совершил суицид, выбросившись из окна. Как только он появился в окне, внизу сазу сбежался народ. Пётр Палыч погибает, со слов автора «тонет». При падении герой разбивается на две части. Автор сравнивает тело погибшего с тем, как будто его разгрызли акулы, и половинки тела облились водой. Чувствуется негативное отношение автора к данному герою по слову гаже»* (ж, гум.).

Далее обратим внимание на реципиентов, которые утверждают, что Пётр Палыч не утонул: *«Грозный Пётр Палыч, умеющий хорошо нырять, закрыв глаза плавал. В это время на берегу стояла какая-то сволочь и бросала мать в воздух. Внезапно на водной глади показался чей-то чистый затылок. Сбежался народ на мостик, смотреть на утопленника, ведь он плавал в глубоком месте, где, кажется, что даже и акулы водятся и Пётр Палыч, умеющий хорошо нырять, нырять бы не рискнул. Пришлось Петру Палычу выйти из воды, а он тело помыл только наполовину»* (ж, негум.).

Интерес представляет тот факт, что реципиенты предлагают альтернативную концовку, в которой повествуют о том, что главный герой стихотворения не утонул, а вышел из воды, не успев вымыть тело полностью. Возможность возникновения данного варианта, по нашему мнению, мотивируется взаимодействием и близостью в тексте таких слов, как «акулы», «вымыть», «тело» и «пополам». Использование неоднозначного «пополам» вместо более ясного «на половину», позволяет двояко трактовать предложения, слово «пополам» коррелирует со словом «акулы», которые собственно часто напололам и разрывают свою жертву. Всё это создаёт путаницу в сознании читателя, что приводит к разнообразию трактовок.

Проанализировав материал, собранный с помощью анкетирования, нам удалось выявить множество интересных закономерностей и особенностей восприятия художественного текста, а также проиллюстрировать различные психологические стратегии поведения анкетированных. Достаточно интересным нам показался анализ развёрнутых ответов читателей, по нашему мнению, он более перспективен при анализе художественного текста, чем метод ключевых слов. В дальнейшем более эффективным будет использование развёрнутых анкет с многочисленными вопросами, касающимися различных аспектов текста.

Своё знаменитое эссе «Смерть автора» Ролан Барт заканчивает следующими словами: «Рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора». Прошло много лет после написания этой работы, и стало ясно, что Автор не умер и его жизнь продолжается, а вот слова

Барта о рождении читателя оказались пророческими. Отношения типа «читатель-текст» являются одной из важнейших проблем в изучении и художественной литературы, и текста вообще, психолингвистика вносит в эту область неоценимый по объёму вклад.

Библиографический список

Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 177с.

Горелов И.Н. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1997.

Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопэтику. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. 211 с.

A.S Voznyak

Student of Philological Faculty

Perm State University

POETIC TEXT: RESEARCH EXPERIENCE OF PERCEPTION AND INTERPRETATION

The article presents the results of research devoted to the study of perception of a literary text, on the material of the poem by Daniil Kharms.

Key words: meaning; text; understanding; interpretation; avant-garde; absurd; Harms.

Гурова Елена Павловна
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
eg555a@yandex.ru

МОТИВ «ВЛАСТИ ЗЕМЛИ» В ОЧЕРКАХ Г.И. УСПЕНСКОГО 60 – 70-х годов XIX века

В статье рассматриваются генезис и особенности художественного воплощения нового крестьянского характера, наиболее ярко выраженного в творчестве Г.И. Успенского. В рассказах-очерках писателя проявляется особый тип сознания – сознание крестьянина, восприятие и поведение, обусловленное жизнью «на земле», на лоне природы. Мотив «власти земли» становится основополагающим в изображении мужиков, деревни, «божьих людей» задолго до появления одноименного цикла очерков. Крестьянские образы строятся на контрасте категорий «прошлого» и «настоящего», что обуславливает их неоднозначность, появление представителей «потерянного», «пропащего» поколения.

Ключевые слова: народно-демократическая литература; новый крестьянский характер; мотив «власти земли»; категории «прошлого» и «настоящего»; «перевернутая» реальность.

Исследователи практически не обращаются к мотиву власти земли в народнической литературе. На примере цикла очерков Г.И. Успенского «Власть земли» рассмотрена «власть» языка [Степанов 2003]. А.В. Степанов прослеживает специфику языка произведений писателя, воспроизведение им народной речи. Наиболее интересным представляется оригинальный очерк Николая Успенского «Власть земли» и «Власть тьмы» (соч. Г.И. Успенского и гр. Л.Н. Толстого) [Успенский 1889: эл. ресурс]. Именно в этом очерке в ярко переданном споре двух писателей проявляется мотив «власти земли» в значении власти природы над крестьянской жизнью. Бегло затронут данный мотив также в статьях Н.И. Плотниковой о пословицах и поговорках, фольклоре в прозе Г.И. Успенского [Плотникова 1972, Плотникова 1976]. Тем не менее не изучена роль мотива «власти земли» в специфике изображения крестьянских характеров.

Следует отметить, что народно-демократической литературой создавался отчасти двойственный образ народа. Так, Н.В. Успенский, Н.Г. Помяловский, Ф.М. Решетников, В.А. Слепцов, А.И. Левитов и др. в своих рассказах и очерках показывали нищету, невежество крестьянства, обезображивающее влияние кабака, казенной школы. Вместе с тем

Г.И. Успенским, Н.Н. Златовратским, В.А. Слепцовым в очерках, повестях, очерковых циклах создается устойчивый образ особого, «кондового» крестьянского мира, живущего согласно дедовским «устоям», напоминающим отчасти законы существования природного мира, «естественного» человека. Писателями народно-демократической литературы народ идеализировался, на него возлагались большие надежды в отношении будущего России.

В большинстве реалистических повестей и романов XIX и начала XX в. тонко, предельно четко отражены моральные, философские и идеологические искания эпохи, ломка жизни и сознания широких масс. В этой связи важно отметить появление в народе и внедрение в литературу нового крестьянского характера. Наиболее ярко он проявляется в рассказах-очерках Г.И. Успенского. В образах крестьян, деревни, села сочетаются убожество и величие, достоинство старины и упадок новых времен, мелочность кабака, атмосфера которого затмевает деревню, и широта души, равная широте природы, проявляющаяся в каждом жесте. Отражение величественного в убогом представляет собой, на наш взгляд, память «прошлого», во многом бессознательную, отражение первородного деревенского сознания. В очерках и очерковых циклах Г.И. Успенского изображен, прежде всего, особый тип сознания – сознание крестьянина, восприятие и поведение, обусловленное жизнью «на земле», на лоне природы, чаще еще нетронутой городом.

С нашей точки зрения, важно отметить расколотость мира в крестьянском восприятии. В восприятии и осознании крестьянином общества, окружающей среды, а зачастую в поведении сочетаются две категории – прошлое и настоящее. Как правило, они сосуществуют в образе, в сюжете, в мотиве. Нередко именно на сочетании и пересечении категорий прошлого и настоящего построен сюжет, «завязан» характер, образ героя. В очерке «Народное гулянье в Всесвятском» (1863) в обычный, можно сказать «хрестоматийный» образ мужика-возницы вплетается стихийное, деревенское, отражающее ту самую принадлежность к «кондовому» крестьянскому миру, сроднившемуся с лесом и полем: «с другой стороны плетется ряд мужичьих тележонок; один порожняк отстал; из глубины его привстал мужик, тронул вожжой, свистнул каким-то особенным, извилистым свистом, от которого так и отдает чистым полем и одиночеством, и лошаденка побежала маленькой рысцой...» (I, 54)¹. Короткий отрывок позволяет проследить корни ряда фольклорных смыслов, которые имеют непосредственное отношение к исчерпывающей трактовке крестьянских образов в творчестве писателя.

Важно, что мотив свиста издавна в народных поверьях был связан с призывом зла, лиха, беды, нечистой силы. Однако в очерках

Г.И. Успенского он принимает иное значение, наиболее близкое отмеченным А.А. Плотниковой подражательным аспектам свиста. По свидетельству исследователя, «свистом вызывают ветер для работы мельниц, во время молотьбы, рыбной ловли, мореплавания и просто в жаркую погоду. Для этого в подражание ветру дуют и свистят в нужном направлении, о чем свидетельствуют восточно- и западнославянские этнографические данные» [Плотникова 1999: 296].

Значимо, с нашей точки зрения, что свист мужика-возницы в очерке «Народное гулянье в Всесвятском» наделен своеобразной магической силой, завораживающей и подчиняющей себе как путника, так и лошадь. Неслучайно подчеркивается рассказчиком особенность свиста: «свистнул каким-то особенным, извилистым свистом» (I, 54). Восходя к фольклору, народным поверьям, приведенная краткая характеристика свиста становится больше, чем просто одно из упоминаний, создающих в совокупности пейзаж дороги. Она концентрирует в себе сущность крестьянина в художественной системе Г.И. Успенского, особенность восприятия писателем народа.

Немаловажно, что картине поля, описанию села, народного гулянья, появлению неоднозначных образов из среды крестьянства предшествуют зачастую дорожные эпизоды и воссоздание прошлого тех мест, которые изображены. Дорога несет в себе атмосферу бесприютности, истории (истории прошедших по ней людей, мест), провоцирует восприятие как героев, так и читателя на воспоминания и размышления. В этой связи закономерно, что мотив дороги в художественном мире Глеба Успенского встречается достаточно часто. Его частотность обусловлена и тем, что герои рассказов-очерков писателя – люди «пропавшие», не нашедшие своего пути в искаженной реальности, «перевернутом» мире. Таким образом, не случайно первая встреча с ними происходит на дороге, неожиданно, «вдруг» – в отрыве от привычного крестьянского уклада, дома, постоянного пристанища.

Дорожные впечатления, состояние размеренной езды создают соответствующую атмосферу размышлений, воспоминаний и, соответственно, атмосферу возвращения к прошлому. Дорожный эпизод в художественном мире Г.И. Успенского становится своего рода толчком для обращения к крестьянским образам. Именно сквозь призму прошлого – как прошлого героев, на которых сконцентрировано внимание автора-рассказчика, так и прошлого (истории) села, городка – раскрывается феномен жизни «пропащего» люда, с «утраченным сознанием». Наиболее ярко это прослеживается в очерках-рассказах писателя 70-х гг. XIX в. («Парамон юродивый», «Тише воды, ниже травы» и т.д.). Знаменательно, что настоящее воспринимается читателем искаженным, тогда как

прошлое концентрирует в себе истинное знание сущности героев. В настоящем подчеркивается оторванность изображенных города, села от всего остального мира («глухой уездный город», «богом забытое место» и т.д.), их особость. В читательском восприятии создается образ обособленного, специфического мирка, живущего по своим законам – законам прошлого, памяти. В этой связи неслучайны косвенные аллюзии к сказочным сюжетам. Так, достаточно часто рассказчиком говорится о появлении пропитания «вдруг», «откуда ни возьмись»: «Хвать, братцы мои, а как есть передо мной на снегу два зайца сидят... сидят рядышком, не шелохнутся... кто их держит-то, словно мне подает» (IV, 168–170); «словом, существование этого люда было, без всякого преувеличения, сказочное, фантастическое» (IV, 170).

В этом плане следует обратить внимание, с нашей точки зрения, на особую структуру пространства в очерке. На пространство настоящего проецируется прошлое, рассказчиком пространство воспринимается сквозь призму его истории, былого величия, былой многолюдности, оживленности. Так, в очерке «Народное гулянье во Всесвятском» воссоздается летописная история села Всесвятское. От истории села рассказчик проводит связь к истокам возникновения традиции народного гулянья. Специфика описания пути в село провоцирует у читателя восприятие пути по прошлому. Так, даже отдаленные переулки Москвы, по которым ехал рассказчик, «все больше и больше напоминали глухой уездный город, а в иных закоулках стук и дребезжание калибера производили что-то вроде эпохи» (I, 53). С прошлым соотносится и вид дома во Всесвятском, и поле около церкви Всесвятского, сквозь призму прошлого воспринимаются крестьяне. При этом зачастую описания выполнены как комическая стилизация под древние сказания: «попадающиеся на пути пьяные, из которых иные, не преодолев трудностей обратного пути, в разных местах раскидались по полю и покоятся мертвым сном... Общий вид поля и пьяных мог бы послужить темой для изображения поля битвы» (I, 55).

Значимым, на наш взгляд, является прослеживающийся в произведениях Г.И. Успенского контраст многолюдности, шума, оживленности в прошлом и тишины, пустынности, мертвенности в настоящем, когда какой-либо звук становится непривычным, имеющим особое значение. Так, звук калибера производит впечатление эпохи в глухих закоулках Москвы, голос Медникова на время обеспечивает ему «покупную жизнь» (пропадает голос – пропадает смысл жизни), звук колокола в «Неизлечимом» воспринимается горожанами предвестием очередной смерти в городе, обреченном на гибель. Привычными в глухих, за-

брошенных городах и селах становится лишь кабацкий шум, пьяные ссоры, «чья-то страшная, самая национальная руготня» (I, 55).

В общей атмосфере «утраченного сознания», омертвения, пустынности закономерным представляется особенность изображения крестьян. Практически нет крестьянских разговоров (особенно в ранних очерках). Сущность крестьянских образов передается через косвенное или прямое соотношение с природой. Упомянутый мотив свиста передает близость мужика к природе, к ее явлениям. Крестьянин в очерке выступает как человек, берущий на время власть над силами природы, он заодно с ними, пусть и бессознательно.

Более явно отмеченная близость может быть выделена в очерке «Деревенские встречи». Соотносятся в художественном пространстве силуэт бывшего священника Медникова и силуэт вихря. Так, рассказчик в начале очерка описывает Никитича как «какую-то плечистую фигуру, в изодранном на рукавах и у подола подряснике, в белой измятой шляпе с широкими полями и с палкой» (II, 199). Подобное определение позволяет провести параллель с «фигурой» вихорного столба: «вдали в поле вертелся вихорный столб, тонкая изогнутая фигура его то разбивалась почти вдребезги, то снова вытягивалась» (II, 199). Параллель между образами человека и природного явления укрепляется по мере развития сюжета очерка. В размышлениях рассказчика о судьбе Медникова прослеживается прямое сопоставление бывшего священника и сильной бури: «ему [Медникову] предшествовали разные предзнаменования, как о приближении сильной бури свидетельствует ползучий ветер, поднимающий песок и пыль» (II, 214).

Определение «фигура» обезличивает героя, тогда как то же определение в применении к вихорному столбу делает его одушевленным. Таким образом, создается достаточно четкое противопоставление живой природы и омертвения общества. Так, «все больше и больше сознает оно [деревенское детище] ненужность своего деревенского опыта и смысла в этой чужой жизни, усвоившей как на зло всевозможные калечества» (II, 223).

Образ крестьянина, с нашей точки зрения, строится на контрасте понятий «прошлого» (имеющего сказочные корни) и «настоящего»: «Что-то невероятно дикое было в этих мужиках [деревенских дедах], ...не имевших... никакого случая выказать своих природных сил, кроме полной возможности ошарашить народ какою-нибудь невероятною подетелью своих невероятных мускулов. Из такой породы выходил и Медников» (II, 218).

Образ народа двойствен, но он не мыслится писателем и не воспринимается вне его прошлого. Значимо при этом, что крестьянин бес-

сознательно пытается строить свою жизнь по типу прошлого, по типу жизни дедов и прадедов. Однако это невозможно в «перевернутой реальности», ярко выраженной в рассказах-очерках Г.И. Успенского, тем самым закономерно искажение, «перевернутость» существования крестьянского мира, его отступление на второй план в художественном мире.

Примечания

¹ См.: Успенский Г.И. Полное собрание сочинений в 14 т. Т.1. М.: Изд. АН СССР, 1952–1954. В дальнейшем ссылки на сочинения Г.И. Успенского даются по этому изданию с указанием тома и номера страницы в круглых скобках.

Библиографический список

Плотникова А.А. О символике свиста // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 1999. С. 295–304.

Плотникова Н.И. Пословицы и поговорки в творчестве Г.И. Успенского // Вестник Московского университета. Серия Х «Филология». № 5. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. С. 52–57.

Плотникова Н.И. Прозаические жанры фольклора в творчестве Г.И. Успенского // Вестник Московского университета. Серия Х «Филология». № 3. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. С. 45–52.

Степанов А.В. Власть земли – власть языка? (К рефрену «словесности» Глеба Успенского) // Русский язык в школе. № 5. 2003. С. 61–65.

Успенский Г.И. Полное собрание сочинений в 14 т. М.: Изд. АН СССР, 1952–1954.

Успенский Н.В. «Власть земли» и «Власть тьмы» (соч. Гл. Успенского и гр. Л.Н. Толстого) // Успенский Н.В. Из прошлого. М., 1889. URL: http://dugward.ru/library/tolstoy/uspenskiy_vlast.html. (дата обращения: 18.04.2015).

E.P. Gurova

Postgraduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

MOTIVE ON THE «POWER OF THE LAND» TO SKETCH OF G.I. USPENSKY 60 – 70-th XIX c.

This article discusses the genesis and characteristics of a new artistic expression of the peasant character is most clearly expressed in the work of G.I. Uspensky. In the stories, essays, the writer manifests a special type of consciousness - the consciousness of the peasant, the perception and behavior, caused by the life "on the ground", in the lap of nature. The motif of "government land" becomes fundamental to image the peasants of the village, "people of God" long before the eponymous cycle of essays. Peasant images are built on the contrast of the categories of "past" and "present", that is responsible for their ambiguity, the appearance of representatives of "Lost," "Lost" generation.

Key words: Democratic People's Literature; a new peasant character; motive on the "power of the land"; categories "past" and "present"; "inverted" reality.

Клюйкова Екатерина Александровна
методист филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
nesef@rambler.ru

МОТИВЫ УСТНЫХ СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗОВ В «НАИВНОЙ» АВТОБИОГРАФИИ ¹

В статье предпринят анализ «наивной» автобиографии, написанной жительницей Юрлинского района Пермского края. Рассмотрено соответствие комплекса мотивов, который характерен для устных биографических рассказов, и содержания письменной автобиографии, несущей выраженное авторское начало. Исследуемый текст отражает укорененность автора в локальной традиции.

Ключевые слова: наивное письмо; наивная автобиография; устные семейные рассказы; семейный фольклор.

Феномен «наивной литературы» исследуется в отечественной гуманитаристике с середины 1990-х гг., поэтому к настоящему моменту сложилось чёткое представление об этом явлении. С.Ю. Неклюдов под наивной литературой понимает совокупность текстов, которые «ориентируются на литературные (а не на устные) образцы; самими создателями они расцениваются как продукт индивидуального творчества (а не коллектива), включая выраженное авторское начало (в противоположность анонимному голосу фольклорной традиции)» [Неклюдов 2001: 5]. М.Л. Лурье пишет, что «можно говорить о двух основных критериальных "требованиях", интуитивно предъявляемых нами к наивному произведению: (1) письменная форма и (2) литературная "неграмотность" – несоответствие литературным нормам» [Лурье 2001: 17]. Последний критерий исследователь относит скорее к личности автора: «наивная литература как «литературное творчество <...> "литературно невалифицированных" авторов» [там же: 18].

Предметом нашего исследования стала наивная автобиография, написанная Ниной Ивановной Ивановой 1942 г.р., жительницей д. Букреево, примыкающей к с. Усть-Зула Юрлинского р-на Пермского края. Стоит отметить, что Н.И. Иванова является одним из наиболее авторитетных носителей фольклора в Усть-Зуле. Она владеет огромным корпусом народных текстов, которые хранятся в рукописных тетрадях. Семья Н.И. Ивановой уважаема в Усть-Зуле, она принадлежит к сельской интеллигенции (Н.И. работала в детском саду, её муж был учите-

лем в школе). Кроме того, её супруг П.М. Иванов писал стихи, которые Нина Ивановна редактировала. Можно говорить, что в семье Ивановых в целом развито «бытовое» сочинительство, т.к. многие из их родственников специально на праздники пишут поздравительные стихи и посвящения. Нина Ивановна делает коллажи из семейных фотографий, она является своего рода хранителем семейного архива: сочинений родственников, фотографий, рукописных тетрадей, черновики и т.п.

Автобиография Н.И. Ивановой, содержит всего 12 тетрадных листов. В ней кратко описывается жизнь её семьи за 20 лет до её рождения и непосредственно жизнь Нины Ивановны до замужества.

В качестве основы для анализа мы взяли набор мотивов устных биографических рассказов, выделенный И.А. Разумовой. Исследователь рассматривает основные мотивы, содержащиеся в рассказах об истории семьи и родственниках. По утверждению автора, и устные рассказы о семье, и письменные автобиографии, мемуары и дневники функционально схожи – они должны обладать воспитательной функцией, создавать образ родственника, сохранять память о семье для потомков. В таком случае «можно наблюдать, каким образом и в устных, и в письменных мемуарах сталкиваются установка на соблюдение хронологической последовательности со свойствами “нелинейной памяти” – модели любой биографии» [Разумова 2001: 187].

И.А. Разумова отмечает, что «семейное жизнеописание имеет открытый финал, начало же, напротив, сильно акцентировано» [Там же: 187]. Наиболее частыми формами начала рассказа становится упоминание о том, откуда пошёл род, рассказы о первом известном предке и т.д. Начало автобиографии Н.И. Ивановой лишь отчасти соответствует данной тенденции: она перечисляет известных ей предков (до 6-го колена), но пользуется для этого библейскими формулировками:

«Жил когда-то (1800 гг.) Артамон.

Он родил – Спиридона. Огана.

Оган родил – Скапидона (Капитон) «1840 г.»

Скапидон родил – Петра – 1878 году.

Петр Капитонович – родил Ивана в 20/1 – 2005 г. (1905?)

Иван Петрович в 24/III-42 г. родил меня Трушникову Нину Ивановну (Иванову?)».

Важно отметить, что подобное «библейское» начало может быть следствием того, что Нина Ивановна является знатоком местной поминальной традиции и традиции исполнения духовных стихов; она, как уже было сказано, хранит обширный архив традиционных текстов, принадлежащих к старообрядческой культуре. Известно, что в старообрядческой среде книжное (и тем более библейское) слово обладает непрере-

каемым авторитетом. Думается, что подобный «зачин» появился в связи с длительным взаимодействием автора с религиозными текстами.

Характерно, что, несмотря на «патриархальность» списка, Нина Ивановна вписывает в него и себя, хотя является младшей из шести детей Ивана Петровича. На наш взгляд, это связано с самой природой автобиографического текста: Нина Ивановна является центральным «персонажем» текста, все события описываются с точки зрения её восприятия (за исключением тех, которые произошли до её рождения, а значит, скорее всего, были переняты ею от других родственников и воспринимаются как часть семейной истории).

Описания других родственников соответствуют модели, типичной для устных семейных рассказов: «минимальный набор признаков персонажа семейной истории – это (в порядке убывания): род занятий, имя, сословно-имущественный статус, место жительства, яркий (переломный) биографический факт, запомнившаяся внешняя или характерологическая черта» [там же: 228]. Наиболее подробно Н.И. Иванова описывает в своём сочинении прадеда Капитона Спиридоновича, деда Пётра Капитоновича, братьев и сестёр, мать, отца.

Рассмотрим характеристику, которая дана в автобиографии прадеду автора Капитону Спиридоновичу (текст цитируется с сохранением авторских знаков препинания): *«Прадед был очень “крепкий” – всё жалел, всё берёг. И осталось прозвище по всему совету. Как Капитон Спиридонович – зажиточный (богатый). Имел молотилку, овин свой, бороны, плуги. <...>*

Жили они хорошо, прадед, хоть и было ему 80-90, а ещё всё сам хозяйство вел и работал. <...> Скупой был до ужаса. За стол садились все вместе, хоть и «ребятишки» есть просили. Сахар держал в своём туесе большом – и давал макать строго по ложке. Любил больше моего брата Георгия (он похож на него был) – ему было 2 ложки сахар-песок.

Во время коллективизации раскулачили – у прадеда – забрали всё: – веялки, сеялки, молотилки, привой, лошадей, коров, зерно – вывезли всё».

В отрывке указан статус персонажа («крепкий», «зажиточный»), значимый биографический факт (раскулачивание), характерологическая черта («скупой был до ужаса»). Однако отметим, что характеристика дана сквозь призму детского восприятия, зафиксировавшего разное отношение прадеда к правнукам (наличие «любимца»).

Данная особенность личных характеристик в целом свойственна автобиографии Н.И. Ивановой. В некоторых случаях подробное описание её воспоминания становится важнее, чем простая «анкетная» характеристика родственника, поскольку несёт эмоциональное значение. Так, рассказывая об одном из братьев Георгии, Н.И. сначала сухо описывает его судьбу: *«Дядя Стёпа увозит в собой Георгия бти лет в Альменево Курганскую обл., где он работал председателем колхоза. Так и остался братец*

там. <...> Выучился в военном училище. И приехал он на родину повидаться только через 15 лет». Однако затем следует описание курьёзной первой встречи с братом – гораздо более развёрнутое и эмоциональное: «На нём была военная форма и везде пуговицы блестящие, ещё звезда на фуражке, пагоны со звёздочками – он был офицер. Как они подъехали на лошади на телеге (тогда машин не было). <...> Все выбежали на улицу встречать. Плачут, обнимаются. А он такой высокий, красивый всё говорит а где же маленькая сестричка (это он про меня). А я испугалась и спряталась под стол – а потом пришла сестра и сказала Не бойся, он же не милиционер, никого не забирает и я как побежала бросилась к нему. А он как поднял меня на руки и всё кружил, кружил. И с того времени я всё была с ним».

Другим примером, подтверждающим, что повествовательной доминантой данного текста являются отрывочные детские воспоминания, становятся описания родственников, с которыми не были связаны яркие впечатления. Эти фрагменты не несут на себе эмоциональной нагрузки и содержат исключительно формальную информацию. Так, например, при характеристике старшего брата Михаила (разница в возрасте 18 лет) приводится только перечень его должностей и мест работы: «Старший брат в 42 году был взят на войну, там был дважды ранен. <...> Вступает в партию, посылают в Юрлу – работает заместителем председ. – потом председатель райисполкома потом II Секретарь райкома, потом I секретарём. Работал I секретарём в Белоево, потом в Кудымкаре. Потом перевели в Пермь».

Ещё одним важным мотивом, периодически проявляющимся в автобиографии, являются трудности жизни, связанные с историческими событиями. Как отмечает И.А. Разумова, «по силе исключительного влияния на семейные судьбы самыми отмеченными являются период конца 1920–1930-х гг. <...> и Великая Отечественная Война» [Разумова 2001: 305], и далее: «основной объект семейных исторических мемуаров – особенности жизни и быта, которые характеризуют время» [Там же: 308]. Н.И. Иванова описывает, как на её семье отразилась коллективизация (это произошло до её рождения, поэтому сведений мало) и послевоенные годы восстановления хозяйства. Последний период описан более подробно, поскольку непосредственно связан с детскими воспоминаниями Нины Ивановны: «Отцов поубивали на войне. После войны начали тихонько отходить. Восстанавливать и колхоз. Мужиков совсем мало, и тех сослали в труд армию, а кто вообще на 10 лет в КВД. – и очень трудно было жить. Налоги страшные. <...>

Кормить корову – солома, 5 ц сена – это сено выдавали на заработанные трудодни. За рабочий день ставили 1 трудодень – и стоил он 10 коп деньги и 200 гр. иногда 300 гр хлеба, – всё. <...>

А если кто пропустит день, и этого не было да ещё снимали 500 гр. хлеба – 2 кг. <...> Никто не пил, все ходили на работу <...> Помню на сено-

косо. Уже время 9 часов, всё держат, закончить надо. Одна старушка и говорит. Мне уже 80ый год, меня-то бы отпустили».

Примечательно, что в автобиографии слабо актуализирован мотив «женской судьбы». Есть единичные упоминания о том, что мать много работала и самой Нине Ивановне приходилось работать с детства. Гораздо большее внимание уделено работе отца, очевидно, из-за того что труд в тяжелых условиях стал причиной его относительно ранней смерти и эта потеря потрясла Нину Ивановну. В разных частях текста, несколько нарушая хронологию, автор дважды принимается описывать обстоятельства болезни отца: *«Работать ему пришлось много и на разных работах: и в лесу – лесозаготовителем, бригадиром, механиком, лесником, дорожником. <...> Сплавляли лес взрывал лес и он при взрыве так испугался и случился Инфаркт».* И затем: *«Папа работал: главным по сплаву. <...> Он прочищал речку ото льда. И один раз взрывать пришлось лёд папе. Взрыв произошёл быстро и кто-то не успели отбежать. Папа перепугался очень. Но всё-таки люди не пострадали, а ему было плохо с сердцем. И он постоянно болел».*

В целом в автобиографии прослеживается хронологический принцип повествования, однако в тексте присутствуют и воспоминания, которые выбиваются из общей хронологии, т.к. вызваны характерной для памяти нелинейностью. Для Н.И. Ивановой важно не просто рассказать историю своей жизни, но и передать впечатления об окружающей среде, примечательные факты. Не случайно сразу после описания генеалогии она описывает двор родного дома: *«В памяти моей два дома соединены простенком – двор, ограда, огород с большой рябиной и одной черёмухой и пни из под черёмух».*

Показателен выбор временных отрезков жизни автора, ставших частью повествования. Н.И. Иванова мало затрагивает свою юность, историю знакомства с будущим мужем, а оканчивает свою биографию лаконичной формулировкой: *«Было все хорошее и плохое, дом перестроили и двор и баню и детей растили, а потом внуков».* Многое из того, что могло бы попасть в биографию (поскольку соответствует выбранным временным рамкам), осталось за границами текста. Ряд примечательных случаев из жизни автора мы знаем только благодаря устным интервью с нею (например, рассказы о гаданиях и вещих снах).

В своей автобиографии Н.И. Иванова реализует характерные для устных биографических рассказов элементы повествования: акцентированное начало, трансляцию коллективных представлений о семейном прошлом, перечисление генеалогии. Типична структура характеристики родственников, а также упоминание исторических событий сквозь призму особенностей быта. Тем не менее в тексте прослеживается сильное личностное начало, проявляющееся в том, что при попытке объективно-

го описания своего детства Нина Ивановна от фактографического письма постоянно переходит к подробным воспоминаниям и лирическим отступлениям. В тексте нет прямого дидактизма, однако большинство воспоминаний связано с упорным трудом и любовью к ближним, что может стать примером последующим поколениям (как подразумеваемому адресату). Можно предполагать, что и на сам факт создания автобиографии, и на некоторые ее особенности повлиял не только профессиональный фактор и наличие в семье письменной традиции, но и глубокое знакомство автора с локальной традиционной культурой (отражающей влияние старообрядчества), в которой неизменно высоким статусом обладает книжность и дидактизм.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009 («Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья»).

Библиографический список

Лурье М.Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 15–28.

Неклюдов С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 4–14.

Разумова И.А. Потаенное знание современной семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.

E.A. Klyuykova

Methodologist of Philological Faculty
Perm State University

THE MOTIFS OF VERBAL FAMILY NARRATIVES IN “NAIVE” AUTOBIOGRAPHY

In the article the “naive” autobiography by N.I. Ivanova, the resident of Yurlinsky area, is analyzed. The correspondence between the content of researched autobiography and the complex of motifs which is typical for verbal biographic narratives is regarded. The text also reflects author’s deep relations with the local folklore tradition.

Key words: naive writing; naive autobiography; verbal family narratives; family folklore.

Князева Евгения Александровна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
evg-knyazeva@mail.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В «НАИВНОЙ» ПОЭЗИИ ЕКАТЕРИНЫ ЗВЕРЕВОЙ¹

В последние годы «наивное» письмо всё больше обращает на себя внимание различных гуманитарных наук. Возникновение этого явления исследователи объясняют ростом городов и формированием культуры горожан, физически оторванных от традиционной народной культуры и в то же время далёких от профессионального сообщества писателей. Особый интерес представляет биографический дискурс в «наивной» литературе. Рассказ о себе имеет социальную направленность: частная жизнь предъясняется в связи с жизнью поколения, общества, с историей. Отличительными чертами нарратива является неадекватность в оценке собственного статуса, неироничность, обостренная чувствительность к деталям повседневности, шаблонная вторичность.

Ключевые слова: «наивное» письмо; автобиографический дискурс; самоидентификация; нарратив; кумулятивный принцип; подражательность.

«Наивное» письмо как разновидность народной словесности не относится ни к собственно литературе, ни к современному «письменному фольклору». С.Ю. Неклюдов пишет о «наивном» дискурсе, под которым понимает «любое высказывание, устное или письменное, ориентирующееся на кодифицированный литературный язык, но не соответствующее конвенциональным нормам» [Неклюдов 2001: 13]. Важно отметить, что дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова) и выражающая авторское мировосприятие. В нем находит отражение социально значимое поведение, «идеологически и исторически обусловленная ментальность» говорящего [Русинова 2007: 223–224]. Д.М. Давыдов определяет «наив», или «примитив», как «особое, дискретное по своей структуре субполе литературы (искусства, культуры), занятое агентами, идентифицирующими себя в качестве авторов, но не участвующими в маневрах профессиональных элит, находящимися вне или «на обочине» литературного (культурного) процесса, не связанными взаимными иерархическими и т.п. отношениями, лишенными общей идеологии, в т.ч. эстетической, но объединенными в качестве производителей текстов общими чертами» [Давыдов 2004: 46–47]. Для нас таковыми являются

«непреднамеренная неконвенциональность», «стихийная эклектичность» текста, неироничность (неспособность к притворному приятию чужого пафоса, принципиально серьезное восприятие действительности), бытовизм, шаблонная вторичность, деформации стиховой ткани (неточные рифмы, непредсказуемая неравноstopность и полиметрия). Рассмотрим эти черты в «наивной» поэзии пермского автора Екатерины Зверевой.

Главной особенностью ее стихов, опубликованных в книге «Судьбы людские», является автобиографичность. Биографический дискурс основывается на событиях, оставшихся в памяти, не стертых временем. Тексты образуют своего рода «роман в стихах» с единым героем и соблюдением хронологии повествования. Приложением к нему является «Родословная» с генеалогическим древом и кратким описанием жизни каждого близкого и знакомого, чья судьба известна поэтессе. Текст написан прозиметрумом. Любопытны стихотворные портреты, в которых можно обнаружить черты эпитафии или подражание известным советским авторам. Обращение к ним произошло явно неосознанно. Например, эпитафия дочке тети Клавдии Макаровны: *«Старшая дочь – Полина / Путь прошла не длинный, / Пристрастились к вину, / Жизнь продолжила в аду»* [Зверева 2010: 251]. Часто слышны интонации детских стихов К. Чуковского и В. Маяковского (ср. «Крошка сын к отцу пришёл, / и спросила кроха: /– Что такое хорошо и что такое плохо?» (В. Маяковский) и *«Был он чёрен как цыган, / И глаза как плошки. / Видно, ген в наследство дан / Неразумной крошке»* [там же: 246]).

Если говорить об основном корпусе текстов, то важно заметить, что Зверева пытается соединить прошлое и настоящее, представить единые линии судеб. Не случайно типичным финалом стихотворений оказывается конец жизни человека, о котором шло повествование: *«Вестей от Мильки давно нет. / Живёт она далёко. / На Дальнем аж Востоке»* [там же: 13] или *«Отец же с матерью и Анна – на Дивье, / В лесу на кладбище давно»* [там же: 21]. Также последнее двустишие может содержать сравнение с сегодняшним днём: *«Вот теперь настали снова / Времена музейные...»* [там же: 32] (об избытке и дороговизне продуктов в магазинах).

В собственном жизнеописании отдельная «страница» отводится отцу. Рассказывая о нем, Зверева использует мотивы, характерные для советской литературы 1920-30-х гг.: героически служил Отечеству на первой мировой, видел царя-батюшку и царицу, воскрес из мёртвых (после тифа), после революции с двумя земляками ходил в Кремль «на приём к всесоюзному старосте» Калинину за «правдой» (не желал служить в колхозе, хотел остаться единоличником), до пенсии служил на конном

дворе, потому что не мог жить без лошади. И в *«последний путь вёз конь его / До самой до могилы. / Лошадка белая была / С печальными глазами»* [там же: 47]

Сама Екатерина Зверева родилась в деревне Белая, которая стоит на реке Кутамыш. Родители почти сразу после рождения дочери переехали в город: «волной катилась коллективизация» [там же: 7]. Не раз с сентиментальностью деревенского жителя поэтесса будет писать об избах, покинутых детьми со смертью родителей, противопоставляя их домам, согретых теплом души человека. Вплетая нить своей судьбы в общую, коллективную, Зверева использует интонацию пушкинского «Руслана и Людмилы»: *«Через леса, через луга / Попасть старались в города»* [там же: 7]. Нарратор выступает в роли «сказителя». «Перелистывая» очередную страницу биографии, он замечает: *«вот вам весь сказ»* [там же: 8]. Размер некоторых строк напоминает размер стихотворных сказок К. Чуковского, видимо, усвоенных в детстве (ср. *«Я посетила те края – / Ведь это Родина моя»* [там же: 8] и *«Что вы нахлынете сюда, / Чтобы разрушить навсегда / Людские, злые города»* («Крокодил»)). Любопытно, что пафос этих фрагментов текстов тоже совпадает.

Детские воспоминания связаны со страхом (уронила младшего брата) и болью (ошпарила ногу). Также остался вкус несытого времени – вкус заплесневелых пряников, которые принесла соседка тетя Нюра. В войну пришлось переехать из Кислотных Дач в Январский поселок. Повествование (*«И Сивкой-буркой управляя, / И пыль с дороги поднимая, / Отец на козлах уж сидит»* [там же: 11]) напоминает зимнюю картину из романа «Евгений Онегин» Пушкина (*«В салазки жучку посадив, / Себя в коня преобразив»* или *«Вот север, тучи нагоняя, / Дохнул, завыл – и вот сама / Идёт волшебница-зима»*). Самое любопытное, что, говоря о буднях поселка, Зверева воспроизводит пушкинскую ситуацию (*«Шалун уж отморозил пальчик: / Ему и больно, и смешно, / А мать грозит ему в окно»*), но сквозь «увеличительное стекло» собственной жизни: соседская шестилетняя Милька переохладилась, больше всего пострадали руки, а мать рассказчицы привела ее в чувство.

В нарратив войны Зверева «вплетает» мотив травы, на которой спали и которую ели (особенно часто упоминается полевой хвощ, его ростки (пистики) до сих пор используются в коми-пермяцкой кухне), а также мотив дистрофической худобы. Тема еды становится основной: *«И ели мы ботву с картошки / Маркошки, свёклы и осот»* [там же: 18] или *«Ох, до чего вкусна та каша – / Ржаная «чёрная смола». / Она живительною силой / В кишочки детские плыла»* [там же: 18]. По текстам Зверевой можно составить рацион питания деревенского ребенка воен-

ного времени, проживающего на Урале: еловые и сосновые побеги, липовая кора, заячья кислица, борщевик, ягоды, грибы и, конечно, картошка. Образ картошки наиболее частотен в стихах поэтессы. Ей она готова петь гимн: «*O Solánium tuberósum – /Словно нежная мимоза /Взор ласкает куст!*» [там же: 29]. Героиня признаётся: «*Съели тонны мы картошки, / Не набив оскомины*» [там же: 29] – и мёрзлой, и гнилой, и свежей. Ели не только дети, «ели» и детей. Зверева рассказывает, как ее с братом «грызли» тараканы («*и чёрны, и буры, и белы*» [там же: 19]). Не случайно поэтесса их называет «немчурой».

Вспоминая школу № 16, в которой училась в третью смену, Зверева в очередной раз называет родных, провожавших её в первый класс: «*Тут и баба, тут и дед / Тут и мама, и отец*» [там же: 45] (ср. со считалкой: «Колдуй баба, колдуй дед...»). Возвращаться домой ночью было страшно – зимой бродили волки и «гуляла банда». Дух советской пропаганды передаётся с помощью включения в текст стихотворения «Я помню первый свой приход...» незакавыченного четверостишия из песни «На просторах родины чудесной...»: «*Сталин – наша слава боевая! / Сталин – нашей юности полет! / С песнями, борясь и побеждая, / Наш народ за Сталиным идет!*» (А. Сурков). Подкрепляется этот дух «говорящими» фактами: «*И там, где были зоны 8, 16, 13, 5 / Поднялись ввысь дворцы и школы / И целые микрорайоны /С парками, дорожками*» [там же: 53].

Студенческие годы отмечены в памяти первой девической любовью, «шутками-прибаутками». Чтобы выразить настроение тех лет, Зверева использует сравнения, отсылающие к образности детских сказок К. Чуковского: «*Чтоб рано-рано поутру / Помчаться, словно кенгуру / Сдавать очередной экзамен*» [там же: 91]. Однако надежды на осуществление коммунистической утопии уже не было, и никто не разделял былого оптимизма относительно ближайшего будущего: «*А Хрущёвым обещалям /Мы не верили тогда. / Обещал Хрущёв народу, хлопая туфлю / Настоящий коммунизм с молочной рекою*» [там же: 91]. И партийный лозунг – «*Химизация, интенсификация полей – / Залог высокого урожая*» [там же: 111] – тоже вызывал сомнение: «*Потому что всё вокруг взаимосвязано / И жить всё и вся в симбиозе обязано*» [там же: 111].

Иногда в стихотворном тексте встречается список лиц, как будто изъятый из документа, хранящегося в архиве памяти. Так, рассказывая о работе на практике, Зверева, перечисляет всех, кто из институтского выпуска 1965 г. входил в полевую группу [там же: 132]. Вообще основной объем текстов составляют ряды однородных членов предложения: называются друзья, коллеги, домашние животные, растения, достопримеча-

тельности городов и др. «Нанизывание» однопорядковых событий и / или персонажей вплоть до «катастрофы» (смерти героя, как мы писали ранее) напоминает кумулятивный принцип построения архаического сюжета. Яркий пример его использования – рассказ о поездке в социалистическую Чехословакию по путёвке. Туристы посетили множество объектов: *«В Мацохе в пещеру свозили / В лодках по озеру повозили, / В Марианских Лазнях в церковь сходили. / В Брно на завод свозили...»* [там же: 143] Анафора подчёркивает единообразие впечатлений, как в отчёте для Облсовпрофа.

Чем дольше поэтесса живёт, тем более длинные пишет стихи. Иногда в текст умещается несколько разных, не связанных ни сюжетно, ни тематически историй. Так, после рассказа о поездке в Чехословакию Зверева сразу переходит к описанию своей свадьбы: *«Да на мой там день рожденья / Диадему подарили... / Я замуж вышла в тридцать лет, / Такой дала себе обет»* [там же: 144].

Отсутствие связности обнаруживается и во «внешней» форме текстов. Наблюдается почти полный набор возможных деформаций стиховой конвенции, как кажется, не имеющих семантической нагрузки и, следовательно, указывающих на «непрофессионализм» поэта. Можно обратить внимание на регулярно встречающиеся неточные рифмы, непредсказуемую неравноstopность, ненамеренную полиметрию. Заметно, что автор не «заботится» о технике сочинительства.

«Главная функция такого письма, – замечает М.П. Абашева, – возможность самоидентификации» [Абашева 2009: 181], осознания состоятельности прожитого и пережитого, обретения себя через вербализацию опыта. Выстраивая биографию в хронологическом порядке, автор неосознанно подчиняется метанарративу, расставляет вехи пути в соответствии с событиями большой истории. Также для Зверей повествование о себе – это часть истории рода, семьи, рабочего коллектива. Основным мотивом творчества оказывается необходимость оставить в памяти читателей то, что является содержанием личных воспоминаний, создать Книгу жизни.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009 («Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья»).

Библиографический список

Зверева Е.Е. Судьбы людские. Пермь, «Пермское книжное издательство», 2010. 300 с.

Аругюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.

Абашева М.П. «Наивный текст» как культурный алфавит // До и после литературы: тексты «наивной словесности» /Сост. А.П. Минаева. М.: РГГУ, 2009. С. 176–198.

Давыдов Д.М. Наивная и примитивистская поэзия: генезис, эволюция, поэтика. Диссертация на соискание учёной степени канд. филол.н. Самара, 2004.

Неклюдов С.Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 4–14.

Русинова И.И. Наивный дискурс (на материале личного дневника диалектоносителя) // Дневник М.П. Суловой (1981–1985). Публикация и исследование текста. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. С. 219–234.

E.A. Knyazeva

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

BIOGRAPHICAL DISCOURSE IN THE «NAIVE» POETRY EKATERINA ZVEREVA

In recent years, «naive» writing all the more noteworthy of the various Humanities. The occurrence of this phenomenon is explained by the researchers the growth of cities and the creation of a culture of citizens, physically separated from the traditional folk culture and at the same time far from the professional community of writers. Of particular interest is the biographical discourse in the «naïve» literature. The story has a social dimension: the private life presented in connection with the life of a generation, society, history. Distinctive features of the narrative, is inadequate in evaluating their own status, neoneonant, acute sensitivity to detail of everyday life, template secondary.

Key words: naive letter; autobiographical discourse; identity; narrative; the cumulative principle; heritance.

Курочкина Мария Валерьевна
инженер кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kumvus957@gmail.com

ЖАНР «НАИВНОГО» НЕКРОЛОГА: СЕМЬЯ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОСТИ ¹

Статья посвящена феномену «наивной» литературы; в центре исследования – жанр «наивного» некролога; материал исследования – тексты, опубликованные в региональных газетах. Специфика этих произведений определяется принадлежностью к сфере семейной письменности и установкой на публичное предьявление. «Наивная» разновидность некролога может носить синкретичный характер, включать прозаическую и поэтическую составляющие.

Ключевые слова: «наивная» литература; некролог; эпитафия; семейная письменность.

Изначально материалом нашего исследования послужили тексты «наивных» (не вполне профессиональных с точки зрения литературного мастерства) поздравлений и некрологов, опубликованных в газетах «Искра» (кунгурская общественно-политическая газета) и «Чусовской рабочий» в период с января по май 2013 г. Однако в процессе работы мы исключили жанр поздравления, поскольку ни один из текстов не прошел проверку на уникальность: все стихотворные поздравления, напечатанные в этих газетах, встретились нам на сторонних интернет-ресурсах. А в таком случае, во-первых, нельзя исключить, что написаны они были профессиональным (или полупрофессиональным) сочинителем «на заказ» и их «наивность» – это следствие стилизации и/или отражение уровня эстетических требований заказчика. А во-вторых, тогда перед нами не собственно «наивное», а коммерческое творчество, предназначенное «для сбыта» (подробнее об этом см.: [Неклюдов 2001]).

Теперь о некрологах. «Классических» произведений этого жанра, включающих в себя биографию покойного и описание его личных и общественных заслуг, было обнаружено сравнительно немного. Как правило, такие некрологи публикуются от лица коллег и знакомых покойного и заканчиваются выражением соболезнования родным и близким. Официальные соболезнования родственникам, небольшие по объему, могут составлять и отдельный текст (мы сохраняем в цитатах графические выделения, свойственные источнику): *Кунгурское райпо выражает*

глубокое соболезнование М.Е. Кузнецовой и Ю.А. Калининой по поводу безвременной кончины Калинина Евгения Николаевича.

Преобладают некрологи краткие, основная цель которых – оповестить знакомых о кончине человека или же напомнить дату его смерти. Подписаны они обычно родными покойного. Его личные качества и какие-то факты биографии могут упоминаться, но, как правило, в очень сжатом виде. Заканчиваются такие краткие некрологи просьбой помянуть: *30-го апреля исполняется 8 лет, как ушла из жизни по болезни ПАШОВА Оксана. Ей было всего 14,5 лет. Она была добрым и отзывчивым ребенком. Все, кто знал и помнит ее, помяните добрым словом. Пусть земля ей будет пухом. Царствие ей небесное.*

Мама.

Здесь биографическая составляющая значительно редуцирована: наиболее важной информацией оказывается причина смерти покойной и юный возраст, в котором она ушла из жизни.

В следующем тексте биография представлена чуть подробнее: *23 февраля исполнилось 40 дней, как нет с нами дорогой, любимой свекрови, чудесной мамы, заботливой и нежной бабушки и просто замечательного человека Поляковой Марии Петровны, бывшего врача стоматологической поликлиники, в которой она проработала 40 лет. Вечная память. Помним, любим, скорбим. Пусть земля будет просто пухом. Все, кто знал ее, помяните.*

Дети.

В этом некрологе примечательно нарушение состава устойчивого выражения – возможно, под влиянием местной разговорной формы («*Пусть земля будет просто пухом.*»

Иногда в тексте некролога содержится благодарность за помощь в организации и проведении похорон и поминок, но чаще такие благодарности публикуются отдельно: *16 апреля ушел из жизни Цецегов Михаил Андреевич. Благодарим всех, кто разделил с нами горечь утраты. Особую благодарность выносим коллективу баклаборатории городской больницы. Низкий поклон ветеранам баклаборатории и санэпидемстанции.*

Жена, дети.

Можно сказать, что на страницах районных газет благодарность становится отдельным речевым жанром, формирующимся в рамках официально-делового стиля: выражение «выносим особую благодарность» заимствовано именно из него.

Зачастую краткий некролог включает в себя стихотворную часть (обычно – четверостишье), являющуюся, по сути, эпитафией – кратким стихотворным обращением, которое традиционно размещается на надгробных плитах. Как и у некролога, основная функция эпитафии – поминальная: *24 апреля, на 72-м году жизни, после продолжительной болезни, скончалась Фальковская Зинаида Сергеевна.*

*Спи спокойно, родная.
Светлый образ твой свято храним.
В безутешной печали земной
Любим, помним, скорбим.
Все, кто знал ее, помяните добрым словом, пусть земля ей будет пу-
хом.*

Родные.

Как показал проделанный нами поиск, этот и подобные стихотворные отрывки, по-видимому, были некогда заимствованы из интернета. Говорить о конкретном источнике заимствования сложно, однако представляется вероятным, что, оказавшись на страницах местной прессы, стихотворения эти начинают затем использоваться составителями (авторами) последующих некрологов. Стихотворная часть перепечатывается ими из других газет или других номеров той же газеты.

Вот еще один пример краткого некролога: *27 апреля исполняется год, как нет с нами дорогого, любимого мужа, отца, деда **Терентьева Николая Александровича**.*

*В память о тебе горит свеча.
Боль в душе, печаль неизгладима.
Ты в сердцах останешься у нас
Добрый, замечательным, любимым...*

Жена, дочь, зять, внуки.

Приведенное четверостишие – одно из самых популярных: только в просмотренных нами номерах газет (за четыре месяца) оно встречается около 15 (!) раз, причем иногда даже в соседних некрологах. Возможно, повторяемость такого рода текстов воспринимается как нормативная (и составителями газетной рубрики, и читателями), поскольку некрологи связаны со сферой поминальной ритуалистики, актуализирующей устойчивые, воспроизводящиеся формы поведения, в т.ч. речевого.

Можно говорить, что функционирование эпитафий в составе некрологов осуществляется по модели бытования фольклорного произведения: здесь сложно или невозможно определить авторство текстов, а сами тексты, повторяясь, существует в различных вариантах. Вот еще одно популярное четверостишие: *Из жизни ты ушел внезапно, / Оставив боль нам навсегда. / Но милый образ и улыбка / В душе останутся всегда.* Нам встретился и другой его вариант – вероятно, отражающий живую реакцию родственников на обстоятельства кончины: *Из жизни ты ушел внезапно, / Оставив боль нам навсегда. / Очень жаль, что причину смерти / Мы не узнаем никогда.*

Часто стихотворный отрывок называют «некрологом в стихах», что не совсем верно терминологически. В большинстве словарей и справочников некролог определяется как «статья по поводу смерти кого-л.»

или же «произведение публицистического жанра (часто в виде статьи)». Среди представленных на различных сайтах и форумах «правил написания» некролога встречаются даже запреты на использование стихотворной формы как не соответствующей случаю. Поэтому, на наш взгляд, по отношению к подобным произведениям точнее говорить о синтезе двух разных жанров: прозаического некролога и поэтической эпитафии.

В редких случаях в некрологах встречаются и авторские стихотворения. Так, семья Черных в пятую годовщину со смерти сына опубликовала два стихотворения, авторство которых принадлежит маме и сестре покойного: *10 мая исполнилось 5 лет, как ушел из жизни самый любимый и дорогой наш сын, брат, дядя, внук Сергей Черных.*

*Нет с нами милого сыночка,
Поверить в это не могу.
И с болью в сердце и слезах
Я каждый вечер его жду.
Открылась б дверь, и он зашел,
Сказал бы: «Мама, я домой пришел».
И, как прежде, я бы его за стол усадила,
И самым вкусным его угостила.
А он поцеловал бы меня в щеку,
И сказал: «Как вас с папой я сильно люблю».
Но не услышу я этих слов,
И буду плакать и ждать его вновь.
В смерть не верю, ведь он живой,
И будет всегда рядом со мной.*

*Жизнь без тебя – это пятое лето без твоих глаз,
Без твоей улыбки, без смелых фраз.
Ты ушел на всегда и уже не придешь.
И все те разговоры уже не вернешь.
Летний дождь, что прольет над моей головой,
Я пойму, что ты здесь, что ты рядом со мной,
Эти ветки берез, что шуришат по весне,
Я ведь знаю, меня ты не бросишь в беде.
Это пятое лето, а за ним и зима.
С этой болью нам жить придется всегда.
Но оставил в сердцах ты частичку себя,
Ту любовь и мечту, наполнявшие тебя.
И вечную память мы будем хранить,
Тебя вспоминая, и крепко любить.
Ты ушел молодым, и уже не придешь.
И твой смех, и твой голос уже не вернешь.*

Всегда любящая сестра Катя.

На наш взгляд, и авторские стихотворения, и растиражированные стихотворения-эпитафии, встречающиеся в некрологах, можно отнести к сфере так называемой «наивной литературы». О наивности как о характерной особенности жанра эпитафии писал еще С. Крижановский в статье для «Словаря литературных терминов» (1925 г.): «вырванные из контекста, выключенные из кладбищенской ограды», стихотворные эпитафии «совершенно бессильны и элементарно-наивны, – но в окружении крестов, внутри ограды, вирши эти получают некий тонус, превращаясь в почти-стихи» [Крижановский: эл. ресурс].

В приведенных нами современных стихотворениях встречается сбивающийся ритм, банальные и бедные рифмы, жанрово-стилистические и логические сбои, нарушения в согласовании слов. Значимо и то, что в «наивных» некрологах разрабатывается тема памяти – одна из центральных для наивной литературы как таковой. Как отмечает М.Л. Лурье, «мотивы неизбежного забвения человека после смерти, переживания прошлого через воспоминание, требование к потомкам <...> чтобы поминали родителей, – все эти и прочие связанные с идеей памяти мотивы буквально пронизывают простонародную наивную литературу» [Лурье 2001: 28].

И.А. Разумова в статье «Письменные традиции современной семьи» указывает на специфическую роль семейной письменности, которая «связана с утверждением культурной суверенности группы» [Разумова: эл. ресурс]. Тексты семейной письменности входят в приватную сферу жизни семьи и функционируют в «частном быту» [там же]. Нам представляется возможным включить в сферу семейной письменности и рассмотренные выше тексты, представленные в газетах. Некрологи из газет «Искра» и «Чусовской рабочий» либо адресуются родным погибшего, либо написаны ими.

Согласно классификации И.А. Разумовой, семейную письменность можно разделить на несколько категорий по функциональному признаку: письменность мемориальную, повседневно-обиходную, ритуально-праздничную, ритуально-магическую, игровую и письменность с преобладающей эстетической функцией. Жанр некролога в «наивном» его варианте, по-видимому, оказывается близок к ритуальной и мемориальной семейной письменности.

«Ритуально-праздничная письменность представлена этикетными и оригинальными поздравительными жанрами, а также стихотворчеством» [там же], которое «связано, прежде всего, с персонально ориентированными торжествами» [там же]. Некрологи, конечно, нельзя отнести к текстам «праздничным», однако они в высшей степени сохраняют ритуальный характер. Такие произведения являются персонально ориенти-

рованными текстами, связанными с конкретной знаменательной датой, и этикетное начало в них проявляется достаточно сильно. Некролог выполняет также мемориальную функцию: известно, что «каноническая» композиция обязательно включает в себя жизнеописание покойного, однако и в кратких некрологах редуцированная биография, как правило, сохраняется. Примечателен также тот факт, что зачастую вырезки с газетными некрологами – даже теми текстами, которые были написаны людьми, не входящими в семейную группу, – сохраняются в семейных архивах, то есть фактически переходят из зоны публичности в частную, приватную сферу культуры.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-59009а(р) («Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья»).

Источники

«Искра» [Официальный сайт газеты, раздел архивных номеров]. URL: http://iskra-kungur.ru/pdf_arc/ (дата обращения: 02.04.2015).

«Чусовской рабочий» [Электронный архив номеров]. URL: <http://issuu.com/chrgazeta> (дата обращения: 02.04.2015).

Библиографический список

Крижановский С. Эпитафия // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-b221.htm> (дата обращения: 17.04.2015).

Лурье М.Л. О феномене «наивного» сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 15–28.

Неклюдов С.Ю. От составителя сборника «Наивная литература»: исследования и тексты». URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/bookenter.htm> (дата обращения: 17.04.2015).

Разумова И.А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/rasumova1.htm> (дата обращения: 17.04.2015).

M.V. Kurochkina

Engineer of Russian Literature Department
Perm State University

GENRE OF “NAÏVE” NECROLOGUE

The article deals with phenomenon of “naïve” writing; the object of research is “naïve” necrologue, which was published in regional newspapers. Part of these necrologues is complicated genre, which include poetical and prosaic components. “Naïve” necrologue could become part of writing of family.

Key words: “naïve” literature; necrologue; epitaph; writing of family.

Масальцева Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры журналистики и
массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
alba@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПЕРМСКИХ ГАЗЕТ В 1920-е годы

В статье рассматриваются литературные тексты, опубликованные на страницах региональных (пермских) газет «Звезды», «Страды», «На смену» 1920-х годов.

Ключевые слова: региональные газеты 1920-х годов; газетная литература; художественная публицистика в газете.

Провинциальная ежедневная газета рубежа XIX–XX вв. на 2-3-й страницах традиционно располагала публикации литературного характера: прозу, стихи и даже драматические произведения. Аналогичные материалы можно обнаружить и в региональной газете первого десятилетия советской власти: перед газетой стояла серьезная задача приобщения массового читателя как к чтению газеты и художественной литературы: «Роль печати – оздоровить общество от старых обычаев, обрядов, предрассудков и указать путь, на котором все заменится здоровым и не менее веселым и полезным» [Время бурного роста 1980: 315–316].

В «подвале» региональных газет 1920-х гг. можно обнаружить литературные тексты, художественную публицистику. Литературная критика обычно ограничивалась мини-рецензиями рекомендуемой литературы. Таким образом, в газете публиковались материалы, по жанру более относящиеся к литературе, чем к журналистике.

Для литературной жизни регионов начало 1920-х гг. оказалось временем возникновения и активной работы разнообразных литературных объединений: обществ, мастерских, групп, собирающихся вокруг редакций имеющих газет и журналов или даже издающих новые. Конечно, благодаря активному влиянию Пролеткульта, ставка делалась на литераторов из рабочих, но возникали подобные литературные объединения чаще по инициативе интеллигенции.

В 1923 г. подобное объединение – пермская мастерская слова «Мы» – возникает при редакции газеты «Звезда». В ее состав входят поэт и журналист «Звезды» Федор Михайлов (он работает ответственным редактором газеты), Геннадий Коротков, журналист и писатель Савватий Гинц и другие. В дальнейшем именно на основе мастерской «Мы» возникнет Пермское отделение РАПП (Российской ассоциации проле-

тарских писателей). Мастерская объединила поэтов, беллетристов и других литературных работников, стоящих на платформе октября [Семяников 1988: 3]. По воспоминаниям А. Ожегова, «мастерская приняла декларацию, в которой заявила о разрыве с буржуазной поэзией. В основу творчества кладется марксистское миропонимание. Мастерская отрицает формальное разделение на поэтические группировки (футуризм, имажинизм, символизм)... Содержание определяет форму и художественно оформляется через нее».

Как правило, стихотворения того или иного автора публиковались на 3-й странице «Звезды» вместе с критической мини-рецензией. В конце 1923 г. стихи Федора Михайлова, сначала опубликованные в «Звезде», вместе со стихами Савватия Гинца, Геннадия Короткова, Александра Спешилова войдут в сборник стихов с названием «Улица». По мнению пермских краеведов, «в стихах, опубликованных в этом сборнике, чувствуется стремление авторов подражать Маяковскому» [Светлаков 2003: 41]. Литературные материалы «Звезды» (до 1925 г. это преимущественно стихи) часто принадлежат авторам студии «Мы». Так, Федор Михайлов публиковал в «Звезде» 1923 г. журналистские материалы (в основном рецензии на новые книги), и стихотворения, стараясь поэтическими текстами откликаться на «злобы дня». Приведем стихотворение «Памяти Парижской коммуны. Париж крови»:

*Кровавым сгустком Париж сдавило,
Печатью крови скрыв ужас плит.
В костелах кровью кадят кадила!
Кровавой жутью Париж горит.*

Действительно, в неуклюжих строчках и гипертрофированных образах ощутимо стремление подражать футуристам.

Часто стихотворения членов студии «Мы» писались «по поводу», иллюстрируя ту или иную дату – годовщины революционных событий, победы в гражданской войне и пр. В этом случае стихотворение версталось на первой полосе, являясь лозунгом основной темы номера, как, например, стихотворение Д. Пельта «Пятая», посвященное 5-й годовщине образования Красной армии: *Пускай от Парижа, Нью-Йорка и Лондона / Протянутся тысячи радио-глаз / Наша армия Красная, рабочая, свободная / Празднует годовщину пятый раз* [Пельт 1923: 1]. Пельт считал себя «поэтом сегодняшнего дня, агитатором и пропагандистом», журналисты газеты (Савватий Гинц) находили, что «некоторая подражательность вытекает из его поисков формы стиха». Несомненная лозунговость и скромные литературные достоинства данных текстов демонстрировали декларируемую студией «Мы» необходимость для творческих людей выполнять «заказ эпохи».

Редакция газеты предпочла выделить для литературных произведений специальное место. Сначала появилась рубрика «Литературный день», которая версталась отдельной колонкой. В этой рубрике размещались публикации, освещавшие деятельность литературной мастерской слова «Мы». Так, в номере от 4.03.23. можно обнаружить в этой рубрике стихи «Железному городу» Федора Михайлова, рассказ «Мишка и Рахман» Б. Якушева. Прозаические литературные произведения, несмотря на наличие специальной литературной странички, продолжают публиковаться в «подвале» по опыту дореволюционных газет, объемом они не ограничиваются. В качестве примера можно привести опыт коллективного романа «Гуров с Заимки», авторами которого указаны П. Варасов и Г. Коротков. В 1924 г. в «подвале» можно обнаружить роман С. Константинова «Под грохот французских пушек», который публиковался с продолжением в 8 номерах, рассказы Льва Гумилевского, Василия Каменского («Бал в гумне», «Ярмарка в Насадке»). В дальнейшем в «Звезде» появляются даже научно-фантастические рассказы («Что это было?» Б. Подкина) и детективные истории (повести «Остин N 7» и «Секретный документ» А. Дьякова).

10 февраля 1924 г. формируется рубрика «Литературный день «Звезды», занимающая практически всю 3-ю страницу. Во вступительном слове заведующий литературной страничкой Н. Орестова характеризует инициативу газеты: «“Звезда” начинает периодически издавать литературную страницу. Первая еще информационная, слабая, но только потому слабая, что не все еще знают о ней, что в ней представлены почти одни пермские рабочие» [В мастерской слова «Мы» 1923: 2]. Таким образом, можно предположить, что социальное происхождение автора при отборе литературного материала учитывалось и предпочтение отдавалось пролетарскому. Среди литературных материалов можно отметить рассказы В. Южакова «Старый кошмар», И. Костарева «В руках бандитов-дезертиров», стихотворение В. Солодова «Замолкшая домна», стихотворение в прозе К. Рузова «Тебе, рабочий, посвящается». Все литературные тексты объединяла общая тема – события гражданской войны на Урале. Среди публикаций поэтических тестов «Литературного дня» можно выделить отрывок из поэмы Владимира Маяковского «Ленин», стихотворения Демьяна Бедного («Проводы») – (без указания на перепечатку). В дальнейшем рубрика именуется уже просто «Литературный день». В ней были и литературные рекомендации начинающим писателям, например «Как писать рассказы и о чем», «Что это такое? Рассказ, сказка, повесть, легенда, любовь в романах», «Нашим писателям. Что непонятно? Пиши!», сопровождающиеся призывом-лозунгом «Пиши в литературную страничку, учись на ней писать». Газета даже предлагала

начинающим писателям конкретные темы: «Смерть Ильича», («сильная тема, дающая возможность рабочему художественно нарисовать картину потери вождя»), «Против бога», «Октябрьские дни», публикуя практически в следующем «Литературном дне» произведения соответствующей тематики. Одним из серьезных требований к литературным произведениям было выполнение социального заказа и «чтобы в текстах «было поменьше философствований и рассуждений». В 1924 г. уже издаются и брошюры «Мы – литературный день газеты “Звезда”», содержащие стихи и прозу (очерки, рассказы) не только участников мастерской, но и часто публикующегося в «Звезде» В. Каменского (например, в 19 июля 1924 г. был опубликован очерк «Ярмарка в Насадке», представляющий собой «7 главу из новой книги «Записки охотника», 10 сентября – рассказы «Бал в гумне», «Китайцы в порту» стихотворения «7-ой октябрь», «Три пожелания товарища Калинина», «Осень» и др.). Каменского многие называют литературным наставником участников студии «Мы». Так, Л. Кашихин упоминает: «Большой успех имел, например, вечер с участием В.В. Каменского».

В 1925 г. специальные литературные рубрики со страниц «Звезды» исчезают, но литературные произведения располагаются в подвале 2-й, реже 3-й страницы: очерки Б. Пильняка, стихи и проза В. Каменского, проза А. Гайдара, рассказ В. Шишкова «Батрачка» (указания на перепечатку отсутствуют).

Конец 1925 г. для А. Гайдара – время высокой творческой активности. Помимо новеллы «Угловой дом», он публикует массу разных материалов: рассказы с приключенческими, динамично развивающимися сюжетами, частично связанные с изображением событий Гражданской войны («Первый пожар», «Начальник уголовного розыска», «Когда этого не будет», «Провокатор», «Вверх и вниз», «Две телеграммы», «Как хоронили Левку»), очерки («Кама»), фельетоны («Логика денег», «Записки домовладельца», «Кизеловская щедрость», «Секретные сведения», «Надгробное слово», «История о неуловимом билете», «Армотделу Пермского исполкома»), отчасти посвященные и пермской тематике. Так, например, фельетон «Надгробное слово» был посвящен деятельности администрации Мотовилихинского завода. В рассказах даже встречаются знакомые по более поздним произведениям писателя фамилии (например, Чубук в рассказе «Вверх и вниз»).

1920 гг. – время не менее активного сотрудничества с газетой Василия Каменского, который публикуется даже с такими с объемными произведениями, как цикл очерков «Лето на Каменке» (1928). Каменский публикует рассказы («Марийка, дочь рыбака», «Яшка – председатель школьников», «Селькор N 1»), произведения, содержащие путевые

впечатления («Золото на подметках»), стихотворения («Осень») и даже фантастические зарисовки («Пермь в 1950 году»). Рассказы его способствовали пропаганде советского образа жизни. Например, «Фейерверк в вагоне» и «Крест и серп» имели явный антирелигиозный оттенок, «Деревенский театр» описывает желание крестьян приобщиться к культуре, «Железная кобыла» рассказывает о появлении тракторов в деревне.

Газета «Страда» (1921–1929 гг.) была ориентирована на конкретную целевую аудиторию – крестьянство. В редакции «Страды» принимал участие бывший статистик земства Владимир Васильевич Южаков, имевший опыт работы в газете «Пермский край». В Страде он работает в жанре очерка («Из хроники большевистского движения в Прикамье»), пишет стихотворения, подписывая их В. Юнг. В газете можно обнаружить стихотворения, например, Василия Каменского («Сельская ярмарка», 1925 г.). Преобладали поэтические публикации, представляющие собой своеобразные сатирические иллюстрации к проблемам текущей жизни. В форме раешного стиха, обычной частушки редакция могла отреагировать на разнообразные сообщения соборов с мест. Редакция ценила также жанр басни, в большом количестве публикуя тексты Демьяна Бедного, например «Дела околоцерковные» (перепечатка из «Бедноты»), «Речь Демьяна Бедного к селькорам». Поэтические тексты часто были откликом редакции на письма селькоров. Причем сначала публикуется строчка из письма: «В селе Рождественском просвещенцы Мальцева и Кочановская по вечерам гадают крестьянкам на картах, а весной ходили в церковь», а затем собственно басня: *В селе Рождественском Оханского района / Учительницы старого фасона, Мальцева вдова и Кочановская девица / большие обе мастерицы / Одна другой не уступают / На картах гражданам гадают.* Прозаические тексты встречаются значительно реже, преимущественно мемуарного характера, например «Кулаки подвели (воспоминания красноармейца)». Востребована и форма сказа, например, «Крестьянский сказ о председателе Фоме и кулацкой чуме».

Со «Страдой» сотрудничали и авторы «Звезды», поэты-члены студии «Мы». Например, Геннадий Коротков создавал тексты пропагандистского характера в духе: *Если хочешь с каждой десятины / 200 пудов ржи собрать / Удобрй поля навозом скотины / Не забывай зерно сортировать.* Агитационные стихотворения могли быть опубликованы без подписи автора с соответствующим названием: «Сельхозналог – через сберкассу!», «Долой неграмотность!». Реже в газете встречаются прозаические тексты (рассказ «Подсобили», сказка «О трех братьях», деревенская быль «Доски сосновые») и даже драматические произведения – частотен жанр агитпьесы для народных домов «Деревня прежде и теперь» (1923).

Газета «На смену» в 1921 г. была молодежной страничкой «Звезды». В газете прочно прописывается рубрика «Маленький фельетон», сатирические стихотворные тексты которой отзываются на различные проблемы молодежи, обозначенные, например, письмами собкоров. Востребован жанр пародии-перепева известных текстов, например «Пасхальная дубинушка», жанр частушки в духе *Эх, пять лет лупили мы / Генералов белых / А теперь наследье тьмы / Побеждаем смело*, также популярен жанр басни («Поп и Ваня»). В газете можно обнаружить также прозаические тексты, например главы повести Всеволода Иванова «Бронепоезд 14–69».

С 34 номера 1923 г. газеты появилась собственно «Литературная страничка» газеты «На смену» с рассказами «Герои подполья», стихотворными «гимнами эпохи», фантастическими произведениями, например романом «Лучи доктора Грааля» Як. Окунева. В этой рубрике можно обнаружить очерк «Без 10 10: Сырой материал» Михаила Кольцова, который в доработанном виде будет опубликован в 1926 г. в журнале «Огонек», главы из повести Юрия Лебединского «Неделя».

Обозначенные в статье годы можно отнести ко времени, весьма продуктивному для развития и местной журналистики, и литературы, — периоду создания основ провинциальной советской печати.

Библиографический список

Время бурного роста // Вопросы литературы. 1980. N 3. С.315–316. (Среди журналов и газет).

В мастерской слова «Мы» // Звезда. 1923. 17 марта (N 57). С.2. (По Перми).

Пельт Д. Пятая // Звезда. 1923. 23 февр.(№ 39). С.1.

Светлаков В. История пермской мастерской слова «Мы» / Периодическая печать Пермской области: История и современность. Мат. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию периодич. печати. Пермь, 2003. С.41.

Семянников В. Вырос в вихре дней // Звезда. 1988. 16 марта (N 46). С.3.

T.N. Masaltseva

Senior Lecturer of Journalism and Mass Communication Department
Perm State University

LITERARY TEXT'S IN THE PERM NEWSPAPERS IN THE 1920-s

The article discusses literary texts published on the pages of regional (Perm) newspaper "Star", "Campaign", "On change" in the 1920-s.

Key words: regional newspapers of the 1920-s; newspaper literature; art journalism in the newspaper.

Моисеева Анна Александровна
старший преподаватель кафедры русской литературы
Пермский государственный
научный исследовательский университет
akunevich@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕКСТА «ОДЕССКОЙ ХАТЫНИ» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ 2014 – 2015 гг.

В статье обобщаются наблюдения над особенностями текста «Одесской Хатыни», который формируется в русскоязычной поэзии 2014–2015 гг. Исследуются три основные группы историко-культурных ассоциаций с пространством одесского Дома Профсоюзов, сгоревшего 2 мая 2014 г.: Великая Отечественная война, Куликовская битва, распятие Иисуса Христа.

Ключевые слова: современная русская поэзия; «Одесская Хатынь»; историко-культурные ассоциации.

Среди событий современной истории Украины, которые востребованы сегодня в качестве объекта художественного изображения среди многих русскоязычных авторов, совершенно особое место занимает пожар в одесском Доме Профсоюзов 2 мая 2014 г.

Пожалуй, это единственное событие, которое изображается поэтически только с одной, условно говоря, «пророссийской», сочувственной по отношению к погибшим точки зрения (в отличие, к примеру, от событий февральского Майдана того же года и гражданской войны на Донбассе).

Можно говорить о формировании культурного текста «Одесской Хатыни», который обладает рядом устойчивых особенностей и встраивается в четкую систему культурных и ценностных координат. Данный текст обладает специфическим хронотопом, который, с одной стороны, предельно конкретен и фактографичен, с другой же, если позволительно так выразиться, на редкость многомерен. Обособленная точка во времени и пространстве, ставшая местом трагедии, покрывается несколькими слоями устойчивых культурных ассоциаций.

Первым по частотности возникновения и значимости является круг ассоциаций с советским прошлым, в первую очередь, с наиболее трагическими событиями времен Великой Отечественной войны, – преступлениями фашизма против человечности. Неслучайно возникает и регулярно употребляется само словосочетание «Одесская Хатынь», связующее на символическом уровне гибель в огне одесских демонстрантов с

целенаправленным сожжением гитлеровцами мирных жителей белорусского села: «...и повторяется Хатынь с подачи власти, / где во главе одни скоты / фашистской масти» [Люсин Владимир 2014]; «В сетях Евромайдан гордится теми, / Кто жег людей живьем... Хатынь у нас... / Не люди, а зверей слепое племя... / Но ненависть однажды съест и вас...» [Самарина-Лабиринт Ирина 2014]; «В сорок третьем сожжена Хатынь под руководством фрица, / Никто не думал, что такое повторится...» [Стражев Виктор 2015]; «Не Одесса – Хатынь. / Правый сектор – фашист. / Жег напалмом людей – / Как костер – сухой лист» [Селезнева Татьяна 2014]; «Не затопчут святыни, / Не избегнут возмездий / Подоженных в Хатыни / и сгоревших в Одессе» [Немировская Дина 2014]; «Хатынь двадцать первого века / Затмила и душу, и плоть. / У солнца задергалось веко, / И в небе заплакал Господь» [Скиф Владимир 2014]; «Метались люди в темноте, искали выход и спасенье, / А пламя все сильнее жгло и падали в изнеможенье. / А перед окнами толпа кричала: «Слава Украине!..» / ...И плакал каменный старик / С ребенком на руках в Хатыни» [Зинчук Вадим 2014].

Возникают ассоциативные параллели и с другими событиями и явлениями времен агрессии германского фашизма: «То, что случилось в Одессе, не битва идей, / Это – Освенцим, где звери сжигают людей, / Это – фашистам Права Человека даны, / Это Права Человека – войскам сатаны!» [Мориц Юнна 2014]; «И печи еще не остыли, / И видим мы дым опять, / Ты это, Европа, забыла? / Вот он, Освенцима ад» [Еськов Александр 2014]; «Мы с детства слышали зловещее «Хатынь», / «Освенцим» адом был и страшный «Бухенвальд». / И до сих пор мы «Бабий Яр» забыть хотим / И ненавистное навеки слово «Хальт!» / Но через семь десятков ад вновь на земле – / Сжигают заживо людей – и где?! – в Одессе! – / Бандеровский фашизм с довольством на челе / О зверствах с торжеством ликует в прессе» [Королева Зинаида 2014].

В данном символическом контексте время и место трагедии приобретают дополнительные значения. Май – месяц, отмеченный двумя значимыми советскими праздниками – Днем весны и труда (1 мая) и Днем победы (9 мая). Одесса – город-герой, и это звание также получено им в результате победы СССР над фашистской Германией; дом Профсоюзов – одна из характерных реалий советского прошлого, своего рода воплощение некогда декларированной Советским Союзом идеи ценности пролетариата, заботы о простом человеке. Возникает резкий смысловой контраст, «светлой» стороной которого оказывается: «Одесса-мама, ты с ума свихнулась! / Про Украину я не говорю. / Быть может, лучше б прошлое вернулось, / СССР: от мая – к ноябрю?» [Давыдов Валерий 2014].

Второй ассоциативный слой также соотносится с историческим прошлым, хотя уже более древним: с Куликовской битвой. Причина этого вполне очевидна: одесский Дом Профсоюзов, в котором и произошла трагедия, по стечению обстоятельств, располагается на площади, известной в Одессе под названием «Куликова поля». Этот факт объясняется тем, что в начале XIX века данная территория принадлежала роду помещиков Куликовских, земельные угодья которых на тот момент находились за пределами городской черты и именовались «Куликовские поля» [Чисто Одесский сайт 2014]. Постепенно данный топоним трансформировался в народном сознании в «Куликово поле» по принципу аналогии.

Исторические аллюзии были актуализированы еще до пожара 2 мая самими участниками пророссийских митингов, проходивших на указанной площади с начала марта 2014 г. Одесским поэтом Вадимом Негатуровым был написан своего рода гимн этого протестного движения, названный «Марш Куликова Поля» и положенный на музыку петербургским композитором Григорием Солодченко. В нем содержатся следующие строки: *«Русичи, вперед! Русичи вперед! Сокрушим орду поганой нечисти! / Снова Русь в опасности! Сегодня – наш черед / доказать любовь свою к Отечеству! / ...Делом доказать любовь к Отечеству! / ...Кровью доказать любовь к Отечеству! / ...Жизнью доказать любовь к Отечеству!»* [Негатуров Вадим 2014]. 2 мая 2014 г. автор этих слов подтвердил их правдивость собственной жизнью: сумев выпрыгнуть из окна горящего Дома Профсоюзов, он скончался в реанимации одесской городской клинической больницы №10 от необычного химического ожога дыхательных путей, вызвавшего отек легких. Гибель поэта, позиционировавшего себя и своих единомышленников как «защитников Куликова Поля», закрепила символическую параллель, впоследствии нашедшую отражение во многих поэтических текстах: *«Окаменела мать от боли, / Хоронит сына своего. / Одесса. Куликово поле – / Здесь силы две: добро и зло / Вступили в бой неравный, смертный...»* [Шуркина Галина 2014]; *«На поле Куликовом вновь орда, / Орда фашистов... И в крови, и в саже...»* [Милая Людмила 2014]; *«Город, когда-то вольный, / Струсил, смирился, сник. / Над Куликовым полем / Женщин горящих крик»* [Голубенко Евгений 2014]; *«Но мы знаем, что будет возмездие нелюдям СВЫШЕ, / И порукой тому – православная русская речь! / Всех Полей Куликовых на землях славянских не выжечь, / Всех борцов и поэтов глумящимся бесам не сжечь!»* [Тимшин Сергей 2014].

Следующий значимый слой ассоциаций – история христианства, начиная непосредственно с распятия и воскресения Иисуса Христа: *«Ранним солнцем измазав небес плащаницу, / Воскресал над Одесским*

заливом рассвет... / Но не тот нынче город, не те нынче лица, / Белопенным не станет стигматовый цвет» [Голубенко Евгений 2014] («Ранним солнцем измазав небес плащаницу...»). Погибшие воспринимаются как «новомученики одесские», принявшие мучения и смерть по примеру Спасителя: «спите милые... здесь и с нами / ново-мученики одесские... / ...сам Ты Господи имена их / веси... / ...верю Господи – / в правде сила / да в любви бессловесной лечащей / ...спите мученики России...» [Созвездие Рыб 2014]; «И земля стала колыбелью тем, кто принял смерть мучительную. / Души их воссияли со ангелами / в ореоле небесной славы. / ...и тишина» [Авелева Татьяна 2014]. Виновники одесского пожара однозначно воспринимаются как «бесы», «слуги сатаны», «упыри»: «Плачет город-герой Одесса – / И от слез солонее море. / Клика в Киеве славит бесов / И глумится над нашим горем» [Мережковская Светлана 2014]; «В пожаре рукотворном гибли люди, / На радость несусветным упырям, / От водки пьяным и кошмарной жути. / А город... – прятал шкуры по щелям...» [Попов Владимир 2014]; «Стучатся в голову часами / Сгоревших души до зари... / И бьют по телу мне ногами / Беспмятные упыри» [Мырдин Сергей 2014].

Возникает двойная оппозиция ада ирая: те, кто погибли в земном аду – горящем Доме Профсоюзов – попадают в небесный рай; те, кто в это время пребывал в земном раю, – на цветущих улицах майской Одессы – обречены адским мукам, вечному проклятию: «И подымались по небесным сходням / из пламени – из самой преисподней – / испуганные души в небеса / под хриплые от крови голоса...» [Шарга Людмила 2014]; «Ангел принимал человека и записывал имя в тетрадь, / Давал номерок, он был в этот день тридцать третий, / А где-то играли в футбол дети земли и райские дети, / А где-то играли в шахматы, и пешка пошла в расход. // И все хорошо в раю, и все хорошо на земле, / И в городе мир во имя, во имя войны в стране, / Какой-то чужой страны во имя, / И пальцы пекут на горячей, как адская печь, трубе, / И следующий номерок горит, но и он остынет» [Боришполец Елена 2014]; «И чтоб каждый, кто был в тот час там с факелом / В руках ли, в сердце, кто держал на прицеле / Агонию тел, что ад выталкивал / В амбразуру окна, – чтоб под ним горели / Волны Черного моря, чтоб не смел он / В них погружаться, а его дети и внуки, / Войдя в те воды, становились пеплом / По щиколотки, по пояс, по плечи, по руки» [Зубарева Вера 2014].

Ключевым приемом организации текста оказывается контраст, реализующийся на различных его уровнях, проходящий через все его основные мотивные комплексы: цветовые мотивы («черный – белый»: «В моем сердце огонь, что горит и поныне / Как в немом черно-белом кино» [Левичева Людмила 2015]); звуковые мотивы («крик – смех»:

«Слушал плоти сжигаемый зов, / Ликованья победной орды...» [Зубарева Вера 2014]); «голос бил отчаянно / из окна открытого. / отвечала гоготом / сволота пробитая» [Копытина Ульяна 2014]); мотивы запахов (весенний аромат цветов – запах гари: «А запах Хатыни в Одессе / Запах каиштанов затмил...» [Еськов Александр 2014]). Произошедшее в Одессе мыслится как битва добра и зла, где окончательная победа (не во времени, а в вечности) остается все-таки за первым.

Интересно отметить, что представители «темной стороны» в абсолютном большинстве стихотворений позиционируются как совершенно безликое большинство, масса, толпа, лишенная каких-либо индивидуальных черт. Пожалуй, единственное известное исключение из этого правила – сатирическое стихотворение Матвея Дымова «Меня зовут Маша. Люблю Украину» [Дымов Матвей 2014], которое написано от лица одной из девочек-подростков, разливавших по бутылкам коктейли Молотова. В целом же поэтическое сознание отказывает виновникам трагедии в праве на имя и звание человека. При этом образы жертв, напротив, активно индивидуализируются. Называются их имена, приводятся детали биографий, портретные характеристики. Есть стихотворения, написанные от лица всех пострадавших, в которых используется ролевое «мы», и есть стихотворения, написанные от лица отдельных из них. Так, например, четырнадцатилетняя Наташа Нелепа, которую спас один из погибших, Алексей Балабан, создала в виде высказывания от его лица текст «Меня убила моя страна!» [Нелепа Наталья 2014]; от лица самого юного из официального списка погибших, семнадцатилетнего Вадима Папуры, по ее собственному признанию, написала стихотворение «Я ушел сегодня на рассвете» Татьяна Опанасенко [Опанасенко Татьяна 2014]. В качестве высказывания от лица погибшей Светланы Пикаловой, матери двоих маленьких детей, может восприниматься одно из самых пронзительных произведений об «Одесской Хатыни», «Просто... 2 мая» Владиславы Броницкой: «Не утешить. Не кормить лебедей нам булочкой. / Не рассказывать сказку про Герду и Кая. / Не бродить по одесским улочкам. / Я исчезла второго мая...» [Броницкая Владислава 2014].

В рамках общего текста формируются локальные, посвященные отдельным знаковым фигурам произошедшей трагедии, причем как реальным, так и, по факту, вымышленным. Можно выделить цикл стихотворений «на смерть поэтов», посвященных погибшим одесским поэтам Вадиму Негатурову и Виктору Гунну; цикл «одесских Ромео и Джульетты», памяти Кристины Бежаницкой и Николая Ковригина, цикл «памяти комсомольца-героя» Вадима Папуры, который придерживался коммунистических убеждений и действительно состоял в комсомоле. Отдельного

внимания заслуживает цикл стихотворений о «задушенной беременной», наиболее трагический и символический из всех.

В действительности, как установило независимое журналистское расследование, на облетевшей интернет и средства массовой информации фотографии из одесского Дома Профсоюзов запечатлена пятидесятидевятилетняя библиотекарь Анна Анатольевна Вареникина [Комитет 2 мая 2014]. Перед тем, как задушить несчастную электрическим шнуром, ей сломали позвоночник в районе таза, чем и объясняется необычное вздутие тела, из-за которого на фото миллионы приняли ее за беременную. Однако прежде, чем ошибка была установлена, легенда породила ряд произведений, объединенных страшным образом распятия будущей матери: *«на столе распятая, / как-то дико выгнута, / умирала женщина, / не людьми настигнута. / кто подумал – кончено! / кто-то спел – начало! / у нее под сердцем / сердце замолчало...»* [Копытина Ульяна 2014]; *«Боль и страдания скрещены, / Скомкано женское платье... / Стол для беременной женщины – / Это Голгофа с распятьем...»* [Корсунова Людмила 2014]; *«...а во гробе ее шевелилось замурованное дитя. / И подумалось ей из предсмертного забытья / что, наверное, снятся ему кошмары, / что страдает на этом кресте ни за что, / и молила Господа, чтобы Тот снизошел, / и сочилась вода из плохо отжатой швабры»* [Зубарева Вера 2014].

Именно образ убитой матери вызвал ряд последовательных и закономерных ассоциаций: смерть матери – смерть Одессы-мамы – смерть Украины, т.е. родины-матери: *«Мертва Украина. Сгорела живьем. / Убита в Одессе / нацистским зверьем»* [Дымченко Денис 2014]. В результате, можно говорить об определенной автономности текста «одесской Хатыни», но нельзя считать его герметичным: очевидно, что он вступает во взаимодействие с другими текстами, порождаемыми украинским кризисом.

Библиографический список

Авелева Татьяна. Памяти погибших в Одессе. URL: <http://www.stihi.ru/2014/05/08/7453> (дата обращения: 30.03.2015).

Боришполец Елена. Во имя // Южнорусский союз писателей. URL: https://vk.com/topic-8398374_29845384 (дата обращения: 17.02.2015).

Броницкая Владислава. Просто... 2 мая. URL: <https://vk.com/id185466719> (дата обращения: 08.03.2015).

Голубенко Евгений. Одесское Куликовое // Южнорусский союз писателей. URL: https://vk.com/topic-8398374_29845384 (дата обращения: 17.02.2015).

Голубенко Евгений. Ранним утром, измазав небес плащаницу... // Южнорусский союз писателей. URL: https://vk.com/topic-8398374_29845384 (дата обращения: 17.02.2015).

Давыдов Валерий. “Ой, мамочки!” – стояло над Одессой... URL: <http://www.chitalnya.ru/work/1042569/> (дата обращения: 14.04.2015).

Дымов Матвей. Меня зовут Маша. Люблю Украину... URL: <https://www.stihi.ru/2014/05/05/638/> (дата обращения: 14.04.2015).

Дымченко Денис. Мертва Украина. URL: <http://fashizmunadonbasse.net/video/57-opolchenec-poet-voyu-et-v-semenovke-pod-slavyanskom.html> (дата обращения: 20.03.2015).

Еськов Александр. Печи сатаны. URL: <http://www.stihi.ru/2014/05/08/9663> (дата обращения: 02.04.2015).

Зинчук Вадим. Героям Одессы. URL: <http://www.stihi.ru/2014/05/05/7079> (дата обращения: 28.03.2015).

Зубарева Вера. Заклятье // Журнальный зал русского журнала. Нева. 2014, №10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/10/1z.html> (дата обращения: 30.03.2015).

Зубарева Вера. Город спит под конвоем снов... // Журнальный зал русского журнала. Нева. 2014, №10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/10/1z.html> (дата обращения: 30.03.2015).

Зубарева Вера. Животом запрокинувшись к Господу... // Журнальный зал русского журнала. Нева. 2014, №10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/10/1z.html> (дата обращения: 30.03.2015).

Комитет 2 мая. Анна Вареникина – погибла в огне или задушена? URL: http://www.2may.org/anna_varenikina (дата обращения: 09.03.2015).

Королева Зинаида. Колокольный звон. URL: <http://www.chitalnya.ru/commentary/14482> (дата обращения: 28.03.2015).

Копытина Ульяна. Не случилось страшного... URL: http://samlib.ru/k/kopytina_u_w/1111.shtml (дата обращения: 15.02.2015).

Корсунова Людмила. Мама, хочу я родиться!.. URL: <http://www.stihi.ru/2014/05/08/2573> (дата обращения: 09.03.2015).

Левичева Людмила. Я – Одесса. URL: <http://www.stihi.ru/2015/02/04/12300> (дата обращения: 27.03.2015).

Люсин Владимир. Одесская Хатынь. URL: <http://www.stihi.ru/2014/06/13/6288> (дата обращения: 25.03.2015).

Мережковская Светлана. Люди-звери. URL: <http://www.iarex.ru/articles/47580.html> (дата обращения: 30.03.2015).

Милая Людмила. Одесса-мама, выйди, подивись!.. URL: <http://smi2.mirtesen.ru/blog/43749988823/Lozh-o-sgorevshih-v-Odesse> (дата обращения: 30.03.2015).

Мориц Юнна. Это касается Всех. URL: <http://owl.ru/morits/stihi/off-records131.html> (дата обращения: 01.03.2015).

Мырдин Сергей. Мысли об Одессе. URL: <https://vk.com/wall-73274877?offset=80> (дата обращения: 04.04.2015).

Негатуров Вадим. Марш Куликова поля. URL: <http://negaturov.ru/> (дата обращения: 15.02.2015).

Нелепа Наталья. Меня убила моя страна! // Вечная память героям! // Литературная газета. 2015, №18. URL: <http://www.lgz.ru/article/-18-6508-6-05-2015/vechnaya-pamyat-geroyam/> (дата обращения: 07.05.2015).

Немировская Дина. 1941 – 2014. URL: <http://www.chitalnya.ru/commentary/14482/> (дата обращения: 04.04.2015).

Опанасенко Татьяна. Я ушел сегодня на рассвете... // Людмила Владимировна. «Он хотел сделать мир лучше и добрее». Памяти Вадима Папуры. URL: <http://www.rospisatel.ru/vladimirova-papura.htm> (дата обращения: 09.03.2015).

Попов Владимир. Одесса. Второе мая. URL: <http://www.stihi.ru/2014/05/04/11223> (дата обращения: 14.04.2015).

Самарина-Лабиринт Ирина. Не слава Украине, нет, ребята!.. URL: http://antimaydan.info/2014/11/aleksandr_jukov_quot_ne_slava_ukraine_net_rebyata_quot_stihi_irina (дата обращения: 21.02.2015).

Селезнева Татьяна. Сгоревшим заживо в Одессе. URL: <http://www.stihi.ru/2014/05/03/10303> (дата обращения: 05.04.2015).

Скиф Владимир. Хатынь XXI века. URL: <http://www.chitalnya.ru/work/1144513/> (дата обращения: 17.04.2015).

Созвездие Рыб. Новомученики одесские. URL: <http://www.stihi.ru/2014/05/08/4051> (дата обращения: 09.03.2015).

Стражев Виктор. Черноморская Хатынь. URL: <http://www.stihi.ru/2015/01/23/6334> (дата обращения: 14.04.2015).

Тимшин Сергей. Одесса. 2 мая 2014 года. URL: <http://samaralit.ru/?p=27988> (дата обращения: 17.03.2015).

Чисто Одесский сайт. Улицы в истории Одессы // Куликово поле. URL: <http://odesskiy.com/ulitsi-v-istorii-odessi/kulikovo-pole.html> (дата обращения: 07.03.2015).

Шарга Людмила. Был майский день ни короток – ни долог... // Южнорусский союз писателей. URL: https://vk.com/topic-8398374_29845384 (дата обращения: 17.02.2015).

Шуркина Галина. Одесса. Куликово поле. URL: https://vk.com/wall-62266152_167106?reply=167165 (дата обращения: 04.04.2015).

A.A. Moiseeva

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

IMAGE OF MUSE IN MODERN RUSSIAN POETRY: TENDENCIES TO INTERPRETATION

In this article we generalize observations about peculiarities of text “Odesskaya Khatyn” which we can find in Russian poetry of 2014 – 2015. We investigate three main groups of historical and cultural associations with space of Trade Union House which were burned 2 of May 2014 year in Odessa: The Great Patriotic War, The Buttle of Kulikovo field, Crucifixion of Christ.

Key words: modern Russian poetry; “Odesskaya Khatyn”; historical and cultural associations.

Расторгуева Мария Юрьевна
студентка филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
mariia.rastorgueva@ya.ru

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЭЗИИ А. ЛАДИНСКОГО

Статья посвящена рассмотрению образа России в творчестве Антонина Ладинского. Образ России в поэзии автора складывается из нескольких компонентов: мотива холода, особым образом организованного пространства, аллюзий и реминисценций на творчество русских поэтов и введения в образную систему самих фигур этих поэтов. Особенное внимание в статье уделено роли образов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и А.А. Блока в создании образа России в творчестве А. Ладинского.

Ключевые слова: А. Ладинский; поэзия первой волны русской эмиграции; образ России.

Потеря связи с Родиной очень болезненно переживалась русской эмиграцией. В культуре русского Зарубежья З.С. Бочарова выделяет две основные тенденции: *«стремление сохранить самобытность, русскую душу и желание подготовиться к возвращению в Россию с определенным культурным и научным багажом, не только вывезенным из России и сохраненным по мере возможностей в эмиграции, но и приращенным и обогащенным мировым опытом и наследием»* [Бочарова 2014: 318]. Значительная доля стихов русской эмиграции XX века посвящена России. В структуре этого геокультурного образа можно выявить целый ряд специфических черт, таких как мотив дома как ключевой мотив текстов о России, трансформация семантики мотива холода, система аллюзий на творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и А.А. Блока, введение этих поэтов в образную систему стихотворений. Сосредоточим внимание на двух последних составляющих данного образа.

Образ России в творчестве А. Ладинского звучит в связи с именами русских поэтов XIX – начала XX вв.: **А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и А.А. Блока.** А.С. Пушкин близок А. Ладинскому поэтическим строем лирики, особенной эстетической гармоничностью, М.Ю. Лермонтов – ощущением социального одиночества, А. Блок – осознанием трагичности бытия.

Наиболее часто А. Ладинский обращается к имени **А.С. Пушкина.** Данная особенность его поэзии определяется, прежде всего, контекстом

эпохи: особой значимостью творческого наследия А.С. Пушкина в среде русской эмиграции.

В творчестве А. Ладинского звучат мотивы смерти поэта, трагичной судьбы русской лиры и представлены аллюзии на творчество классика. Мотивы смерти поэта и трагичной судьбы русской лиры прослеживаются в стихотворениях «Поэту», «Свинцовые пчелы» и «Так солнце стояло над Римом...». Первые два текста содержат метафору «свинцовая пчела» [Ладинский 2008: 51; 91], обозначающую пулю, оборвавшую жизнь А.С. Пушкина. В стихотворении «Поэту» данная метафора усиливается мотивом тяжелой судьбы русского поэта: «Судьба российской лиры зла: / Летит свинцовая пчела / Из пушечного ствола» [там же: 51]. Смерть поэта в первую очередь воспринимается как прекращение поэтического творчества, а затем конец физической жизни.

Стихотворение «Так солнце стояло над Римом...» объединяет имена двух ключевых поэтов разных эпох: А.С. Пушкина и А.А. Блока. Стихотворение начинается с описания гибели Римской цивилизации от рук варваров. Далее изображается смерть А.С. Пушкина: «Так с гибнущим миром прощался / Поэт, равнодушно зевал» [там же: 83]. Мотив смерти поэта в скучном мире является основополагающим в данном стихотворении. Имя А. Блока также связано с мотивом смерти: «Жил Блок среди нас» [там же: 84]. А. Ладинский акцентирует внимание на гибели поэта и цивилизации. Этот момент был особенно подчеркнут в первом варианте стихотворения, где в 21-й строке говорится именно о смерти А. Блока: «Жил Блок среди нас. Умирая» [Коростелев 2008: 298].

Данное стихотворение также отсылает к контексту жизни А.С. Пушкина. Образ плачущей Натальи Гончаровой сосредоточил в себе всю горечь потери, принесенной гибелью поэта, и стал образом скорбящей жены.

Стихотворение «Поэту» уже в заглавии отсылает к поэтическому творчеству А.С. Пушкина, в то же время в этом стихотворении А. Ладинский опирается и на произведение М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта». Строки А. Ладинского: «Истлели розы и венки, / Зоилы и клеветники, / И писем пасквильных листки» [Ладинский 2008: 52] отсылают к лермонтовским: «Погиб поэт! – невольник чести – / Пал, оклеветанный молвой, / С свинцом в груди и жаждой мести, / Поникнув гордой головой!..» [Лермонтов 1981: 114]. А. Ладинский, подобно классику, дает характеристику жестокому обществу, в котором приходится существовать поэту. А. Ладинский размышляет о «горестной славе» русского поэта.

В стихотворениях А. Ладинского широко представлены аллюзии на творчество А.С. Пушкина. Стихотворение «А утром пушки будят

странный город...» из цикла «*Стихи о Московии*» связано с «*Памятником*» А.С. Пушкина. Опираясь на строки классика, А. Ладинский говорит о любви к России: «*И я пою на путеводной лире, / Дорожные перебирая сны, / Что больше нет нигде в подлунном мире / Такой прекрасной и большой страны*» [Ладинский 2008: 32]. Размышляя о России, лирический герой приходит к осознанию своего поэтического предназначения: сохранения памяти образа России в поэтическом слове.

Цитаты и отсылки к творчеству А.С. Пушкина можно найти и в текстах К. Бальмонта (например, «*Москва*») и В. Ходасевича (например, в названии сборника «*Счастливый домик*» содержится аллюзия к пушкинскому «*Домовому*» и др.). Например, в стихотворном отрывке «*Москва*» К. Бальмонта рефреном проходит строка из «*Евгения Онегина*»: «*"Москва! Так много в этом звуке!" Я ею жил. Я ей живу. Люблю, как лучший звук, Москву!*» [Бальмонт: эл. ресурс].

В 1940-х годах тон стихотворений А. Ладинского изменяется, что связано со скорым возвращением поэта на Родину. В стихотворениях данного периода, посвященных А.С. Пушкину, появляются образы трудового народа и общенародной школы, характерные для текста советской эпохи. Поэт призывает к прославлению творческих трудов А.С. Пушкина: «*Прославим гений Пушкина!*» «*Прославим книжный труд, / Любовь к стихам / И честные рабочие мозоли*» («*Прославим гений Пушкина!*») [Ладинский 2008: 182] и др.

Наряду с образом А.С. Пушкина, Россия в поэзии А. Ладинского связана с именем и **М.Ю. Лермонтова**. Трагический пафос поэзии М.Ю. Лермонтова близок мироощущению А. Ладинского. Однако «*романтизм Лермонтова гораздо темнее, безысходнее по природе*», – полагает Г.Адамович [Адамович 1939: 3].

Цикл «*По небу полуночи*» открывается аллюзией на творчество М.Ю. Лермонтова. Тем самым А. Ладинский задает читательское восприятие и активизирует в сознании стихотворение «*Ангел*». Проблема социального одиночества поэта в бездушном свете, традиционная для лермонтовского мировосприятия, воссоздается в стихотворении «*Все та же скука мира...*» А. Ладинского (цикл «*По небу полуночи*»). Степень одиночества лирического героя подчеркнута аллюзией на стихотворение «*Белеет парус одинокий*»: «*И только белый парус / На море голубом...*» [Ладинский 2008: 103]. Во втором стихотворении цикла «*Кто знает – житель рая*» (цикл «*По небу полуночи*») лирический герой благодарит М.Ю. Лермонтова за наполненные грустью строки: «*За несколько небесных / И непонятных строк, / Которых в буднях мира / Нельзя читать без слез*» [там же: 103]. Определение места поэта в обществе и обращение к его творчеству в поэзии А. Ладинского становится средством ха-

рактеристики равнодушного мира, разрушающего поэтическое дарование: *«Среди равнодушного мира, / Не перекричав глухоты, / Безмолвствует робкая лира, / И музыка дремлет, как ты. / Так Лермонтов в узком мундире / Жил в царстве указов и слез, / Так ангел летел и в эфире / К нам душу беспечную нес»* («Лира») [там же: 224].

Свой творческий путь А. Ладинский соотносит больше с поэтической стезей М.Ю. Лермонтова, нежели А.С. Пушкина: *«Кто мой Мартынов? Кто царица бала? / Ведь каждому из нас – такой конец»* («Стихи о Кавказе») [там же: 158]. Не случайно в поэтическом мире А. Ладинского, наряду с аллюзиями на стихотворения М.Ю. Лермонтова и поэму «Мцыри», появляются образы из «Героя нашего времени». Поэт воссоздает образ романтического героя Печорина. Так, А. Ладинский пишет цикл «Стихи о Кавказе». Кавказ М.Ю. Лермонтова неразрывно связан и с Кавказом А.С. Пушкина. Аллюзия на стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла» мы встречаем в «Стихах о Кавказе» («Шумит Арагва в каменном ущелье», «На холмах Грузии она возрастала, / Соперничала там с Лопухиной») [там же: 158]. Однако именно лермонтовским ощущением романтического одиночества поэта пронизаны кавказские строки А. Ладинского.

Размышляя о месте поэта в мире, А. Ладинский приближается к романтическому взгляду на мир и судьбу поэта. Он воссоздает образ поэта – пророка. Так, М.Ю. Лермонтов наделен бессмертием: *«А Лермонтов, в строю, в фуражке белой, / В армейском сюртуке без эполет, / Все смерти ищет, райского предела, / Но смерти для бессмертных в битве нет»* («Стихи о Кавказе») [там же: 158] или *«Кто знает – житель рая – / О чем в полночный час / Он думал, не смыкая / Над рукописью глаз»* («Кто знает – житель рая») [там же: 103]. Выделение особой роли поэта на земле А. Ладинским является одним из элементов, образующих антитезу земного и небесного.

Наряду с образами А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова в стихотворениях А. Ладинского встречается и образ **А. Блока**.

Творчество А. Блока для многих поэтов русской эмиграции было созвучно их мироощущению. Стихотворение «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека», по мнению В. Хазана, является текстом, «имеющим высокий индекс цитирования в произведениях эмигрантских авторов, с одной стороны, как высший образец поэтической экспрессии, с другой же – в привычной для себя роли эмблемы однообразной реальности, заведенный от века порядок которой не знает альтернатив». В пример В. Хазан приводит «Закат над Петербургом» Г. Иванова и стихи других авторов. «Всего, однако, интересней образ аптеки, в стихотворении Ант. Ладинского "Зима"», – отмечает В. Хазан [Хазан 2008: 129–130].

Образ самого А. Блока (в обоих стихотворениях) и ключевой образ его поэтического мира – Прекрасная Дама (в стихотворении «Зима») вписаны в рамки русского пространства: «русские домики», «орел над аптекой» [Ладинский 2008: 84]. Стихотворение «Зима», как отметил В. Хазан, через обращение к образам А. Блока и основным константам его поэзии передает трагичность земной жизни. Схожие мотивы можно отметить и в стихотворениях «Так солнце стояло над Римом» и «Не сабля, а шпага». В названных текстах (исключение – «Не сабля, а шпага») сюжетобразующим является мотив слез, вечного снега как безысходной цикличности, и мотивы разрушительного мороза и бессилия человека: «И стыли хрустальные слезы / На зимних прекрасных глазах. / Жил Блок среди нас. И, вздыхая, / Валился в сугроб человек» («Так солнце стояло над Римом») [Ладинский 2008: 84]; «Прекрасная Дама смотрела / Сквозь слезы на шедший с небес / На снег бертолетово-белый <...> Звенел на морозе столетий / И медленно падал в сугроб, / И топал, как в детском балете, / Медведь косолапый» [там же: 234]. Названные стихотворения созвучны поэме А. Блока «Двенадцать»: «Черный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер! / На ногах не стоит человек. / Ветер, ветер – На всем божьем свете!» [Блок 1980: 501].

Итак, попытка А. Ладинского запечатлеть память о России путем обращения к знаковым именам русской поэзии принимает характер трагического осознания потери духовной связи с Родиной: «Мы бредим во имя / Спасенья в аду / И сладкое имя / Мы шепчем в бреду» («Не сабля, а шпага») [Ладинский 2008: 94]. Родина для поэта уходит безвозвратно. В поэтическом мире А. Ладинского изгнание ведет к забвению. Кроме того, умирание поэзии в современном мире, подобно гибели античного мира.

Библиографический список

Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1939. 12 января. № 6499. С. 3.

Бальмонт К. Москва // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/text_0540-1.shtml (дата обращения: 31.01.2015).

Блок А. Избранное. Пермь: Кн. изд-во, 1980. 517.

Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под ред. Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева. Предисловие А. М. Рыбакова. М.: АИРО–XXI; Спб.: Алтейя, 2014. 408 с. + илл.

Ладинский А. Собрание стихотворений / Сост. предисл. и примеч. О.А. Коростелев. М.: Викмо-М: Русский путь, 2008. 368 с.

Лермонтов М.Ю. Стихотворения и поэмы. Пермь: Кн. изд-во, 1981. 374 с.

Хазан В. Из наблюдений над эмигрантской поэтикой // «Парижская нота»: материалы исследований. – Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 123–146.

M.Y. Rastorgueva
Student of Philological Faculty
Perm State University

THE IMAGE OF RUSSIA IN POETRY OF A. LADINSKY

This article is about researching the image of Russia in Antonin Ladinsky's poetry. The image of Russia is created with the motif of the cold, special organization of space, classical poets' cues and reminiscences. The key issue of the article is analysis the role of images of A. Pushkin, M. Lermontov and A. Block in making the image of Russia in poetry of A. Ladinsky.

Key words: A. Ladinsky; the poetry of the first part of the Russian emigration; the image of Russia.

Чернышова Татьяна Львовна

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
и методики их преподавания

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

tatjana.chernishova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ А.В. ГЕЛАСИМОВА

В статье исследуются категории художественного времени и пространства в прозе современного российского писателя А.В. Геласимова. Выявлены специфические черты пространственно-временной организации его произведений. Своеобразие темпоральной и пространственной моделей прозы Геласимова наиболее ярко проявляется в романе «Рахиль». На основе анализа текстов романа, повести и рассказов делается вывод о тесной связи пространственно-временной модели творческих работ писателя с его мировоззрением.

Ключевые слова: литература; современная проза; А.В. Геласимов; пространственно-временная организация текста; хронотоп; роман с клеймами; «Рахиль».

«Творчество – вещь грубая, в нем должна быть атака, угол взлета, а не состояние свободного парения» [Бондарева 2009: 1], – так говорит Андрей Геласимов – самый популярный российский писатель во Франции начала двухтысячных. В России же произведения Геласимова известны не столь широко, однако свою писательскую нишу Андрей Валерьевич, несомненно, занял. И это даже не комната, а целый этаж в высотном здании современной литературы России. Подтверждают это полученные им на литературных конкурсах награды, лестные отзывы читателей и пристальное внимание критиков. Андрея Валерьевича обвиняют в злоупотреблении «слезовыжимательными» (по меткому выражению Марии Ремизовой в статье-рецензии «Здравствуй, проза молодая...») эффектами, то есть приемами, рассчитанными на эмоциональную реакцию читателя. По словам некоторых критиков, популярность прозы Геласимова основана исключительно на потребности русских людей сопереживать, а пишется, как и любая беллетристика, ради коммерческой выгоды.

Однако рассчитанные на эмоциональную реакцию эффекты Геласимов использует, вопреки злым языкам, не для увеличения продаж своих книг. Читатель его книг неизбежно будет сочувствовать героям, ведь внимание автора привлекают люди, получившие от жизни довольно

серьезный удар. Геласимов всегда исследует ситуацию травмы, когда личность достаточно сильна, чтобы выдержать проверку судьбы, но не устойчива эмоционально, чтобы полностью оправиться от удара в дальнейшем. Каждый из героев, столкнувшись с жестокостью жизни, замыкается в своем мирке. Геласимов не пишет грустные истории ради коммерческого успеха, он рассказывает о конфликте ментального мира человека и реального мира, действительности, порой враждебной и всегда чуждой герою. И описывает он, противореча, кстати, своему высказыванию о сути творчества (в нем, напомним, должен быть угол взлета, а не состояние свободного парения) именно «парение» героев, выбранное ими как образ жизни, вне реальности, вне законов времени.

Художественный мир произведений Геласимова, таким образом, определяют особенности времени и пространства (герметичного пространства главных героев, например), иначе говоря, хронотопа, а он, в свою очередь, способствует выражению нравственных ориентиров автора, играет главную роль в изображении столь значимого для него конфликта ментального мира человека и действительности.

Произведения, где хронотоп определяет конфликт, всегда полны философскими размышлениями. Исключением не стал и роман «Рахиль», главный герой которого – профессор филологии Святослав Койфман – часто размышляет о течении времени и сути человеческого существования. При этом Святослав не исключение из ряда героев Геласимова, находящихся в изоляции, а, возможно, один из самых наглядных примеров уязвленного и подавленного человека, понимающего свою отстраненность от действительности.

Главный герой «Рахили» в своем развитии статичен, он «как бы вынут из жизни», его пространство ассоциаций «герметично закрытое» [Бондарева 2009: 1]. Сам автор о выборе персонажа пишет так: «Интеллигент как объект драматургического исследования нединамичен, так как чаще всего погружен в рефлекссию, анализ и самообвинение. С точки зрения драматургии действие должно двигаться вперед, а интеллигент существует будто по кругу, у него не векторное развитие, поэтому если вы хотите написать книгу, которая будет развиваться линейно, нужен неинтеллигентный персонаж» [Бондарева 2009: 1]. Тем не менее, Геласимов делает главным героем романа нединамичного интеллигента. Случаен ли такой выбор и чем он объясняется?

После прочтения романа создается впечатление, что мысли главного героя отображают размышления самого автора, чувствуется какое-то особое отношение писателя к герою. Поэтому можно с уверенностью сказать, что тип героя тщательно продуман Геласимовым, а не выбран случайно, и даже наделен схожими с реально

существующим человеком чертами. Об этом говорит сам автор в интервью: «На самом деле главный герой вообще должен был умереть. Я его спас на последней странице. Подумал: Боже мой, что же я пишу, ведь я же от первого лица говорю. Это же часть меня сейчас умрет! Я так испугался» (Цит. по:[Бондарева 2009:1]).

Итак, модель временного и пространственного устройства романа тесно связана с мировоззрением самого писателя. Любопытен и тот факт, что, как и в большинстве других своих произведений, для исторического времени романа Геласимовым выбраны девяностые годы – время, требующее от личности действий, энтузиазма и повышенного оптимизма. На фоне свержения границ, перелома сознания конфликт героев произведений, границы, напротив, возводящих и исключенных из реальности, с действительностью прорисовывается еще ярче. Святослав Семенович Койфман в «Рахили», например, не управляет своей жизнью и «как бы вынут» из нее. Для изображения «свободного парения» героя автор прибегает к использованию «клейм». Обычно – небольшие фрагменты из жизни святого, которые не изображены в основном поле иконы, а в данном случае – встроенные новеллы из жизни второстепенных и главных персонажей, клеймы определяют, по выражению Геласимова, структуру книги. Они открывают «саму сущность всей жизни Героя в Вечности, где время не имеет продолжительности». Такой клеймой становится и рассказ о шестидесятих годах – времени стиляжничества. События этой встроенной новеллы лишь косвенно относятся к жизни главного героя – профессора Койфмана, но и в них наблюдается противостояние, конфликт двух диаметрально противоположных миров – яркого и запретного, поэтому столь влекущего, – стиляж, и мира, находящегося под контролем партии, тусклого и унылого.

Описывая каждый из временных пластов, Геласимов уделяет большое внимание деталям. Он предельно конкретизирует «настоящее» время в романе: «Даже лежавший на боку троллейбус не выглядел таким обугленным <...>. Путчи надо проводить зимой. Останки сгоревшего транспорта под снегом совсем не уродуют пейзаж. <...> А осенью раздражали» [Геласимов 2010: 90]. С уверенностью можно сказать, что речь идет об августовском путче 1991 г., далее в тексте это подтверждается новогодним телевизионным обращением президента Ельцина и всеобщим ожиданием перемен. Благодаря конкретным деталям можно определить настоящее время в романе – временной промежуток, в котором непосредственно происходит действие, – зима 1991–1992 гг., точнее ноябрь-декабрь 1991 г. – январь 1992 г.

Описание еще одного исторического пласта времени в романе также богато на бытовые и культурные детали. Вот что рассказывает, например, герой встроеной новеллы о своей студенческой жизни: «Серенаду Солнечной долины» я знал наизусть. В одной только этой квартире на Ленинградке я видел ее уже восемь раз. Сюда добавляй три раза на улице Горького и два – на Таганке. Там жили какие-то Венькины приятели, у которых можно было не только посмотреть «Серенаду», но и купить дорогуший галстук с обезьяной. Венька говорил, что все галстуки прямо из Штатов» [там же: 115]. В этих предложениях указаны характерные черты стилизации – подражание американской культуре, яркая одежда и стремление ко всему запрещенному в СССР.

Итак, Геласимов в «Рахили» описывает разные временные пласты, конкретизируя их хронологические рамки благодаря пространственным деталям, указывающим на время и «вечный» мир статичного героя, существующего как бы вне исторических реалий. Категории времени и пространства играют ключевую роль в формировании мировоззрения героев, отображающих нравственные ориентиры самого автора романа.

Детальный анализ романа «Рахиль» и других произведений (повести «Жажда», рассказов «Нежный возраст», «Ты можешь», «Жанна», «Чужая бабушка») позволил определить отличительные черты пространственно-временной модели прозы Геласимова. К ним относятся: 1) выбор девяностых – начала двухтысячных годов историческим временем в произведениях и узнаваемость времени благодаря пространственным деталям, указывающих на конкретный временной промежуток, в который происходит действие; 2) максимальная достоверность и реалистичность повествования; 3) вынужденная или выбранная сознательно изолированность от реального мира главных героев, конфликт ментального мира центрального персонажа с окружающей их действительностью; мотивы одиночества и избранничества, обусловленные конфликтом; 4) цикличность ситуаций в жизни главных героев, определенная хронотопом провинциального города (в рассказах «Чужая бабушка», «Жанна»), темой произведения (череда предательств в рассказе «Ты можешь»), повторением событий в зеркальном отображении (две семьи отца Константина в повести «Жажда»); 5) присутствие в произведении желаемого, но недостижимого пространства, имеющего черты реального и ирреального мира (пространство Америки в романе «Рахиль» и рассказе «Ты можешь», берега Черного моря в повести «Жажда», Москва в рассказах «Чужая бабушка» и «Жанна», Франция в рассказе «Жанна», Швейцария в рассказе «Нежный возраст»); 6) обратимость и нелинейность времени. Воспоминания включены в повествования для

раскрытия мировоззрения главных героев, определения их нравственных ценностей, а так же максимального воплощения идеи произведения о важности семьи, любви и дружбы; 7) сквозной мотив дружбы, верности и связанная с ним тема предательства, присутствующая во всех анализируемых произведениях; 8) значимость финального события произведения, развязка истории, определяющая дальнейшую судьбу главных героев и непременно меняющая их жизнь.

Можно сделать вывод, что яркий и неповторимый стиль Андрея Геласимова, изящно ироничный и легкий, складывается во многом благодаря особенностям пространственно-временной организации, определяющей архитектуру произведений.

И напоследок хочется добавить. Читайте прозу Геласимова. Это, несмотря на высказывание писателя о сути творчества, не грубые зарисовки событий, атакующие сознание читателя, а произведения тонко чувствующего человека, написанные филигранным языком, заставляющие задуматься о вечном философском конфликте между внутренним миром человека и действительностью.

Библиографический список

- Геласимов А.В. Рахиль: Роман с клеймами. М.: Эксмо, 2010. 320 с.
Ремизова М. Здравствуй, проза молодая... // Знамя. 2003, №12.
Бондарева А. Творчество – вещь грубая // Читаем вместе. Навигатор в мире книг. 2009. № 5.
Барметова И. Романтический эгоист: Беседа с Андреем Геласимовым. URL: <http://www.litkarta.ru:8080/dossier/romanticheskyy-egoist/> (дата обращения: 13.05.13).

T.L. Chernyshova

Postgraduate Student of Russian and Foreign
Literature and Teaching methods Department
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

SPECIAL ASPECTS OF ARTISTIC TIME AND SPACE IN PROSE OF A. GELASIMOV

In this very article categories of artistic time and space in modern Russian writer Gelasimov's works are researched. Here are also displayed specific features of space-time organization in his literary works. Peculiarity of temporal and spatial structures in Gelasimov's novel "Rakhil" is very clear. That is why in this article a philological analysis of this literary work is given. According to writer's novel, tale and some short novels the author comes to conclusion that there is a very close relation between the space-time model of literary works and ideology of Andrey Gelasimov.

Key words: literature; modern prose; space-time text organization; chronotope; novel with constructions inside; kleima, A. Gelasimov; "Rakhil".

Чичкина Мария Валерьевна
магистрант кафедры зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
tchitchkok@yandex.ru

ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В НОВЕЛЛЕ Г. ФЛОБЕРА «ЛЕГЕНДА О СВЯТОМ ЮЛИАНЕ СТРАННОПРИИМЦЕ»

В статье показываються взаимосвязи между новеллой Г. Флобера «Легенда о святом Юлиане Странноприимце» (из цикла «Три повести») и ее визуальным источником – витражом Руанского собора, на котором изображены события из истории о святом Юлиане. Исследование выявляет присутствие схожих и различных черт в интерпретации героя и темы в тексте французского писателя и на витраже. По сравнению с источником Г. Флобер вносит значительные изменения в образ Юлиана, в сюжет, но при этом местами обнаруживается экфрасические совпадения между новеллой и изображениями на витраже.

Ключевые слова: Флобер; легенда о Святом Юлиане; витраж Руанского собора; экфрасис; мотив святости.

В эпистолярном наследии Г. Флобера от 1875 г. друзьям и знакомым писателя можно встретить упоминания о новелле, над которой он в этот период работал, о «Легенде о святом Юлиане Странноприимце» (1876). В своих письмах Флобер ссылается на источники разрабатываемого сюжета. Так, в письмах к племяннице Каролине от конца сентября 1875 г. он упоминает об «Опыте о живописи на стекле» Ланглуа и «Золотой легенде» Иакова Ворагинского [Флобер 1984: 160]. Флобер также рассказывает о новом замысле своему другу И.С. Тургеневу. «Чтобы заняться чем-то, хочу попытаться написать небольшую повесть – легенду, которая изображена на витражах Руанского собора» [там же: 161].

Следовательно, важным источником при воплощении легендарного образа для писателя стал витраж Руанского собора, изображающий отдельные события истории о святом Юлиане. Напрямую об этом Флобер также напишет и в последних строках новеллы. «Вот и легенда о святом Юлиане Странноприимце, – почти так же она изображена на расписной оконнице в одной из церквей моей родины», – так завершается вторая новелла из цикла «Три повести» [Флобер 1956: 92]. Подобная отсылка вызывает особый научный интерес. Так, проводя сопоставительный анализ, можно обнаружить, что писатель сохраняет какие-то

элементы сюжета, отраженного на витраже, в то время как от других отказывается либо их трансформирует.

Автор предисловия к изданию Г. Флобера «Легенды о Святом Юлиане Странноприимце» 1895 г. М. Швоб отмечал следующее: «Это витраж Руанского собора, изображение которого опубликовал в своей коллекции г-н Ланглуа. Когда Флобер отдавал Легенду о Святом Юлиане своему издателю, он написал ему с просьбой привести это религиозное изображение в конце своей книги. Но ему не был важен сам витраж Руанского собора, ему важно было показать читателю ту огромную разницу, которую можно было найти между столь изящно написанной повестью и наивной провинциальной картинкой. Издатель не смог удовлетворить желание Флобера. И в наши дни довольно сложно представить, как сильно потребовалось поработать над стилем, чтоб облечь этих простых людей в пурпур, украсить стены замка гобеленами, изображающими кровавые битвы и сцены охоты, а из прокаженного с иссиня-бледными губами сделать святого с глазами, отражающими свет звезд, и ноздрями, чье дыхание сладостнее благоухания роз (перевод наш – М.Ч.) [Schwob 1896: 9].

Таким образом, исследователь высказывает мнение, что новелла Флобера получилась «почти» или «мало» похожей на свой визуальный источник. С помощью изображений витража Руанского собора, представленных в сети Интернет и подписей к ним [La légende de Saint Julien l'Hospitalier: эл. ресурс; Vitrail de Saint Julien l'Hospitalier: эл. ресурс], можно обнаружить, что репродукция в Руанском соборе разбита на множество фрагментов, изображающих жизнь Святого Юлиана. Часть фрагментов совпадает с сюжетом новеллы Флобера, а часть... Так, схожим является начало легенды:

Четвертый, пятый и шестой фрагменты витража имеют подпись «Три сцены, изображающие детство Юлиана, которому было предсказано, что он убьет своих отца и мать (здесь и далее перевод наш – М.Ч.)».

Также совпадают сцены, когда в замок Юлиана приходят его родители и знакомятся с его женой.

Фрагмент витража 14: «Родители, искавшие его, приходят к нему в жилище».

Сопоставление данного фрагмента с текстом Г. Флобера позволяет говорить о присутствии в тексте буквального экфрастического описания. «Затем в комнату вошли старик и старуха, сгорбленные, запыленные, в холщовой одежде, опираясь на палки», – пишет автор [Флобер 1956: 83]. На соответствующем фрагменте витража просматривается описанное Флобером. Изображение родителей Юлиана занимает весь фрагмент.

Впереди находится его отец, позади – мать. Сгорбленные старик и старуха опираются на палки, как в новелле Флобера.

Далее писатель вновь следует за живописным аналогом.

Фрагмент 15: «Жена Юлиана встречает их <родителей Юлиана> и предлагает им свое ложе». Центральной фигурой этого фрагмента становится жена Юлиана, которая приглашает родителей мужа в замок. У Флобера встречаем полное воспроизведение этого события. «Жена Юлиана предложила им не дожидаться его. Она сама уложила их в свою постель, закрыла окно, и они заснули», – пишет Флобер [там же: 84].

Следующие три фрагмента изображают возвращение Юлиана, убийство родителей и появление его жены, сообщающей ему правду. Содержание этих событий в целом совпадает с новеллой Флобера, но в литературном тексте прослеживаются некоторые изменения. Так, если на витраже Юлиан возвращается на коне с копьем, то в новелле он идет пешком. Писатель упоминает, что у героя есть копье: чуть дальше по тексту герой направляет данное оружие на кабана.

Совпадает также сцена убийства. На фрагменте витража изображены родители Юлиана в кровати и он сам над ними с оружием в руках. В тексте Флобера данное событие воспроизводится иначе. Если на витраже в руках у Юлиана просматривается в качестве оружия меч, то литературный герой убивает родителей с помощью кинжала. «Разразившись безмерным гневом, он обрушился на них с кинжалом», – пишет Флобер [там же: 86]. Сохраняет писатель и сцену появления жены Юлиана, но вновь с некоторыми изменениями. На соответствующем фрагменте витража изображено, как герой выходит из комнаты, встречает жену и узнает правду (как становится понятно из подписи). В тексте Флобера данный эпизод оказывается значительно более драматичным: испуганная жена, придя на звуки бойни, в страхе роняет светильник и убегает. И Юлиан, подняв светильник, понимает, что убил своих отца и мать. В рамках следующего повествования писатель сохраняет только общую канву повествования, и в тексте обнаруживаются значительные расхождения с изображениями на витраже. Наиболее прямое совпадение можно увидеть на фрагменте №21: Юлиан становится паромщиком. На нем изображен Юлиан в лодке с веслом и с двумя пассажирами, плывущий по реке. В новелле Флобера Юлиан строит лодку и перевозит людей с берега на берег.

Стоит отметить, что сравнительный анализ обнаруживает значительное количество различий между изображениями на витраже и текстом французского автора. Причем речь идет о серьезных сюжетных расхождениях. Так, по сюжету флоберовской новеллы, покинув родительский замок, Юлиан отправляется искать приключения, собирает

войско и участвует в многочисленных сражениях. Из всех битв он выходит победителем «божьей милостью». Последним его сражением становится битва за освобождение окситанского короля. «Император за такую услугу предложил ему много корзин с деньгами», – пишет Флобер [там же: 81]. На витражах нет сцен, изображающих сражения, но указано, что Юлиан служил Сеньору:

Фрагмент 7: Чтобы избежать своей судьбы, Юлиан покидает свою семью и поступает на службу к Сеньору.

Дальше следуют фрагменты, изображающие Юлиана, ухаживающего за сеньором во время болезни и присутствующего при его смерти. Из подписи к фрагменту 11 становится понятно, что Юлиан женится на вдове сеньора, тогда как в тексте Флобера король отдает Юлиану в жены свою дочь в благодарность за оказанную помощь.

Расхождения наблюдаются и в развитии событий после эпизода с убийством родителей. У Флобера Юлиан покидает дом и уходит скитаться в одиночестве. На витраже показывается, что к Юлиану присоединяется супруга, о чем свидетельствует пояснение к девятнадцатому фрагменту: в покаянии он покидает свой дом, сопровождаемый супругой.

Однако наиболее значимое отличие между двумя разномедиальными воплощениями одного сюжета связано с фигурой дьявола. В тексте Флобера она отсутствует. Так, в финале новеллы к Юлиану является прокаженный, который затем чудесным образом превращается в Иисуса Христа.

Что касается витража Руанского собора, то на нем изображены сцены противоборства Иисуса и дьявола.

Это фрагменты 22-30, имеющие следующие подписи: «Ночью Юлиана с другого берега реки позвал сначала Иисус, затем демон, который искушает супругов, давших обет целомудрия. Они противостоят дьяволу и умирают как святые, как два ангела».

Представляется, что за данным расхождением стоит различное понимание эволюции героя. По Флоберу, искупление вины Юлианом заключается в покаянии и в самозабвении во имя других. Возможно, поэтому писатель отказывается от эпизода, где супруги подвергаются искушению.

Сюжетные различия ведут также к расхождению в понимании смысла легенды. Ключевая тема новеллы Флобера – тема святости и искупления вины. На витраже Руанского собора святость интерпретируется следующим образом: Юлиан искупает свою вину, не только посвящая себя самоотверженному служению людям, но и тем, что он вместе с женой противостоит дьявольскому искушению нарушить обет целомудрия.

Таким образом, Флобер, с одной стороны, ссылается на витраж, но в то же время «дьявольский» мотив и мотив целомудрия не разрабатывает. Подобный подход связан с логикой развития образа Юлиана у писателя. Автор не ограничивается только фаталистической интерпретацией поступков героя. Юлиан в новелле Флобера наделен личностными чертами, и оттого изображение персонажа отличается психологизмом. «У фольклорного Юлиана нет никакого индивидуального характера. Это человек, полностью подвластный судьбе, и как следствие, абсолютно не виновный. Им не владеет неодолимое желание держаться подальше от тех, чьи души грешны» (перевод наш – М.Ч.), – отмечал М. Швоб. Исследователь обращает внимание на эмоциональную достоверность в подходе Флобера, у которого Юлиан, став преступником, выбирает путь одиночества. Необычно описана у французского писателя и одна из важных черт Юлиана, которая во многом и стала причиной его преступления, – кровожадность героя. Так, Флобер уделяет много внимания сценам охоты, описаниям бойни, показывает эмоциональное состояние героя перед тем, как он совершил убийство родителей, и т.д. Таким образом, писатель выходит за пределы житийной истории, представленной на витраже Руанского собора. Его трактовка сюжета и образа оказываются значительно шире и многограннее визуального источника. Оригинальность замысла Г. Флобера связана с включением новеллы о святом Юлиане в цикл «Три повести», в котором отразились разные трактовки представлений о святости. Именно с этим связана интерпретация сюжета и образа главного героя в «Легенде о святом Юлиане Странноприимце».

Библиографический список

Полухина Ю. В. Три повести Флобера: хронологическая структура, фигуры пространства и использование в произведениях образа «слова» // Вестник ПСТГУ III Филология. 2006. Вып. 2. С. 124–134.

Реизов Б. Г. Творчество Флобера. М.: Гос. изд. худ. лит., 1955. 522 с.

Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: Письма; Статьи. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. 503 с.

Флобер Г. Собрание сочинений в 5 т. Т.4 / Г. Флобер. М.: Правда, 1956. 406 с.

La légende de Saint Julien l'Hospitalier. URL: http://www.rouen-histoire.com/Vitraux/Saint_Julien/Images/St_Julien01.htm (дата обращения: 28.03.2015).

Schwob M. «Saint Julien l'hospitalier», préface à La Légende de saint Julien l'Hospitalier de Gustave Flaubert, Paris, Ferroud, 1895; repris dans Spicilège, Mercure de France, 1896. URL: http://flaubert.univ-rouen.fr/etudes/saint_julien.pdf (дата обращения: 29.03.2015).

Vitrail de Saint Julien l'Hospitalier. URL: http://www.cathedrale-rouen.net/patrimoine/expositions/vitraux/st_julien/saint_julien.htm (дата обращения: 28.03.2015).

M.V. Chichkina

Postgraduate Student of Foreign Literature Department
Ural Federal University
after the first President of Russia B. N. Yeltsin

**VISUAL SOURCE OF THE NOVELISTIC CONCEPTION AND ITS TRANS-
FORMATION IN G. FLAUBERT'S NOVEL
"THE LEGEND OF SAINT-JULIAN THE HOSPITALLER"**

The article shows interconnections between the novel by G. Flaubert "The Legend of Saint-Julian the Hospitaller" (from the cycle "Three Novels") and its visual source – the stained-glass window of the Rouen cathedral, where the story of St. Julian is depicted. The research reveals similar and different features in interpretation of the hero and topic in the text of the French author and the pictures of the window. In comparison with the source, G. Flaubert brings considerable changes in Julian's image and the plot, but several ekphrastic coincidences in the novel and the stained-glass window can be seen.

Key words: Flaubert; the Legend of Saint-Julian the Hospitaller; the stained-glass window of the Rouen cathedral; ekphrasis; motive of holiness.